С. Булгаковъ.

КАПИТАЛИЗМЪ И ЗЕМЛЕДѢЛІЕ.

Томъ I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія и Литографія В. А. Тиханова, Садовая, № 27.
1900.

Пров 45 Пров 35

[illegible]

23539

Отъ автора.

Настоящая работа представляетъ опытъ теоріи аграрнаго развитія въ связи съ общимъ развитіемъ капиталистическаго хозяйства. Она основывается исключительно на иностранныхъ матеріалахъ. Это объясняется какъ внѣшними условіями ея составленія (матеріалъ для нея собирался исключительно заграницей), такъ и первоначальнымъ планомъ, по которому авторъ намѣренъ сдѣлать развитіе сельскаго хозяйства въ Россіи предметомъ спеціальнаго изученія, предпославъ ему настоящее теоретическое введеніе. Какъ легко пойметъ компетентный читатель, при составленіи этой работы авторъ находился въ рабской зависимости отъ матеріала; въ соотвѣтствіи наличности или отсутствію достаточнаго и удовлетворительнаго матеріала приходилось исключать или включать въ изученіе исторію отдѣльныхъ странъ; различное качество матеріала не могло не отразиться неравномѣрностью обработки отдѣльныхъ частей книги, хотя авторъ стремился исчерпать наличный матеріалъ съ возможной полнотою. Авторъ принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы сдѣлать изложеніе возможно общедоступнымъ [1]). Въ этихъ видахъ всѣ иностранныя цитаты переведены на русскій языкъ

[1]) Исключеніе составляетъ, быть можетъ, глава о рентѣ, гдѣ общедоступность изложенія затрудняется самымъ существомъ вопроса.

(хотя, въ случаѣ нужды, онѣ могутъ быть всегда возстановлены въ подлинномъ видѣ по имѣющимся у автора выпискамъ). Въ этихъ же видахъ авторъ стремился соблюдать величайшую экономію при сообщеніи статистическихъ и историческихъ данныхъ, относить все второстепенное въ примѣчанія, дѣлать по возможности чаще общіе обзоры, хотя бы изъ-за этого приходилось прибѣгать къ повтореніямъ. Но авторъ оказался безсиленъ устранить главное препятствіе къ знакомству съ его книгой,—ея размѣры, ибо и безъ того ограничился лишь самымъ необходимымъ для надлежащаго выясненія вопроса.

МОСКВА.
23 октября 1900 г.

ВВЕДЕНІЕ.

Общія условія земледѣльческаго производства.

ГЛАВА I.

Основные факторы земледѣльческаго производства.

1) Земля. Законъ убывающаго плодородія почвы.

По извѣстному выраженію В. Петти, трудъ есть отецъ производства, а земля его мать. Изъ земли извлекаются тѣмъ или инымъ способомъ сырые матеріалы, которые затѣмъ приводятся человѣческимъ трудомъ въ форму, соотвѣтствующую человѣческимъ потребностямъ. Въ этомъ смыслѣ трудъ перерабатываетъ то, что даетъ земля. Отсюда понятно, почему земледѣльческому производству или добывающей промышленности вообще отводилось такое исключительное мѣсто въ экономической наукѣ; яркимъ тому примѣромъ служитъ доктрина физіократовъ, этихъ истинныхъ основателей политической экономіи въ современномъ смыслѣ слова, о производительности только земледѣльческаго труда. Если это мнѣніе въ настоящее время, въ эпоху колоссальнаго развитія индустріи, уже не можетъ встрѣтить себѣ поддержки, тѣмъ не менѣе справедливо, что между земледѣліемъ [1]) и обрабатывающей промышленностью существуетъ огромное различіе. Цѣлью и результатомъ производительнаго процесса въ обрабатывающей про-

[1]) Здѣсь и во всемъ дальнѣйшемъ изложеніи я понимаю подъ земледѣліемъ не только производство хлѣба, но всю область сельскаго хозяйства, т. е. и скотоводство, и молочное хозяйство и т. д.

мышленности является измѣненіе формы сырого матеріала, между тѣмъ какъ производительный процессъ въ земледѣліи сводится къ добыванію этого сырого матеріала. Матеріалъ этотъ дается или создается природой; человѣку принадлежитъ здѣсь несамостоятельная роль, — онъ старается лишь создать такія условія, при которыхъ природа дала бы возможно большее количество нужнаго ему сырья.

Многое изъ необходимаго человѣку для его существованія природа даетъ даромъ и въ такомъ изобиліи, что человѣку не нужно затрачивать труда для содѣйствія природѣ; таковъ, напр., воздухъ, вода, солнечный свѣтъ и т. д. Есть другіе дары, относительно которыхъ щедрость природы скоро оскудѣваетъ и которые она даетъ въ такомъ ограниченномъ количествѣ, что человѣкъ долженъ затрачивать много труда для помощи природѣ въ ея производствѣ этихъ продуктовъ; такимъ образомъ многіе, первоначально свободные, дары природы впослѣдствіи становятся стоющими наиболѣе дорого для человѣка продуктами труда. Такъ это было и съ производствомъ пищевыхъ веществъ, которыя, на раннихъ ступеняхъ исторіи, были почти свободными дарами природы, но съ развитіемъ исторіи стали добываться затратой труда.

Производство земледѣльческихъ продуктовъ есть результатъ совокупной дѣятельности силъ природы и человѣческихъ усилій [1]), Результатъ этотъ можетъ быть достигнутъ весьма неравной комбинаціей обоихъ „факторовъ“ (какъ говорятъ въ политической экономіи) производства: одинъ и тотъ же производительный эффектъ, производство, скажемъ, четверти хлѣба, можетъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, стоить въ одномъ случаѣ, напр., одного дня труда, а въ другомъ трехъ (пока мы игнорируемъ естественное различіе плодородія различныхъ земельныхъ участковъ).

Та или иная степень участія силъ природы въ производствѣ не можетъ быть измѣрена или опредѣлена хотя сколько нибудь точно даже теоретически. Практически природа познается человѣкомъ не какъ помощникъ и союзница; ею какъ бы создается извѣстная сумма препятствій, которыя человѣкъ долженъ пре-

[1]) Таковымъ является, конечно, всякій производительный процессъ, но разница въ томъ, что въ индустріи человѣкъ владѣетъ силами природы, приспособляя ихъ по своему усмотрѣнію, а здѣсь онъ самъ приспособляется къ естественному процессу.

одолѣть для достиженія извѣстнаго производительнаго результата, и для этого преодолѣнія ему приходится затрачивать то большее, то меньшее количество труда. Здѣсь не имѣетъ значенія, въ какой формѣ затрачивается трудъ,—въ непосредственной ли формѣ механической работы, или посредственной, въ формѣ продуктовъ предшествующаго труда, какъ орудія и матеріалы производства. Важно лишь то, что тотъ продуктъ, который ничего не *стоилъ* человѣку или можетъ ничего не *стоить*, начинаетъ *стоить* ему, переходитъ въ книгѣ общественной экономіи изъ актива въ пассивъ.

Очевидно, то, что можетъ стоить человѣку производство земледѣльческихъ продуктовъ, есть величина очень растяжимая,—она можетъ измѣняться въ томъ или другомъ направленіи. Стоимость земледѣльческаго продукта, трудность его воспроизводства можетъ увеличиваться или уменьшаться въ исторіи. И прежде чѣмъ переходить къ анализу условій земледѣльческаго производства и его исторіи, слѣдуетъ поставить вопросъ: нельзя ли выразить какой-либо простой и общей формулой измѣняющееся соотношеніе силъ природы и человѣческаго труда (понимая его, какъ указано, въ самомъ широкомъ смыслѣ слова) въ производствѣ земледѣльческихъ продуктовъ? И если да, какова эта формула?

Вопросъ этотъ ставился политической экономіей, можно сказать, съ самаго возникновенія ея какъ науки. Англійская классическая экономія отвѣтила на него своимъ знаменитымъ ученіемъ о law of diminishing returns, о законѣ убывающаго плодородія почвы. Извѣстно, что этотъ законъ составлялъ одну изъ предпосылокъ классической экономіи, что онъ лежитъ въ основѣ теоріи ренты, связываемой обыкновенно съ именемъ Рикардо, и образуетъ, поэтому, основу важнѣйшихъ теоремъ классической школы.

Прежде чѣмъ обратиться къ разбору ученія о law of diminishing returns, дадимъ краткій очеркъ литературной исторіи вопроса. Какъ указалъ Каннанъ [1]), первую и притомъ чрезвы-

[1]) *Edwin Cannan.* The origin of the law of diminishing returns, 1813—15 (Economic Journal 1892). *Его же.* A. History of the Theories of Production and Distribution in English Political Economy from 1776 to 1848. London. 1893. Chapter V.

чайно замѣчательную формулировку закона убывающаго плодородія почвы мы встрѣчаемъ у *Тюрго*, въ одномъ изъ малоизвѣстныхъ его мемуаровъ подъ заглавіемъ: Observations sur le mémoir de M. de Saint-Peravy en faveur de l'impôt indirect, couronné par la société royale d'agriculture de Limoges [1]). Здѣсь мы читаемъ:

„Соглашаясь съ авторомъ мемуара, что при средней хорошей культурѣ ежегодныя издержки производства (avances annuelles) составляютъ 250 на 100, я считаю болѣе чѣмъ вѣроятнымъ, что при постепенномъ увеличеніи издержекъ до того момента, когда онѣ совсѣмъ не будутъ уже сопровождаться увеличеніемъ производства, каждая прибавка сопровождалась бы все меньшими и меньшими результатами. Плодородіе почвы подобно здѣсь пружинѣ, которую стараются согнуть, послѣдовательно прикрѣпляя къ ней равныя гири. Если гири не тяжелы и пружина не особенно гибка, то дѣйствіе первыхъ гирь почти равно нулю. Когда гири будутъ составлять достаточную тяжесть, чтобы преодолѣть первое сопротивленіе, пружина уступитъ тяжести и погнется; но согнувшись до извѣстнаго пункта, она снова станетъ усиленно сопротивляться силѣ, которая на нее давитъ, и такая тяжесть, которая прежде заставляла ее согнуться на дюймъ, теперь заставитъ согнуться только на полъ-линіи. Такимъ образомъ, дѣйствіе гирь будетъ все болѣе ослабѣвать. Это сравненіе не вполнѣ точно, но оно достаточно для поясненія того, какимъ образомъ, если земля достигаетъ крайняго предѣла своей производительности, весьма значительныя издержки могутъ увеличивать производство лишь въ очень небольшой степени.

Если, наоборотъ, вмѣсто того, чтобы равномѣрно увеличивать издержки производства до того момента, когда они дадутъ наибольшій результатъ, ихъ станутъ уменьшать, то замѣтятъ то же самое несоотвѣтствіе въ степени измѣненія издержекъ и урожая. Не только предположительно, но вполнѣ увѣренно можно сказать, что наименьшія затраты дадутъ гораздо большую прибыль, нежели крупныя, въ гораздо большей пропорціи, чѣмъ различіе издержекъ.

Сѣмена, брошенныя на землю, по естественнымъ своимъ свойствамъ плодородную, но совершенно не обработанную, были бы почти потерянной затратой. Если присоединить сюда одну еди-

[1]) Oeuvres de Turgot. Ed. Daire. Paris. 1844. Tome I, pp. 420—1.

ницу труда (un seul labeur), продуктъ возрастетъ; вторая и третья единицы не только удвоятъ, утроятъ продуктъ, но увеличатъ его въ 4 и болѣе разъ; продуктъ будетъ увеличиваться въ большей степени, нежели возрастаютъ издержки, и такъ дѣло продолжается до наступленія того момента, когда продуктъ достигнетъ наибольшихъ размѣровъ, какіе только возможны, сравнительно съ величиною издержекъ.

За этимъ предѣломъ продуктъ будетъ увеличиваться вмѣстѣ съ увеличеніемъ издержекъ, но все въ меньшей степени, до тѣхъ поръ пока, при истощеніи плодородія земли и безсилія техники изобрѣсти новые способы ея обработки, новыя затраты не прибавили бы уже ничего къ продукту".

Нѣтъ основаній предполагать, чтобы воззрѣніе Тюрго оказало прямое или косвенное вліяніе на формулировку закона убывающаго плодородія почвы у представителей классической школы; вѣрнѣе, оно осталось имъ совершенно неизвѣстнымъ. По справедливому замѣчанію Каннана, у нихъ оно явилось подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ тѣхъ трудностей добыванія пищи и того непомѣрнаго роста цѣнъ на хлѣбъ, которые имѣли мѣсто въ Англіи въ эпоху Наполеоновскихъ войнъ да и вообще во всю первую четверть XIX вѣка; впечатлѣніе это было усилено неурожаями и кризисами англійскаго земледѣлія въ первой половинѣ вѣка [1]). Подтвержденіемъ этого воззрѣнія является тотъ любопытный фактъ, что ему остается совершенно чуждъ *Андерсонъ*, истинный творецъ теоріи ренты, развитой потомъ Вестомъ, Мальтусомъ и Рикардо. Сходство возрѣній на поземельную ренту не побудило его придать имъ сходное теоретическое обоснованіе: Андерсонъ, время котораго было эпохой сельско-хозяйственнаго подъема, является скорѣе сторонникомъ закона *увеличивающагося*, а не уменьшающаго плодородія почвы [2]), и вообще на всѣхъ его воззрѣніяхъ лежитъ черта извѣстнаго агрономическаго оптимизма [3]), которая совершенно исчезаетъ въ экономической лите-

[1]) Исторія этихъ кризисовъ будетъ разсказана въ III главѣ этого сочиненія.

[2]) Особенности воззрѣній Андерсона сравнительно съ Рикардо превосходно выяснены проф. Брентано въ предисловіи къ нѣмецкому изданію сочиненій Андерсона (въ Sammlung älterer und neuerer staatswissenschaftlicher Schriften des In—und Auslandes. Hrsg. von Brentano und Leser).

[3]) Андерсонъ не только не раздѣляетъ закона убывающаго плодородія почвы, „но онъ былъ одинъ изъ тѣхъ восторженныхъ агрономовъ, которые

ратурѣ первой четверти XIX вѣка и смѣняется противоположностью—агрономическимъ пессимизмомъ. Ни Смитъ [1]), ни Мальтусъ не являются достаточно рѣзко выраженными сторонниками этого закона. Онъ нашелъ впервые въ Англіи классическую по простотѣ и ясности формулировку у sir Edward West въ его трактатѣ о рентѣ [2]).

имѣли радостную вѣру, что увеличеніе труда, затрачиваемаго на обработку земли, всегда будетъ вознаграждаться пропорціональнымъ, если не болѣе чѣмъ пропорціональнымъ, увеличеніемъ дохода". (*Cannan*—The origin of the law of diminishing returns, 53).

[1]) Отъ проницательнаго взора Смита не ускользнуло различіе въ развитіи производительности земледѣльческаго и мануфактурнаго труда, но онъ объяснилъ эту разницу отсутствіемъ раздѣленія труда въ земледѣліи (см. объ этомъ ниже). Наблюденія его тѣмъ не менѣе чрезвычайно интересны: „наиболѣе богатыя націи обыкновенно превосходятъ своихъ сосѣдей какъ въ земледѣліи, такъ и въ обрабатывающей промышленности. Но обыкновенно онѣ выдѣляются своимъ превосходствомъ болѣе въ послѣднемъ нежели въ первомъ. Такъ какъ ихъ земли въ общемъ воздѣлываются лучше и на нихъ затрачивается больше труда и капитала, то они производятъ больше, чѣмъ земли бѣдныхъ странъ сравнительно съ ихъ количествомъ и естественнымъ плодородіемъ почвы. Но по количеству продукта они превосходятъ ихъ рѣдко болѣе чѣмъ въ соотвѣтствіи съ обширнѣйшимъ размѣромъ затраты у нихъ труда и капиталовъ. Въ земледѣліи трудъ богатой страны не всегда отличается болѣе значительной производительностью нежели бѣдной или, по крайней мѣрѣ, онъ никогда не превосходитъ его своей производительностью въ такой мѣрѣ, какъ это имѣетъ мѣсто относительно мануфактурнаго труда. Хлѣбъ богатой страны не всегда, при равномъ качествѣ, продается на рынкѣ дешевле чѣмъ хлѣбъ бѣдной страны. Хлѣбъ равнаго качества также дешевъ въ Польшѣ какъ и во Франціи, не смотря на превосходство послѣдней страны относительно богатства и орудій производства. Въ земледѣльческихъ провинціяхъ Франціи хлѣбъ отличается совершенно такимъ же качествомъ и иногда продается за ту же цѣну, какъ и хлѣбъ производимый въ Англіи, хотя относительно богатства и развитія техники (improvement) Франція, вѣроятно, стоитъ ниже Англіи. И однако, хлѣбныя поля Англіи воздѣлываются лучше чѣмъ Франціи, а французскія, говорятъ, воздѣлываются лучше чѣмъ польскія. Но, хотя бѣдная страна, не взирая на несовершенство обработки полей, можетъ иногда конкуррировать по дешевизнѣ и качеству хлѣба съ страною богатой, она не можетъ претендовать на такую конкурренцію въ мануфактурахъ". (The wealth of nations, изд. Макъ Куллоха, 1863, стр. 3). Теоретическая позиція Смита чрезвычайно интересна какъ переходъ отъ Андерсона къ Весту и Рикардо, отъ агрономическаго оптимизма къ пессимизму, но по срединѣ между обоими

[2]) Полное заглавіе этого сочиненія слѣдующее: Essay on the application of capital to land with observations shewing the impolicy of any great

„При развитіи сельско-хозяйственной культуры, увеличеніе сырого продукта обходится все дороже, другими словами, отношеніе чистаго продукта земли къ валовому продукту постоянно уменьшается. Подъ валовымъ продуктомъ я разумѣю весь продуктъ, безъ всякаго отношенія къ издержкамъ производства, подъ чистымъ же продуктомъ то, что остается послѣ возмѣщенія издержекъ производства“ (Стр. 2). Въ другомъ мѣстѣ читаемъ: „равныя количества труда, послѣдовательно затрачиваемыя въ земледѣліи, вознаграждаются все уменьшающимся доходомъ; слѣдовательно, если каждое изъ равныхъ количествъ труда, послѣдовательно затрачиваемаго въ земледѣліи, вознаграждается все уменьшающимся доходомъ, то и вся сумма труда, затрачиваемая въ земледѣліи вмѣстѣ съ развитіемъ техники, вознаграждается относительно уменьшающимся доходомъ. Между тѣмъ очевидно, что одно и то же количество труда всегда произведетъ одно и то же количество мануфактурныхъ товаровъ“ (стр. 6—7).

Ученіе о законѣ убывающаго плодородія почвы [1]) стало однимъ изъ самыхъ общепринятыхъ ученій у англійскихъ (а также и американскихъ) экономистовъ. Трудно указать изъ этихъ экономистовъ такихъ, которые бы его не раздѣляли. Сторонниками этого ученія являются Рикардо, Джемсъ Милль, Дж. Ст. Милль, Кэрнсъ, Сиджвикъ, Маршаллъ. Къ сожалѣнію, подобно многимъ изъ общепринятыхъ ученій, и это считалось чѣмъ-то само собою разумѣющимся, настолько очевиднымъ, что не нуждается въ дальнѣйшемъ анализѣ. Оно переписывалось изъ книги въ книгу, изъ учебника въ учебникъ въ томъ видѣ, въ какомъ оно явилось

---

restriction of the importation of corn, and that the bounty of 1688 did no. lower the price of it. By a fellow of university college Oxford. London 1815 Авторъ самъ раскрылъ свой псевдонимъ въ позднѣйшемъ трактатѣ: Sir Edward West. Price of corn and wages of labor. 1826. Это сочиненіе (цитируемое, между прочимъ, Марксомъ) не отличается выдающимися достоинствами перваго.

[1]) Мы употребляемъ это установившееся въ русской литературѣ выраженіе, хотя это очень плохой переводъ англійскаго термина „law of diminishing returns“ и очень плохо передаетъ смыслъ его. Ибо рѣчь идетъ не объ убывающемъ плодородіи почвы, которое съ ростомъ культуры скорѣе увеличивается, но объ уменьшеніи производительности каждой единицы труда и капитала. Я предпочитаю, однако сохранить установившуюся терминологію, въ виду того, что ея употребленіе не связано съ большими неудобствами для изложенія.

на свѣтъ, отнюдь не выигрывая отсюда въ ясности. Для иллюстраціи приведу здѣсь опредѣленіе закона убывающаго плодородія почвы, которое дано въ одномъ изъ лучшихъ новѣйшихъ руководствъ по политической экономіи на англійскомъ языкѣ,— проф. Маршалла: „прибавка капитала и труда, затрачиваемаго на воздѣлываніе почвы, *въ общемъ* вызываетъ менѣе чѣмъ пропорціональный приростъ въ общемъ количествѣ продукта, хотя случайно она и можетъ совпадать съ улучшеніями въ способѣ воздѣлыванія земли“ [1]). Это — формула Веста, безо всякихъ измѣненій.

Заслуживаютъ вниманія разсужденія американскаго ученаго *Паттена*. „Всѣ писатели, говоритъ онъ, которые обсуждали законъ убывающаго плодородія почвы, принимали безъ разсужденія предположеніе, что продуктъ труда, прилагаемаго на опредѣленномъ участкѣ почвы, можетъ постоянно увеличиваться посредствомъ затраты новаго количества труда; спорили лишь о томъ, будетъ-ли это количество труда вознаграждаться относительно большимъ или меньшимъ количествомъ продукта, нежели трудъ, ранѣе затраченный. Обѣ стороны, повидимому упустили изъ виду возможность третьей альтернативы, что продуктъ можетъ возрастать пропорціонально труду до извѣстнаго пункта, за которымъ добавочное количество продукта не можетъ быть произведено никакимъ количествомъ труда. Еслибы это было вѣрно, то мы имѣли бы законъ ограниченнаго плодородія почвы (a law of limited returns) въ противоположность закону убывающаго плодородія почвы. Слѣдовательно, вмѣсто закона, утверждающаго, что большое количество людей будетъ снабжаться пищей хуже, чѣмъ меньшее, мы должны выставить слѣдующее положеніе: въ предѣлахъ извѣстной цифры большее количество народа можетъ снабжаться лучше, чѣмъ меньшее, но населеніе, превосходящее эту, цифру, совсѣмъ не можетъ быть снабжаемо“ [2]).

Въ другомъ мѣстѣ Паттенъ опредѣляетъ свою точку зрѣнія слѣдующимъ образомъ: „законъ производительности почвы есть законъ не убывающаго, но ограниченнаго плодородія (the law of

---

[1]) *Alfred Marshall.* Principles of economics. 4-th Edition, London 1898, p. 226.

[2]) *Patten.* The premises of political economy, being a re-examination of certain fundamental principles of economic science. Philadelphia 1885, стр. 152.

agricultural returns is a law of limited not of diminishing returns). До извѣстнаго пункта, опредѣляемаго состояніемъ науки и искусствомъ населенія, продуктъ возрастаетъ пропорціонально затратѣ труда; за этимъ предѣломъ продуктъ не можетъ быть увеличенъ безъ увеличенія знаній и капитала или безъ измѣненія спроса на пищу, благодаря чему качества почвы могутъ быть лучше использованы“ [1]). По мнѣнію Паттена, законъ убывающаго плодородія почвы имѣлъ силу только для первоначальныхъ стадій цивилизаціи, съ слабымъ развитіемъ науки и техники.

Первое изъ положеній Паттена, на нашъ взглядъ, спорно и, въ столь общей формѣ, совершенно невѣрно: практика показываетъ, что уменьшеніе урожаевъ наступаетъ при примѣненіи извѣстнаго способа производства задолго до достиженія того предѣла, когда они совсѣмъ не могутъ быть увеличиваемы. Это указалъ уже, какъ мы видѣли, Тюрго; и въ подтвержденіе этого мы можемъ сослаться на столь авторитетнаго писателя по вопросамъ сельскаго хозяйства и сельско-хозяйственной экономіи какъ *фонъ-Тюненъ*, единственный изъ не англійскихъ экономистовъ, который спеціально останавливается на законѣ убывающаго плодородія почвы. Тюненъ даетъ ему чисто эмпирическую формулировку, основанную на его личномъ опытѣ въ качествѣ сельскаго хозяина. „Наблюденія даютъ слѣдующіе результаты: 1) Если унавоживать полевые участки равнаго качества почвы и равнаго ея богатства 3, 4, 5, 6 и т. д. возовъ навоза на кв. руту, каждый вновь прибавляемый возъ навоза даетъ все меньшее и меньшее увеличеніе урожая. 2) При продолжительномъ воздѣлываніи истощающихъ почву растеній безъ соотвѣтствующаго удобренія урожай не уменьшится постепенно до нуля, но приближается постоянно къ извѣстному неизмѣнному уровню (Beharungspnnkt) различному смотря по различію физическихъ свойствъ почвы“ [2]). Первая половина цитированнаго положенія, такимъ образомъ, отрицаетъ законъ ограниченной производительности почвы, какъ формулируетъ его Паттенъ.

Второе изъ положеній Паттена, что производительность почвы можетъ быть повышена лишь съ увеличеніемъ капитала и чело-

---

[1]) Ib. 182.

[2]) *Thunen.* Der isolierte Staat. 2-te Ausgabe. Rostock 1842, стр. 66.

вѣческихъ знаній, вполнѣ соотвѣтствуетъ обычному пониманію закона убывающаго плодородія почвы. Паттенъ разнится лишь въ особой формулировкѣ дѣйствія этого закона: рѣчь идетъ не о томъ, имѣетъ-ли силу такой законъ, но лишь о томъ, *какъ* онъ дѣйствуетъ. По мнѣнію Паттена, развитіе производительности почвы идетъ скачками или порогами; но необходимость затраты возрастающаго количества капитала (вмѣстѣ съ прогрессомъ науки и техники) и является выраженіемъ растущей трудности добыванія средствъ существованія. Такимъ образомъ, при остроуміи отдѣльныхъ положеній и аргументаціи, воззрѣнія Паттена не вносятъ принципіально новыхъ точекъ зрѣнія на вопросъ.

Слѣдуетъ упомянуть, наконецъ, какъ сторонника закона убывающаго плодородія почвы нашего соотечественника Людоговскаго, который въ своемъ курсѣ сельско-хозяйственной экономіи [1]), пытается дать въ извѣстномъ смыслѣ теоретическое его обоснованіе.

Въ общемъ для выясненія и точнѣйшаго формулированія тѣхъ явленій, которыя отмѣчались въ такъ называемомъ законѣ убывающаго плодородія почвы, было сдѣлано поразительно мало. Вторая половина и въ особенности послѣдняя четверть XIX вѣка, эпоха аграрнаго кризиса и мнимаго или дѣйствительнаго міроваго перепроизводства хлѣба, не располагали къ изслѣдованію этой проблемы; скорѣе наоборотъ, паденіе цѣнъ на хлѣбъ располагало къ оптимизму (который и выразился въ различныхъ теоріяхъ супрематіи промышленности надъ земледѣліемъ). Въ жизни Европы за послѣднее время не было событій, возбуждающихъ такое тревожное раздумье, какъ то, въ которое были повергнуты англійскіе экономисты первой четверти XIX вѣка [2]).

---

[1]) *Людоговскій.* Основы сельско-хозяйственной экономіи и сельскохозяйственнаго счетоводства. Спб. 1879. (Не имѣя сейчасъ подъ руками этого довольно рѣдкаго въ настоящее время сочиненія, я лишенъ возможности указать страницы) Несмотря на 20 лѣтнюю давность курсъ проф. Людоговскаго составляетъ выдающееся явленіе не только нашей, но и западной литературы по ясности, научности и изяществу изложенія.

[2]) Тревога, что въ скоромъ времени современному человѣчеству придется считаться съ невозможностью увеличивать количество производства пшеницы, безъ существенныхъ, по крайней мѣрѣ, измѣненій въ техникѣ удобренія, была высказана сэромъ Вилліамомъ Круксомъ въ президентскомъ адресѣ Британской Ассоціаціи, въ Бристолѣ въ 1898 г.

Специфическая трудность ученія объ убывающемъ (или соотв. возрастающемъ) плодородіи почвы для экономистовъ заключается въ томъ, что оно содержитъ въ себѣ цѣлый рядъ агрономическихъ предпосылокъ, превышающихъ компетенцію экономиста, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ своемъ цѣломъ, это есть вполнѣ *экономическое* ученіе, которое необходимо для политической экономіи и которое можетъ быть формулировано только экономистомъ. Я не отважусь перейти предѣлы своей компетенціи и въ своихъ сужденіяхъ буду исходить изъ положеній, твердо установленныхъ агрономическими авторитетами.

Слѣдуетъ прежде всего, выдѣлить *два* различныхъ вопроса, которые неправильно объединяются при формулированіи закона убывающаго плодородія почвы: *техническій* вопросъ о приложеніи даннаго способа производства съ наибольшимъ производительнымъ эффектомъ и *экономическій* вопросъ объ общемъ измѣненіи условій добыванія пищевыхъ веществъ. Примѣръ полнаго смѣшенія обоихъ вопросовъ даетъ хотя бы формулировка Тюрго; исключительно первымъ вопросомъ занимается Тюненъ; неправомѣрное соединеніе обоихъ вопросовъ (первый—въ первой половинѣ положенія, второй во второй) мы имѣемъ у Паттена.

Содержаніе перваго вопроса сводится къ тому, большой частью эмпирическому, наблюденію, что данный техническій способъ производства въ земледѣліи увеличиваетъ производительность не въ равной степени, не пропорціонально затратамъ производительныхъ элементовъ (напр. возовъ навоза въ примѣрѣ Тюнена [1]). При этомъ является вполнѣ questio facti, никакой обобщающей формулировкѣ не поддающейся, *какъ* именно въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ измѣняется производительность затратъ: происходитъ-ли дѣло такъ, какъ его изображаетъ Паттенъ, т. е. производитель-

---

(Въ настоящее время докладъ этотъ съ нѣсколькими возраженіями и дополненіями со стороны другихъ авторовъ вышелъ подъ общимъ заглавіемъ: The wheat problem, by sir William Crookes, London 1899). Взгляды Крукса были подвергнуты на русскомъ языкѣ критикѣ проф Тимирязевымъ См. его брошюру: Точно-ли человѣчеству грозитъ близкая гибель? Москва 1899.

[1]) Именно эту, техническую, сторону вопроса въ своемъ примѣрѣ съ экстирпаторами имѣетъ въ виду Людоговскій. Отдѣльные примѣры приведены также въ сочиненіи проф. *Левитскаго:* Сельскохозяйственный кризисъ во Франціи (1862—1892). Харьковъ. 1899. Стр. 221.

ность ростетъ пропорціонально затратамъ до извѣстнаго момента, съ котораго совсѣмъ прекращается, или какъ нибудь иначе. Я думаю, что этой особенностью земледѣліе не отличается отъ многихъ отраслей и обрабатывающей промышленности. И въ этой послѣдней наибольшій производительный эффектъ достигается только при опредѣленной комбинаціи производительныхъ элементовъ; измѣненіе ихъ въ томъ или другомъ направленіи также способно было бы уменьшить производительность.

Опредѣленное значеніе этому техническому факту придаетъ общій *экономическій* характеръ развитія земледѣльческаго производства; добывая изъ ограниченнаго количества земли, при ограниченномъ—говоря грубо—количествѣ содѣйствующихъ производству силъ природы, постоянно увеличивающуюся сумму пищи, человѣкъ долженъ преодолѣвать все большія трудности, больше и больше напрягать свои силы. Это *общее* отношеніе къ своей кормилицѣ и матери землѣ превращаетъ простой и для обрабатывающей промышленности не имѣющій рѣшающаго значенія фактъ ограниченной производительности каждаго способа производства въ грозный знакъ необходимости или увеличивать производство при томъ же способѣ обработкѣ хотя бы съ убывающей производительностью или же дѣлать новыя усилія и переходить къ новому способу обработки, хотя бы онъ былъ и дороже перваго, взятаго въ моментъ его наибольшей производительности.

Технически ростущая трудность добыванія пощи, необходимость все большихъ усилій со стороны человѣка, чтобы отвоевать себѣ у природы право жить, выясняется изъ общаго характера земледѣльческаго производства. Извѣстно, что процессъ произрастанія хлѣбныхъ (а также и кормовыхъ) злаковъ сводится къ усвоенію растеніемъ нѣкоторыхъ элементовъ почвы и атмосферы. Чтобы было возможно такое усвоеніе, частицы почвы механически должны быть приведены въ состояніе, наиболѣе благопріятное для усвоенія нужныхъ ея элементовъ хлѣбными злаками. Способы этого приведенія различны. Всѣ ихъ характеризуетъ Юстусъ Либихъ въ своемъ знаменитомъ трактатѣ агрономической химіи слѣдующимъ образомъ [1]): „что преслѣдуется, спрашиваетъ Либихъ, механической обработкой почвы? Не говоря уже о равно-

[1]) *Liebig.* Die Chemie in ihrer Anwendung auf Agrikultur und Physiologie. 9-te Auflage. Braunschweig. 1876.

мѣрномъ перемѣшиваніи тѣхъ частей почвы, которыя уже отдали свои питательныя вещества растеніямъ предшествующей жатвы и соотвѣтственно стали бѣднѣе ими, съ тѣми, которыя имѣютъ ихъ еще полностью, обработка достигаетъ того результата, что частицы этихъ веществъ растворяются въ почвѣ и становятся усвояемыми для корней имѣющихъ здѣсь произрастать растеній, каковыми они не были до сихъ поръ; это происходитъ благодаря химическому дѣйствію воды и атмосферы, а не плуга и бороны,— эти орудія дѣлаютъ лишь то, что воздухъ и частицы земли приходятъ въ соприкосновеніе другъ съ другомъ. Требуется довольно продолжительное дѣйствіе атмосферы, чтобы привести данное количество питательныхъ веществъ, имѣющихся въ почвѣ, въ состояніе растворимости и усвояемости. Дальнѣйшая пульверизація и болѣе тщательное вспахиваніе будутъ усиливать проникновеніе воздуха въ пористыя частицы земли, на которыя онъ долженъ дѣйствовать, ихъ количество увеличивается и обновляется, но легко понять, что добавочная производительность земли (Mehrertrage des Feldes) не будетъ пропорціональна работѣ, затраченной на воздѣлываніе поля, но что она возрастаетъ въ гораздо меньшей пропорціи“ (in weit kleineram Verhältnisse). (Въ примѣчаніи къ этому мѣсту Либихъ ссылается на формулированный Дж. Ст. Миллемъ законъ уменьшающагося плодородія почвы [1]).

Либихъ считаетъ, такимъ образомъ, очевиднымъ и дальнѣйшаго доказательства не требующимъ, что увеличивающееся коли-

---

[1]) Марксъ, дѣлая Либиху едва ли умѣстное внушеніе за библіографическую ошибку, относительно самаго сужденія Либиха говоритъ только: „нельзя не пожалѣть, что онъ отваживается выражать слѣдующее мнѣніе“ (слѣдуетъ конецъ цитированнаго въ текстѣ мѣста изъ сочиненія Либиха). (См. Капиталъ, т. I, р. пер., 2-е изд., стр. 442, прим. 329). Нельзя не пожелать этому отзыву большей опредѣленности. Несмотря на очевидно отрицательное отношеніе къ этому закону, Марксъ усваиваетъ въ основныхъ принципахъ теорію ренты Рикардо, которая построена на этомъ законѣ. Въ третьемъ томѣ Капитала есть отрывокъ, позволяющій скорѣе думать, что Марксъ относился къ закону убывающаго плодородія почвы далеко не отрицательно. Здѣсь мы читаемъ: „съ точки зрѣнія капиталистическаго способа производства всегда происходитъ относительное удорожаніе (земледѣльческихъ) продуктовъ, такъ какъ для полученія продукта дѣлается извѣстная затрата, должно оплачиваться нѣчто такое, что прежде не оплачивалось. Ибо подъ возмѣщеніемъ затраченнаго на произ-

чество человѣческаго труда, затрачиваемаго на воздѣлываніе почвы, необходимо оплачивается относительно уменьшающимся урожаемъ. И дѣйствительно, при томъ простомъ опредѣленіи, какое даетъ значенію земледѣльческаго труда Либихъ, очевидно, что это ростущее количество труда, которое направлено на одну и ту же площадь, имѣющую лишь опредѣленное количество питательныхъ элементовъ, не можетъ оплачиваться одинаково.

Либиху же обязана современная агрономія теоретическими основами ученія объ удобреніи; въ общемъ и цѣломъ онѣ и по сейчасъ остаются непоколебленными, хотя практическое ихъ приложеніе (даже въ теоріи) далеко еще не выработано [1]). Я

водство капитала всегда слѣдуетъ понимать лишь ту сумму цѣнностей, которую составляютъ въ своей совокупности затраченныя средства производства. Элементы природы, являющіеся агентами производства, ничего не стоя, какую бы роль въ производствѣ они ни играли, не входятъ въ эту сумму какъ составныя части капитала, но какъ даровая естественная сила капитала, т. е. даровая естественная производительная сила труда (Gratisnaturproduktivkraft der Arbeit), которая на основѣ капиталистическаго производства, какъ и всякая производительная сила, представляется производительной силой капитала. Такимъ образомъ, если въ производство входитъ такая сила, которая первоначально ничего не стоитъ, она не оплачивается при опредѣленіи цѣнъ до тѣхъ поръ, пока продукта, изготовляемаго съ ея помощью, хватаетъ для общаго потребленія. Но если съ дальнѣйшимъ развитіемъ становится нужнымъ производить большее количество продукта чѣмъ то, которое производилось съ помощью этой естественной силы, если этотъ добавочный продуктъ приходится, стало быть, производить безъ помощи этой естественной силы, или же при совмѣстномъ участіи добавочнаго количества труда, то этотъ новый добавочный элементъ входитъ въ капиталъ. Такимъ образомъ дѣлается относительно большая затрата капитала, чтобы получить то же количество продукта. При всѣхъ прочихъ равныхъ условіяхъ, происходитъ удорожаніе производства“ (Das Kapital, III², 27⁷/₈). Этотъ отрывокъ, конечно, не ясенъ, но не можетъ быть понятъ иначе какъ косвенное или даже прямое признаніе закона убывающаго плодородія почвы. Мнѣ не извѣстно чтобы Марксъ гдѣ-либо еще прямо высказывался по поводу послѣдняго,

[1]) Вотъ что говоритъ, напр., по этому поводу проф. *Дрекслеръ*: „практика удобренія еще до сихъ поръ (писано въ 1884 году) основывается можно сказать исключительно на *опытѣ*. Если удобреніе извѣстными веществами имѣетъ результатомъ повышеніе урожаевъ, въ такомъ случаѣ принимаютъ, что запасъ этихъ веществъ, которымъ располагаетъ почва, недостаточенъ; оказывается прибавка извѣстнаго вещества безрезультатною, какъ напр. кали при воздѣлываніи свеклы, то нужно стало быть принять, что вѣроятно въ почвѣ имѣется избытокъ кали. Такія заключе-

обойду молчаніемъ вопросъ о различныхъ видахъ удобренія и о его различномъ значеніи для почвы [1]). Въ нашихъ цѣляхъ достаточно отмѣтить тотъ безспорный фактъ, что только въ начальныхъ стадіяхъ культуры, потому и характеризуемыхъ какъ „хищническія“, земля остается безъ удобренія. „Не нужно особенныхъ разсужденій—говоря словами Либиха—чтобы понять, что обработка полей даже самыми совершенными механическими способами не достаточна для того, чтобы поддержать производительность почвы; послѣ ряда лѣтъ жатвы начинаютъ уменьшаться даже на самыхъ плодородныхъ поляхъ, и онѣ могутъ быть увеличиваемы только посредствомъ удобренія“ [2]). Съ развитіемъ культуры количество (а также и родъ) удобренія соотвѣтствуетъ предполагаемому урожаю. Вопреки мнѣнію тѣхъ теоретиковъ, которые видятъ въ отсутствіи сыраго матеріала въ производствѣ особенность земледѣлія, земля превращается все болѣе и болѣе въ фабрику, которая возвращаетъ въ формѣ продукта то, что принимаетъ въ видѣ сыраго матеріала, или, лучше, въ реторту, выра-

---

нія, основывающіяся на теоріи Либиха, оставались до сихъ поръ исключительно догадками. Также и многочисленные опыты съ удобреніемъ не принесли здѣсь абсолютно никакихъ разъясненій“. (Journal für Landwirtschaft, Jahrg. XXXII. Berlin 1884. Prof. Drechsler. Die Theorie der Düngung und die Aufgabe der Düngungsversuche. 309). Ср. отзывъ проф. *Maercker*'а: Raubbau und Statik въ Handw. d. S. V, 350—2. „Во всякомъ случаѣ выполненіе статистическихъ вычисленій въ настоящее время еще не можетъ претендовать на полную точность, ибо основы, изъ которыхъ они исходятъ, во многихъ отношеніяхъ еще весьма недостаточны. Относительно важнѣйшаго изъ питательныхъ веществъ, имѣющагося въ большинствѣ случаевъ въ минимальномъ количествѣ въ почвѣ именно азота, вычисленія еще вполнѣ ошибочны, такъ что не даромъ ими совершенно не пользуется... Статистическія вычисленія не даютъ намъ полныхъ и вѣрныхъ свѣдѣній относительно остающагося въ землѣ свободнаго (disponiblen) капитала питательныхъ веществъ, которымъ можно воспользоваться для слѣдующей жатвы“. Современная химія во многомъ отвергла уже отдѣльныя воззрѣнія Либиха на условія производительности почвы (ср. между прочимъ Левитскій, цитир. сочиненіе, стр. 223—5), хотя основные его принципы признаются и теперь. Самъ авторъ, конечно, не отважится произносить сужденіе въ этой чуждой для него области.

[1]) Превосходное и вполнѣ ясное и для неспеціалиста изложеніе ученія объ удобреніи читатель найдетъ въ вышеназванномъ сочиненіи Людоговскаго.

[2]) Ibid., 80.

батывающую новыя химическія соединенія, но элементы для этихъ соединеній должны быть положены напередъ человѣкомъ. Какое же общее экономическое значеніе имѣютъ эти факты? Роковая ограниченность силъ природы, вызывающихъ произрастаніе нужныхъ человѣку растеній, и непрерывный ростъ ихъ производства приводятъ къ тому, что силы эти все менѣе и менѣе служатъ человѣку такъ, какъ они служили раньше, т. е. даромъ. То, что являлось свободнымъ подаркомъ природы, теперь должно быть сдѣлано человѣкомъ: вѣтеръ и дождь разрыхляли почву, полную питательныхъ элементовъ, достаточно было небольшаго усилія со стороны человѣка, чтобы добыть необходимое. Съ теченіемъ времени все большая и большая часть производительной работы отходитъ на долю человѣка; какъ и вездѣ, искусственные процессы все больше становятся на мѣсто естественныхъ. Но если въ индустріи въ этомъ выражается побѣда человѣка надъ природой, то въ земледѣліи это указываетъ на ростущую трудность существованія, для котораго природа сокращаетъ свои дары.

Въ данномъ случаѣ безразлично, выражается ли въ увеличеніи человѣческаго труда или же его продуктовъ, напр., орудій производства или удобренія и под. увеличивающаяся трудность производства пищи; важно только то, что она обходится человѣку все дороже и дороже. Въ этомъ замѣщеніи силъ природы человѣческимъ трудомъ, естественныхъ факторовъ производства искусственными и заключается законъ убывающаго плодородія почвы.

Принимая этотъ законъ, мы вовсе не утверждаемъ непрерывнаго увеличенія трудности производства пищи или не отрицаемъ сельскохозяйственнаго прогресса: утверждать первое и отрицать второе значило бы идти противъ очевидности. Несомнѣнно, что трудность эта растетъ не непрерывно, развитіе движется зигзагами. Агрономическія открытія, техническія усовершенствованія превращаютъ безплодныя земли въ плодородныя, временно упраздняютъ тенденцію, отмѣченную въ законѣ убывающаго плодородія почвы [1]). Однимъ изъ важныхъ условій, противодѣйствующихъ закону убы-

[1]) Кстати, если соціальная наука постоянно являетъ примѣры неправомѣрнаго употребленія слова „законъ", то данный случай особенно кричащій. Я слѣдую традиціи, сохраняя обычное словоупотребленіе, но въ полномъ сознаніи неумѣстности здѣсь этого философскаго термина.

вающаго плодородія почвы, является относительное удешевленіе земледѣльческаго капитала, т. е. орудій производства, искусственныхъ удобреній и т. д. Составляя продукты индустріи, они подчинены общему закону развитія этой послѣдней,—стремленія къ постоянному удешевленію продукта. Это создаетъ частную тенденцію, дѣйствующую въ направленіи, противоположномъ закону убывающаго плодородія почвы, хотя и неспособную его парализовать.

Безспорно также, что наши предки, которымъ былъ гораздо менѣе чувствителенъ бичъ закона убывающаго плодородія, никоимъ образомъ не способны были бы на своихъ тучныхъ поляхъ и пажитяхъ произвести то богатство и разнообразіе пищевыхъ продуктовъ, которое производится теперь [1]). И тѣмъ не менѣе производство этого увеличивающагося количества пищи сопровождается ростомъ трудностей не только абсолютнымъ, но и относительнымъ. Если сравнивать историческія эпохи или разныя цивилизаціи, то разница между ними выступитъ съ полной ясностью. Мнѣ кажется, что въ этомъ смыслѣ законъ убывающаго плодородія почвы есть вполнѣ очевидная истина, которую совершенно невозможно отрицать, не вступая въ противорѣчіе съ здравымъ смысломъ и очевидностью, но которую достаточно лишь ясно констатировать.

Теоретически мыслимъ, разумѣется, моментъ, когда никакими уже усиліями невозможно будетъ увеличить производительность почвы, когда ея производительныя силы будутъ напряжены до послѣдней степени. Но въ настоящее время нѣтъ ни малѣйшаго основанія говорить о наступленіи такого момента даже въ самыхъ населенныхъ странахъ; земледѣльческая техника не только

---

[1]) Родбертусъ, одинъ изъ немногихъ авторитетныхъ противниковъ закона убывающаго плодородія почвы, въ своихъ опроверженіяхъ этого закона (въ Zur Beleuchtung der socialen Frage) указываетъ главнымъ образомъ на ростъ производительности земледѣлія, но не опровергаетъ тѣмъ того основнаго факта, что съ ростомъ культуры естественные, даровые факторы производства человѣку приходится замѣщать трудомъ или капиталомъ. Съ другой стороны, многіе изъ приводимыхъ имъ фактовъ свидѣтельствуютъ лишь о томъ, что развитіе земледѣлія идетъ зигзагообразно, но общей тенденціи развитія они не могутъ опровергнуть. Умственный кругозоръ Родбертуса, при этомъ, суженъ его собственною теоріей, которая, въ данномъ случаѣ, его подавляетъ.

еще не сказала своего послѣдняго слова, но, можно думать, находится въ началѣ своего развитія. Потому этотъ моментъ можетъ играть—самое большее—роль предѣльнаго понятія,—предѣла въ математическомъ смыслѣ, показывая лишь направленіе развитія.

Законъ убывающаго плодородія почвы, какъ самое общее выраженіе отношенія между человѣкомъ и природой, имѣетъ универсальное значеніе; вліяніе его распространяется, по крайней мѣрѣ, на всю до сихъ поръ протекшую исторію, хотя естественно при разныхъ экономическихъ условіяхъ онъ имѣетъ разное значеніе и получаетъ различное выраженіе.

Дж. Ст. Милль дѣлаетъ слѣдующее глубокомысленное замѣчаніе: „этотъ общій законъ развитія земледѣльческой промышленности есть наиболѣе важное положеніе политической экономіи. Если бы не было этого закона (were the law different), почти всѣ феномены производства и распредѣленія богатствъ были бы иными нежели теперь“ [1]). Я готовъ даже усилить это положеніе и признать законъ убывающаго плодородія почвы однимъ изъ важнѣйшихъ законовъ исторіи цивилизаціи: вся исторія XIX вѣка съ его экономической организаціей, съ его проблемами богатства и бѣдности была бы непонятна безъ этого закона. Его вліяніе по преимуществу отрицательное, онъ чувствуется какъ препятствіе цивилизаціи, преграда ея мощному потоку; но это не мѣшаетъ этому вліянію быть глубокимъ и опредѣляющимъ. Для меня совершенно несомнѣнно, что соціальный вопросъ въ теперешней его постановкѣ существенно связанъ съ этимъ закономъ, и я не могу себѣ представить общественнаго переворота, болѣе глубокаго и радикальнаго (предъ которымъ блѣднѣютъ всѣ перевороты, когда либо мечтавшіеся Zusammenbruch-теоретиками), какъ тотъ, если бы былъ изобрѣтенъ способъ искусственнаго производства пищи и тѣмъ самымъ былъ бы устраненъ законъ убывающаго плодородія почвы... [2]).

---

[1]) *J. St. Mill.* Principles of political economy. 6-th ed. 1865. Vol. I, 221.

[2]) Лабораторное приготовленіе бѣлка составляетъ одну изъ очередныхъ проблемъ современной химіи. Но даже въ случаѣ разрѣшенія этой проблемы вопросъ объ искусственномъ изготовленіи пищи не будетъ еще ни мало подвинутъ къ разрѣшенію. Не нужно забывать, что современный человѣкъ требуетъ отъ пищи не только питательности, но и вкусовыхъ качествъ, и культура ведетъ къ утонченности вкуса. Вообще сейчасъ

Но оставимъ область фантазіи и вернемся къ дѣйствительности. Очевидно, вліяніе закона убывающаго плодородія почвы чувствуется тѣмъ менѣе, чѣмъ менѣе воздѣлывается почва и чѣмъ меньшее количество пищи добывается съ нея. А это бываетъ при рѣдкости населенія и, что эквивалентно въ данномъ случаѣ, при низкомъ уровнѣ потребностей населенія относительно питательныхъ веществъ (сравните, напр., потребности русскаго мужика или городского англичанина). Относительно трудности добыванія хлѣба страны разной цивилизаціи (а развитію цивилизаціи отвѣчаетъ довольно точно различная плотность населенія), располагаются въ обратномъ порядкѣ, чѣмъ по степени цивилизованности. Впереди всѣхъ стоятъ не самыя развитыя экономически страны, давно истощившія дары своей природы, но страны молодыя, для которыхъ природа работаетъ еще даромъ. Подъ вліяніемъ растущей трудности производства пищи страны, нѣкогда вывозившія хлѣбъ, превращаются въ ввозящія. Эта закономѣрность была отмѣчена уже Либихомъ (очеркъ исторіи сельскаго хозяйства въ его книгѣ представляетъ и понынѣ еще много интереснаго).

„По естественному закону вывозъ хлѣба возможенъ лишь изъ плодородной страны, имѣющей незначительное населеніе сравнительно съ территоріей. Послѣ ряда лѣтъ плодородіе (die Ertragsfähigkeit) убываетъ; она приноситъ менѣе зерна нежели раньше, между тѣмъ какъ число потребляющихъ хлѣбъ индивидовъ возрастаетъ. Слѣдствіемъ является то, что вывозъ уменьшается, и скоро достигается граница, когда онъ и вовсе прекращается“ [1]).

Добываніе пищи требовало бы постоянно увеличивающагося относительно количества труда и, слѣдовательно, земледѣльческаго населенія, если бы каждая страна была ограничена своими естественными рессурсами. Можно увѣренно сказать, что теперешъ-

говорить серьезно о химическомъ изготовленіи пищи нѣтъ еще никакихъ основаній. Химическое изготовленіе (выразительно называемое обыкновенно „поддѣлкой“) нѣкоторыхъ вкусовыхъ и пищевыхъ веществъ способна повліять (пока—только чисто отрицательно) на развитіе отдѣльныхъ отраслей промышленности (напр. винодѣлія, маслодѣлія и т. д.), но оно совершенно не распространяется на основныя отрасли производства пищи: хлѣба, мяса и овощей.

[1]) Ibid. 69.

няя цивилизація, почти исключительно городская, въ особенности же безпримѣрный ростъ и развитіе производительныхъ силъ, высокая степень раздѣленія общественнаго труда, — словомъ весь матеріальный базисъ высшей цивилизаціи будущаго, которому наша цивилизація вмѣстѣ съ соціальнымъ вопросомъ оставляетъ и „хлѣбный“ вопросъ, — все это было бы невозможно, если бы европейское населеніе должно было само — съ неразвитыми еще техническими средствами — добывать себѣ пищу. Если теперь земледѣльческое населеніе зап. Европы уменьшается, не только относительно, но во многихъ мѣстахъ даже абсолютно, то это указываетъ лишь, что европейской цивилизаціи удалось *отклонить* отъ себя дѣйствіе закона убывающаго плодородія почвы,— отклонить посредствомъ путей сообщенія. Современная Европа предпочитаетъ привозить хлѣбъ, скотъ и т. д. изъ-за тридевяти земель, тратя огромное количество труда и капитала на эту перевозку, нежели производить у себя дома. Отсюда понятна разница: промышленныя страны одна наперерывъ передъ другой вывозятъ во всѣ страны міра продукты своей промышленности, за исключеніемъ только одной категоріи товаровъ: пищевыхъ продуктовъ, которыѣ онѣ ввозятъ; отсюда же и теперешнее, исторически преходящее, конечно, дѣленіе странъ на промышленныя и мануфактурныя...[1]).

Это явленіе въ своемъ рыночномъ выраженіи (его мы будемъ изучать особо) носитъ названіе аграрнаго кризиса, который уже болѣе четверти вѣка угнетаетъ и разоряетъ европейское земледѣліе. Аграрный кризисъ является поэтому прямымъ слѣдствіемъ закона убывающаго плодородія почвы и стремленія уклониться отъ его тяжелаго дѣйствія при помощи путей сообщенія. Будущій историкъ будетъ характеризовать нашу эпоху цивилизаціи, между

[1]) Нѣкоторымъ экономистамъ является иногда тревожный вопросъ могло-ли бы теперешнее европейское населеніе производить необходимое для себя количество хлѣба (и другихъ земледѣльческихъ продуктовъ) на своей собственной территоріи? Для Англіи этотъ вопросъ даже не ставится, такъ ясенъ отрицательный на него отвѣтъ, конечно, при современныхъ реальныхъ возможностяхъ земледѣлія. Но онъ часто ставится въ Германіи и въ общемъ разрѣшается утвердительно въ техническомъ смыслѣ и отрицательно въ экономическомъ.— Ср. новѣйшія разсужденія Шмоллера, въ общемъ совпадающія съ изложенными мыслями, въ только что вышедшемъ Grundriss der Allgemeinen Volkswirtschaftslehre. Erster grösserer Theil. Leipzig. 1900. стр. 220—1.

прочимъ, и по этому признаку: аграрный кризисъ есть болѣе чѣмъ экономическое явленіе, онъ есть этапъ въ исторіи цивилизаціи, необходимое слѣдствіе условій, сдѣлавшихъ возможнымъ столь пышный ея разцвѣтъ, плата за нихъ.

Сдѣланная здѣсь общая характеристика значенія закона убывающаго плодородія почвы найдетъ развитіе и подтвержденіе во всемъ дальнѣйшемъ изложеніи. Онъ обусловливаетъ рѣшительно всѣ важнѣйшія черты развитія земледѣльческой промышленности въ отличіе отъ обрабатывающей, равно какъ и исторіи земледѣлія въ XIX вѣкѣ. Естественно, ему должно быть отведено соотвѣтственное мѣсто и въ научномъ отраженіи этой дѣйствительности, въ системѣ логическихъ понятій. Закону убывающаго плодородія почвы принадлежитъ центральное мѣсто въ научной теоріи экономическаго развитія сельскаго хозяйства.

2. Трудъ.

Роль труда въ земледѣльческой промышленности характеризуется отличными и во многомъ противоположными чертами сравнительно съ обрабатывающей промышленностью. Коренное отличіе состоитъ въ томъ, что въ послѣдней человѣкъ является господиномъ законовъ природы, а въ земледѣліи ихъ рабомъ. Это банальное положеніе объясняетъ всѣ основныя особенности приложенія земледѣльческаго труда въ отличіе отъ промышленнаго. Природа и ея законы чужды человѣческимъ цѣлямъ; потому напередъ слѣдуетъ предположить, что тамъ, гдѣ господствуетъ природа, отсутствуетъ раціональная (въ смыслѣ наибольшей экономіи средствъ и производительности результатовъ) организація производства; раціональность можетъ быть здѣсь лишь случайностью, исключеніемъ, простымъ совпаденіемъ благопріятныхъ условій. A priori слѣдуетъ предположить, что земледѣліе характеризуется растратой труда, несовершенной его организаціей и, вслѣдствіе этого, неполной утилизаціей рабочей силы, затрачиваемой на сельское хозяйство. Ближайшее разсмотрѣніе можетъ только подтвердить это априорное предположеніе.

Первая особенность, которая бросается въ глаза при самомъ поверхностномъ сравненіи земледѣлія съ большей частью отраслей индустріи, есть то, что въ земледѣліи время производства и рабочій періодъ не совпадаютъ между собою: извѣстно, что

сельско-хозяйственныя работы чередуются съ перерывами, когда производство предоставляется силамъ природы, количество и продолжительность этихъ перерывовъ и рабочаго періода можетъ варіировать какъ въ зависимости отъ климатическихъ условій такъ и особенностей данной культуры: рабочій день въ земледѣліи становится, такимъ образомъ, пористымъ, рабочая сила утилизируется въ высшей степени неэкономно, — природа то зоветъ то отсылаетъ рабочаго. Сюда же слѣдуетъ присоединить, что въ большинствѣ климатовъ періодъ активнаго сельско-хозяйственнаго производства продолжается лишь часть года, болѣе или менѣе продолжительную, смотря по климату; въ этомъ смыслѣ земледѣліе является *сезоннымъ* производствомъ, причемъ однако время сезона зависитъ не отъ характера спроса на данный продуктъ, но отъ велѣній природы. По мѣрѣ развитія общественнаго раздѣленія труда и выдѣленія земледѣлія въ спеціальную отрасль производства, эта нерацiональность природы становится все чувствительнѣй тѣмъ, кому приходится отъ этого страдать [1]).

Земледѣліе является сезоннымъ производствомъ даже въ двойномъ смыслѣ: оно не только занимаетъ рабочую силу въ опредѣленныя части года, но и въ эти части года занимаетъ ее неравномѣрно, въ различномъ количествѣ; почти въ каждомъ сельскохозяйственномъ производствѣ, отъ ржи до винограда, есть критическіе моменты, когда необходимо наибольшее напряженіе рабочей силы и притомъ въ количествѣ, значительно превышающемъ обычную среднюю потребность этого хозяйства: такова напр. жатва. Примѣромъ того, какъ велики различія въ количествѣ труда, требующагося для земледѣльческихъ операцій въ разные моменты, могутъ послужить данныя *Г. Майера*, посвятившаго особую монографію вопросу о колебаніяхъ въ потребности въ ручномъ трудѣ въ нѣмецкомъ земледѣліи. Потребность въ рабочихъ въ разное время года пяти высоко интенсивныхъ хозяйствъ (въ двухъ послѣднихъ кромѣ хлѣбныхъ растеній производится, между прочимъ, и свекла), относящихся къ Зап. Пруссіи, Голштейну, Вестфаліи и Тюрингену, слѣдовательно мѣстностямъ съ очень различными климатическими и экономическими условіями, выразилась въ слѣдующихъ относительныхъ цифрахъ:

---

[1]) Ср. главы XII и XIII второго тома *Капитала*.

Четверть года . . .	I	II	III	IV
I хозяйство . . .	1	1,3	1,7	1,1
II „ . . .	1	1,5	1,7	1,2
III „ . . .	1	1,3	1,5	1,2
IV „ . . .	1	1,7	2,5	1,6
V „ . . .	1	1,8	3,2	2,5

Какъ показываетъ эта таблица, потребность въ рабочей силѣ распредѣляется неравномѣрно и потому нераціонально, и, по словамъ Майера, эта неравномѣрность имѣетъ даже тенденцію усиливаться съ ростомъ интенсивности хозяйства [1]), какъ это отчасти видно и въ этой таблицѣ, гдѣ колебанія въ двухъ послѣднихъ хозяйствахъ, болѣе интенсивныхъ нежели другія (производство свеклы) гораздо значительнѣе.

По компетентному свидѣтельству ф. д. Гольца (въ его новѣйшемъ трудѣ по аграрной политикѣ), потребность въ рабочей силѣ въ сельскомъ хозяйствѣ лѣтомъ больше чѣмъ зимой, въ зависимости отъ формы хозяйства, въ два, три и даже четыре раза [2]).

Изъ тѣхъ же природныхъ условій земледѣльческаго производства объясняется и то, что земледѣльческій трудъ и территоріально разбрасывается на большія пространства, которыя тѣмъ больше, чѣмъ больше производство и слѣдовательно примѣняемое имъ количество труда. Разумѣется, количество труда, сосредо-

[1]) *Dr. G. Meyer.* Ueber die Schwankungen in dem Bedarf an Handarbeit in der deutschen Landwirthschaft. Jena 1893. S. 15. „Именно является особенностью роста работоинтенсивности въ сельскомъ хозяйствѣ, что она распространяется главнымъ образомъ на лѣтній періодъ, и безъ того уже обильный работами, и лишь въ малой степени на зимній, бѣдный работами. Благодаря этому неравномѣрное отношеніе (Missverhältniss) между двумя періодами касательно ихъ потребности въ работѣ, конечно, еще усиливается“ (20).

[2]) Von der *Goltz.* Vorlesungen über Agrarwesen und Agrarpolitik. Jena 1899. Стр. 28.

точиваемаго на опредѣленной единицѣ площади, можетъ быть весьма различно: это зависитъ какъ отъ характера данной культуры такъ и отъ степени интенсивности хозяйства, но фактъ этотъ въ общемъ остается неизмѣненъ и неустранимъ; очевидность этого не требуетъ доказательствъ.

Изъ всѣхъ этихъ слѣдствій господства надъ человѣкомъ нераціональныхъ силъ природы, ближайшимъ образомъ изъ послѣдняго слѣдствія вытекаетъ и та важная особенность земледѣлія, что ему почти чужды выгоды соединенія и раздѣленія труда, которыя свойственны большинству другихъ отраслей промышленности и составили даже основу ихъ техническаго прогресса.

Специфическія выгоды соединенія труда или кооперації, которыя выяснены въ особенности Марксомъ [1]), не свойственны или мало свойственны земледѣлію. Главныя выгоды простой кооперації въ томъ, что она можетъ выполнять такія работы, которыя совсѣмъ не доступны усиліямъ отдѣльнаго рабочаго [2]), или же выполняетъ работы, доступныя и отдѣльному рабочему, но успѣшнѣе и быстрѣе, нежели этотъ послѣдній въ рядъ рабочихъ дней [3]). Тамъ, гдѣ сотрудничество не имѣетъ такого характера,

[1]) Капиталъ, томъ I, глава XI.

[2]) „Точно также сумма механическихъ силъ отдѣльныхъ работниковъ отлична отъ механической силы, развивающейся въ то время, когда множество рукъ участвуютъ сообща и одновременно въ одной и той же нераздѣльной операции, такъ напр. когда дѣло идетъ о томъ, чтобы поднять какой-нибудь грузъ, вертѣть тяжелый воротъ или устранить какое-нибудь препятствіе“ (Марксъ, цит. соч. 278).

[3]) „Хотя бы многіе рабочіе исполняли одновременно одну и ту же работу или работы совершенно сходнаго рода, однако же трудъ каждаго отдѣльнаго работника, какъ часть общей работы, можетъ представлять собою различныя фазы самаго процесса труда, причемъ предметъ труда, вслѣдствіе кооперації, проходитъ всѣ эти фазы гораздо быстрѣе, чѣмъ если бы та же самая работа исполнялась каждымъ работникомъ отдѣльно. Такъ напр., когда каменщики, чтобы перенести кирпичи отъ подножія зданія на вершину строющейся стѣны, становятся въ рядъ и передаютъ эти кирпичи одинъ другому изъ рукъ въ руки,—каждый изъ нихъ дѣлаетъ одно и то же; но тѣмъ не менѣе всѣ эти отдѣльныя операции образуютъ непрерывныя части одной общей операции и представляютъ собою особенныя фазы, которыя каждый кирпичъ долженъ пройти втеченіе процесса труда и которыя онъ проходитъ гораздо быстрѣе при помощи 24 рукъ одного коллективнаго работника, чѣмъ при помощи двухъ рукъ каждаго отдѣльнаго работника, принужденнаго то взбираться

не повышаетъ производительности труда, а является простымъ совмѣстнымъ выполненіемъ однихъ и тѣхъ же производительныхъ функцій, мы имѣемъ, строго говоря, не *кооперацію* въ экономическомъ смыслѣ (какъ ввелъ въ науку это понятіе Марксъ), но простое коллективное выполненіе извѣстныхъ производительныхъ функцій. Работники работаютъ сдѣсь *не сообща, а рядомъ*, ихъ можно разъединить и предоставить каждому дѣлать свою работу отдѣльно и производительность ея нисколько не измѣнится (если не считать, впрочемъ, вліянія того психическаго воздѣйствія другъ на друга, того соревнованія, которое развивается при работѣ сообща и въ которомъ Марксъ видитъ также одну изъ выгодъ кооперации [1]), но это психическое воздѣйствіе есть палка о двухъ концамъ и не всегда направляется въ сторону повышенія производительности труда). Примѣромъ подобнаго сотрудничества можетъ послужить напр. тотъ случай, если для обиранія фруктоваго сада приглашена группа поденщиковъ: ихъ количество имѣетъ значеніе только для быстроты сбора, но производительность труда каждаго останется такова же, какъ еслибы онъ работалъ одинъ.

Не трудно видѣть, что земледѣліе не получаетъ отъ кооперации выгодъ, свойственныхъ послѣдней. Нечего говорить, что процессъ (или процессы) земледѣльческаго производства въ его цѣломъ съ перерывами и неравномѣрнымъ распредѣленіемъ труда не можетъ быть предметомъ планомѣрной кооперации,—рѣчь можетъ идти только объ отдѣльныхъ его моментахъ. Очевидно, что въ этихъ моментахъ нѣтъ такихъ, которыя выполнимы были бы только кооперирующими работниками и не поддавались бы инди-

---

на подмостки съ грузомъ кирпичей, то снова спускаться внизъ за новой ношей. При кооперации, одинъ и тотъ же предметъ труда проходитъ то же самое пространство въ болѣе короткое время. Другой способъ примѣненія комбинированнаго труда мы видимъ въ томъ случаѣ, когда напр. зданіе строится одновременно съ различныхъ сторонъ, хотя работники, работающіе сообща, опять-таки выполняютъ при этомъ или одну и ту же работу или совершенно сходныя работы“ (Марксъ, цит. соч. 279—80). Строго говоря, здѣсь мы имѣемъ уже начальную стадію раздѣленія труда, потому что, напр., передача кирпича разными рабочими въ разныхъ мѣстахъ, разъ рѣчь идетъ именно *о перемѣщеніи* кирпича, является уже раздѣленной между многими рабочими, хотя бы они дѣлали и одно и то же, но въ разныхъ мѣстахъ.

[1]) Ibid. 278—9.

видуальному выполненію: объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что большинство отраслей сельскаго хозяйства доступны какъ мелкому, единоличному, производству, такъ и крупному, съ болѣе или менѣе широкимъ приложеніемъ кооперації (гдѣ это хозяйство ведется лучше, гдѣ хуже, есть фактъ зависящій отъ цѣлой суммы экономическихъ условій и насъ здѣсь не интересующій,—намъ важно отмѣтить только *техническую* возможность веденія хозяйства безъ кооперації). Весьма сомнительно также, чтобы тѣ работы, которыя выполняются въ земледѣліи кооперацією, выполнялись иначе или лучше нежели единолично: онѣ носятъ такой же не кооперативный, а коллективный, собирательный характеръ, какъ въ приведенномъ примѣрѣ обиранія сада; такова напр. жатва. (Есть основанія думать, что единоличная работа, если она производится самостоятельнымъ хозяиномъ, выше по своему качеству и тщательности нежели работа кооперирующихъ наемныхъ рабочихъ; но это различіе принадлежитъ уже ученію о разныхъ формахъ сельскохозяйственнаго предпріятія, о чемъ ниже). Специфической сферой дѣйствія кооперації, быть можетъ, укажутъ критическіе моменты, когда, какъ во время жатвы, требуется единовременная и значительная затрата труда. Но эта потребность не техническаго, а экономическаго происхожденія: это потребность крупныхъ хозяйствъ съ незначительнымъ количествомъ постоянныхъ рабочихъ; ея нѣтъ или почти нѣтъ для крестьянина, который, при меньшихъ размѣрахъ хозяйства, выполняетъ эту работу единолично или съ семьей. И стоитъ лишь вообразить это крупное хозяйство подѣленнымъ на рядъ крестьянскихъ, эта потребность во временной кооперації вполнѣ или почти исчезаетъ. Уже это показываетъ, что такія работы не всегда должны быть выполняемы лишь съ помощью кооперації, но только при извѣстныхъ экономическихъ условіяхъ. Техническая необходимость кооперації была бы на лицо лишь въ томъ случаѣ, еслибы можно было доказать, что данная производительная операція, напр. жатва, выполнима только въ крупныхъ размѣрахъ, и не можетъ быть выполнена въ раздробь, по частямъ [1]).

[1]) Мнѣ кажется поэтому весьма неудачнымъ примѣромъ выгодъ кооперації у Маркса ссылка на критическіе моменты въ земледѣліи. „Во многихъ отрасляхъ производства существуютъ такъ называемые критическіе моменты, т. е. извѣстные періоды времени, опредѣленные самою природой даннаго процесса труда, впродолженіе которыхъ долженъ быть

Господство природы надъ сознательной волей человѣка въ земледѣльческомъ производствѣ выражается съ наибольшей ясностью въ области раздѣленія земледѣльческаго труда. Техническое раздѣленіе труда составляетъ условіе, а отчасти и отправной пунктъ техническаго прогресса въ промышленности. Онъ состоитъ въ разложеніи сложныхъ производительныхъ операцій на детальныя и простыя, слѣдовательно, въ искусственномъ *упрощеніи* производственнаго процесса. Очевидно, раздѣленіе труда имѣетъ смыслъ только въ томъ случаѣ, если рабочая сила утилизируется, по крайней мѣрѣ, не меньше, чѣмъ до раздѣленія; для этого необходимо, чтобы тѣ детальныя производительныя операціи, которыя производятся отдѣльными рабочими, могли производиться одновременно. Это возможно или въ томъ случаѣ, если всѣ рабочіе одновременно работаютъ надъ однимъ и тѣмъ же объектомъ труда, или же, если объекты труда непрерывно переходятъ изъ рукъ въ руки, наконецъ, если возможно приготовлять въ отдѣльности части предмета. Требуется во всякомъ случаѣ единство мѣста или единство времени при производствѣ предмета.

Эти основныя предпосылки раздѣленія труда отсутствуютъ въ земледѣліи. Пріуроченныя къ различнымъ моментамъ естественнаго произрастанія хлѣбныхъ злаковъ, производительныя операціи, выполняемыя человѣческимъ трудомъ, не одновременны, а послѣдовательны; съ другой стороны онѣ совершаются въ различ-

---

достигнутъ извѣстный опредѣленный результатъ. Такъ, напр., если требуется остричь стадо овецъ, или сжать и убрать пашню, то не только количество, но и качество продукта зависитъ при этомъ отъ того, будетъ ли каждая изъ этихъ работъ начата и окончена своевременно... Своевременность исполненія зависитъ при этомъ отъ одновременнаго употребленія многихъ комбинированныхъ рабочихъ дней; а размѣры полезнаго дѣйствія отъ числа работниковъ, *которое притомъ всегда бываетъ менѣе чѣмъ число работниковъ, которое потребовалось бы, чтобы выполнить то же самое дѣло, въ то же самое время, при работѣ каждаго отдѣльно*“ (Марксъ, цит. соч. 280—1. Курсивъ нашъ). Подчеркнутыя слова представляютъ собой произвольное и невѣрное утвержденіе. Еще болѣе неудаченъ рядомъ стоящій примѣръ: „вслѣдствіе недостатка именно такой кооперации, на западѣ Соединенныхъ Штатовъ теряется ежегодно масса зерноваго хлѣба, а въ нѣкоторыхъ частяхъ Остъ-Индіи, гдѣ англійское владычество разрушило старинное общинное землевладѣніе и общинное производство, пропадаютъ ежегодно совершенно даромъ цѣлыя массы хлопчатой бумаги“ (ib. 281). Это объясненіе совершенно опредѣленныхъ экономическихъ явленій „недостаткомъ кооперации“ чрезвычайно странно.

ныхъ мѣстахъ или же въ разныхъ пунктахъ поля одновременно, представляя собою простое соединеніе труда, выше охарактеризованное. Эти особенности земледѣлія не могли укрыться отъ остраго взора того, кто такъ много содѣйствовалъ выясненію роли раздѣленія труда, *Адама Смита*. У него уже мы находимъ мастерски сдѣланную характеристику роли раздѣленія труда въ земледѣліи.

„Естественныя условія (nature) земледѣлія не допускаютъ столько подраздѣленій труда, какъ въ мануфактурѣ, ни столь полнаго отдѣленія одного производства (business) отъ другого. Невозможно совершенно отдѣлить занятіе скотоводства (grazier) отъ занятія фермера, производящаго зерновые хлѣба (corn farmer), такъ, какъ занятіе плотника бываетъ обыкновенно обособлено отъ занятія кузнеца. Прядильщикъ почти всегда есть другое лицо чѣмъ ткачъ; между тѣмъ очень часто одно лицо и пашетъ и боронитъ, и сѣетъ, и жнетъ хлѣба. Выполненіе этихъ работъ приходится на различныя времена года и невозможно чтобы каждымъ изъ этихъ занятій постоянно занималось отдѣльное лицо“ [1]).

Не слѣдуетъ вмѣстѣ съ Смитомъ преувеличивать значеніе раздѣленія труда вообще и отсутствія его въ земледѣліи: послѣднее, хотя и крайне невыгодно отличаетъ земледѣліе отъ обрабатывающей промышленности, но является лишь *симптомомъ* общаго господства природы надъ производительнымъ процессомъ, господство естественныхъ и нераціональныхъ элементовъ надъ искуственными и раціональными.

Само собою разумѣется, что и въ земледѣліи возможны отдѣльные случаи спеціализаціи различныхъ функцій, они не являются лишь настолько многочисленными, чтобы характеризовать собою производство. Иногда, говоря о раздѣленіи труда въ земледѣліи, говорятъ не о техническомъ раздѣленіи труда, т. е. о

---

[1]) *Ad. Smith.* The wealth of nations. Book I. Chapter I. Of the division of labour, p. 3 (по изд. Макъ-Куллоха. London 1863). Конечно, Смитъ явно преувеличиваетъ значеніе невозможности раздѣленія труда въ земледѣліи, когда высказываетъ, далѣе, слѣдующее сужденіе: „Невозможность столь полнаго и всесторонняго раздѣленія различныхъ отраслей труда, прилагаемаго въ земледѣліи, есть, можетъ быть, причина, почему развитіе производительности труда въ земледѣліи отстаетъ отъ развитія производительности мануфактурнаго труда“. (Продолженіе этой цитаты см. выше, на стр 6, 1-ое примѣч.).

спеціализаціи отдѣльныхъ функцій опредѣленнаго производительнаго процесса, но о спеціализаціи отраслей земледѣлія, о спеціализаціи отдѣльныхъ хозяйствъ лишь на производствѣ одного или немногихъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Эта спеціализація производства не является раздѣленіемъ труда въ вышеозначенномъ смыслѣ и можетъ вовсе не сопровождаться имъ [1]). Обсужденіемъ этого вопроса въ связи съ вопросомъ объ общей производительности земледѣлія мы займемся въ другой связи.

Итакъ, природа требуетъ въ земледѣліи человѣческій трудъ въ аморфномъ, такъ сказать, сыромъ видѣ. При одинаковости качества выступаетъ на первый планъ количество. Какъ измѣняется это послѣднее? Отвѣтъ на этотъ вопросъ былъ, въ сущности, данъ уже въ предыдущемъ изложеніи, въ ученіи о законѣ убывающей производительности почвы. Согласно содержанію этого послѣдняго, ростъ производства сельскохозяйственнаго продукта требуетъ ростущихъ затратъ труда и капитала. Оставляя послѣдній пока въ сторонѣ, отмѣтимъ здѣсь, что увеличивающееся количество труда на единицу площади есть самое основное и вмѣстѣ самое элементарное условіе роста сельскохозяйственнаго производства. Эта истина подразумѣвается сама собою въ сельскохозяйственной литературѣ (не говорю уже у практическихъ сельскихъ хозяевъ). Изъ экономистовъ склоненъ былъ не признавать ее, кажется одинъ Марксъ; увлекшись своей конструкціей вытѣсненія постоянною частью капитала (орудія и матеріалы производства) перемѣнной (рабочая сила), которая въ общемъ правильно выражаетъ развитіе промышленности, но совершенно неприложима къ земледѣлію, Марксъ [2]), подъ одностороннимъ

---

[1]) Проф. Бакгаузъ въ своей статьѣ о раздѣленіи труда въ сельскомъ хозяйствѣ. (Prof. *Backhaus.* Die Arbeitstheilung in der Landwirthschaft въ Conrad's Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik, 1894. Dritte Folge, Band VIII) трактуетъ главнымъ образомъ о спеціализаціи сельскохозяйственнаго производства и очень мало о раздѣленіи труда Его выводъ относительно раздѣленія труда таковъ: „раздѣленіе труда въ сельскомъ хозяйствѣ въ приложеніи къ земледѣлію имѣетъ значеніе главнымъ образомъ въ разчлененіи различныхъ отраслей производства (хозяйственное раздѣленіе труда). Чрезъ то увеличивается и раздѣленіе отдѣльныхъ работъ (техническое раздѣленіе труда), но во всякомъ случаѣ это послѣднее можетъ быть проведено лишь въ слабой степени“ (374).

[2]) „Особенность капиталистическаго способа производства въ томъ, что оно непрерывно уменьшаетъ земледѣльческое населеніе относи-

впечатлѣніемъ опыта Англіи, распространялъ эту конструкцію и на земледѣліе; онъ считалъ возможнымъ даже абсолютное сокращеніе числа сельскохозяйственныхъ рабочихъ (въ обрабатывающей промышленности относительное сокращеніе числа рабочихъ не ведетъ къ абсолютному сокращенію, благодаря расширенію внѣшняго поля производства; въ земледѣліи такая компенсація не имѣетъ мѣста). Мнѣніе это, имѣвшее нѣкоторое вліяніе благодаря авторитету автора, основывается на апріорной конструкціи и односторонніхъ наблюденіяхъ [1]) и совершенно не можетъ быть поддерживаемо въ настоящее время. Развитіе производительности земледѣлія можетъ совершаться только при условіи все большей затраты рабочей силы. Мы видѣли, какъ капризно природа то зоветъ, то отталкиваетъ рабочаго, велитъ ему дѣлаться то пахаремъ, то сѣятелемъ, то косцомъ и т. д. Это общее веденіе процесса сельскохозяйственнаго производства можетъ быть лишь дѣломъ человѣка. Далѣе, цѣлый рядъ сельскохозяйственныхъ операцій можетъ быть выполненъ только руками человѣка, или, еще чаще, при непосредственномъ участіи человѣка, и это въ тѣмъ большей степени, чѣмъ внимательнѣе, чѣмъ интенсивнѣе воздѣлываніе земельнаго участка. Идеалъ интенсивности—огородная культура или культура лопатой почти всѣ механическія работы, даже разрыхленіе земли отдаетъ въ руки человѣка. Очень рискованно выставить какое-либо общее положеніе относительно тенденціи въ измѣненіи количества труда при ростѣ производства, потому что, какъ мы увидимъ ниже, ростъ этотъ можетъ совершаться въ самыхъ различныхъ направленіяхъ, и есть такія направленія, при которыхъ количество рабочей силы можетъ сокращаться, замѣняясь „капиталомъ“, т.-е. механическими орудіями производства;

тельно неземледѣльческаго, потому что въ индустріи (въ собственномъ смыслѣ) ростъ постояннаго капитала сравнительно съ перемѣннымъ связанъ и съ абсолютнымъ ростомъ хотя и относительно уменьшающагося перемѣннаго капитала; тогда какъ въ земледѣліи перемѣнный капиталъ, требующійся для эксплуатаціи даннаго участка земли, абсолютно убываетъ; слѣдовательно онъ можетъ расти лишь настолько, насколько привлекаются къ обработкѣ совсѣмъ новые участки земли“. (Das Kapital, III², 177).

[1]) Въ происхожденіи его играло роль и то обстоятельство, что Марксъ не дѣлалъ, повидимому, различія между сельскохозяйственными машинами и машинами въ крупной индустріи. Съ этимъ различіемъ мы познакомимся въ слѣдующемъ параграфѣ.

съ другой стороны, одно и тоже производство можетъ обходиться съ большимъ или меньшимъ количествомъ рабочей силы, ибо „факторы“ сельскохозяйственнаго производства — трудъ и капиталъ — могутъ въ различной степени замѣщать другъ друга. Но, отвлекаясь отъ этихъ частичныхъ отклоненій, мы можемъ выставить положеніе, что *въ общемъ* развитіе производительности сельскаго хозяйства требуетъ увеличивающагося количества живой рабочей силы, и этотъ ростъ не можетъ быть парализованъ или возмѣщенъ усиленіемъ другихъ факторовъ производства, ибо рабочей силѣ принадлежитъ вполнѣ опредѣленное мѣсто въ процессѣ производства и она не можетъ быть, въ извѣстныхъ границахъ, замѣнима чѣмъ бы то ни было.

Было бы излишне и безполезно пытаться здѣсь перечислить тѣ сельскохозяйственныя работы, которыя могутъ быть выполнены только рабочей силой, или найти количественное выраженіе потребности въ этой послѣдней при различныхъ условіяхъ хозяйства. Для иллюстраціи приведу примѣрныя разсчисленія нѣсколькихъ спеціалистовъ.

Фюлингъ [1]) говоритъ въ своей экономіи земледѣлія:

„Потребность въ рабочихъ необыкновенно различна; именно она различается:

a) сообразно различію системъ хозяйства;

b) сообразно различію экстенсивнаго или интенсивнаго веденія этихъ системъ;

c) соотвѣтственно пропорціи воздѣлыванія огородныхъ и торговыхъ растеній;

d) сообразно степени приложенія машинъ, приводимыхъ въ движеніе лошадиными или какими-либо другими движущими силами, и другихъ орудій, служащихъ къ замѣнѣ или поддержанію ручного труда.

Взявъ за основаніе многочисленные разсчеты и цифровыя данныя, у насъ имѣющіяся, мы можемъ составить слѣдующую таблицу.

Для обработки площади въ 100 гектаровъ обыкновенно требуется постоянныхъ рабочихъ (Gesinde), годовыхъ и поденныхъ рабочихъ вмѣстѣ, предполагая, что рабочій персоналъ состоитъ на $^1/_3$ изъ постоянныхъ рабочихъ и на $^2/_3$ изъ поденщиковъ и рабочихъ, нанимаемыхъ сдѣльно (Stücklöhnern):

[1]) *Fuhling.* Oekonomie der Landwirthschaft. Berlin. 1889. Стр. 255.

1) при экстенсивномъ хозяйствѣ, при простомъ трехпольѣ съ паромъ, при выгонномъ хозяйствѣ приблизительно съ $^1/_3$ подъ выгономъ отъ 15 до 20 человѣкъ;

2) при средне-интенсивномъ хозяйствѣ, улучшенномъ трехпольѣ съ обработкой пара, плодоперемѣннымъ хозяйствомъ съ незначительнымъ воздѣлываніемъ огородныхъ растеній отъ 25 до 35 человѣкъ;

3) при весьма интенсивномъ хозяйствѣ съ значительнымъ воздѣлываніемъ огородныхъ и торговыхъ растеній отъ 35 до 50 человѣкъ".

Зеттегастъ даетъ слѣдующія цифры [1]):

На 1 моргенъ ($^1/_4$ гектара) требуется рабочихъ:

при	постоянномъ выгонѣ	1— 2
„	лугахъ средняго качества	4— 10
„	зерновомъ и переложномъ хозяйствѣ .	12— 20
„	плодоперемѣнномъ хозяйствѣ . . .	30— 50
„	промышленномъ хозяйствѣ	60—130

По разсчету *Бензинга* [2]), общая потребность въ человѣческомъ трудѣ выражается при разныхъ системахъ хозяйства такъ:

при	трехпольномъ хозяйствѣ . .	712	рабоч. дней
„	норфолькскомъ плодоперемѣнномъ	1615	„ „
„	плодоперемѣнномъ хозяйствѣ съ значительнымъ производводствомъ свеклы . , . .	2608	„ „

Возрастающее количество труда при развитіи производительности земледѣлія есть частный случай дѣйствія общаго закона убывающаго плодородія почвы. Этотъ же законъ обусловливаетъ и другую особенность условій приложенія труда въ земледѣліи,— въ своемъ родѣ не менѣе важную.

Извѣстно, какъ шло развитіе обрабатывающей промышленности: каждый шагъ былъ здѣсь новымъ завоеваніемъ техники, повышавшей производительность труда, каждое новое усовершен-

[1]) *Settegast.* Die Landwirtschaft und ihr Betrieb, Band III, 135. Leipzig 1875.

[2]) *Franz Bensing.* Der Einfluss der landwirthschaftlichen Maschinen an Volks- und Privatwirtschaft. Breslau 1898. Стр. 42.

ствованіе въ значительной степени упразднило всѣ предыдущія. Если экономическая организація производства была капиталистическая, и стимуломъ производства является стремленіе къ полученію наибольшей прибыли, то и это стремленіе неизбѣжно принимаетъ форму стремленія къ повышенію производительности труда. Изучая исторію развитія капиталистической промышленности, Марксъ могъ съ полнымъ логическимъ правомъ представить стремленіе къ полученію наибольшей прибыли стимуломъ и техническаго прогресса, а самый прогрессъ изобразить какъ результатъ стремленія къ повышенію *относительной* прибавочной цѣнности. Это потому, что законъ развитія промышленности есть законъ увеличивающейся производительности труда.

Изъ этой особенности развитія обрабатывающей промышленности вытекаетъ безконечно важное по своему значенію соціально-экономическое слѣдствіе: возможность и экономическая цѣлесообразность того, что въ новѣйшей литературѣ носитъ названіе *экономіи высокой заработной платы* [1]) (economy of high wages). Повышеніе заработной платы оказывается не только экономически возможнымъ, но и выгоднымъ для предпринимателя, потому что съ повышеніемъ standart of life рабочаго повышается и производительность его труда. Высокая заработная плата въ современномъ капиталистическомъ хозяйствѣ является въ извѣстныхъ случаяхъ однимъ изъ условій побѣды въ борьбѣ конкурренціи [2]). Много ли такихъ производствъ и каковы они, есть questio facti. Но остается во всякомъ случаѣ неоспоримымъ, что

[1]) Ученіе это, экономическимъ базисомъ которому лучше всего, на мой взглядъ, можетъ послужить теорія Маркса о производствѣ относительной прибавочной цѣнности, получило незыблемое право гражданства въ современной экономической наукѣ трудами Брентано (Ueber Verhältniss vom Arbeitslohn zur Arbeitsleistung), Шульце-Геверница (Der Grossbetrieb), Шенгофа (The economy of high wages и др. сочиненія), Гобсона (The evolution of modern capitalism) Гентона (Wealth and Progress), Брассея (Work and Wages) и др. Очевидно, что по своему содержанію это ученіе представляетъ прямое отрицаніе „желѣзнаго закона“ заработной платы Рикардо-Лассаля. Въ мою задачу не входитъ подробное развитіе и обоснованіе этого ученія. Полагаю, что въ столь общей формѣ, какъ оно выставлено въ текстѣ, оно не встрѣтитъ возраженій.

[2]) Этимъ не сказано, конечно, чтобы болѣе высокій уровень заработной платы давался рабочимъ безъ борьбы, или чтобы многіе предприниматели такимъ образомъ понимали свои интересы. Рѣчь идетъ о выясненіи объективной связи условій производства.

во многихъ, если не въ большинствѣ отраслей индустріи, повышеніе заработной платы, соотвѣтствующее или нѣсколько отстающее отъ повышенія производительности труда, не ложится тяжестью на производство, но съ избыткомъ выкупается повышеніемъ этой производительности. Лишь принятіе этого положенія дѣлаетъ возможнымъ пониманіе безспорнаго факта значительнаго повышенія заработной платы въ наиболѣе цвѣтущихъ отрасляхъ промышленности: прогрессъ производства несетъ въ себѣ, такимъ образомъ, зародышъ и соціальнаго прогресса. И насколько извѣстный уровень развитія рабочаго является необдимымъ условіемъ для поддержанія достигнутой производительности труда и высокой техники, настолько же является этимъ условіемъ и высокая заработная плата. Въ современной политической экономіи уже нѣтъ мѣста сомнѣнію, что интеллигентный и хорошо оплачиваемый рабочій есть такой же необходимый элементъ развитого производства, какъ и сложная и усовершенствованная машина.

Иное имѣемъ мы въ земледѣліи. Мы знаемъ уже, что здѣсь трудъ не увеличиваетъ, а постепенно уменьшаетъ свою производительность. Ибо производство не находится здѣсь въ рукахъ человѣка и подъ его контролемъ, какъ въ промышленности,— оно беретъ то, что̀ даетъ природа, а не то, что́ хочетъ взять искусный трудъ. Если сравнивать производство пищевыхъ продуктовъ въ двухъ различныхъ мѣстахъ, то, ceteris paribus, преимущество относительно производительности труда будетъ во всякомъ случаѣ принадлежать той странѣ, которая менѣе напрягаетъ производительныя силы земли, которая затрачиваетъ меньшее количество труда (и капитала). И передъ этимъ различіемъ теряютъ свое значеніе всѣ другія различія, а въ томъ числѣ разница въ искусности труда. Благодаря деспотизму природы, въ земледѣліи не можетъ быть поэтому „экономіи высокой заработной платы“. Наоборотъ, если бы опредѣленіе заработной платы зависѣло только отъ хозяйственнаго расчета предпринимателей данной отрасли производства, то единственно умѣстной въ земледѣліи была бы *экономія низкой заработной платы.* Не нужно много труда, чтобы понять это: если производительность труда постоянно убываетъ, независимо отъ качества этого труда, подъ вліяніемъ причинъ совсѣмъ постороннихъ, то, очевидно, нѣтъ никакихъ экономическихъ мотивовъ, нѣтъ экономической выгод-

ности повышенія заработной платы. Необходимость эта можетъ придти откуда-нибудь извнѣ, изъ причинъ, не имѣющихъ ничего общаго съ земледѣліемъ, но не изъ внутренняго его развитія. Это послѣднее толкаетъ къ пониженію заработной платы, гдѣ и насколько оно только возможно. Причины понятны. Если конкуррентомъ по производству хлѣбныхъ продуктовъ является страна съ менѣе напряженной производительностью силъ земли, очевидно, трудъ, прилагаемый въ этой странѣ, будетъ производительнѣй. Первой странѣ остается, чтобы до извѣстной степени уравнять условія конкурренціи, сбереженіе на тѣхъ издержкахъ производства, которыя еще можно уменьшить, и прежде всего на заработной платѣ.

Само собою разумѣется, мы не игнорируемъ тѣхъ различій въ заработной платѣ, которыя имѣютъ мѣсто и въ сельскомъ хозяйствѣ и вытекаютъ изъ различнаго качества рабочихъ. Не игнорируемъ, напр., того, что и для сельскаго хозяина выгоднѣе заплатить высшую плату трезвому и расторопному рабочему нежели низкую плату пьяному и лѣнивому. Не игнорируемъ и того, что на отдѣльныя функціи и въ земледѣліи необходимъ искусный трудъ, оплачиваемый высшей заработной платой, напр. машиниста, химика и т. д. Вполнѣ возможно также, что изъ двухъ сосѣднихъ имѣній одно имѣетъ высшій доходъ чѣмъ другое именно благодаря высшей заработной платѣ и искусству своихъ рабочихъ [1]). Не отрицать эти отдѣльные случаи имѣетъ въ виду наше положеніе, но выяснить тѣ *общія* условія развитія производительности земледѣльческаго труда, которыя обусловливаютъ собою *общее* положеніе рабочаго класса и *общее* движеніе заработной платы.

„Экономія низкой заработной платы“ имѣетъ роковое значеніе для судьбы наемныхъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, также какъ (хотя и въ другомъ смыслѣ) для судебъ крупнаго производ-

---

[1]) Очевидно, главная ошибка, въ случаѣ еслибы эти примѣры были приведены какъ возраженіе нашему тезису, состояла бы въ томъ, что во всѣхъ этихъ случаяхъ сравниваются *равныя* въ общемъ условія производства: одинаковыя экономическія условія дѣлаютъ законъ убывающаго плодородія почвы какъ бы несуществующимъ. Но стоитъ только сравнить двѣ страны съ рѣзко различными условіями, и тотчасъ же станетъ ясно, что экономія высокой заработной платы въ земледѣліи не приложима.

ства въ земледѣліи. Вмѣстѣ съ тѣмъ это есть одно изъ важнѣйшихъ положеній теоріи сельско-хозяйственной экономіи, потому что лишь при свѣтѣ его становятся ясны историческія судьбы сельско-хозяйственныхъ рабочихъ и все ихъ отличіе отъ судебъ промышленнаго пролетаріата. Изученіе судебъ сельско-хозяйственнаго пролетаріата займетъ насъ позже, но въ настоящей связи мы должны отмѣтить одну черту въ его положеніи, вытекающую изъ общихъ свойствъ земледѣльческаго труда, которыя мы здѣсь изучаемъ.

Извѣстно, что такъ называемый пролетаріатъ или классъ наемныхъ рабочихъ распадается на очень иногда различныя части въ зависимости отъ того или иного положенія на іерархической лѣстницѣ раздѣленія общественнаго труда. Въ самомъ выгодномъ положеніи находятся тѣ рабочіе, спеціальность которыхъ требуетъ особой выучки, „skilled labour“. Они всего легче и успѣшнѣе смыкаютъ свои ряды въ отстаиваніи своихъ интересовъ и организуются въ трэдъ-юніоны, для нихъ наименѣе опасна взаимная конкурренція и т. д. и т. д. Ниже стоятъ рабочіе, не имѣющіе спеціальности и работающіе въ такихъ отрасляхъ, которыя не требуютъ спеціальной выучки. Эта общая категорія „unskilled labour“ еще распадается на опредѣленныя профессіи, лишь на днѣ своемъ имѣетъ она мутный осадокъ, не имѣющій опредѣленнаго назначенія: эта аморфная масса носитъ въ Англіи типичное названіе „general workers“.

Своеобразную позицію въ этой рабочей группировкѣ занимаютъ сельско-хозяйственные рабочіе. Особенность ея заключается съ одной стороны въ томъ, что они имѣютъ свою спеціальность. По крайней мѣрѣ, не многіе изъ городскихъ рабочихъ, окончательно „порвавшихъ связь съ землей“, не только захотѣли бы, но и смогли бы выполнять тяжелыя сельско-хозяйственныя работы. Какъ правило, они совершенно непереносимы для горожанина [1]). Итакъ сельско-хозяйственные рабочіе ограждены отъ конкурренціи сверху. Но это какъ разъ сторона, съ которой неопасна конкурренція и съ которой она не приходитъ.

[1]) Въ показаніяхъ свидѣтелей, которые вызывались многочисленными коммиссіями, изслѣдовавшими положеніе земледѣлія въ Англіи, я много разъ встрѣчалъ твердо выражаемое убѣжденіе въ неспособности городскихъ рабочихъ къ сельскохозяйственнымъ работамъ. Иногда эти показанія давались свидѣтелями, внушающими полное довѣріе.

То, что̀ благодаря своей грубости и непривлекательности, а отчасти благодаря вытѣсненію качествъ, нужныхъ для земледѣльца, новыми, городскими качествами, является недоступнымъ для горожанина, не составляетъ предмета никакой выучки для деревенскаго жителя. Земледѣльцами родятся всѣ тѣ, кто родится въ деревнѣ. Искусство земледѣльца всасывается съ молокомъ матери и развивается во всю послѣдующую жизнь. Всякій деревенскій житель, не окончательно лишенный всѣхъ способностей, есть уже земледѣлецъ. Спеціалистомъ земледѣлія дѣлаетъ не выучка, а рожденіе въ деревнѣ. Поэтому профессія сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, ограниченная сверху, ничѣмъ не ограничена снизу.

Чтобы понять это послѣднее положеніе, слѣдуетъ принять къ свѣдѣнію слѣдующія соображенія. Сельско-хозяйственныя работы распадаются на рядъ простыхъ и грубыхъ операцій. Въ своей основѣ, операціи эти остаются однѣ и тѣже съ той поры, какъ земля родитъ хлѣбъ и, добавимъ здѣсь, останутся безъ измѣненія до тѣхъ поръ, пока земля и будетъ родить хлѣбъ, а не станутъ его дѣлать въ лабораторіи [1]). Хлѣбъ (да и другіе важнѣйшіе хлѣбные злаки) съ технической стороны одинаково производится и въ Англіи и въ Россіи, и переселите сегодня русскаго мужика въ Англію, онъ завтра сможетъ участвовать въ сельско-хозяйственныхъ работахъ наряду съ англійскимъ, не взирая на всю разницу культуры. Я не фантазирую, потому что фактически въ Англію приходятъ и составляютъ тяжелую конкурренцію англійскому „hodge'y“ хуже чѣмъ русскіе мужики,— ирландскіе. Такую же конкурренцію нѣмецкому сельско-хозяйственному рабочему на востокѣ Пруссіи составляютъ польскіе и русскіе рабочіе. Факты эти были бы просто необъяснимы, если бы

[1]) Этому нисколько не противорѣчитъ тотъ фактъ, что въ отдѣльныхъ случаяхъ операціи эти производятся машинами, потому что главная цѣль этихъ машинъ (какъ на западѣ Соединенныхъ Штатовъ) замѣстить трудъ. Тамъ же, гдѣ трудъ не замѣщенъ машиной, а мы уже сказали, что онъ можетъ быть замѣщенъ ею или при особыхъ условіяхъ или въ ограниченной степени, тамъ трудъ этотъ производитъ однѣ и тѣ же простыя и грубыя операціи. Правда, онъ производитъ ихъ разными инструментами: соха смѣняется плугомъ, деревянная борона желѣзной, но всетаки работа сводится и въ томъ и въ другомъ случаѣ къ разрыхленію почвы. Насколько трудъ не замѣщается машиной, которая, естественно, часто приводитъ съ собой рабочаго-спеціалиста, на долю рабочаго остаются только грубыя операціи.

сельско-хозяйственная техника, или, точнѣе, ея отдѣльные моменты не были такъ просты и грубы, что некультурный рабочій можетъ побивать въ конкурренціи рабочаго по сравненію съ нимъ высококультурнаго. Ни въ одной другой отрасли промышленности голова и руки въ такой степени не могутъ быть отдѣлены другъ отъ друга какъ въ земледѣліи. Чтобы выгодно вести земледѣльческое предпріятіе, по крайней мѣрѣ, въ европейскихъ условіяхъ (кромѣ, конечно, спеціальныхъ культуръ), нуженъ хорошій управляющій или хозяинъ, хорошо умѣющій вести конторскія книги, рабочіе же его могутъ быть хоть ирландцы, хоть англичане, хоть русскіе, хоть нѣмцы, хоть... центавры.

Сельско-хозяйственный трудъ имѣетъ одно главное качество: *количество*, и тамъ, гдѣ можно высшее качество болѣе дорого оплачиваемаго труда замѣнить большимъ количествомъ худшаго, но болѣе дешеваго труда, тамъ такая замѣна и происходитъ. Такимъ образомъ, область сельско-хозяйственнаго труда характеризуется какъ область попреимуществу *деревенскаго* [2]) *необученнаго труда*. Исторія профессіональныхъ рабочихъ союзовъ показываетъ, что труднѣе всего организуются представители необученнаго труда (вслѣдствіе неограниченности конкурренціи); если къ этому присоединить еще специфическія трудности организаціи, создаваемыя деревенской жизнью, то станетъ понятно, почему единственная попытка сельско-хозяйственныхъ рабочихъ объединиться въ трэдъ-юніоны, сдѣланная въ классической странѣ трэдъ-юніонизма, въ Англіи, въ концѣ концовъ не увѣнчались успѣхомъ, какъ это будетъ показано въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Итакъ, господство природы въ земледѣліи, насколько оно касается земледѣльческаго труда, приводитъ къ тому, что онъ является самымъ малопроизводительнымъ, грубымъ видомъ труда вообще, а его носитель—наемный сельскохозяйственный рабочій,—поскольку этому не мѣшаютъ другія условія, остаётся паріей рабочаго сословія, забитымъ пасынкомъ природы.

[2]) Я говорю „по преимуществу“ потому, что иногда, въ видѣ исключенія, конкурренція приходитъ и изъ города, отъ переселившихся туда деревенскихъ жителей, еще не разорвавшихъ вполнѣ связь съ землей. Напр. въ Англіи таковыми являются городскіе „general workers“, выполняющіе и сельскохозяйственныя работы. Признаніе этого факта выразилось въ томъ, что возникшія въ Англіи съ 1875 года организаціи обнимали сельскохозяйственныхъ и „общихъ“ рабочихъ (Agricultural and General Workers Union).

3) Орудія земледѣльческаго производства. Сравненіе крупнаго и мелкаго производства.

Человѣкъ отвоевываетъ у природы возможность своего физическаго существованія, конечно, не съ голыми руками; онъ ставитъ здѣсь, какъ и вездѣ, между собою и объектомъ своего труда рабочій инструментъ, или же употребляетъ другія средства для достиженія своихъ производительныхъ цѣлей. Орудіями земледѣльческаго производства въ широкомъ смыслѣ являются сѣмена и различныя формы удобренія столько же, сколько сельскохозяйственныя машины, соха и борона. Первыя могутъ быть выдѣлены, пожалуй, въ категорію сырого матеріала, какъ въ промышленности, но эта классификація для насъ здѣсь безполезна. Несомнѣнно, на извѣстной стадіи развитія земледѣлія удобреніе столь же необходимо для производства, какъ и разрыхленіе земли, все равно, первобытной сохой или паровымъ плугомъ.

Изложеніе различныхъ теорій удобренія, равно какъ ученіе о сельскохозяйственныхъ орудіяхъ и ихъ свойствахъ принадлежитъ агрономіи. Наше вниманіе они могутъ занять настолько, насколько пониманіе техническихъ условій производства необходимо для пониманія экономическихъ особенностей земледѣлія. Основной проблемой является здѣсь выясненіе роли сельскохозяйственныхъ машинъ, сравнительно съ ихъ ролью въ промышленности. Для пониманія этой роли намъ слѣдуетъ обратиться къ общему экономическому ученію о машинахъ.

Выясненіемъ общаго значенія машинъ экономическая литература обязана главнымъ образомъ Марксу. Его анализъ остается непревзойденнымъ и по настоящее время, и есть, безспорно, лучшее, что было написано экономистомъ о машинахъ. Какъ показалъ Марксъ, революціонирующее значеніе въ машинахъ имѣетъ не двигательная сила пара или электричества (эта двигательная сила одинаково можетъ исходить и отъ лошади или человѣка), и не передаточный механизмъ. Революція исходитъ изъ рабочаго инструмента, который машина беретъ изъ рукъ рабочаго [1]); тѣмъ самымъ производство сразу эмансипи-

[1]) «Рабочая машина есть такой механизмъ, который, по сообщеніи ему надлежащаго движенія, исполняетъ съ помощью своихъ инструмен-

руется отъ естественныхъ границъ рабочей силы и превращается уже въ сознательное приложеніе научной технологіи, въ раціональное примѣненіе данныхъ научнаго опыта [1]).

Одна машина не создаетъ еще машиннаго производства: оно создается вполнѣ лишь комбинаціей нѣсколькихъ машинъ или системой машинъ. Бываютъ случаи, что одна машина выполняетъ цѣлый рядъ производительныхъ операцій, на которыя разлагается производство продукта (примѣромъ можетъ послужить приводимое Марксомъ производство машинныхъ конвертовъ). Но чаще приготовленіе продукта выполняется системой машинъ; весь процессъ производства разлагается на нѣсколько болѣе или менѣе простыхъ операцій, предоставляемыхъ различнымъ машинамъ, къ которымъ послѣдовательно и попадаетъ перерабатываемый сырой матеріалъ [2]). Всѣ эти отдѣльныя машины получаютъ движеніе отъ центральнаго, общаго двигателя, — такимъ образомъ, весь процессъ есть одно цѣлое. Какъ съ неподражаемой мѣткостью и выразительностью характеризуетъ это Марксъ: „Машинное производство, въ своей развитой формѣ, представляетъ расчлененную систему автоматическихъ рабочихъ машинъ, получающихъ свое движеніе при помощи передаточнаго механизма отъ одного центральнаго авто-

---

товъ тѣ же самыя операціи, которыя прежде исполнялъ работникъ при помощи инструментовъ подобнаго же рода. Будетъ-ли двигательной силой человѣкъ, или же эта двигательная сила будетъ снова порождаться какою-нибудь машиною, особенно предназначенною для этого, обстоятельство это нисколько не измѣняетъ сущности дѣла. Послѣ того какъ инструментъ въ собственномъ смыслѣ взятъ изъ рукъ человѣка и переданъ механизму, на мѣсто простого инструмента выступаетъ машина... Такимъ образомъ, число инструментовъ, которыми работаетъ одновременно одна и та же рабочая машина, съ самаго же начала вполнѣ эмансипируется отъ тѣхъ органическихъ границъ, которыми стѣснено количество ручныхъ инструментовъ, употребляемыхъ одновременно однимъ и тѣмъ же работникомъ». (Капиталъ, I, 325).

[1]) При машинномъ производствѣ процессъ его „разлагается на свои составныя фазы, и задачи наилучшаго выполненія каждой спеціальной работы и наивыгоднѣйшаго соединенія между собою различныхъ спеціализированныхъ работъ разрѣшается здѣсь посредствомъ техническаго приложенія механики, химіи и т. д.“ (ib. 331).

[2]) «Каждая спеціализированная машина доставляетъ другой, слѣдующей за ней машинѣ, ея сырой матеріалъ; а такъ какъ всѣ эти машины дѣйствуютъ одновременно, то продуктъ находится непрерывно на всѣхъ ступеняхъ своего производства, точно также какъ и во всѣхъ моментахъ перехода изъ одной фазы производства въ другую». (ib. 332).

мата. На мѣсто отдѣльныхъ машинъ выступаетъ при этомъ огромное механическое чудовище, громадное тѣло котораго наполняетъ собою все фабричное зданіе, и демоническая сила, скрытая вначалѣ въ почти торжественно-размѣренныхъ движеніяхъ его исполинскихъ членовъ, прорывается въ лихорадочно-бѣшеной плескѣ его безчисленныхъ рабочихъ органовъ, исполнительныхъ механизмовъ“ [1]).

Итакъ, сущность и революціонирующая сила машины въ томъ, что она замѣщаетъ собою человѣка [2]); изъ руководителя производства она превращаетъ его въ простой придатокъ, одинъ изъ своихъ органовъ. Въ машинномъ производствѣ рабочій уже не производитъ продуктъ, — это дѣлаетъ машина; рабочій служитъ машинѣ, и его дѣло нерѣдко не имѣетъ никакой непосредственной связи съ производствомъ именно даннаго продукта: кочегаръ, смазчикъ, машинистъ дѣлаютъ совершенно одно и то же на фабрикахъ, выдѣлывающихъ самые разнообразные продукты [3]). *Ра-*

---

[1]) Капиталъ, I, 333.

[2]) Въ новѣйшемъ опредѣленіи машины,—проф. Зомбарта, также указывается въ качествѣ основнаго признака замѣщеніе человѣческой работы: „машина есть рабочее средство, или совокупность ихъ, такъ устроенное, что оно выполняетъ вмѣсто человѣка работу, которую прежде долженъ былъ выполнять самъ человѣкъ,—слѣдовательно такое рабочее средство, которое замѣщаетъ, а не только поддерживаетъ человѣческій трудъ, — чѣмъ машина рѣзко отличается отъ рабочаго инструмента“ (Eine Maschine ist ein Arbeitsmittel oder ein Komplex von solchen, welches derart eingerichtet ist, dass es eine Arbeit, die sonst ein Mensch verrichten müsste, an Stelle des Menschen ausführt, ein Arbeitsmittel also, welches nicht-womit wir die Maschine scharf gegen das Werkzeug abgrenzen-menschliche Arbeit unterstutzt, sondern menschliche Arbeit ersetzt) (*W. Sombart.* Die gewerbliche Arbeit und ihre Organisation. Archiv für sociale Gesetzgebung und Statistik hrsg. von H. Braun 1899, XIV Band, I—III Heft, S. 33).

[3]) Этимъ я вовсе не хочу сказать, что раздѣляю мнѣніе, котораго склоненъ былъ держаться Марксъ, именно будто машина нивеллируетъ искусство рабочаго и дѣлаетъ его трудъ проще и безсодержательнѣе. Несомнѣнно, это вѣрно для многихъ случаевъ, но не приложимо ко всему машинному производству въ его цѣломъ. (Здѣсь правъ противъ Маркса даже *Bertheau*, авторъ Fünf Briefe an Julius Wolf über Marx). Иначе была бы вполнѣ непонятна исторія англійскаго трэдъ-юніонизма, въ которой такое значеніе играетъ профессіональная выучка. Эта техническая основа различна въ разныхъ странахъ въ зависимости отъ общеэкономическихъ условій (мы увидимъ еще, какими чертами машинное производство отличается въ Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ). Научное сравнительно-

бочій процессъ объективируется, такъ можно вкратцѣ формулировать значеніе машинъ въ производствѣ.

Можно указать два основныхъ условія, при которыхъ машина дѣйствительно овладѣваетъ производствомъ, а не является спорадически примѣняемымъ орудіемъ труда для выполненія отдѣльныхъ и опредѣленныхъ производительныхъ операцій. Первое изъ этихъ условій — то, что можно назвать свободой человѣческой воли въ политической экономіи: господство человѣка надъ производительнымъ процессомъ, отсутствіе въ немъ такихъ факторовъ или такихъ моментовъ, предъ которыми человѣкъ безсиленъ, относительно которыхъ его воля несвободна. Чтобы процессъ производства могъ быть объективированъ, онъ необходимо долженъ предварительно составлять предметъ субъективнаго человѣческаго усмотрѣнія, не быть уже ранѣе объективированнымъ природой. Ибо человѣкъ можетъ замѣщать машиною самого себя, но не природу, объективировать собственныя мысли и цѣли, но не силы природы (ясно, что свои силы человѣкъ замѣщаетъ только силами природы, извѣстнымъ образомъ комбинированными; здѣсь рѣчь идетъ не про эти силы, уже покоренныя человѣкомъ, но еще непокорныя его волѣ, а ее себѣ покоряющія).

Другое условіе господства машиннаго производства есть *непрерывность* производства. Машина съ своими равномѣрными, автоматическими движеніями тѣмъ полнѣе овладѣваетъ рабочимъ процессомъ, чѣмъ онъ непрерывнѣе. „Комбинированная рабочая машина, состоящая изъ расчлененной системы отдѣльныхъ разнородныхъ рабочихъ машинъ и изъ группъ такихъ машинъ, бываетъ тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ непрерывнѣе исполняемый процессъ во всемъ его цѣломъ, т. е. чѣмъ менѣе перерывовъ встрѣчаетъ сырой матеріалъ при переходахъ отъ его первой фазы до послѣдней фазы, т. е. гдѣ большую роль играетъ самъ механизмъ, а не человѣческія руки при такихъ переходахъ изъ одной фазы производства въ другую“ [1]).

Обращаясь къ земледѣлію, мы сразу видимъ, что это не есть

историческое изученіе профессіональнаго рабочаго движенія разныхъ странъ должно непремѣнно взять во вниманіе различія въ самой технической организаціи машиннаго производства, вмѣстѣ со всѣми другими условіями, и развить на этой основѣ базисъ для различной профессіональной группировки рабочаго класса.

[1]) Капиталъ, I, 332.

подходящая сфера для машиннаго производства, потому что для него здѣсь отсутствуютъ оба основныя условія. Съ одной стороны, земледѣліе характеризуется господствомъ природы въ процессѣ производства, несвободой человѣческой воли; съ другой стороны, рабочій процессъ отличается постоянными перерывами и является, въ сущности, сочетаніемъ нѣсколькихъ процессовъ, разнородныхъ производительныхъ операцій.

Какъ мы видѣли, машина вынимаетъ изъ ограниченныхъ и слабыхъ рукъ человѣка рабочій инструментъ и беретъ его въ свои желѣзныя руки: вмѣсто одного, самое большее двухъ веретенъ, она начинаетъ сразу крутить ихъ нѣсколько десятковъ; вмѣсто легкаго молотка она вооружается молотомъ въ нѣсколько сотъ тысячъ тоннъ и ковать имъ заразъ колоссальныя массы желѣза; вмѣсто неувѣренной и неточной работы человѣка она съ математическою правильностью выполняетъ какъ микрометрическія такъ и колоссальныя работы.

Машина не можетъ сдѣлать ничего подобнаго относительно производства земледѣльческихъ продуктовъ, ибо до сихъ поръ рабочій инструментъ этотъ находится въ рукахъ не у человѣка, а у матери-природы. Это — не метафора, а, какъ мы видѣли выше, сама дѣйствительность: до тѣхъ поръ, пока не вырванъ изъ рукъ природы рабочій инструментъ, машинѣ нѣтъ доступа къ земледѣльческому производству.

Ей могутъ быть доступны лишь тѣ части производительнаго процесса, которыя доступны и воздѣйствію человѣка. Но человѣку принадлежитъ въ процессѣ земледѣльческаго производства не роль творца, а подсобника: отъ него требуется выполненіе опредѣленнаго количества работы опредѣленнаго вида,—ни больше, ни меньше; больше—значило бы безсмысленно затрачивать трудъ, меньше—повредить—иногда существенно-общему ходу производства. Для выполненія этой совершенно опредѣленной задачи человѣкъ можетъ въ отдѣльныхъ случаяхъ ставить вмѣсто себя машину.

Для насъ сразу ясно, какая глубокая, коренная разница существуетъ между ролью машины въ обрабатывающей промышленности и въ земледѣліи: очевидно, она не можетъ здѣсь ни въ какой мѣрѣ революціонизировать *производство*, удесятеряя производительность труда. *Технически* немногія изъ сельскохозяйственныхъ машинъ могутъ быть причислены къ машинамъ въ строгомъ

смыслѣ слова, *экономически* это всегда—*рабочій инструментъ*, а не машина. Силы природы обрѣзываютъ крылья машинному производству въ земледѣліи и не позволяютъ объективировать его, какъ это имѣетъ мѣсто относительно другихъ производственныхъ процессовъ [1]).

Объективированіе это невозможно и въ другомъ смыслѣ, въ смыслѣ невозможности устраненія господства субъективнаго фактора въ производствѣ,—человѣка. Машина не только не можетъ здѣсь превратить работника въ свой придатокъ, но этому работнику остается по прежнему роль руководителя процесса, и въ этомъ смыслѣ машина въ земледѣліи еще разъ является не машиной, а рабочимъ инструментомъ. Причина заключается въ томъ, что земледѣльческое производство отличается перерывами, а кромѣ того различныя операціи выполняются въ разныхъ мѣ-

---

[1]) Авторъ спеціальной монографіи о сельскохозяйственныхъ машинахъ *Ф. Бензингъ* говоритъ: „очевидно, что сельскохозяйственныя машины не способны къ такому безграничному повышенію производства, какъ промышленныя, потому что производство сельскохозяйственныхъ продуктовъ связано съ извѣстными границами, за которыми невозможно увеличеніе производства несмотря на примѣненіе всевозможныхъ средствъ“ (l. c 77). По цитируемому имъ же отзыву *Перельса* „для повышенія производства въ сельскомъ хозяйствѣ машины могутъ сдѣлать очень мало и должны въ этомъ отношеніи ограничиться почти исключительно болѣе совершенной обработкой почвы“ (ib). Чрезвычайно ясное пониманіе отличія земледѣлія отъ промышленности въ этомъ отношеніи мы встрѣчаемъ также у француза *Lecouteux*: „большинство сельскохозяйственныхъ машинъ, говоритъ онъ, отличается отъ промышленныхъ машинъ, благодаря которымъ создались условія производства на большихъ фабрикахъ. Эти могучія машины мануфактурной промышленности не получаютъ двигательной силы отъ человѣка, отъ рабочаго, совсѣмъ напротивъ, они сами даютъ ее ему такимъ образомъ, что каждый поворотъ колеса есть приказаніе, которому рабочій долженъ повиноваться. Съ этого времени машины сами регулируютъ скорость производства; онѣ сообщаютъ движеніе; онѣ по своей регулярности, въ извѣстномъ смыслѣ, являются лучшими контролерами, лучшими надзирателями на службѣ у хозяина фабрики. Опредѣляя ихъ силу, ихъ скорость, онъ самъ опредѣляетъ тѣмъ количество труда, которое онѣ должны выполнить. Присоедините къ этому, что на фабрикахъ производятся такіе продукты, которые не могли бы въ настоящее время быть произведены безъ содѣйствія машинъ, и вы поймете, что крупная индустрія болѣе независима, чѣмъ крупная культура въ земледѣліи противъ расточительности живого труда“. (*Lecouteux*. Cours d'économie rurale, tome I. Paris, 1879, стр. 174).

стахъ; здѣсь нѣтъ той концентраціи производства, которая имѣется въ промышленности. Благодаря перерывамъ и перемѣнѣ мѣстъ общее руководство процессомъ принадлежитъ человѣку, потому что только его разумная воля можетъ руководить всѣмъ ходомъ производства, въ которомъ столько случайностей, столько сложности, что онъ не поддается автоматическому регулированію машины [1]). Очень характерно, что даже двигательную силу эти машины могутъ получать какъ отъ человѣческой руки, такъ и отъ скота или парового мотора. По авторитетному свидѣтельству Гвидо Крафта, „изъ всѣхъ моторовъ, употребляемыхъ для приведенія сельскохозяйственныхъ машинъ въ движеніе, человѣческая сила даетъ наилучшій результатъ (den grössten Nutzeffekt); рядомъ съ нею стоитъ сила животныхъ, далѣе слѣдуютъ въ убывающей прогрессіи сила воды, вѣтра и пара“ [2]). Про какую же другую отрасль промышленности можно сказать это!

---

[1]) „Несомнѣнно, земледѣльческая механика имѣетъ тенденцію увеличивать полезное дѣйствіе ручнаго труда, присоединяя и трудъ разныхъ машинъ; несомнѣнно, является прогрессомъ выполненіе посредствомъ инструментовъ работъ, которыя были возможны только для человѣческой руки; несомнѣнно, является прогрессомъ употребленіе на нашей фермѣ паровыхъ двигателей, представляющихъ отъ 4—6 лошадиныхъ силъ. Но для цѣлой массы земледѣльческихъ работъ всегда дѣятельность рабочаго опредѣляетъ собою весь ходъ дѣла (l'activité de l'ouvrage); всегда остается, что по доброй волѣ возчика плугъ, борона, сѣялка, экстирпаторы останавливаются или работаютъ, причемъ управитель, какъ бы дѣятеленъ онъ ни былъ, никогда не можетъ избѣжать извѣстной потери времени“ (Leconteux, l. c., p. 175).

[2]) *Dr. Guido Krafft.* Lehrbuch der Landwirtschaft, Band IV, S. 77. Berlin 1892, 5-te Auflage. „Что же касается издержекъ производства, продолжаетъ Крафтъ,—то самыми дешевыми въ общемъ являются сила воды и вѣтра, за ними слѣдуетъ сила пара, и самою дорогою является сила человѣка“. Ср. также разсужденія *Lecouteux*: „тогда какъ въ промышленности съ большей выгодой употребляются неодушевленныя силы, именно сила пара, земледѣліе—и въ этомъ заключается одна изъ самыхъ характерныхъ его особенностей—употребляетъ главнымъ образомъ живую силу для приведенія въ движеніе своихъ машинъ. И тогда какъ промышленныя учрежденія, занимая какіе-нибудь нѣсколько аровъ, приводятъ въ движеніе свои рабочія машины двигателями отъ 30 до 300 лошадиныхъ силъ, земледѣліе, принужденное разбрасываться на большое разстояніе, преодолѣвать измѣняющееся сопротивленіе, впрягать то одну лошадь въ легкій плужокъ, то двѣнадцать быковъ въ глубоко забирающій плугъ и т. д., не можетъ утилизировать силу пара иначе какъ въ формѣ небольшихъ машинъ отъ 4 до 6 лошадиныхъ силъ“ (l. c. 172).

Техническое raison-d'être введенія сельскохозяйственныхъ машинъ, въ смыслѣ вліянія ихъ на производительность труда, весьма сомнительно и далеко не является въ такой степени безспорнымъ и, главное, всеобщимъ, какъ это имѣетъ мѣсто въ индустріи. Что сельскохозяйственныя машины не могутъ вліять на общую производительность продукта, или, если могутъ, то только косвенно,—напр. путемъ лучшей вспашки при паровой обработкѣ почвы, мы уже видѣли. Поэтому вопросъ о технической раціональности сельскохозяйственныхъ машинъ можетъ имѣть только одно значеніе: лучше или хуже чѣмъ какимъ-либо другимъ способомъ (человѣческой рукой или скотомъ), выполняются данныя производительныя операціи машиной; какъ показываетъ уже самая постановка вопроса, роль машины представляется здѣсь вовсе не исключительною, какъ въ индустріи, это лишь одинъ изъ способовъ достиженія даннаго производительнаго эффекта.

Нѣтъ ни одной сельскохозяйственной машины, преимущества которой не оспаривались бы въ сельскохозяйственной литературѣ. Относительно многихъ прямо утверждается, что онѣ работаютъ хуже нежели человѣческая рука или скотъ [1]). Наиболѣе выдаю-

[1]) Интересенъ слѣдующій отзывъ Эшби и Кинга о сельскохозяйственныхъ машинахъ въ Англіи, гдѣ онѣ получили наибольшее распространеніе, чѣмъ въ остальныхъ частяхъ Европы. Обсуждая вліяніе машинъ на заработную плату, эти авторы говорятъ: „результаты введенія новѣйшихъ сельскохозяйственныхъ машинъ для заработной платы очень сложны a) Молотилки, выгоды которыхъ безспорны, съ давняго времени находятся во всеобщемъ употребленіи, такъ что не могутъ уже имѣть вліянія на заработную плату. b) Жнеи и косилки, распространеніе которыхъ также всеобще, но выгодность которыхъ часто подвергается сомнѣнію. Во многихъ мѣстахъ жнутъ и косятъ рукой, часто у лучшихъ фермеровъ: при жатвѣ, кромѣ случаевъ очень легкихъ урожаевъ, издержки на акръ не представляютъ большой разницы при ручной и машинной работѣ, но если хлѣба слишкомъ „полегли“ („laid“) отъ вѣтра, то употребленіе машины невозможно. Можно сомнѣваться поэтому, вытѣсняютъ ли они трудъ въ настоящее время. c) Самовяжущія жатвенныя машины проникли лишь въ послѣднее время и вытѣсняютъ трудъ въ большомъ количествѣ, но они не могутъ быть употребляемы съ выгодой, если хлѣба тяжелы или полегли. d) Паровые плуги, при которыхъ издержки на акръ немного меньше чѣмъ при вспашкѣ лошадьми; ихъ производительность зависитъ отъ характера почвы,—на тяжелыхъ глинистыхъ почвахъ они уже не употребляются такъ часто какъ 10 лѣтъ назадъ“ (*Joseph Ashby and Bolton King* Statistics of some Midland Villages, въ The Economic Journal, 1893, march—june, стр. 6). Ср. также *Bensing*, l. c. 91 и въ другихъ мѣстахъ (напр. вся глава VI).

щимся примѣромъ сельскохозяйственныхъ машинъ, вмѣстѣ и наиболѣе успѣшнымъ случаемъ ихъ приложенія является паровая обработка почвы, паровой плугъ (Dampfpflug). Но даже преимущества пароваго плуга признаются далеко не такъ единодушно какъ можно ожидать: наряду съ отзывами Фюлинга [1]), Перельса [2]) и др., считающихъ паровую обработку почвы наилучшею, мы имѣемъ цѣлый рядъ отзывовъ Штумпфе [3]), проф. Maercker'a, Кутцлеба [4]), согласно которымъ съ паровой обработкой болѣе или менѣе успѣшно могутъ конкуррировать и другіе способы обработки. Зато самая возможность паровой обработки требуетъ извѣстныхъ качествъ почвы (ровную поверхность, рыхлость и т. д.), которыя имѣются, конечно, въ ограниченномъ числѣ хозяйствъ [5]), а, кромѣ того, чрезвычайно обширныхъ размѣровъ имѣній, большихъ, чѣмъ позволяетъ интенсивная европейская культура [6]). Во всякомъ случаѣ, паровой плугъ есть

[1]) Fühling, l. c., S. 284.

[2]) „Является несомнѣннымъ и никѣмъ не оспаривается, что работа пароваго плуга гораздо лучше чѣмъ плуга, запряженнаго животными" (Spannpfluges). *Perels.* Die Anwendung der Dampfkraft in der Landwirtschaft. Halle. 1872. S. 307.

[3]) „Въ настоящее время всѣ согласны въ томъ, что борозда, проводимая паровымъ плугомъ, въ культурномъ отношеніи не имѣетъ абсолютно никакихъ преимуществъ предъ бороздой, проводимой плугомъ, запряженнымъ лошадьми". (*Stumpfe.* Ueber die Konkurrenzfähigkeit des kleinen und mittleren Grundbesitzes gegenüber dem Grossgrundbesitze въ Landwirtschaftliche Jahrbücher, 1896, стр. 87). Штумпфе приводитъ отзывъ проф. Kühn'a, что при глубинѣ борозды въ 30 сант. = 12 дюймовъ, работа скота дешевле чѣмъ пара, и что это можетъ быть даже при 14 дюймахъ. Обычная же глубина борозды даже и при воздѣлываніи свеклы 12—14 дюймовъ, такъ что и здѣсь работа скотомъ дешевле; почему является „вполнѣ несомнѣннымъ, что паровой плугъ не дѣлаетъ возможнымъ удешевленіе производства".

[4]) Кутцлебъ говоритъ, что паровой плугъ вовсе не есть „Medizin" для земли, и ссылается на отзывъ проф. Maercker'a въ Halle: „внимательно и своевременно выполненная скотомъ работа можетъ сдѣлать тоже самое, что и работа паровымъ плугомъ" (*Kutzleb.* Ist der bauerliche Wirtschafts-betrieb mit dem der grossen Güter konkurrenzfähig? Thiel's Landwirtschaftliche Jahrbücher, 1885, стр. 407.

[5]) „Паровой плугъ требуетъ обширной, по возможности ровной свободной отъ камней площади" (Perels, l. c. p. 4).

[6]) *Фюлингъ* (l. c. 290) считаетъ доходнымъ примѣненіе паровой обработкѣ лишь въ имѣніяхъ около 500 гектаровъ. „Чѣмъ больше имѣніе, тѣмъ больше выгоды".

единственная изъ сельскохозяйственныхъ машинъ, въ пользу которой могутъ быть приведены извѣстныя техническія соображенія; всѣ остальныя машины вводятся не по техническимъ, а по экономическимъ соображеніямъ, не потому, чтобы они производили лучше или, по крайней мѣрѣ, чтобы также какъ онѣ не могла работать человѣческая или животная сила, но потому, что ихъ работа *дешевле* [1]). Со стороны экономической мы еще будемъ касаться ихъ много разъ. Здѣсь же, во избѣжаніе недоразумѣній, достаточно замѣтить, что поскольку сельскохозяйственныя машины снимаютъ съ плечъ человѣка тяжелыя и черныя работы, введеніе ихъ можно привѣтствовать во имя цивилизаціи и интересовъ человѣчества. Однако, такъ какъ введеніе этихъ машинъ оказываетъ лишь слабое вліяніе на производительность труда и вводится подъ вліяніемъ хозяйственныхъ соображеній, то окончательная оцѣнка общественнаго значенія сельскохозяйственныхъ машинъ далеко не такъ безспорна какъ промышленныхъ. Я достаточно свободенъ отъ столь распространеннаго, особенно въ марксистской литературѣ предразсудка, согласно которому нужно видѣть прогрессъ во всякой машинѣ, чтобы признать, что есть и случаи, когда введеніе сельскохозяйственныхъ машинъ является общественно вреднымъ и хозяйственно реакціоннымъ. Во всякомъ случаѣ это questio facti, которая въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ рѣшается различно.

Можно-ли установить какую-либо тенденцію въ измѣненіяхъ степени участія машинъ въ сельскохозяйственномъ производствѣ? Руководящими соображеніями здѣсь являются слѣдующія. Машина находитъ тѣмъ большій доступъ во всякое и въ томъ числѣ сельскохозяйственное производство, чѣмъ въ большей степени оно можетъ быть разложено на однообразныя, автоматически выполняемыя работы, чѣмъ оно проще, одностороннѣе; съ другой стороны, чѣмъ больше поле дѣятельности машинъ, тѣмъ обширнѣе размѣры производства. Машинное производство, по самой своей природѣ есть массовое производство, и это до извѣстной степени остается въ силѣ и для земледѣлія (отчасти мы видѣли уже подтверж-

[1]) „Соціальныя и экономическія условія наложили гораздо болѣе глубоко на сельскохозяйственныя машины печать необходимости, чѣмъ фазы культурнаго развитія земледѣлія и скотоводства“. *Dr. FranzBensing.* Der Einfluss der landwirtshcaftlichen Maschinen auf Volks—und Privatwirtschaft. Breslau 1898. S. 32).

деніе этого на примѣрѣ пароваго плуга). Классической страной приложенія машинъ въ сельскомъ хозяйствѣ является западъ сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ [1]) (знаменитыя „пшеничныя фабрики“ Небраски и Дакоты, пугало европейскаго земледѣлія). Оставляя для дальнѣйшаго изложенія экономическія условія развитія машиннаго производства, отмѣтимъ здѣсь, что въ земледѣліи дальняго Запада существуютъ исключительныя техническія условія. Здѣсь подвергаются весьма поверхностной вспашкѣ для производства одного какого-нибудь хлѣба, чаще всего пшеницы, дѣвственныя равнины въ огромныхъ участкахъ. Все производство распадается здѣсь на нѣсколько простыхъ операцій, совершаемыхъ въ массовыхъ размѣрахъ. Развитіе машинизма является тутъ не техническимъ прогрессомъ, а варварскимъ способомъ выпахиванія дѣвственной почвы, и едва ли примѣръ этотъ заслуживаетъ подражанія, даже еслибы оно было мыслимо. Отходя отъ запада къ востоку, мы встрѣчаемъ и въ Америкѣ совершенно европейскія условія земледѣлія и то сравнительное отсутствіе машиннаго производства, которое имѣетъ мѣсто въ Европѣ.

Всѣ тѣ условія, которыя дѣлаютъ сельскохозяйственное производство разнообразнѣе, а, слѣдовательно, каждую вѣтвь производства, даже при сохраненіи неизмѣнныхъ размѣровъ всего хозяйственнаго комплекса, дѣлаютъ дробнѣе, препятствуютъ развитію машиннаго производства, стремятся вытѣснить машину изъ земледѣлія, замѣнить ее трудомъ человѣка или животныхъ. Еще болѣе содѣйствуетъ этому, конечно, введеніе такихъ отраслей сельскохозяйственнаго производства, которыя совсѣмъ недоступны машинамъ, напр., скотоводство. Измѣненіе роли машинъ опредѣляется, такимъ образомъ, общимъ направленіемъ развитія земледѣлія и преобладаніемъ въ послѣднемъ тѣхъ или другихъ отраслей, болѣе

[1]) Они всегда фигурируютъ какъ примѣръ того, что можетъ сдѣлать машина въ сельскомъ хозяйствѣ (потому они стали излюбленнымъ примѣромъ и въ марксистской литературѣ). При этомъ игнорируются всѣ техническія и экономическія особенности развитія этой страны. Соединенные Штаты ставятъ въ примѣръ европейскому земледѣлію, какъ будто Европа съ ея капиталами и техникой нуждалась бы въ такихъ указаніяхъ, еслибы существовала техническая и экономическая почва для развитія машиннаго производства въ сельскомъ хозяйствѣ. Иногда въ это наивное заблужденіе впадаютъ и вполнѣ серьезные люди, (напр. проф. *Backhaus.* въ Agrarstatistische Untersuchungen).

или менѣе доступныхъ машинѣ. Очевидно, поэтому, что одного общаго отвѣта здѣсь дать нельзя. Можно, однако, опредѣлить самое общее направленіе развитія земледѣлія. Направленіе это ведетъ отъ экстенсивнаго и малопольнаго, однообразнаго хозяйства къ интенсивному и многопольному, разнообразному хозяйству, предѣлъ развитія котораго мы имѣемъ въ обработкѣ земли лопатой, огородной культурѣ. Конечно, это общее направленіе допускаетъ много отклоненій въ ту и другую сторону. Тѣмъ не менѣе, съ указанной оговоркой, мы имѣемъ право выставить общее положеніе, что развитіе земледѣлія суживаетъ поле возможнаго приложенія машинъ на счетъ труда людей или животныхъ.

И здѣсь мы имѣемъ, такимъ образомъ, нѣчто кореннымъ образомъ отличное отъ развитія промышленности. Тогда какъ въ этой послѣдней развитіе ведетъ къ усиленію машинизма, и все новѣйшее промышленное развитіе представляется побѣдоноснымъ шествіемъ машиннаго производства, въ земледѣліи мы имѣемъ случай не только отличный, но, въ извѣстномъ смыслѣ, даже противоположный.

Извѣстно, что въ обрабатывающей промышленности машины являются конкуррентами рабочаго и вытѣсняютъ этого послѣдняго,—замѣна человѣческаго труда есть, какъ мы видѣли, назначеніе машины. Примѣръ обрабатывающей промышленности побуждаетъ насъ поставить особый вопросъ и относительно земледѣлія: какъ вліяетъ введеніе машинъ на необходимое для сельскаго хозяйства количество рабочей силы? И здѣсь трудно дать одинъ общій отвѣтъ. Очевидно уже напередъ, что вліяніе машинъ въ сельскомъ хозяйствѣ не можетъ быть таково какъ въ индустріи. Мы уже видѣли, что машина не овладѣваетъ производствомъ въ его цѣломъ, а лишь отдѣльными его моментами; заполнить промежуточные моменты можетъ только рабочая сила; ей же, что еще важнѣе, принадлежитъ общее руководство процессомъ производства. Вообще, по справедливому замѣчанію Фюлинга, „машинный трудъ не имѣетъ своей задачей замѣнить ручной трудъ или же сдѣлать его совсѣмъ ненужнымъ, потому что уходъ за машиной требуетъ также ручнаго труда, и многія сельскохозяйственныя работы вообще могутъ быть выполняемы только посредствомъ ручнаго труда, именно многія тяжелыя работы, которыя къ тому же часто мѣняются, смотря по времени и мѣсту. Съ другой стороны, машинная работа призвана замѣнить многіе

виды ручнаго труда, напр., косилка, жнея. Въ частности работа паровыхъ машинъ призвана къ тому, чтобы вполнѣ замѣнить двигательную силу скота“ [1]).

Мы видѣли, что относительно большинства производительныхъ операцій въ земледѣліи *технически* безразлично, будутъ-ли они выполнены рабочей силой, скотомъ или машиной, иногда машинная работа даже хуже ручной. Машина вводится тогда по экономическимъ соображеніямъ, потому что машинная работа представляется въ данномъ случаѣ дешевле. Задачей, которая сознательно преслѣдуется въ такомъ случаѣ при введеніи машины, является замѣнить рабочихъ, имѣющихся уже въ наличности, или только потенціальныхъ. Примѣръ перваго мы видимъ напр., въ паровой молотилкѣ, которая значительно уменьшила количество рабочей силы, нужной для обмолотки [2]), примѣръ второй мы имѣемъ въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ введеніе машинъ часто бываетъ вынуждено недостаткомъ рабочей силы, такъ что безъ машинъ веденіе хозяйства во многихъ случаяхъ было бы прямо невозможно. Значеніе машинъ выражается и въ томъ, что онѣ уменьшаютъ до извѣстной степени ту неравномѣрность распредѣленія потребности въ трудѣ, которая была отмѣчена выше, замѣщая собою часть рабочей силы, нужной, напр., во время жатвы. Но возможенъ и обратный случай, именно, что они увеличиваютъ эту неравномѣрность: такое вліяніе имѣла, напр., въ Германіи помянутая паровая молотилка, которая выполняетъ главную работу и безъ того бѣднаго работами зимняго періода (полезность этой машины для всего сельскаго хозяйства поэтому болѣе чѣмъ сомнительна; мы еще встрѣтимся съ этимъ фактомъ). Особенность вытѣсненія ручного труда машиною, благодаря которой это вытѣсненіе дѣлается орудіемъ весьма обоюдоострымъ, заключается въ томъ, что машина дѣлаетъ излишними извѣстныя ручныя работы, но не рабочаго; если рабочій остается въ земледѣліи, то его заработокъ соразмѣрно уменьшается, онъ осуждается на вы-

---

[1]) Fühling, l. c. 268.

[2]) Samuelson въ своей книжкѣ Labour-saving machinery. London 1893, стр. 7, приводитъ слѣдующее сравненіе количествъ рабочей силы, требующейся въ нѣсколькихъ хозяйствахъ Англіи при ручномъ и машинномъ производствѣ: на косьбу травы въ 72 акра съ машиною 2 человѣка, безъ машины—9 человѣкъ, на жатву 3 при машинахъ и 12 безъ машинъ, вязку $2^1/_2$ и 12 и т. д.

нужденную праздность, и происходитъ безсмысленная съ общественной точки зрѣнія растрата рабочаго времени; если же онъ уходитъ, то терпятъ ущербъ другіе моменты производства, страдаетъ хозяйство. Это составляетъ своеобразное препятствіе приложенія машинъ въ земледѣліи; машины всегда обостряютъ вопросъ о рабочихъ въ земледѣліи, съ чѣмъ мы познакомимся далѣе.

Такъ или иначе, и по техническимъ соображеніямъ, недопускающимъ полной замѣны ручнаго труда машиннымъ и превращенія рабочаго въ придатокъ машины, и по общему направленію развитія земледѣлія, которое требуетъ большаго количества труда на единицу площади и большаго разнообразія производства, исключающаго обширное приложеніе машинъ, развитіе земледѣлія не можетъ быть изображено какъ постоянное усиленіе постоянной части капитала на счетъ перемѣнной, увеличеніе доли машинъ и вообще орудій производства въ общемъ составѣ капитала. Законъ постояннаго повышенія органическаго состава капитала неприложимъ въ земледѣліи. Я не хочу сказать этимъ, чтобы всегда имѣла мѣсто противоположная тенденція; въ извѣстныхъ случаяхъ это было бы также невѣрно. Но законъ повышенія органическаго состава капитала не выражаетъ общаго хода развитія производительности труда въ земледѣліи, какъ онъ выражаетъ это относительно промышленности [1]).

Однако остается неоспоримымъ, что въ извѣстныхъ предѣлахъ машина можетъ вытѣснять собою (или, точнѣе, замѣнять) рабочую силу скота или человѣка и наоборотъ. Возможность такой замѣны составляетъ особенность земледѣлія, неповторяющуюся въ другихъ отрасляхъ производства: одинъ и тотъ же продуктъ можетъ быть произведенъ различными комбинаціями факторовъ производства. Большее преобладаніе того или иного фактора даетъ

[1]) Повидимому, Марксъ не дѣлалъ различія между машинами вообще и сельскохозяйственными машинами, отожествляя ихъ экономическое значеніе (Ср. напр. Капиталъ, I, 490) Онъ выставляетъ какъ „несомнѣнный и давно извѣстный фактъ, что прогрессъ земледѣлія выражается въ непрерывномъ ростѣ постояннаго капитала сравнительно съ перемѣннымъ“ (Das Kapital, III² 293). Протестъ противъ этого односторонняго и невѣрнаго положенія составляетъ теоретическую заслугу проф. А. И. Скворцова, указавшаго, что утвержденіе Маркса „совершенно не подтверждается фактами исторіи развитія земледѣльческой техники“. (*Скворцовъ*. Основанія политической экономіи. Спб. 1898, стр 218. Ср. также *Его же*. О вліяніи пароваго транспорта на сельское хозяйство).

основаніе для классификаціи системъ хозяйства на экстенсивную съ одной стороны и интенсивную, причемъ послѣдняя распадается на трудоинтенсивную и капиталоинтенсивную. Основаніемъ первой классификаціи является большее или меньшее участіе даровыхъ силъ природы (мы можемъ сказать также: большее или меньшее вліяніе закона убывающаго плодородія почвы). Основаніемъ второй классификаціи является—при равной степени интенсивности—преобладаніе машинной работы или работы скота надъ человѣческой. Каждая изъ этихъ различныхъ системъ хозяйства имѣетъ свое относительное оправданіе и преимущества при опредѣленныхъ экономическихъ условіяхъ [1]). Съ этой классификаціей не слѣдуетъ смѣшивать классификацію системъ хозяйства съ сельскохозяйственной точки зрѣнія, съ которой различаются переложное, двухпольное, трехпольное, различныя формы многопольныхъ хозяйствъ. Это техническое различіе, конечно, лежитъ въ основѣ указаннаго экономическаго, но само по себѣ оно выходитъ за границы экономическаго изслѣдованія и не можетъ поэтому спеціально занимать насъ въ теперешнемъ изученіи.

Выяснившіяся до сихъ поръ техническія особенности земледѣлія позволяютъ отвѣтить на вопросъ, какая форма хозяйства,—крупная, средняя или мелкая,—имѣетъ техническое превосходство, какой формѣ свойственна наиболѣе выгодная комбинація различныхъ факторовъ сельскохозяйственнаго производства. Но

---

[1]) Вполнѣ отчетливое разграниченіе разныхъ системъ хозяйства мы встрѣчаемъ у Рошера: „Политикоэкономъ различаетъ системы земледѣлія главнымъ образомъ потому, въ какой пропорціи для воздѣлыванія земли затрачивается трудъ и капиталъ. Тѣ, которыя предоставляютъ возможно большее дѣйствіе фактору природы, мы называемъ экстенсивными; тѣ, которыя относятся съ возможной экономіей къ земельнымъ участкамъ, интенсивными. Между интенсивными различаютъ, смотря по тому, основывается ли интенсивность по преимуществу на преобладаніи труда или капитала, трудоинтенсивныя и капиталоинтенсивныя. Напр. англійское хозяйство весьма экономитъ трудъ, но весьма капиталоинтенсивно; китайское наоборотъ. Прежнее хозяйство вестъ-индскихъ плантаторовъ было страшно трудоинтенсивно благодаря рабству негровъ, причемъ почти не употреблялось рабочихъ животныхъ, плуговъ и т. п.“ (*W. Roscher*. Die Nationalokonomik des Ackerbaues und der verwandten Production. Stuttgart 1885, стр. 72—3). Краткій и хорошій обзоръ различныхъ системъ земледѣлія сдѣланъ *Гольцемъ* въ статьѣ Ackerbau въ Handwörterbuch der Staatswissenschaften.

прежде чѣмъ отвѣчать на этотъ вопросъ, мы отмѣтимъ одну особенность земледѣльческаго *продукта*, имѣющую весьма большое значеніе для даннаго вопроса.

Крупная машинная индустрія создала не только новые способы производства, но и—что не менѣе важно—она создала новые продукты для удовлетворенія старыхъ потребностей, и новыя потребности, которыя можно удовлетворить только новыми продуктами. Старыя потребности въ одеждѣ, обуви и т. д. машинная индустрія стала удовлетворять создавъ новыя формы одежды, обуви, новыя матеріи, новые фасоны и под. Никому въ голову не придетъ смѣшать старый рукодѣльный холстъ и продуктъ современной прядильной фабрики, грубое домашнее сукно и тончайшія фабричныя сукна и т. д. Можно сказать, что и здѣсь крупное производство также создало новыя потребности, измѣнивъ способъ удовлетворенія старыхъ. Многія потребности вызваны крупнымъ производствомъ въ томъ смыслѣ, что продукты, ихъ удовлетворяющіе, впервые вообще стали производиться въ крупномъ производствѣ: сюда относятся многіе предметы комфорта и роскоши; въ извѣстномъ смыслѣ можно сказать, что то, что современный европеецъ называетъ комфортомъ, есть созданіе массоваго производства. Далѣе, есть цѣлый рядъ производствъ, вызванныхъ исключительно потребностями крупнаго производства и сразу принявшихъ также форму послѣдняго: таковы различныя отрасли производства орудій производства; къ числу безспорныхъ областей крупнаго производства принадлежатъ такія, которыя только въ формѣ крупнаго производства и мыслимы, по самому характеру своего продукта: таково напр. все транспортное дѣло, желѣзныя дороги, телеграфы, телефоны, строеніе пароходовъ и т. д. Количество такихъ отраслей производства увеличивается на нашихъ глазахъ. И остается на современномъ рынкѣ культурныхъ націй лишь немного продуктовъ, которыя технически могутъ быть одинаково производимы и въ крупномъ и мелкомъ производствѣ въ зависимости отъ разныхъ экономическихъ условій. Для современной промышленности передовыхъ европейскихъ странъ характерна не борьба крупнаго и мелкаго производства съ перевѣсомъ въ ту или другую сторону, но постоянное увеличеніе числа такихъ отраслей производства, которыя могутъ быть ведены только въ крупной, (а иногда, хотя и рѣдко, только въ

мелкой) формѣ производства [1]). Вопроса о преимуществахъ крупнаго или мелкаго производства опредѣленныхъ продуктовъ не можетъ даже и возникнуть: продуктъ самой своей потребительной формой заштемпелеванъ какъ продуктъ крупнаго производства. Итакъ, въ крупномъ производствѣ въ области промышленности изготовляются или совсѣмъ новые продукты, никогда не изготовлявшіеся въ мелкомъ, или же, въ немногихъ случаяхъ, одни и тѣ же продукты изготовляются совершенно *иначе,* иными техническими пріемами.

Сравнительно съ промышленностью земледѣліе отличается поразительнымъ консерватизмомъ: основные продукты земледѣлія и животноводства неизмѣнны также какъ устройство человѣческаго желудка, и во всѣ вѣка добывались при посредствѣ по существу однородныхъ операцій. Возьмите горсть зерна изъ XV вѣка, еслибы она сохранилась какимъ-нибудь чудомъ, и горсть зерна нашего времени, зерно производимое русскимъ крестьяниномъ, его европейскимъ собратомъ, англійскимъ фермеромъ и „пшеничнымъ фабрикантомъ“ дальняго запада Соединенныхъ Штатовъ: не будучи спеціалистомъ, вы не замѣтите разницы, а если она и будетъ, то, вѣроятно, будетъ отражать разницу почвъ, а не условій производства. Въ булкѣ, которую вы ѣдите, вы уже окончательно не различите, сколько золотниковъ муки въ ней было произведено при крупнокапиталическихъ условіяхъ и сколько въ мелкомъ крестьянскомъ хозяйствѣ. Тоже можно сказать и относительно мяса и другихъ продуктовъ, кромѣ нѣкоторыхъ спеціальныхъ культуръ, составляющихъ исключительное занятіе крупныхъ или мелкихъ хозяйствъ. Продуктъ сельскаго хозяйства не измѣняется, такимъ образомъ, въ зависимости отъ размѣровъ хозяйства, отъ формы производства: мать природа, которая повелѣваетъ земледѣліемъ, стоитъ выше этихъ различій.

Другая отличительная черта земледѣльческаго продукта, связанная, впрочемъ, съ первой, есть его практически безграничная *дробимость.* Данное количество хлѣба можетъ быть произведено въ одномъ хозяйствѣ, можетъ быть произведено въ десяти, въ двадцати, и т. д., этого, при равныхъ, конечно, качест-

[1]) Это слѣдовало бы принять во вниманіе тѣмъ, кто по даннымъ статистики о ростѣ крупныхъ предпріятій дѣлаетъ выводъ въ пользу „концентраціи“ мелкихъ; послѣдняя можетъ совершенно отсутствовать и тѣмъ не менѣе число крупныхъ предпріятій расти.

вахъ продукта, никто не отгадаетъ, кромѣ купца, скупавшаго этотъ хлѣбъ. Тоже самое можно сказать и относительно стада скота, пригнаннаго на убой, и молока, вынесеннаго на рынокъ и т. д. Большинство продуктовъ сельскаго хозяйства обладаетъ безконечной дробимостью, и одно и то же количество хлѣба можетъ быть произведено въ латифундіи и въ цвѣточныхъ горшкахъ. Только эта дробимость дѣлаетъ возможной и понятной конкурренцію на одномъ рынкѣ хлѣба, производимаго въ Англіи, Россіи, Америкѣ, въ разныхъ мѣстахъ, разныхъ количествахъ и т. д., и эту дробимость отлично понимаютъ лондонскіе булочники, когда смѣшиваютъ, какъ наиболѣе выгодную смѣсь, русскую муку съ англійской или американской, и въ желудкѣ англичанина благополучно переваривается продуктъ сохи и мужицкихъ слезъ и пота съ машиннымъ продуктомъ алчнаго спекулянта какой-нибудь Дакоты...

Оба эти свойства земледѣльческаго продукта,—его однородность и дробимость, имѣютъ огромное значеніе для условій конкурренціи разныхъ формъ предпріятія, потому что ставятъ ихъ въ этомъ смыслѣ въ равныя условія, предоставляя преимущество той изъ формъ, которая можетъ производить наиболѣе выгодно.

На основаніи всего, что изложено выше, особенно относительно роли труда и машинъ въ сельскохозяйственномъ производствѣ мы не можемъ отдать преимущества рѣшительно никакой формѣ предпріятія, всѣ они могутъ быть хороши и плохи, это не вытекаетъ изъ формы производства какъ таковой, но изъ общихъ условій хозяйства. Мы видѣли, что машины не могутъ дать крупной формѣ хозяйства такого преимущества, какое они даютъ въ обрабатывающей промышленности [1]) Работа машинъ можетъ ис-

[1]) Является совершенно голословнымъ и противорѣчащимъ всѣмъ даннымъ опыта и здраваго смысла слѣдующее заявленіе Крафта: „чѣмъ болѣе машина находитъ доступъ въ крупное хозяйство, тѣмъ затруднительнѣе становится конкурренція для мелкихъ хозяйствъ, располагающихъ лишь человѣческой силой“ (Kraft l. c., IV, 78). Проф. ф. Міасковскій указываетъ слѣдующія пять невыгодныхъ особенностей, отличающихъ крупное производство въ земледѣліи: 1) меньшія выгоды отъ раздѣленія труда, сравнительно съ индустріей; 2) увеличеніе издержекъ производства благодаря необходимости надзора, которыя значительны благодаря централизаціи хозяйства; 3) машины не играютъ здѣсь такой роли какъ въ индустріи, потому что сельское хозяйство представляетъ для нихъ большія трудности; 4) спекуляціи въ сельскомъ хозяйсвѣ отводится гораздо

полняться человѣкомъ; мелкое хозяйство обыкновенно бываетъ богаче рабочей силой нежели крупное; кромѣ того, трудъ въ собственномъ хозяйствѣ, по общему свидѣтельству, отличается высшимъ качествомъ нежели наемный трудъ [1]). Конечно, при различныхъ условіяхъ выступаютъ большія или меньшія удобства той или иной формы производства. Въ общемъ можно присоединиться къ выводомъ *Аугагена*, который формулируетъ слѣдующимъ образомъ сравнительныя выгоды разныхъ хозяйственныхъ формъ:

1) „Мелкій крестьянинъ въ мѣстностяхъ съ весьма интенсивнымъ хозяйствомъ получаетъ высшую валовую жатву (Bruttoernte) на единицу площади, нежели *всякое* болѣе крупное хозяйство.

2) Онъ всегда имѣетъ большій доходъ съ единицы площади чѣмъ крупнокрестьянское хозяйство, потому что относительно прогресса сельскохозяйственной техники онъ стоитъ съ нимъ повсюду, по крайней мѣрѣ въ Германіи, на одной ступени.

3) Въ мѣстностяхъ съ менѣе развитымъ сельскимъ хозяйствомъ, крупное хозяйство приноситъ *часто* большій валовой доходъ (но не чистый доходъ) нежели мелкое хозяйство и крупнокрестьянское, потому что крупное хозяйство *въ такихъ мѣстностяхъ* болѣе усвояетъ себѣ прогрессъ сельскохозяйственной техники, нежели крестьянское хозяйство“ [2]).

Сравненіе данныхъ о дѣйствительной производительности крупнаго и мелкаго хозяйства не можетъ рѣшить вопроса объ ихъ техническихъ преимуществахъ, потому что сравниваемыя хозяйства могутъ находиться при разныхъ экономическихъ условіяхъ. Самое

менѣе мѣста чѣмъ въ индустріи; 5) меньшія выгоды кредита сравнительно съ индустріей (Prof. *v. Miaskowski.* Das Erbrecht und die Eigenthumstheilung im Deutschen Reiche I. 1882. стр. 11). Здѣсь перемѣшаны техническія и экономическія различія, къ неясности какъ тѣхъ, такъ и другихъ. Проф. Зерингъ считаетъ стоящимъ внѣ сомнѣнія, что крупному производству въ земледѣліи не принадлежитъ того рѣшительнаго превосходства, какъ въ обрабатывающей промышленности. См. его Die innere Kolonisation im Deutschen Reich. 1893, а также его рѣчь въ засѣданіи Verein für Sociale Politik: „Die Bodenbesitzvertheilung und die Sicherung des Kleinbetriebes“. (Schriften des V. f. Soc. Pol., B. 58).

[1]) *Auhagen*, l. c., 42: „воздѣлываніе полей въ мелкомъ хозяйствѣ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ выполняется лучше, чѣмъ въ крупномъ, гдѣ это дѣлается исключительно посредствомъ наемнаго труда“.

[2]) Auhagen, l, c. 46. Курсивъ автора.

большее, чтб могутъ дать такія данныя, это фактическое подтвержденіе того отрицательнаго вывода, что крупное производство не имѣетъ техническихъ преимуществъ предъ мелкимъ не только въ теоріи, но, при извѣстныхъ условіяхъ, и въ дѣйствительности. Такихъ сравненій дѣлалось въ экономической литературѣ не мало, во всякомъ случаѣ достаточно для того, чтобы подорвать въ непредубѣжденномъ и свободномъ отъ предразсудковъ читателѣ вѣру въ преимущество крупнаго производства вообще [1]).

[1]) Приведу для примѣра два подобныхъ сравненія. Аугагенъ въ цитированномъ уже много разъ изслѣдованіи сравниваетъ производительность двухъ хозяйствъ въ Ганноверѣ, находящихся приблизительно въ одинаковыхъ хозяйственныхъ условіяхъ, мелкое (I) и крупное (II). Урожай опредѣляется въ центнерахъ на гектаръ.

	I	II	I больше II.
Бобы	66	56	10
Рожь	64	56	8
Пшеница	80	64	16
Ячмень	60	56	4
Сахарная свекла . . .	816	740	76
Картофель	320	320	—
Клеверъ	260	210	50

Другой примѣръ находимъ въ новѣйшемъ изслѣдованіи *Karl Klawki* Ueber Konkurrenzfähigkeit des landwirtschaftlichen Kleinbetriebes (въ Thiel's Landwirtschaftliche Jahrbücher, 1899, Heft 3—4). Его сравненіе относится къ восточной Пруссіи. Авторъ сравниваетъ по 4 хозяйства крупныхъ, среднихъ и мелкихъ размѣровъ. Особенностью его сравненія является то, что, во первыхъ, доходы и расходы выражены въ деньгахъ, а затѣмъ, что авторъ переводитъ на деньги и ставитъ въ расходъ стоимость рабочей силы въ мелкомъ хозяйствѣ, гдѣ она не покупается; для нашей цѣли такой пріемъ едва-ли правиленъ, тѣмъ не менѣе мы имѣемъ:

На 1 моргенъ.	Крупное хозяйство.				Среднее хозяйство				Мелкое хозяйство.			
	I	II	III	IV	I	II	III	IV	I	II	III	IV
Общій доходъ . . .	30,05	33,68	25,80	38,06	46,61	44,14	40,83	50,09	45,34	59,78	56,78	95,10
Общій расходъ	26,24	25,86	17,46	23,66	26,50	27,20	25,53	30,88	38,86	40,65	48,80	78,35
Чистая прибыль съ моргена . .	8,81	7,82	8,34	14,52	20,11	16,94	17,30	19,21	6,48	19,13	7,95	16,75
Чистая прибыль съ гектара . .	35,24	31,28	33,36	58,08	80,49	67,76	69,20	76,89	25,92	76,52	31,80	67

Нѣкоторыя отрасли сельскаго хозяйства особенно удобны для мелкой формы производства, таково напр. интенсивное стойловое скотоводство [1]), тогда какъ экстенсивное скотоводство составляетъ естественную область крупнаго хозяйства. Первоначальное воздѣлываніе американскихъ прерій, вѣроятно, во многихъ случаяхъ удобнѣе могло бы быть выполнено крупнымъ хозяйствомъ съ широкимъ приложеніемъ машинъ. Впрочемъ, машинный трудъ вовсе не исключается мелкой формой хозяйства, какъ мы увидимъ ниже изъ статистическихъ данныхъ [2]). Благодаря дробимости сельскохозяйственнаго производства, другую сторону котораго составляетъ, такъ сказать, его собирательность, возможность путемъ простого механическаго сложенія нѣсколькихъ хозяйствъ (особенно же нѣсколькихъ отдѣльныхъ производительныхъ операцій этихъ хозяйствъ) увеличенія размѣровъ производства, нѣтъ *техническихъ* препятствій къ коллективному пользованію даже крупными сельскохозяйственными машинами и для мелкаго хозяйства. Если площади хозяйствъ прилегаютъ другъ къ другу, то возможно, напр., коллективное пользованіе паровымъ плугомъ, который можетъ составлять или общинную собственность или принадлежать капиталисту, отдающему

Наибольшею доходностью отличается здѣсь среднее хозяйство, за нимъ слѣдуетъ мелкое и за нимъ крупное, которое оказывается такимъ образомъ позади всѣхъ.—Изъ старыхъ защитниковъ мелкаго крестьянскаго хозяйства заслуживаетъ упоминанія аргументація въ пользу производительности мелкихъ хозяйствъ *Thornton*. A plea for peasant proprietors 2-nd ed. London 1874.

[1]) *Кутилебъ* въ 1884 году на основаніи подавляющаго количества фактическихъ данныхъ выставилъ положеніе, что „какъ показываетъ опытъ, земледѣліе и скотоводство въ малыхъ и среднихъ имѣніяхъ находятся въ полномъ разцвѣтѣ и получаютъ чистый доходъ не меньшій чѣмъ въ крупномъ землевладѣніи“ (l. c. 447). Аугагенъ считаетъ скотоводство спеціальной областью, „Sicherheitsventil“ мелкаго хозяйства. *Klawki* въ цитированномъ изслѣдованіи говоритъ: „благодаря сравнительно значительному развитію скотоводства, мелкое хозяйство въ состояніи получать самый высшій доходъ (Einnahmen), который вдвое превосходитъ доходъ крупнаго хозяйства и въ полтора раза средняго“ (482)

[2]) Штумпфе справедливо указываетъ на то, что „наша сельскохозяйственная индустрія въ своемъ собственномъ интересѣ, чтобы пріобрѣсти возможно широкое поле сбыта, поспѣшила заняться изготовленіемъ машинъ самыхъ различныхъ размѣровъ, такъ что и работающій коровой крестьянинъ (Kuhbauer) можетъ получить свою сѣялку и т. д., по крайней мѣрѣ, въ лучшихъ частяхъ Силезіи онъ уже имѣетъ такія машины, одинъ, или вмѣстѣ съ сосѣдями“. (Stumpfe, l. c. 88).

его въ наемъ [1]); также доступны для мелкаго хозяйства и паровыя молотилки и т. д. Такимъ образомъ, *технически* мелкія хозяйства могутъ усвоивать себѣ многія преимущества крупныхъ.

Съ другой стороны, иногда по естественнымъ условіямъ производства, напр. по свойствамъ почвы, возможно только крупное хозяйство. Напр. какъ въ Англіи такъ и въ Германіи указываются районы съ тяжелыми известковыми или глинистыми почвами, воздѣлываніе которыхъ подъ силу только крупнымъ рабочимъ лошадямъ или машинамъ, употребленіе которыхъ возможно лишь въ крупномъ хозяйствѣ. Примѣры приводимъ въ подстрочномъ примѣчаніи [2])

---

[1]) Гвидо Крафтъ говоритъ: „чтобы сдѣлать доступнымъ и для мелкаго хозяина пользованіе машинной обработкой, рекомендуется снабженіе и пользованіе машинами и сильными двигателями посредствомъ товариществъ или наймомъ“ (Kraft, l. c. IV, 78) Фюлингъ рекомендуетъ во многихъ случаяхъ наемъ машинъ даже предпочтительно предъ ихъ покупкой, „Наемъ паровыхъ плуговъ, также какъ пріобрѣтеніе ихъ цѣлымъ товариществомъ распространяется все болѣе и болѣе въ пров. Саксоніи, въ Брауншвейгѣ, по Нижнему Рейну, въ Кельнской мѣстности и въ др. мѣстахъ, словомъ въ дистриктахъ съ производствомъ сахарной свеклы, которое требуетъ глубокой вспашки“ (Fühling, l. c. 284). Онъ же указываетъ, что „въ Англіи существуютъ только среднія и мелкія арендныя хозяйства: слѣдов. отсутствуютъ крупныя хозяйства. Тамъ было уже въ 1872 году около 2000 паровыхъ плуговъ, большая часть изъ нихъ пріобрѣталась въ наемъ“ (290) Паровой плугъ требуетъ, такимъ образомъ, настолько обширной площади, что даже капиталистическія хозяйства Англіи (также какъ большинство ихъ въ Германіи) оказываются слишкомъ малы, чтобы сполна использовать его и принуждены поэтому прибѣгать къ совмѣстному пользованію.

[2]) По указанію Аугагена (цит. ст.) на тяжелой известковой почвѣ такъ называемаго Gaus, влѣво отъ Саара, является наиболѣе подходящей средняя или крупная форма хозяйства, потому что такая почва можетъ быть вспахана только двумя крѣпкими лошадьми, которыхъ не можетъ быть въ мелкомъ хозяйствѣ; на песчаной почвѣ округа Deutsch Croner Kreis въ зап. Пруссіи напрасно искать хозяйствъ менѣе двадцати гекторовъ и под.—Свидѣтель Squarey, вызванный въ коммиссіи для изслѣдованія вопроса о мелкомъ хозяйствѣ показалъ: „мой опытъ опредѣленно говоритъ мнѣ, что размѣръ и характеръ хозяйствъ въ Англіи зависитъ главнымъ образомъ отъ физическихъ свойствъ земли. Въ обширныхъ известковыхъ округахъ Англіи при настоящемъ положеніи вы не можете имѣть мелкихъ хозяйствъ; они не могутъ быть выгодно воздѣлываемы въ формѣ мелкихъ хозяйствъ“ (Report from the select Committee on Small Holdings. 1889. Minutes of evidence. Вопросъ 3733). Въ отчетахъ коммиссіи

Если съ технической стороны не можетъ быть отдано рѣшительнаго преимущества ни одной изъ формъ сельскохозяйственнаго предпріятія, то могутъ быть опредѣлены, по крайней мѣрѣ, въ тенденціи, тѣ предѣлы,—maximum и minimum, между которыми могутъ безъ вреда для хозяйства помѣщаться его размѣры. Очевидно, для каждой спеціальной сельскохозяйственной культуры предѣлъ этотъ будетъ различенъ. Но для насъ, интересующихся выясненіемъ самаго общаго направленія развитія, важны лишь общія измѣненія, вытекающія изъ основныхъ условій развитія. Рѣшающимъ является здѣсь то обстоятельство, что развитіе сельскохозяйственной культуры заставляетъ затрачивать на единицу площади большее количество труда и орудій и матеріаловъ производства или, по принятому словоупотребленію, капитала. Очевидно нижній предѣлъ, minimum земли, который можетъ составить безъ ущерба для техники производства отдѣльное хозяйство, постоянно понижается. „Размѣръ мелкаго крестьянскаго хозяйства, конечно, весьма мѣняется. Чѣмъ интенсивнѣе обрабатывается земля, тѣмъ меньше земли, при прочихъ равныхъ условіяхъ, требуется для мелкаго крестьянскаго хозяйства“. Auhagen, l. c., 51). Но понижается и maximum, тотъ комплексъ хозяйственныхъ операцій, который можетъ вестись по объединяющему плану, характеризующему цѣльное хозяйство. Мы знаемъ

1894—7 годовъ по изслѣдованію аграрнаго кризиса Henry Rew, изслѣдовавшій Salisbury plain district of Wiltshire, говоритъ: господство крупныхъ фермъ въ этомъ дистриктѣ „есть не столько результатъ экономическихъ причинъ, сколько геологическихъ и физическихъ. Является практически невозможнымъ воздѣлываніе тонкаго слоя легкой почвы известковыхъ холмовъ при условіи мелкихъ хозяйствъ“ (Report. 1895, стр. 28). Съ другой стороны „въ нѣкоторыхъ округахъ почва настолько камениста, а поверхность такъ неровна, что воздѣлываніе ихъ въ широкихъ размѣрахъ невозможно. Если такая почва вообще и можетъ воздѣлываться, хозяйства должны быть малыхъ размѣровъ... Вообще, физическое устройство почвы есть главный факторъ въ опредѣленіи размѣра хозяйства. Тамъ, гдѣ земля можетъ быть подѣлена на обширныя пахотныя поля, преобладаютъ крупныя фермы; но тамъ гдѣ холмы значительны, а почва въ равнинахъ отличается неровностью, могутъ образоваться только мелкія фермы Небольшія поля, преобладающія по количеству, необходимо обусловливаютъ мелкій размѣръ фермъ, такимъ образомъ можно сказать, что дѣленіе земли въ деревенскихъ округахъ въ общемъ слѣдовало законамъ природы“. (Large and Small Holdings: a comparative View. By *Clare Sewell Read* въ Journal of Royal Agricultural Society, 1887, стр. 4).

уже, что территоріальная разбросанность и одновременность многихъ сельскохозяйственныхъ операцій допускаютъ веденіе ихъ изъ одного центра, какъ одно цѣлое, только въ ограниченныхъ предѣлахъ, при возрастаніи количества этихъ операцій должна уменьшаться земельная площадь. Хозяйства, превышающія этотъ maximum, установляемый общимъ уровнемъ земледѣльческой культуры, являются уже не единымъ комплексомъ, а просто собраніемъ нѣсколькихъ хозяйствъ, объединяемыхъ извнѣ единствомъ владѣльца или единствомъ администраціи. Технически они также мало, стало быть, составляютъ одно предпріятіе, какъ двѣ фабрики, производящія одинъ и тотъ же или разный продуктъ и лишь принадлежащія одному и тому же владѣльцу. Размѣръ такого *собирательнаго* хозяйства, конечно, практически безграниченъ.

Такимъ образомъ, поскольку техническими условіями намѣчается какая-нибудь тенденція въ измѣненіи размѣровъ предпріятія, то эта тенденція ведетъ къ пониженію его предѣльныхъ размѣровъ. Въ этомъ качествѣ земледѣліе рѣзко отличается отъ промышленности, гдѣ ростъ размѣровъ предпріятія—и соотвѣтствующая концентрація производства—весьма часто вынуждаются именно техническими условіями производства, и ростъ размѣровъ предпріятія является, такимъ образомъ, технической необходимостью. Въ этомъ смыслѣ правъ проф. Зерингъ, который находитъ, что „законъ концентраціи (Ackumulationsgesetz) для земледѣлія вообще не существуетъ, господствующая тенденція направлена скорѣе на *уменьшеніе* размѣровъ крупныхъ хозяйствъ". „Ростъ количества средствъ производства и затраты труда при ограниченности поля ихъ приложенія есть законъ развитія сельскаго хозяйства, вполнѣ противоположный развитію индустріи,—онъ повелъ во многихъ населенныхъ странахъ къ прогрессивному уменьшенію размѣровъ и увеличенію числа сельскохозяйственныхъ предпріятій, насколько при этомъ являлись руководящими технико-экономическія соображенія" [1]).

Необходимость уменьшенія среднихъ размѣровъ хозяйства, вытекающая изъ роста его интенсивности, есть общепризнанная въ настоящее время истина, отрицаемая развѣ только по недоразумѣнію [2]).

---

[1]) *Зерингъ.* Цит. рѣчь, 137—8. Ср. Innere Kolonisation, passim.

[2]) Эта необходимость ясна даже для Каутскаго (Die Agrarfrage 1899), хотя онъ и не сознаетъ или не хочетъ сознавать, какъ разрушительно

Изъ предыдущаго слѣдуетъ, что въ сельскомъ хозяйствѣ техническій прогрессъ не связанъ съ какой-либо опредѣленной формой промышленности. Технически сильнѣйшимъ является въ сельскомъ хозяйствѣ экономически сильнѣйшій, не наоборотъ. Справедливо говоритъ Аугагенъ: „часто принимаютъ, что прогрессъ въ сельскомъ хозяйствѣ исходитъ только отъ крупнаго хозяйства; это ошибка; онъ исходитъ отъ *состоятельныхъ* (wohlhabenden) владѣльцевъ, безразлично какъ велико ихъ владѣніе. Во многихъ селахъ я наблюдалъ, что прогрессъ начинался у самыхъ мелкихъ крестьянъ или у людей, которые вмѣстѣ съ сельскимъ хозяйствомъ занимались и какимъ-либо ремесломъ“ [1]). Та же мысль удачно формулирована у Леонсъ-де-Лаверня въ его книгѣ объ англійскомъ сельскомъ хозяйствѣ, въ общемъ представляющей хвалебный гимнъ послѣднему. Лавернь говоритъ: „вопросъ (о преимуществахъ крупной и мелкой культуры) былъ невѣрно поставленъ вслѣдствіе неясности пониманія. Для культуры важно не то, чтобы собственность была велика, но чтобы она была богата, что есть далеко не одно и то же. Богатство есть вещь относительная: можно быть бѣднымъ при большой собственности и богатымъ при малой. Въ рукахъ 1000 собственниковъ, которые имѣютъ каждый только по 10 гектаровъ, но по 1000 франковъ на гектаръ, земля будетъ вдвое продуктивнѣе, чѣмъ въ рукахъ одного человѣка, который имѣетъ одинъ 10000 гектаровъ, но издерживаетъ только по 500 франковъ на гектаръ. Иногда самой богатой является крупная собственность, иногда мелкая, иногда средняя, все зависитъ отъ обстоятельствъ. Лучшая организація земельной собственности есть та, которая привлекаетъ къ землѣ наибольшее количество капиталовъ, потому ли, что держатели земли будутъ наиболѣе богаты сравнительно съ площадью земли, находящейся въ ихъ распоряженіи, потому ли, что они наклонны затрачивать большую часть своего дохода“ [2]).

это признаніе для другихъ его выводовъ. Замѣчу кстати, что, давъ дважды разборъ этой книги (по-русски въ „Началѣ“ и по-нѣмецки въ Архивѣ Брауна), я считаю себя въ правѣ быть освобожденнымъ здѣсь отъ полемики съ выраженными въ ней мнѣніями, кромѣ какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда это вызывается потребностями лишь моего собственнаго изложенія.

[1]) Anhagen, l. c. 51.

[2]) *L. de Lavergne.* Essai sur l'économie rurale de l'Angleterre, de l'Ecosse et de l' Irlande. 3-me édition. Paris. 1858, стр. 111. Физіократы, извѣстные

Итакъ, господство природы въ земледѣліи уничтожаетъ преимущества какой-либо формы предпріятія, которыя опредѣляются потому главнымъ образомъ условіями соціально-экономическими. Земледѣліе отличается, слѣдовательно, соединеніемъ двухъ крайностей: господствомъ силъ природы и силъ соціальныхъ,—двухъ стихій, стоящихъ внѣ человѣческаго контроля.

Вышеуказаннымъ ставится еще одинъ любопытный вопросъ, естественно являющійся при сравненіи земледѣлія съ обрабатывающей промышленностью. Извѣстно, что, какъ правило, носителемъ техническаго прогресса въ индустріи является крупная форма производства; отъ нея исходитъ развитіе производительной силы общественнаго труда. Конкурренція крупной промышленности съ мелкой, въ результатѣ которой является необходимость перехода къ высшимъ способамъ производства въ болѣе крупномъ масштабѣ, есть простой, автоматически дѣйствующій и каждому понятный механизмъ, регулирующій техническій прогрессъ нашего общества. Такого механизма нѣтъ, какъ мы видѣли, въ земледѣліи; что же его тамъ замѣняетъ и ему соотвѣтствуетъ? Чѣмъ стимулируется техническій прогрессъ въ земледѣліи, чѣмъ вызывается развитіе производительности земледѣлія?

Но въ этой постановкѣ вопроса вкралось понятіе, которое само нуждается въ опредѣленіи и относительно котораго долженъ быть поставленъ еще особый, самостоятельный вопросъ. Это—понятіе *производительности* земледѣлія, которое вовсе не является такъ просто и ясно какъ въ промышленности. Отвѣтъ на этотъ послѣдній вопросъ мы свяжемъ съ отвѣтомъ на первый.

Понятіе „производительности“ въ индустріи можетъ имѣть одинъ только смыслъ: это достиженіе даннаго производительнаго эффекта наименьшей затратой производительныхъ средствъ; если сравнивать его съ затраченнымъ количествомъ труда, мы получимъ производительность труда. Эта производительность постоянно увеличивается въ промышленности, и это увеличеніе вы-

---

сторонники крупнаго хозяйства въ земледѣліи, отстаивали его не столько со стороны его техническаго превосходства, сколько со стороны большаго богатства капиталами и возможности примѣнить благодаря этому лучшіе способы обработки почвы (напр. - мѣсто быковъ лошадьми). Таковы воззрѣнія, напр. Кенэ (см. въ особенности его статьи въ Энциклопедіи: Fermiers и Grains).

ражается въ постоянномъ паденіи цѣнности мануфактурныхъ продуктовъ.

Не такъ просто это понятіе въ земледѣліи. И здѣсь мы имѣемъ, прежде всего, понятіе производительности труда. Мы знаемъ уже, что ея измѣненіе выражается въ законѣ убывающаго плодородія почвы и состоитъ въ постепенномъ уменьшеніи производительности земледѣльческаго труда (понимая это, повторяю еще разъ, въ смыслѣ самой общей тенденціи). Но кромѣ этого, мы имѣемъ здѣсь еще понятіе *производительности земли:* съ одного и того же участка земли можетъ въ разное время (и, конечно, съ разными затратами труда и капитала) производиться разное количество пищевыхъ продуктовъ, и это измѣняющееся отношеніе количества продукта къ площади, на которой онъ производится, образуетъ понятіе ея производительности. Производительность земли ростетъ вмѣстѣ съ ростомъ земледѣльческой культуры, вызываемымъ необходимостью извлекать изъ того же неизмѣннаго количества земли ростущее количество питательныхъ веществъ. Потому измѣненія производительности земли противоположны измѣненіямъ производительности земледѣльческаго труда и капитала,—увеличеніе одной сопровождается уменьшеніемъ другой. Возможенъ, слѣдовательно, и случай роста производительности земледѣльческаго труда, покупаемый цѣной пониженія земледѣльческой культуры; такой случай мы наблюдаемъ въ настоящее время во многихъ странахъ зап. Европы подъ непосредственнымъ вліяніемъ аграрнаго кризиса.

Слѣдуетъ въ интересахъ ясности замѣтить здѣсь, что оба понятія,—производительности земледѣльческаго труда и производительности земли, — установляются съ точки зрѣнія всего общественнаго хозяйства. Съ частнохозяйственной точки зрѣнія дѣло это можетъ представляться нѣсколько иначе: для всего народнаго хозяйства имѣетъ значеніе какъ *чистый доходъ*, выраженіемъ котораго является степень производительности труда и капитала, такъ *и валовой доходъ*, соотвѣтствующій степени производительности земли, для частнаго же хозяйства только чистый доходъ. Съ частно-предпринимательской точки зрѣнія можетъ являться наиболѣе выгодной, т. е. дающей наибольшій (относительно, въ процентахъ на капиталъ) чистый доходъ, такая система хозяйства, которая, понижая валовой доходъ, можетъ противорѣчить интересамъ всего народнаго хозяйства. Въ

общемъ, мы имѣемъ здѣсь разныя системы понятій, принадлежащія разнымъ логическимъ областямъ и совпадающія лишь случайно [1]).

Изъ свойствъ земледѣльческаго производства слѣдуетъ, что производительность земли будетъ тѣмъ выше, чѣмъ разнообразнѣе производство. Земля носитъ въ себѣ элементы питанія различныхъ хлѣбныхъ растеній, извѣстная комбинація ихъ и послѣдовательность посѣвовъ ведутъ къ наиболѣе выгодному использованію питательныхъ элементовъ каждаго отдѣльнаго хлѣба. Переходъ къ болѣе интенсивнымъ системамъ земледѣлія, въ которомъ выражается ростъ производительности земли, совершается поэтому въ формѣ замѣны переложной, двухъ—и трехпольной системы земледѣлія болѣе многопольными системами. Такимъ образомъ, тамъ гдѣ въ индустріи является спеціализаціи производства, дальнѣйшее раздѣленіе общественнаго труда, въ области земледѣльческаго производства выступаетъ увеличивающееся разнообразіе продукта. Справедливо замѣчаетъ *Паттенъ*: „законъ земледѣльческой промышленности противоположенъ закону мануфактурной промышленности. Наилучшее употребленіе земли требуетъ разнообразія продуктовъ, тогда какъ фабрика бываетъ наиболѣе продуктивна, дѣлая какой-нибудь одинъ продуктъ“ [2]).

Ограниченіе земледѣльческаго производства на одной (или болѣе) какой-либо отрасли сельскохозяйственнаго производства, хотя бы оно сопровождалось ростомъ интенсивности въ этой отрасли производства, даже превышающимъ тотъ ростъ, который былъ бы для нея возможенъ при большемъ разнообразіи производства, есть грѣхъ передъ землей, неполное использованіе производительныхъ силъ почвы, естественныхъ богатствъ, данныхъ извѣстной странѣ Такое *упрощеніе* хозяйства имѣетъ мѣсто въ странѣ новой, гдѣ много свободной земли, и тогда спеціализаціей производства стремятся къ экономіи средствъ производства (примѣры этого мы

---

[1]) Проф. Сквордовъ (Вліяніе пароваго транспорта) опредѣляя раціональное хозяйство какъ такое, которое даетъ наибольшую ренту, становится, очевидно, на частнохозяйственную точку зрѣнія, обреченную, на мой взглядъ, на безплодность при изслѣдованіи всего общественнаго хозяйства. Кромѣ того, это опредѣленіе имѣетъ въ виду только крупное помѣщичье хозяйство. Роль ренты въ развитіи производительности труда будетъ разобрана ниже.

[2]) *Patten*. Economic basis of protection, 31.

увидимъ въ исторіи Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки), или же въ случаѣ болѣзненнаго состоянія всего сельскаго хозяйства (такимъ болѣзненнымъ симптомомъ является ростущая спеціализація англійскаго сельскаго хозяйства на скотоводствѣ, хотя интенсивность этой формы хозяйства скорѣе увеличивается, чѣмъ уменьшается). Раздѣленіе труда въ этомъ смыслѣ составляетъ не прогрессивное, но регрессивное явленіе въ сельскомъ хозяйствѣ, поскольку оно не основывается на естественныхъ условіяхъ производства, т. е. различіи почвы и климатовъ и всецѣло не оправдывается ими [1]). *Идеалъ* производительности земли въ техническомъ смыслѣ есть производство наибольшаго и наиразнообразнѣйшаго количества питательныхъ веществъ съ одной земельной площади, насколько позволяютъ техническія условія производства; оно же обусловливаетъ наибольшее, при данныхъ условіяхъ, приложеніе къ данной земельной площади труда и капитала [2]).

Когда говорятъ о ростѣ производительности земледѣльческаго труда или земледѣлія, то, несмотря на неточность обычнаго словоупотребленія, всегда разумѣютъ именно ростъ производительности земли, потому что, какъ мы объяснили, о ростѣ производительности человѣческаго труда не можетъ быть и рѣчи. Потому вопросъ, который мы себѣ поставили выше, а именно, чѣмъ вызывается ростъ производительности земледѣльческаго труда, можетъ имѣть только одно значеніе, *каковы* условія, которыя вынуждаютъ, а вмѣстѣ и дѣлаютъ возможнымъ производство съ даннаго участка земли наибольшаго количества продукта.

Количество пищи, которое нужно для даннаго общества, при данномъ уровнѣ пищевыхъ потребностей его членовъ, очевидно, опредѣляется количествомъ ѣдоковъ, или, что тоже, плотностью населенія, считая здѣсь и земледѣльческое и неземледѣль-

---

[1]) Я не могу понять, какимъ образомъ столь компетентный писатель по вопросамъ земледѣлія какъ проф. Бакгаузъ могъ такъ привѣтствовать раздѣленіе труда въ этомъ смыслѣ съ точки зрѣнія технической производительности земледѣлія. Всѣ примѣры его, которые должны подтверждать выгодность раздѣленія труда, относятся именно къ англійскому скотоводству (и въ извѣстномъ смыслѣ составляютъ *Nothbehelf* послѣдняго) или же къ С. Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ.

[2]) При этомъ, конечно, не исключается спеціализація производствъ соотвѣтственно схемѣ Тюнена, въ зависимости отъ близости или дальности рынка; сказанное имѣетъ въ виду общую характеристику земледѣлія.

ческое населеніе. Оба класса населенія не различаются или мало различаются между собою при господствѣ натуральнаго хозяйства, но они начинаютъ различаться все рѣзче и рѣзче съ появленіемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ общественнаго раздѣленія труда и товарнаго производства. Извѣстно, что главная масса неземледѣльческаго населенія собирается *въ города*, гдѣ организуется крупная капиталистическая промышленность, а земледѣліе остается спеціальностью *деревни*, которая теперь только, когда появились города, становится деревней въ собственномъ смыслѣ слова. Въ хозяйствѣ съ раздѣленнымъ трудомъ всѣ продукты пріобрѣтаютъ форму товаровъ, въ томъ числѣ и хлѣбъ, поскольку деревня производитъ его не только для себя, но и для города.

Техническіе пріемы земледѣлія въ эпоху натуральнаго хозяйства вырабатывались и держались вѣками, съ довольно незначительными измѣненіями. Увеличенное количество пищи, которое становилось необходимо съ ростомъ населенія, добывалось благодаря увеличивавшемуся количеству труда (и рабочаго скота), безъ значительныхъ измѣненій въ техникѣ производства [1]) (существенную роль при этомъ играли перемѣны въ соціальной организаціи труда: измѣненія формъ личной зависимости крестьянъ отъ господъ).

Натуральное хозяйство отдѣляетъ отъ товарнаго экономическая и соціальная пропасть (прежде всего освобожденіе личности трудящихся). Но перепрыгнемъ чрезъ эту пропасть и остановимся на тѣхъ чертахъ товарнаго хозяйства, которыя интересны для нашей цѣли.

Разъ продукты земледѣлія становятся товарами, они, какъ и всякій товаръ, попадаютъ въ зависимость отъ рынка, причемъ получаетъ совершенно исключительное значеніе *цѣна*. Увеличивающійся спросъ на хлѣбъ побуждаетъ землевладѣльцевъ къ увеличенному его производству, къ затратѣ большаго количества труда и капитала. Увеличивающаяся трудность добыванія хлѣба

[1]) До сихъ поръ въ литературѣ нѣтъ ничего, что соотвѣтствовало бы научной исторіи земледѣлія: соотвѣтствующіе очерки въ исторіи первобытной культуры и у нѣкоторыхъ историковъ опредѣленныхъ эпохъ совершенно недостаточны, чтобы составить общую картину. Для изученія исторіи промышленности въ настоящее время дѣлается и уже сдѣлано гораздо больше, чѣмъ для исторіи земледѣлія.

и увеличеніе издержекъ производства, которыя должны быть оплачены, не могутъ не выражаться въ томъ, чтобы не возвысить цѣны хлѣба. Въ противоположность всѣмъ другимъ товарамъ, которые пролагаютъ себѣ путь дешевизной и ищутъ создать потребность въ данномъ товарѣ, его удешевляя, увеличенное предложеніе продуктовъ питанія, благодаря закону убывающаго плодородія почвы, можетъ явиться только при агрессивномъ спросѣ, выражающемся въ ростѣ цѣнъ. Медленный, но неуклонный ростъ цѣнъ на хлѣбъ и другіе важнѣйшіе продукты земледѣлія есть поэтому необходимое условіе повышенія производительности земли (а слѣдовательно и ростущаго разнообразія продуктовъ земледѣлія). Очевидно при этомъ, потребность въ продуктахъ земледѣлія опредѣляется не только потребностями рынка, тѣхъ, кто пріобрѣтаетъ ихъ какъ товаръ, но и ростомъ потребителей хлѣба in natura, т. е. самихъ земледѣльцевъ, число которыхъ необходимо должно рости, потому что на производство хлѣба требуется возрастающее количество труда [1]). Сопоставленіе статистическихъ данныхъ относительно средней производительности земледѣлія разныхъ странъ научаетъ, что главныя различія этой производительности не могутъ быть приведены въ связь съ формой хозяйства, равно какъ и естественными богатствами почвъ; но они соотвѣтствуютъ общей плотности населенія данныхъ мѣстъ и, слѣдовательно, размѣрамъ рынка на земледѣльческіе продукты. Вотъ для примѣра нѣсколько цифръ (изъ Agricultural Returns for Great Britain for year 1898. London 1899, стр. 251—3).

Средняя производительность съ акра въ 1897 году въ бушеляхъ была такова (данныя относительно Бельгіи относятся къ 1895, а относительно Италіи, Голландіи и Даніи къ 1896 году).

---

[1]) Ясно изъ предыдущаго, что этой общей тенденціи развитія сельскохозяйственнаго производства противодѣйствуютъ нѣсколько встрѣчныхъ тенденцій. Важнѣйшей изъ нихъ является удешевленіе нѣкоторыхъ элементовъ постояннаго капитала, прогрессъ агрономіи, развитіе меліорацій; но за то повышается цѣнность рабочей силы, съ ростомъ культурныхъ потребностей работника. Сказанное въ текстѣ слѣдуетъ, конечно, понимать какъ самое общее выраженіе хода развитія земледѣлія, противоположнаго въ этомъ смыслѣ развитію обрабатывающей промышленности. Само собою разумѣется, возможны временныя отклоненія отъ этого развитія.—Конечно, категорія цѣнъ берется здѣсь въ самомъ эмпирическомъ рыночномъ смыслѣ; о цѣнахъ и цѣнностяхъ см. въ слѣдующей главѣ.

	Пшеница.	Овесъ.	Ячмень.
Соединенное Королевство. . .	29,07	32,91	38,84
Австралія	7,36	20,94	22,66
Австрія	13,29	16,64	19,74
Венгрія	11,70	16,79	22,43
Бельгія.	28,66	38,29	40,17
Канада.	18,37	25,14	33,42
Данія	41,80	29,66	34,22
Франція	14,70	18,82	22,38
Германія	22,56	24,02	27,70
Голландія	31,79	45,54	46,87
Италія.	12,44	12,81	15,88

(Данныя относительно Россіи и Соединенныхъ Штатовъ, какъ среднія изъ слишкомъ различныхъ и обширныхъ областей, потому ничего не выражающія, здѣсь не приводимъ).

Наибольшей производительностью отличается Англія (страна капиталистическихъ фермъ), Бельгія (страна по преимуществу крестьянскаго хозяйства), Голландія (мелкихъ арендъ), Данія, затѣмъ идутъ Германія, Франція и т. д. Порядокъ странъ относительно плодородія въ общемъ соотвѣтствуетъ плотности населенія.

Данныя эти, конечно, могутъ служить лишь для иллюстраціи, а не доказательства. Много подтверждающихъ данныхъ мы встрѣтимъ еще въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Производительность земли можетъ повышаться подъ условіемъ увеличенія затраты труда и капитала. Послѣдній затрачивается въ видѣ извѣстныхъ *техническихъ* приспособленій или изобрѣтеній. Откуда же берутся эти послѣднія? Очевидно, само земледѣліе не можетъ создать всѣ ихъ въ послѣдовательномъ процессѣ своего развитія: откуда являются въ дѣвственныхъ преріяхъ земледѣльческія машины, послѣднее слово современной техники, или на европейскихъ поляхъ чилійское гуано или паровой плугъ въ глуши деревни, или химическія удобренія и т. д.? Очевидно, все это можетъ придти только *извнѣ*, явиться подаркомъ чуждыхъ силъ, а не продуктомъ собственной эволюціи техническихъ пріемовъ земледѣлія какъ эволюціонировали одинъ въ другой разные виды сохи или какъ эволюціонировали системы земледѣлія, напр. старое двух—и трехполье въ многопольныя си-

стемы Таэра и т. д. Земледѣлію можетъ принадлежать только то, что является непосредственнымъ развитіемъ его производительныхъ навыковъ или пріемовъ, но не тѣ усовершенствованныя орудія, машины, пріемы удобренія почвы, которые могли явиться только результатомъ объективно-научнаго анализа производительнаго процесса, приложеніемъ данныхъ современной химіи, механики, физики и т. д. Все это могло придти лишь оттуда, гдѣ развивалась эта наука, т. е. отъ обрабатывающей промышленности, изъ городовъ: сельскій хозяинъ беретъ это готовымъ. Ему остается только одно: *платить* за это, но платить онъ можетъ лишь въ томъ случаѣ, если и ему платятъ, т. е. если хлѣбныя цѣны стоятъ на соотвѣтственной высотѣ, что обусловлено размѣрами рынка на земледѣльческіе продукты. Такимъ образомъ, создавая и увеличивая спросъ на эти послѣдніе, городъ даетъ и возможность удовлетворять этотъ спросъ, научно вырабатывая производительные методы, разъ появляется въ нихъ потребность. Указаннымъ объясняется одна въ высшей степени достопримѣчательная черта развитія земледѣлія. Такъ какъ съ ростомъ производительности земледѣлія все большую роль въ производствѣ сельскохозяйственныхъ продуктовъ начинаютъ играть орудія и матеріалы производства, капиталъ (а мы знаемъ уже, что въ извѣстной мѣрѣ онъ можетъ замѣщать собою и живой трудъ), вещественные же элементы этого капитала изготовляются индустріей, то къ индустріи переходитъ какъ бы часть сельскохозяйственнаго производства; часть труда, который долженъ по общимъ условіямъ затрачиваться на производство хлѣба, затрачивается не въ земледѣліи, а въ промышленности, въ производствѣ сельскохозяйственныхъ машинъ, искусственныхъ удобреній и т. под. Эта часть должна, очевидно, постоянно рости вмѣстѣ съ ростомъ производительности земледѣлія [1]). Какъ мы видѣли, ни одна форма производства не обладаетъ монополіей исключительнаго развитія производительности земли. Если крупное производство и болѣе доступно вліяніямъ науки,

[1]) Это обстоятельство, съ одной стороны, уменьшаетъ число лицъ, *непосредственно* занятыхъ въ земледѣліи, а съ другой стороны, оно увеличиваетъ число лицъ, фактически занятыхъ производствомъ пищи, далеко за предѣлы числа лицъ, имъ непосредственно занятыхъ. Объ этомъ слѣдуетъ помнить тѣмъ, кто на основаніи данныхъ статистики дѣлаетъ тѣ или иные выводы относительно движенія земледѣльческаго населенія.

то въ той или иной формѣ они доходятъ и до мелкаго производства, несмотря на всю его косность. Если гора не приходитъ къ Магомету, то Магометъ идетъ къ горѣ,—промышленность въ собственныхъ интересахъ старается распространять машины для мелкаго производства, удобренія; въ этомъ объ руку идетъ съ нею государство и мѣстное самоуправленіе съ школами, выставками, образцовыми фермами.

Многіе думаютъ, что XIX вѣкъ произвелъ революцію въ земледѣліи, необыкновенно развивъ производительность почвы. Мнѣніе это справедливо постольку, поскольку въ немъ констатируется фактъ, что благодаря небывалому росту населенія, созданному развитіемъ промышленности, производительность земли также поднялась до небывалыхъ размѣровъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, въ методахъ сельскаго хозяйства произошли значительныя перемѣны подъ вліяніемъ развитія науки, химіи и технологіи. Однако несмотря на это (очевидно, здѣсь рѣчь можетъ идти только о самомъ общемъ впечатлѣніи, не поддающемся точному доказательству) сельское хозяйство было и остается пасынкомъ XIX вѣка, нелюбимымъ ребенкомъ въ семьѣ. Сравнивая разцвѣтъ земледѣлія съ колоссальнымъ, невѣроятнымъ, головокружительнымъ развитіемъ индустріи, мы должны найти развитіе и сельскохозяйственной техники и — соотвѣтственно — сельскохозяйственной науки [1]) — весьма отсталымъ. И какъ разъ въ ту эпоху, когда XIX вѣкъ осуществилъ наибольшія чудеса въ развитіи промышленности, именно послѣднюю свою четверть, началась эпоха не только застоя, но—во многихъ случаяхъ—и регресса земледѣлія. Развитіе земледѣлія, науки о земледѣліи и въ особенности практическое приложеніе этой науки еще впереди, — въ той туманной дали, которая едва виднѣется съ высоты современной науки, послѣ прекращенія теперешняго аграрнаго кризиса, когда въ исторіи цивилизованнаго человѣчества начнется новая эра.

Но еще больше, можетъ быть, предстоитъ сдѣлать не для пріобрѣтенія, а для распространенія этихъ знаній между непосредственными производителями. Въ этомъ отношеніи самыя передовыя государства оказываются еще отсталыми. Настанетъ пора,

---

[1]) Я не отваживаюсь, конечно, судить о *теоретическомъ* уровнѣ развитія сельскохозяйственныхъ наукъ, но имѣю въ виду лишь возможности ихъ практическаго приложенія.

когда повышеніе производительности земли будетъ необходимо завоевать во что бы то ни стало, всякою цѣной, тогда Магометъ будетъ принужденъ пойти къ горѣ, и распространеніе агрономическихъ знаній въ массѣ населенія станетъ вопросомъ жизни и смерти человѣческихъ обществъ. Но оставимъ область возможнаго и вѣроятнаго и вернемся къ дѣйствительному.

Итакъ, изъ предыдущаго выяснилось, что техническое развитіе земледѣлія не имѣетъ собственной, внутренней логики, на основаніи которой каждый послѣдующій шагъ необходимо опредѣлялся бы предыдущимъ: тамъ, гдѣ сегодня была самая интенсивная система земледѣлія, завтра можетъ появиться самая экстенсивная и наоборотъ, въ зависимости отъ потребностей рынка. (Современная Англія являетъ примѣръ такого регресса сельскаго хозяйства). Здѣсь нѣтъ технической традиціи въ томъ смыслѣ, какъ есть она въ индустріи, гдѣ, очевидно, въ производствѣ, которымъ овладѣла машина, уже немыслимъ возвратъ къ ремесленному инструменту. Земледѣліе не представляетъ той *матеріализаціи* техническаго прогресса, который имѣется въ зданіяхъ, машинахъ, аппаратахъ промышленнаго предпріятія: кромѣ почвенныхъ улучшеній, дренажа и под. весь инвентарь, весь трудъ, всѣ орудія нисколько не связаны съ даннымъ участкомъ земли, и остаются, лишь пока этого требуютъ экономическія условія. Земледѣліе не имѣетъ, такимъ образомъ, собственнаго пути, его путь опредѣляетъ городская промышленность, опредѣляетъ какъ создавая для него науку и основанную на ней технику, такъ и создавая для нея рынокъ.

Слѣдовательно, развитіе земледѣлія является несвободнымъ въ двухъ смыслахъ: съ одной стороны на немъ лежатъ тяжелыя оковы нераціональныхъ законовъ природы, съ другой экономически оно зависитъ отъ индустріи. Конечно, это вліяетъ на особенности его развитія, но не измѣняетъ важнаго и совершенно исключительнаго его значенія въ жизни человѣческихъ обществъ.

Въ настоящемъ параграфѣ намъ пришлось во многихъ мѣстахъ переступить изъ области техническихъ особенностей земледѣлія въ область экономическихъ условій его развитія. Но какъ техническія особенности интересуютъ насъ лишь въ мѣру вліянія своего на экономическое развитіе земледѣлія, а не какъ таковыя, такъ и экономическихъ особенностей мы касались въ этой главѣ

лишь насколько это необходимо для выясненія особенностей земледѣльческой техники. Въ столь своеобразномъ цѣломъ, которое представляетъ собой *соціальный способъ производства*, даже ножомъ аналитическаго анализа трудно вырѣзать одну часть, не прихвативши сосѣдней. Въ слѣдующей главѣ мы займемся спеціальнымъ изученіемъ экономическихъ условій земледѣльческаго производства.

ГЛАВА II.

Экономическія особенности земледѣлія. (Цѣна хлѣба, поземельная рента, цѣна земли).

1) Англійская рента.

Явленіе поземельной ренты, а также и установленіе цѣнъ на земледѣльческіе продукты до сихъ поръ изучалось только для англійскихъ условій сельскохозяйственнаго производства, которыя предполагаютъ раздѣльное существованіе крупнаго землевладѣльца (лэндлорда) капиталиста-фермера и класса наемныхъ рабочихъ. Такое трехчленное дѣленіе сельскохозяйственнаго продукта имѣетъ мѣсто только въ Англіи и почти не встрѣчается въ другихъ странахъ. Англія въ этомъ отношеніи не только не составляетъ типа развитія сельскаго хозяйства [1]), но скорѣе исключеніе; мѣстныя особенности англійскаго земледѣлія должны составить поэтому для теоретика предметъ изученія лишь наряду съ мѣстными особенностями другихъ странъ. Всѣ эти особенности образуютъ нѣсколько типовъ, которые мы и изучимъ отдѣльно. Слѣдуя традиціи, начнемъ съ англійскаго типа, какъ наиболѣе изученнаго въ литературѣ. Но предварительно для насъ является неизбѣжнымъ хотя небольшой экскурсъ въ область теоріи политической экономіи.

Политическая экономія изучаетъ общественныя отношенія людей, возникающія между ними въ ихъ общественномъ трудѣ, совмѣстномъ производствѣ благъ. Признакъ этотъ является рѣшаю-

---

[1]) Марксъ считалъ Англію „классической страной капиталистическаго способа производства въ земледѣліи“. (... in England, dem klassischen Land der kapitalistischen Produktionsweise in der Agrikultur). См. Das Kapital, III², 216.

щимъ для предмета политической экономіи, выражаясь языкомъ Канта, онъ конституируетъ экономическое явленіе. Тотъ особенный способъ, которымъ экономическая наука координируетъ наши представленія объ извѣстныхъ сторонахъ дѣятельности и жизни людей, сводится къ тому, что эти послѣднія разсматриваются со стороны выражающихся въ нихъ общественныхъ отношеній людей, въ нихъ видятся только эти отношенія. Это сознательная односторонность, сознательное упрощеніе сложной дѣйствительности, но вмѣстѣ съ тѣмъ такое упрощеніе есть единственный способъ установить объединяющую координацію представленій, достигнуть научнаго познанія дѣйствительности, составляетъ требованіе научнаго метода.

Очевидно, всѣ основныя понятія или категоріи политической экономіи должны включать въ себя этотъ основный признакъ,— отношеній труда въ процессѣ производства; то, что̀ чуждо этого признака, стоитъ за порогомъ политической экономіи [1]).

Другимъ требованіемъ какъ отъ всякой научной теоріи вообще такъ и отъ политической экономіи въ частности является не только вѣрность извѣстнымъ познавательнымъ цѣлямъ и опредѣ-

---

[1]) Сказанное есть главная причина, почему я отношусь вполнѣ отрицательно къ построеніямъ такъ называемой австрійской школы. Вопросъ не въ томъ, какая теорія лучше или какая хуже, какая вѣрнѣе и какая ошибочнѣе,—въ извѣстномъ смыслѣ и трудовая теорія и австрійская могутъ быть одинаково вѣрны; еще менѣе въ томъ, какая изъ этихъ теорій болѣе обосновываетъ извѣстныя этическія требованія,—это обоснованіе можетъ быть одинаково связано съ тою и другой теоріей и одинаково не нуждается въ нихъ обоихъ, — этическія требованія идутъ не изъ ума, а изъ совѣсти, они и не нуждаются и не допускаютъ теоретическаго обоснованія. Нѣтъ, дѣло идетъ о томъ, которая изъ этихъ теорій можетъ быть *экономической* теоріей, удовлетворяетъ условіямъ и можетъ наилучше быть употреблена въ цѣляхъ экономическаго познанія. Рѣшающей инстанціей является такимъ образомъ теорія познанія, и, по рѣшенію этой инстанціи, трудовая теорія цѣнности является въ моихъ глазахъ единственно возможнымъ и совершенно необходимымъ средствомъ экономическаго познанія, и теорія предѣльной полезности, съ этой точки зрѣнія, есть рѣшительный шагъ назадъ въ теоріи политической экономіи.—Кратко намѣченныя въ текстѣ положенія подробно развиты авторомъ въ статьяхъ „О нѣкоторыхъ основныхъ понятіяхъ политической экономіи“ („Научное обозрѣніе“, февраль, октябрь, ноябрь 1898 года). Здѣсь я не имѣю возможности подробно излагать затронутые тамъ вопросы и принужденъ ограничиться лишь этой ссылкой.

ляемымъ ими условіямъ познанія, но то, что въ обыденной рѣчи не вполнѣ удачно называютъ соотвѣтствіемъ теоріи дѣйствительности. Очевидно, это соотвѣтствіе не можетъ быть поставлено идеаломъ для научной теоріи: теорія въ извѣстномъ смыслѣ противоположна дѣйствительности, т. е. конкретности, представляя собой дѣйствительность супранатуральную, логическую; соотвѣтствіе это можетъ быть правильно понимаемо лишь въ томъ смыслѣ, что научная теорія должна своимъ инструментомъ,—научными понятіями, охватить возможно больше сторонъ дѣйствительности и дать имъ такимъ образомъ объединяющее выраженіе, закономѣрное истолкованіе. Лишь такова можетъ быть задача научной теоріи, насколько она опредѣляется самой природой научнаго познанія. Тѣмъ самымъ опредѣляются отрицательныя условія, которымъ должна удовлетворять научная теорія: ея понятія и комбинаціи этихъ понятій—гипотезы и теоріи, не должны противорѣчить непосредственнымъ даннымъ внѣшняго опыта (это значило бы не упрощать дѣйствительность въ цѣляхъ ея пониманія, а просто таки ее игнорировать), вмѣстѣ съ тѣмъ они не должны страдать внутреннимъ противорѣчіемъ, вскрываемымъ логикой.

Таковы, значитъ, субъективныя и объективныя условія экономическаго познанія. Очевидно, и явленія обмѣна, жизни рынка, которыя сейчасъ насъ спеціально интересуютъ, изучаются политической экономіей подъ тѣмъ же угломъ зрѣнія. Очевидно, и понятіе „цѣнности“ въ смыслѣ экономическомъ есть прежде всего общественное отношеніе труда, насколько оно выражается въ мѣновыхъ пропорціяхъ. Отношеніе это есть товарное раздѣленіе труда. Не буду тратить словъ на выясненіе этого понятія, извѣстнаго изъ элементарной политической экономіи. Отмѣчу здѣсь только то, что равенство различныхъ видовъ труда, затрачиваемыхъ на удовлетвореніе различныхъ общественныхъ потребностей, образуетъ основное условіе опредѣленія мѣновыхъ пропорцій количествомъ труда, затраченнаго на производство товара; этому равенству противорѣчитъ все, что препятствуетъ свободному распредѣленію труда на различныя отрасли производства, и содѣйствуетъ то, что эту свободу усиливаетъ. Каждая общественная потребность требуетъ опредѣленнаго количества труда для своего удовлетворенія, и если дѣйствительное количество труда не соотвѣтствуетъ этой потребности, выше или ниже ея, то и общественная квалификація этого труда измѣняется: онъ становится

то выше, то ниже общественно необходимаго. Итакъ, *свобода движенія труда изъ одной отрасли производства въ другую есть условіе трудовой цѣнности.*

Знакомые съ теоріей капитала Маркса (основные принципы которой, хотя иногда и съ своей интерпретаціей, раздѣляетъ авторъ) знаютъ, какъ на основѣ трудовой теоріи цѣнности великимъ экономистомъ развито было ученіе о капиталѣ или о производствѣ прибавочной цѣнности. Общественная природа капитала сводится къ усвоенію прибавочной цѣнности, которая является результатомъ господства трудовой цѣнности. Извѣстно далѣе, что въ нѣкоторыхъ пунктахъ оба эти общественныя отношенія оказываются противорѣчащими; стремленіе капиталовъ равныхъ размѣровъ къ полученію равнаго количества прибавочной цѣнности или прибыли несовмѣстно съ господствомъ трудовой цѣнности въ мѣновыхъ отношеніяхъ. Это столкновеніе разрѣшается компромиссомъ въ результатѣ котораго мѣновой масштабъ отклоняется извѣстнымъ образомъ отъ трудовой цѣнности и опредѣляется такъ называемыми *цѣнами производства*, согласно теоріи, развитой Марксомъ въ III томѣ *Капитала* [1]).

Для некритическаго пониманія трудовой теоріи цѣнности, которое не задается вопросомъ, что имѣетъ въ виду констатировать экономическая теорія и на что она вообще способна, въ этомъ „ограниченіи“ трудовой теоріи цѣнности видится ея банкротство и противорѣчіе дѣйствительности. Совершенно того же калибра и тѣ защитники трудовой теоріи цѣнности, которые пытаются спасти ея догму путемъ интерпретацій или ея отдѣльныхъ положеній или дѣйствительности, болѣе или менѣе ловкихъ логическихъ фокусовъ. Обоимъ видамъ догматизма противоположно пониманіе цѣнности какъ общественнаго отношенія, а теоріи цѣнности какъ одной изъ формъ научнаго упрощенія дѣйствительности, проистекающаго изъ самой природы науки; очевидно, это упрощеніе оказывается слишкомъ просто, а теорія недостаточна, (а не навѣрна), какъ только мы ближе подходимъ къ дѣйствительности и тѣмъ ее усложняемъ, или же какъ только привле-

[1]) Повторяю, что здѣсь я не имѣю ни охоты, ни возможности воспроизводить подлинное ученіе Маркса и давать къ нему необходимые комментаріи. Интересующихся отсылаемъ къ цитированнымъ статьямъ въ *Научномъ Обозрѣніи*, здѣсь же я касаюсь этого лишь постольку, поскольку это безусловно необходимо для теоріи ренты.

каемъ къ разсмотрѣнію новую сторону дѣйствительности, которую оставляли до сихъ поръ намѣренно или не намѣренно въ сторонѣ. Трудовая теорія цѣнности не можетъ быть поколеблена въ качествѣ познавательнаго средства, а вмѣстѣ и выраженія извѣстной стороны дѣйствительности никакими „ограниченіями“. Эти „ограниченія“, которыя правильнѣй называть усложненіями, оставляютъ нетронутой дѣйствительную логическую сферу ея господства, и это ясно для всякаго, кто задумается надъ вопросомъ, что вообще можетъ дать и что, слѣдовательно, можно требовать отъ научной теоріи.

Основныя черты капиталистическаго производства, предоставленнаго свободной конкуренціи, исчерпываются двумя основными отношеніями: цѣнностью и слѣдующей изъ нея прибавочной цѣнностью съ одной стороны, и конкурренціей капиталовъ между собою съ другой. Въ результатѣ этихъ отношеній масштабомъ обмѣновъ является *цѣна производства* (Productionspreis), а цѣна капиталистически производимаго продукта опредѣляется издержками производства плюсъ средняя норма прибыли, которая опредѣляется уже отношеніемъ производимаго количества прибавочной цѣнности ко всему общественному капиталу.

Но отношеніями свободной конкурренціи не исчерпываются всѣ хотя бы основныя черты капиталистической дѣйствительности, а потому теорія цѣнности и капитала недостаточна для научнаго выраженія всей этой дѣйствительности. Она должна потерпѣть новое „ограниченіе“, какъ говорятъ догматики, она должна быть восполнена или усложнена новыми точками зрѣнія, благодаря привлеченію къ разсмотрѣнію новыхъ сторонъ дѣйствительности, скажемъ мы. Такими новыми сторонами являются отношенія *монополіи*, въ большей или меньшей степени отрицающія систему свободной конкурренціи, при предположеніи которой выведены всѣ теоремы ученія о цѣнности и капиталѣ. Эти отношенія могутъ имѣть различные источники происхожденія, быть естественными или искусственными, а также играть разную роль, имѣть разную важность въ производствѣ. Важнѣйшая форма монополіи, которая привлекала къ себѣ вниманіе экономистовъ съ самаго зарожденія политической экономіи, есть монополія земельной собственности, естественныхъ факторовъ производства.

Не говоря о томъ, что роль и значеніе этой монополіи различны въ разныхъ организаціяхъ народнаго хозяйства: въ

натуральномъ хозяйствѣ она иная нежели въ мѣновомъ, въ хозяйствѣ, основанномъ на свободномъ трудѣ, иная, чѣмъ въ крѣпостническомъ хозяйствѣ,—не говоря о такихъ крупныхъ различіяхъ, даже въ предѣлахъ одной и той же народнохозяйственной эпохи роль эта можетъ весьма различествовать, въ зависимости отъ формы монополіи. Потому она можетъ вносить осложненія разныхъ видовъ въ капиталистическое хозяйство, т. е. хозяйство, гдѣ преобладающей по своему значенію, а отчасти и распространенности формой обрабатывающей промышленности, торговли и транспорта является крупно-капиталистическое предпріятіе.

Такимъ образомъ, теорія цѣнности и капитала должна быть восполнена теоріей ренты, и, такъ какъ насъ занимаютъ здѣсь спеціально англійскія условія, теоріей англійской ренты.

Исходнымъ пунктомъ изслѣдованія мы должны взять цѣну хлѣба (считая его представителемъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ вообще). Въ опредѣленіи цѣны этого хлѣба отражаются какъ вліяніе конкурренціи капиталовъ, въ которой господствуетъ законъ цѣнности и уравненія прибыли, такъ и монопольный характеръ земельной собственности, изъемлющій одинъ изъ факторовъ производства изъ свободнаго обращенія,—поэтому цѣна хлѣба опредѣлится подъ вліяніемъ равнодѣйствующей этихъ двухъ причинъ. Какъ же фактически она опредѣляется? Господствующее ученіе принимаетъ, что цѣна (и не только цѣна, но и цѣнность) хлѣба опредѣляется издержками его производства при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, разъ все это количество хлѣба нужно для того, чтобы удовлетворить существующій спросъ на него. Подъ издержками производства разумѣется затрата капитала, которая должна быть, само собою разумѣется, оплачена средней нормой прибыли. Условіями, въ неравной степени благопріятствующими земледѣлію, являются, во-первыхъ, различное плодородіе почвъ, во-вторыхъ, различное разстояніе земельныхъ участковъ отъ рынка или мѣста потребленія земледѣльческихъ продуктовъ, и, въ-третьихъ, различная производительность послѣдовательныхъ затратъ капитала на одномъ и томъ же участкѣ земли. Условія эти могутъ, конечно, вступать въ различное соотношеніе между собою, другъ друга взаимно парализовать и противорѣчить или же усиливать вліяніе другъ друга, но во всякомъ случаѣ они дѣлаютъ неравными условія производства хлѣба на разныхъ земельныхъ участкахъ. Извѣстно, что эти различія образуютъ

базисъ поземельной ренты у Рикардо и дифференціальной ренты у Маркса. Оставляя пока въ сторонѣ теорію ренты, зададимся вопросомъ, насколько ясно приведенное опредѣленіе цѣны земледѣльческихъ продуктовъ.

Необходимо принять во вниманіе слѣдующую, въ высшей степени замѣчательную особенность указанныхъ различій въ условіяхъ производства земледѣльческихъ продуктовъ: всѣ эти различія противорѣчивы и могутъ взаимно уничтожать другъ друга,—разстояніе, какъ это указывалъ уже Родбертусъ, можетъ парализоваться плодородіемъ, различное же плодородіе можетъ выравниваться болѣе усиленнымъ производствомъ на участкахъ большаго плодородія. Какимъ образомъ сравнительнымъ плодородіемъ компенсируется различное разстояніе, понятно; не такъ понятно, какъ различное плодородіе можетъ компенсироваться различною затратой капитала. Поясникъ это гипотетическимъ примѣромъ. Пусть для даннаго общества требуется 10 *n* четвериковъ хлѣба. Эти 10 *n* оно можетъ произвести, привлекая къ воздѣлыванію участки различнаго плодородія или же дѣлая рядъ послѣдовательныхъ затратъ на нѣсколькихъ участкахъ. Если бы всѣ эти участки принадлежали одному предпринимателю, который не долженъ былъ бы платить никакой ренты и не имѣлъ бы возможности повышать цѣну хлѣба выше издержекъ производства (тоже самое имѣло бы мѣсто и въ томъ случаѣ, еслибы земля не составляла частной собственности и была бы доступна для свободной конкурренціи капиталистовъ), такой предприниматель распредѣлилъ бы количество затраты капитала на разныхъ участкахъ такимъ образомъ, чтобы въ среднемъ каждая доля капитала на каждомъ участкѣ отличалась бы равной производительностью. На самый плодородный участокъ онъ затратилъ бы наибольшее количество капитала: первыя доли его были бы весьма продуктивны, затѣмъ имѣли бы непрерывно убывающую продуктивность, въ концѣ концовъ *въ среднемъ* каждая доля капитала дала бы *n* четвериковъ хлѣба. На менѣе плодородный участокъ онъ затратилъ бы меньшее количество капитала чѣмъ на предыдущій, съ такимъ разсчетомъ, чтобы и здѣсь каждая доля капитала дала бы ему тоже самое *n*; и такимъ образомъ были бы произведены всѣ *10 n*, требующіеся для даннаго общества [1]). Точно также могло бы пара-

[1]) Возможность такого случая могла бы быть оспариваема лишь тогда, еслибы былъ доказанъ законъ ограниченнаго плодородія почвы Паттена

лизовать другъ друга дѣйствіе разстоянія и различнаго плодородія или же производительности почвы. Въ послѣднемъ счетѣ, при всемъ различіи естественныхъ условій производства, хлѣбъ былъ бы произведенъ *при абсолютно равныхъ условіяхъ*.

Это соображеніе имѣетъ рѣшающее значеніе для выясненія природы поземельной ренты. Оно показываетъ, что различіе условій производства, съ которымъ связываютъ обыкновенно происхожденіе поземельной ренты, вовсе не неустранимо и при условіи свободной конкурренціи капиталовъ могло бы быть вполнѣ устранено. Различія въ условіяхъ производства встрѣчаются и въ разныхъ отрасляхъ обрабатывающей промышленности, хотя они, конечно, не могутъ здѣсь повести къ образованію постоянной ренты. Ренту создаютъ не естественныя условія земледѣльческаго производства, а монопольный характеръ земельной собственности.

Возвратимся къ нашему вопросу объ опредѣленіи цѣнъ на земледѣльческіе продукты. Понятіе „наименѣе благопріятныхъ условій производства“, въ составъ котораго входятъ взаимно противорѣчащіе и взаимно другъ друга парализующіе элементы, въ высшей степени неясно и произвольно. Его произвольность станетъ болѣе ясна, если мы обратимъ вниманіе еще на одинъ элементъ этого опредѣленія цѣны хлѣба, это именно понятіе „послѣдней, наименѣе производительной затраты труда и капитала“. Это понятіе одинаково безъ критики употребляется и Рикардо и Марксомъ. Не трудно видѣть, какой элементъ произвола вносится этимъ понятіемъ: пусть на землю затрачиваются $10\,a$ капитала, причемъ каждое послѣдующее a отличается убывающей производительностью; общій продуктъ почвы будетъ A. Очевидно, средняя производительность каждаго a будетъ равна $\frac{A}{10}$ и, если весь капиталъ разсматривать какъ одно цѣлое, то цѣна будетъ опредѣляться именно этой средней его производительностью. Но такимъ же образомъ послѣдней затратой капитала можетъ быть принято и $9\,a$, и $8\,a$, и $4\,a$, и $2\,a$, и одно послѣднее a, и любая его доля; мы имѣемъ здѣсь неопредѣленное число возможностей. Очевидно, поэтому, что сказать „послѣдняя затрата капитала“ значитъ ничего не сказать; это опредѣленіе сводится къ какой-то ариѳметической игрѣ или къ математической задачѣ

(см. пред. главу). Но и этотъ законъ устранялъ бы сказанныя соображенія только для отдѣльныхъ случаевъ.

на теорію сочетаній. Количество возможныхъ цѣнъ, по смыслу такого опредѣленія, практически безгранично, и подобное опредѣленіе совершенно безсодержательно [1]).

Очевидно, нужно отказаться здѣсь отъ того опредѣленія, которое отправляется отъ условій производства, и обратиться къ явленіямъ рынка, гдѣ господствуетъ — horribile dictu — законъ спроса и предложенія.

Законъ спроса и предложенія имѣетъ странную судьбу въ политической экономіи: архимедовъ рычагъ политической экономіи, названной Марксомъ вульгарной и надолго имъ скомпрометтированной (и въ общемъ, я думаю, совершенно основательно) въ экономической наукѣ, онъ появился на горизонтѣ политической экономіи теперь, чтобы послужить такимъ же рычагомъ въ рукахъ австрійской школы. Публицистическая окраска теорій австрійской школы, направленныхъ противъ трудовой теоріи цѣнности и связанной съ нею теоріи капитала („Ausbeutungstheorie"), которыя понимались при этомъ въ моралистическомъ значеніи и съ которыми связывались критика существующаго строя и обоснованіе соціалистическихъ тенденцій, вызвала предвзято-недружелюбное и недовѣрчивое отношеніе не только къ теоріямъ австрійской школы, но и къ теоретическому выясненію значенія закона спроса и предложенія вообще [2]). Самъ Марксъ считалъ изученіе этого закона стоящимъ *внѣ* своей задачи, онъ не обращался къ нему даже тамъ, гдѣ это было бы необходимо. Нужно возстановить дѣйствительное логическое значеніе закона спроса и предложенія; при объясненіи основныхъ отношеній производства ему принадлежитъ, конечно, ограниченная роль, но совершенно опредѣленная: значеніе его выступаетъ тамъ, гдѣ дѣйствіе этого закона, обнаруживающее *неравновѣсіе* спроса и предложенія, не

[1]) Пусть не говорятъ, что эта цѣнность практически представляетъ вполнѣ опредѣленную величину: здѣсь теоретическая, а не практическая проблема, она поставлена и должна быть выяснена экономической теоріей, и ссылка на практику, въ которой всѣ кошки сѣры, здѣсь не помогаетъ.

[2]) Я считаю огромную и тонкую умственную работу, которую затратила австрійская школа для выясненія того, что можно назвать психологіей спроса и предложенія, въ значительной мѣрѣ напрасной и для политической экономіи безрезультатной. Это умственныя кружева, въ которыхъ тонкость работы не соотвѣтствуетъ ея полезности, или, по выраженію старика Канта, „die hohen Thürme der Spekulation, worüber viel Wind ist".

можетъ быть парализовано уравновѣшиваніемъ, гдѣ слѣдовательно нѣтъ свободной конкурренціи, а имѣетъ мѣсто естественная или искусственная монополія. Таковъ именно разсматриваемый случай земельной ренты и цѣны хлѣба, и здѣсь именно законъ спроса и предложенія долженъ придти на помощь, когда измѣняетъ теорія, ограничивающаяся анализомъ чисто производственныхъ отношеній.

Цѣна хлѣба опредѣляется, очевидно, maximum'омъ того, что можно взять при извѣстныхъ условіяхъ спроса и предложенія. Рѣшающимъ является здѣсь установившійся ранѣе уровень цѣнъ и то послѣднее по времени измѣненіе, которое происходитъ въ условіяхъ спроса или предложенія хлѣба или ихъ обоихъ вмѣстѣ. Пусть n четвериковъ производились съ участка A съ издержками a, и новые n четвериковъ могутъ быть произведены на этомъ же участкѣ съ затратой $3\,a$; тогда производство каждыхъ n четвериковъ стоило бы въ среднемъ $2\,a$ (плюсъ соотвѣтствующая прибыль). Но, конечно, цѣна хлѣба установится не на этомъ уровнѣ, а будетъ равна $3\,a$, и за эту цѣну будутъ продаваться, конечно, и первые n. Возможно, впрочемъ, что вторые n четвериковъ будутъ произведены на новомъ участкѣ, хотя и менѣе плодородномъ нежели первый, но при помощи первоначальной затраты капитала, съ издержками производства, скажемъ, $2^1/_2\,a$; тогда за эту же цѣну будетъ продаваться и n четвериковъ, производимыхъ и на первомъ участкѣ, хотя на одномъ этомъ участкѣ весь хлѣбъ, требующійся для общества, могъ бы быть произведенъ съ меньшими издержками чѣмъ на двухъ участкахъ. Цѣна хлѣба измѣнялась бы такимъ же образомъ, еслибы совсѣмъ не было различій въ естественномъ плодородіи или разстояніи земельныхъ участковъ, но оставалось бы на лицо основное условіе—монопольный характеръ главнаго фактора производства — земли. Представимъ себѣ, что мы имѣемъ страну въ формѣ круга, подѣленную радіусами на совершенно равные секторы. Пусть эти секторы будутъ представлять собою участки совершенно равнаго плодородія; если предположить единственный рынокъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ въ центрѣ круга, всѣ они будутъ равно удалены отъ этого рынка. Такимъ образомъ, вліяніе естественныхъ различій устранено; и тѣмъ не менѣе по прежнему, цѣну хлѣба будетъ опредѣлять самая послѣдняя затрата капитала на землю, и въ зависимости отъ того,

что будетъ считаться послѣдней затратой, мыслимо нѣсколько различныхъ уровней цѣнъ при одной и той же производительности почвы. Мы имѣемъ здѣсь, такимъ образомъ, полный произволъ въ опредѣленіи цѣнъ, въ результатѣ котораго цѣна и опредѣляется издержками производства самой послѣдней доли земледѣльческаго продукта.

Можно указать объективные предѣлы, между которыми движутся цѣны: снизу этотъ уровень опредѣляется издержками производства, т. е. затратой капитала, который, какъ гражданинъ свободной конкурренціи, будетъ затрачиваться лишь тамъ, гдѣ онъ будетъ оплачиваться нормальной прибылью, а сверху границей является лишь возможность конкурренціи болѣе дешеваго хлѣба. Отсюда общее правило: чѣмъ больше хлѣба требуется и чѣмъ больше его производится, тѣмъ выше цѣна хлѣба (насколько она диктуется условіями даннаго замкнутаго рынка).

Въ процессѣ образованія цѣнъ на земледѣльческіе продукты рѣшающей, очевидно, является, возможность удерживать цѣны на разъ достигнутомъ уровнѣ, завѣдомо несоотвѣтствующемъ общественнымъ условіямъ производства хлѣба; этимъ же обусловлено и то обстоятельство, что всякое увеличеніе потребности въ хлѣбѣ, вызывающее большее напряженіе производительной энергіи, выражается въ общемъ повышеніи цѣны всего хлѣба, совершенно несоотвѣтствующемъ происшедшему измѣненію въ условіяхъ его производства. Есть какая-то посторонняя сила, которая наклоняетъ чашку вѣсовъ постоянно въ сторону превышенія спроса надъ предложеніемъ, которая имѣетъ возможность диктовать рынку свои условія, вмѣшиваясь въ свободную игру спроса и предложенія и дѣлая ее несвободной. Сила эта заключается въ монополіи земельной собственности, благодаря которой всякая прибавка въ цѣнѣ отбирается и крѣпко удерживается, и тѣмъ самымъ цѣны поддерживаются на такомъ произвольномъ уровнѣ, что ихъ можетъ понизить только сила внѣшней конкурренціи; при данныхъ же условіяхъ производства цѣны эти могутъ двигаться только въ одну сторону, — *вверхъ*; и каждое повышеніе цѣны тотчасъ же отбирается и утилизируется, создавая новую отправную точку для повышенія цѣнъ. Сильная и жадная рука лэндлорда, земельнаго собственника, высовывается изъ-за кулисъ рынка и производственнаго процесса и превращаетъ всякое под-

нятіе цѣны въ свою ренту. Что же такое эта рента и чѣмъ она опредѣляется?

Различаются въ экономической литературѣ рента дифференціальная и рента абсолютная: первая возникаетъ благодаря естественнымъ различіямъ въ условіяхъ производства и соотвѣтствуетъ *разницѣ* между условіями болѣе благопріятными и менѣе благопріятными; рента абсолютная принадлежитъ землѣ какъ таковой, а не вызывается какими-либо спеціальными преимуществами даннаго земельнаго участка.

Основнымъ теоретикомъ дифференціальной ренты является Рикардо, вмѣстѣ со всѣми своими предшественниками въ теоріи ренты—Андерсономъ, Вэстомъ, Мальтусомъ [1]). По теоріи Рикардо, источникомъ земельной ренты является различіе въ плодородіи, разстояніи и послѣдовательной производительности затратъ капитала. Но мы показали уже, что этихъ условій самихъ по себѣ недостаточно для того, чтобы вызвать существованіе земельной ренты; существующія различія могутъ быть совершенно выравнены ихъ соотвѣтственной комбинаціей. Съ другой стороны, мы показали, что въ опредѣленіи цѣны хлѣба у Рикардо допущена коренная неясность, имѣющая роковое значеніе для всей теоріи. Мы должны поэтому совсѣмъ оставить различіе естественныхъ условій производства, какъ причину возникновенія ренты, потому что здѣсь, очевидно, дѣло не въ этихъ различіяхъ; ими можетъ быть объяснена *разница* рентъ, но не самая рента, какъ

---

[1]) Андерсонъ первый формулировалъ условія происхожденія дифференціальной ренты, хотя, естественно, эта формулировка и не стоитъ у него въ связи съ общей теоріей распредѣленія и производства: сельскій хозяинъ рѣшительно перевѣшиваетъ въ Андерсонѣ экономиста. Одиноко стоитъ теорія ренты и у Вэста, несвязанная съ общимъ экономическимъ міровоззрѣніемъ. У Мальтуса, котораго Лезеръ считаетъ истиннымъ создателемъ теоріи ренты (см. *Em. Leser.* Untersuchungen zur Geschichte der Nationalökonomie. II. R. Malthus als Entdecker der modernen Grundrententheorie Jena. 1881), и у Рикардо теорія ренты носитъ печать ихъ общихъ экономическихъ воззрѣній, хотя едвали можно сказать, что она строго согласована съ ними. О воззрѣніяхъ Рикардо смотри ниже. Въ новѣйшее время теорія Рикардо подверглась критикѣ въ книгѣ *Duke of Argyll* The unseen foundations of society. The examination of the fallacies and failures of economic science due to neglected elements. London 1893. Нападки на доктрину Рикардо, сдѣланныя въ этой книгѣ, отражалъ проф. Маршаллъ въ статьѣ „On rent“ въ Economic Journal 1893 и въ Principles of economics.

это справедливо было уже указано Родбертусомъ. Что касается Маркса, то въ III томѣ *Капитала*—въ томъ видѣ, какъ мы сейчасъ его имѣемъ,—онъ не прибавляетъ ничего, заслуживающаго вниманія, къ теоріи дифференціальной ренты Рикардо. Многочисленныя таблицы, въ чрезмѣрномъ изобиліи пестрящія страницы III тома *Капитала*, носятъ характеръ иллюстрацій извѣстныхъ уже положеній и являются скорѣе результатомъ чрезмѣрнаго иногда пристрастія Маркса къ облаченію своихъ (нерѣдко очень простыхъ) мыслей въ сложную математическую одежду. Но всѣ слабыя стороны и неясности теоріи Рикардо остаются здѣсь не только не устраненными и не разъясненными, но даже и не отмѣченными. Вообще самъ Марксъ, по свидѣтельству Энгельса, считалъ ученіе о рентѣ требующимъ капитальной переработки; кромѣ того, въ теперешнемъ видѣ она представляетъ лишь самый первоначальный набросокъ, далеко незаконченный.

Что касается абсолютной ренты, то у Маркса подъ этимъ именемъ понимается тотъ случай, когда при переходѣ, къ новому и при томъ самому неплодородному участку, который не можетъ платить дифференціальной ренты, потому что хлѣбъ на немъ производится при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, владѣлецъ земли тѣмъ не менѣе требуетъ ренты; тогда цѣна хлѣба поднимается настолько, чтобы оплатить нѣкоторую ренту и владѣльцу этой земли. Нетрудно видѣть, что это лишь особый случай дифференціальной ренты: границей повышенія цѣны на хлѣбъ является тотъ уровень, при которомъ возможно уже производство хлѣба на старомъ участкѣ путемъ приложенія новыхъ, менѣе производительныхъ затратъ капитала. Поэтому поднятіе цѣны на хлѣбъ очень ограниченно и едва-ли можетъ быть разсматриваемо какъ самостоятельная форма ренты. Во всякомъ случаѣ и здѣсь мы не находимъ отвѣта на наши затрудненія. Абсолютная рента у Родбертуса имѣетъ особое значеніе въ связи съ его теоріей распредѣленія, ее мы разберемъ ниже.

Намъ придется для опредѣленія ренты обратиться къ тому опредѣленію цѣны на хлѣбъ, которое мы только что дали. Могучимъ факторомъ образованія цѣнъ, какъ мы видѣли тамъ, оказывается частная собственность на землю: это она держитъ цѣны на максимальномъ уровнѣ и при малѣйшемъ повышеніи спроса поднимаетъ ихъ еще выше, не допуская конкурренціи капиталовъ и установленія цѣнъ, соотвѣтствующихъ среднимъ издержкамъ

производства. Только угрожающая или дѣйствительная конкурренція можетъ побудить уменьшить цѣну. Было бы безполезной попыткой установить извѣстный порядокъ и послѣдовательность въ занятіи различныхъ земельныхъ участковъ или количествѣ затратъ капитала на данномъ участкѣ или ихъ разстояній. Это вполнѣ случайно и зависитъ отъ тысячи возможныхъ комбинацій. Такъ или иначе, но опредѣленная потребность даннаго момента удовлетворяется производствомъ на опредѣленной земельной площади, гдѣ прилагается извѣстная затрата капитала. При данной цѣнѣ хлѣба и при данныхъ издержкахъ производства мы имѣемъ какъ общую производительность (въ деньгахъ) даннаго участка, такъ и общую сумму издержекъ. Эти издержки представляются въ видѣ извѣстнаго количества капитала, плюсъ обычная въ странѣ прибыль на него, ради которой капиталъ и былъ затраченъ фермеромъ. Разница между общей цѣной хлѣба и издержками и составляетъ, очевидно, земельную ренту. Поэтому для *формальнаго* опредѣленія ренты достаточно того опредѣленія, которое даетъ *Мальтусъ*: „земельную ренту (the rent of land) можно опредѣлить какъ ту часть цѣнности всего продукта, которая остается земельному собственнику послѣ уплаты всѣхъ издержекъ на обработку почвы, какого бы рода онѣ ни были, включая прибыль съ затраченнаго капитала, опредѣляемую согласно обычной и средней нормѣ прибыли сельскохозяйственнаго капитала данной эпохи“ [1]).

Очевидно, при данныхъ издержкахъ производства хлѣба, рента и, соотвѣтственно, цѣна на хлѣбъ можетъ быть выше или ниже, это зависитъ отъ общаго хода развитія земледѣлія и спроса на земледѣльческіе продукты и, въ частности, отъ того, что̀ явилось послѣдней затратой, опредѣляющей цѣну хлѣба, и какъ много удалось поэтому взять землевладѣльцамъ въ видѣ земельной ренты.

Мы приходимъ къ выводу, который кореннымъ образомъ

---

[1]) *R. Malthus.* Principles of political economy 2-nd ed. London 1836, стр. 136. Таково же въ общемъ опредѣленіе Тюнена, открывшаго теорію ренты Рикардо совершенно самостоятельно (см. Isolierter Staat, стр. 14). Вполнѣ неудачно и по справедливости признается самою слабою частію теоріи Рикардо его опредѣленіе ренты, какъ платы за „первоначальныя и неистощимыя“ силы почвы, агрономически спорное и напоминающее физіократическіе предразсудки.

противорѣчитъ мнѣнію Рикардо, сдѣлавшемуся общепринятымъ въ политической экономіи: „хлѣбъ становится дороже не вслѣдствіе того, что платится рента; напротивъ, рента платится вслѣдствіе того, что хлѣбъ дорожаетъ“ [1]). Мы должны, наоборотъ, выставить положеніе, что рента удорожаетъ хлѣбъ, сравнительно съ средними условіями его производства; чѣмъ выше рента, чѣмъ болѣе цѣна хлѣба поднимается надъ уровнемъ, диктуемымъ этими послѣдними, чѣмъ ниже, тѣмъ болѣе она къ нему приближается.

Рикардо аргументируетъ въ пользу своего положенія слѣдующимъ образомъ: „еслибы высокая цѣна хлѣба была результатомъ, а не причиною ренты, на цѣну оказывалъ бы соотвѣтственное вліяніе высокій или низкій уровень ренты, и рента была бы составной частью цѣны. Но цѣну хлѣба регулируетъ тотъ хлѣбъ, который производится наибольшимъ количествомъ труда, и рента никоимъ образомъ (not in the least degree) не можетъ входить и не входитъ составной частью въ цѣну хлѣба“ [2]). Какъ разъ то, въ чемъ видитъ Рикардо доказательство своего положенія, въ нашихъ глазахъ является подтвержденіемъ противоположнаго. Цѣна хлѣба опредѣляется послѣдней, наименѣе производительной затратой капитала или труда, а не *средними* условіями производства *всего* хлѣба, и естественныя различія плодородія и т. д. потому не выравниваются соотвѣтствующимъ распредѣленіемъ производства вышеразъясненнымъ способомъ, что рука землевладѣльца крѣпко держится за достигнутый уже уровень цѣнъ и приносимую при наличности его ренту. Весь процессъ образованія цѣнъ на земледѣльческіе продукты обусловленъ присутствіемъ земельной ренты, монополіи, и высота ренты, несомнѣнно, вліяетъ на высоту цѣнъ, *несмотря* на то, что послѣдняя затрата труда или капитала непосредственно не даетъ ренты: на самомъ дѣлѣ она поднимаетъ ее для всего остального земледѣльческаго производства.

Ложную видимость, которая обманула острый взоръ Рикардо, здѣсь создаетъ то обстоятельство, что новое повышеніе ренты бываетъ связано съ приложеніемъ менѣе производительной затраты труда, сопровождаемой поднятіемъ цѣнъ. Кажется, будто источ-

---

[1]) *Рикардо.* Сочиненія въ пер. Зибера, стр. 34. „Corn is not high because a rent is paid, but a rent is paid because corn is high“ (Ricardo. Works, 39).

[2]) Ricardo. Works, 40.

ника ренты нужно искать въ естественныхъ, неотвратимыхъ особенностяхъ земледѣльческаго производства. И дѣйствительно, *условіемъ*, хотя и не источникомъ возникновенія земельной ренты является то же самое, что вызвало и возможность монополизаціи земли,—ограниченность производительныхъ силъ земли и безгранично растущая потребность въ нихъ человѣка. Мы знаемъ уже, чтб это значитъ для земледѣлія: общій результатъ этой ограниченности формулируется въ законѣ убывающаго плодородія почвы. Условіемъ возникновенія ренты является законъ убывающаго плодородія почвы, паразитарнымъ продуктомъ котораго и является рента. Очевидно, еслибы земледѣліе не было такимъ процессомъ отвоевыванія у природы ея даровъ и было бы свободно какъ промышленность, не получали бы такого значенія отдѣльные участки земли, человѣкъ не былъ бы вынужденъ переходить на менѣе плодородные или болѣе удаленные участки, производить, по извѣстному сравненію Мальтуса, все менѣе продуктивными машинами. Эта роковая зависимость человѣка отъ производительности почвы и создаетъ интересъ къ земельной собственности, и она же лежитъ въ основѣ происхожденія англійской ренты [1]), но, повторяю, не это создаетъ ее въ томъ видѣ, какъ она есть, создаетъ ее земельная собственность. Она утяжеляетъ иго закона убывающаго плодородія почвы, ибо цѣны на хлѣбъ, поднимающіяся подъ вліяніемъ этого послѣдняго, она держитъ на самомъ высокомъ уровнѣ, значительно превышающемъ естественное дѣйствіе этого закона. Она квалифицируетъ, такимъ образомъ, законъ убывающаго плодородія почвы, и къ злу природы прибавляетъ зло общественнаго паразита.

Безполезно связывать земельную ренту съ тѣми или другими свойствами почвы,—плодородіемъ-ли или положеніемъ. Какъ показалъ уже Марксъ, ренту можетъ приносить и участокъ наименѣе плодородный, для этого достаточно новаго приложенія капитала на одномъ изъ прежнихъ участковъ еще менѣе производительнаго чѣмъ затрата капитала на этомъ участкѣ; какъ отмѣтилъ онъ же, и впервые привлекаемые къ воздѣлыванію участки даютъ ренту (которую Марксъ назвалъ абсолютною); по собственному признанію и Маркса, эта рента создается простымъ притязаніемъ земельнаго собственника. Въ развитомъ об-

[1]) Это именно и чувствовалъ Рикардо, опредѣляя ренту какъ плату за первоначальныя и неистощимыя свойства почвы.

ществѣ привлекаются къ воздѣлыванію всѣ земли, доступныя культурѣ при данной степени агрономическихъ знаній, и всѣ онѣ даютъ ренту. Общій уровень этой ренты будетъ, конечно, опредѣляться отношеніемъ общей цѣны хлѣба къ издержкамъ производства; что же касается ренты каждаго отдѣльнаго участка, то онъ опредѣляется, очевидно, общей производительностью этого участка и издержками производства на немъ. Ясно, что болѣе плодородныя или болѣе выгодно расположенныя земли даютъ большую ренту, нежели участки не отличающіеся этими качествами. Эти разницы создаютъ и объясняютъ *различія* въ рентѣ, дифференціальную ренту, но *не ренту*.

Мы подошли вплотную къ вопросу о природѣ ренты, при рѣшеніи котораго намъ предстоитъ произвести конфронтацію теоріи ренты и теоріи цѣнности и капитала. Обѣ теоріи слѣдуетъ соединить въ одно логическое цѣлое и показать ихъ совмѣстимость.

Вопросъ таковъ: въ какомъ отношеніи рента стоитъ къ цѣнности, есть-ли рента цѣнность и, eo ipso, прибавочная цѣнность? Этотъ вопросъ составлялъ да и составляетъ больное мѣсто политической экономіи, и его неразрѣшенность открываетъ зіяющую брешь въ ея основныхъ построеніяхъ.

Цѣнность-ли рента значитъ: опредѣляется ли цѣна хлѣба цѣнностью, т. е. трудовой цѣнностью?

Въ томъ единственномъ разумномъ значеніи, которое можетъ имѣть понятіе трудовой цѣнности, въ значеніи товарнаго раздѣленія труда, гдѣ равенство различныхъ видовъ труда (слѣдовательно и трудовая цѣнность товаровъ) гарантируется свободой перенесенія труда изъ одной отрасли производства въ другую, земледѣльческое производство сюда отнесено быть не можетъ; здѣсь нѣтъ свободы конкурренціи. Эта разница общественной структуры выражается и въ различномъ установленіи рыночной цѣнности. Естественнымъ результатомъ трудовой цѣнности является ея опредѣленіе среднеобщественнымъ или общественно-необходимымъ трудомъ для производства этого товара; это всецѣло вытекаетъ изъ общихъ условій удовлетворенія общественныхъ потребностей. Общественная потребность въ данномъ товарѣ для даннаго момента есть опредѣленная величина; если спросъ соотвѣтствуетъ предложенію, трудовая цѣнность этого товара (что синонимируетъ съ правильнымъ распредѣленіемъ общественнаго

труда) находитъ полное выраженіе: тогда цѣна совпадаетъ дѣйствительно съ среднеобщественными издержками производства, и цѣну опредѣляютъ *среднія* условія производства. Производится товара болѣе, нежели требуется для удовлетворенія общественной потребности, цѣну начинаютъ регулировать болѣе благопріятныя условія производства, товаръ продается ниже среднихъ издержекъ производства; въ противномъ случаѣ цѣну опредѣляютъ менѣе благопріятныя условія производства, и товаръ продается выше цѣнности. Эта подвижная скала создаетъ базисъ для трудовой цѣнности и вмѣстѣ гарантію правильнаго распредѣленія труда при посредствѣ приливовъ его и отливовъ.

Мы видѣли, какъ создается цѣна земледѣльческаго продукта,—она *всегда* опредѣляется наименѣе благопріятными условіями производства, здѣсь отрицается трудовая цѣнность въ самой основѣ. Пусть не говорятъ, что „общественно необходимый трудъ“ въ земледѣліи опредѣляется производствомъ продукта въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ [1]); это значитъ только фразой обходить проблему, ставить слова на мѣсто понятій. Очевидно, такое опредѣленіе среднеобщественнаго труда уничтожаетъ въ корнѣ его логическое значеніе, какъ выраженіе общественнаго распредѣленія труда въ разныхъ отрасляхъ производства, регулируемаго конкурренціей. Послѣ всего сказаннаго неумѣстность приложенія понятія общественно необходимаго труда къ опредѣленію цѣнъ земледѣльческихъ продуктовъ такъ ясна, что я считаю излишнимъ особенно настаивать на этомъ.

Итакъ, принимая трудовую цѣнность естественнымъ мѣновымъ выраженіемъ товарнаго раздѣленія труда при условіи свободной конкурренціи, и опредѣленіе цѣнности среднимъ общественно необходимымъ трудомъ логическимъ результатомъ этого отношенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и среднимъ уровнемъ, около котораго колеблются реальныя цѣны, ихъ математическимъ предѣломъ, должно сказать, что земледѣліе сюда не подходитъ, ни по отсутствію свободы конкурренціи, ни по проистекающему отсюда способу образованія цѣнъ, составляющему совершенное отрицаніе трудовой цѣнности. Все это вкратцѣ можно формулировать такъ: *хлѣбъ* (и другіе продукты земледѣлія) *имѣетъ цѣну, но не имѣетъ цѣнности.*

[1]) Я намѣренно оставляю уже въ сторонѣ всю неопредѣленность и произвольность этого понятія, какъ она была выяснена выше.

Вопросъ однако еще не рѣшается этими соображеніями. Мы знаемъ, что отношеніе трудовой цѣнности осложняется конкурренціей капиталовъ и что реальныя цѣны опредѣляются не цѣнностью, но цѣнами производства. То, что сказано выше о колебаніяхъ цѣнъ около цѣнностей, реально имѣетъ силу относительно колебанія цѣнъ около уровня, соотвѣтствующаго среднимъ условіямъ производительности капитала въ данномъ производствѣ. При осложненномъ видѣ, въ которомъ отношенія цѣнности выступаютъ въ дѣйствительности, вопросъ о томъ, имѣетъ ли хлѣбъ цѣнность, долженъ смѣниться другимъ, логически равнозначущимъ: представляетъ ли собой рента прибавочную цѣнность?

Рѣчь идетъ, слѣдовательно, о томъ, какъ соединить теорію ренты съ тѣмъ сложнымъ, труднымъ, и до сихъ поръ далеко не общепринятымъ, но въ основныхъ принципахъ (не въ деталяхъ, нерѣдко этимъ принципамъ противорѣчащихъ) раздѣляемымъ авторомъ ученіемъ Маркса объ установленіи средней нормы прибыли и распредѣленіи прибавочной цѣнности pro rata затраченныхъ капиталовъ. Если теорія ренты такъ плохо согласуется съ трудовой теоріей цѣнности въ ея чистомъ видѣ, то насколько же труднѣе становится дѣло, разъ эта послѣдняя усложняется ученіемъ объ образованіи средней нормы прибыли.

Рикардо не ставилъ себѣ такого вопроса, потому что онъ не сознавалъ всей его остроты, хотя онъ и могъ уже его сознавать. Дѣло въ томъ, что Рикардо не покончилъ съ вопросомъ о средней нормѣ прибыли: его хватило только, чтобы, поставивъ этотъ вопросъ, потомъ снять его не разрѣшая. Отъ него не скрылось, что трудовая теорія цѣнности въ чистомъ видѣ не достаточна для сложныхъ явленій капиталистическаго обмѣна и онъ, какъ извѣстно, поставилъ ей рядъ ограниченій. Но ограниченія были поставлены извнѣ, именно какъ ограниченія. Рикардо не предпринялъ изъ-за этого внутреннюю переработку своей теоріи съ тѣмъ, чтобы логически, изнутри приспособить ее къ новымъ точкамъ зрѣнія. Въ этомъ отношеніи воззрѣнія Рикардо можно характеризовать какъ наивныя. Съ тою же наивностью Рикардо подошелъ и къ теоріи ренты. У него не только не является потребности накрыть общимъ теоретическимъ куполомъ эти три различныя зданія, соединить ихъ въ одно логическое цѣлое, но онъ остается въ наивномъ убѣжденіи, что трудовая цѣнность сохраняетъ у него полное господство, и случай установленія цѣнъ на

хлѣбъ онъ разсматриваетъ какъ частный, хотя и особенный случай трудовой цѣнности, пожалуй, новое ея ограниченіе, не больше. Не у Рикардо слѣдуетъ искать отвѣта на этотъ вопросъ, заданный болѣе зрѣлой экономической рефлексіей.

Связать теорію ренты съ общей теоріей распредѣленія стремились Марксъ и Родбертусъ. Въ удобствахъ логическихъ мы пренебрежемъ хронологіей и разсмотримъ ихъ въ порядкѣ, обратномъ хронологическому, начавъ съ Маркса.

Марксъ разсматриваетъ поземельную ренту какъ часть общественной прибавочной цѣнности, распредѣляющейся между разными пайщиками производства. „Вся поземельная рента есть прибавочная цѣнность, продуктъ прибавочнаго труда“ [1]). Или въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „Прибыль на капиталъ (предпринимательская прибыль плюсъ процентъ) и поземельная рента суть ничто иное какъ отдѣльныя составныя части прибавочной цѣнности, категоріи, которыя въ ней различаются, смотря потому, куда попадаютъ эти части, капиталу или земельной собственности, рубрики, которыя ничего не измѣняютъ въ ея существѣ. Сложенныя вмѣстѣ, онѣ образуютъ сумму общественной прибавочной цѣнности“ [2]).

Если такъ, то нужно, значитъ, показать, гдѣ и какъ производится та доля прибавочной цѣнности, которая образуетъ собою ренту, и какимъ образомъ она попадаетъ по назначенію, каковъ, слѣдовательно, распредѣлительный механизмъ.

Марксъ разсматриваетъ ренту, именно дифференціальную ея форму, какъ Surplusprofit, прабавочную прибыль, которая *производится* благодаря исключительной продуктивности нѣкоторыхъ затратъ капитала, связанной съ особенно выгодными условіями ихъ приложенія. Происхожденіе этого Surplusprofit поясняется (или доказывается?) примѣромъ водопада, замѣняющаго собою двигательную силу пара. Если большая часть фабрикъ страны движется паромъ, но нѣкоторыя пользуются безплатной силой водопада, очевидно, производительность этихъ послѣднихъ выше средняго,—сверхъ оплаты капитала средней прибылью здѣсь остается излишекъ, который явился бы рентой владѣльца водопада, если-бы послѣдній оставлялъ частную собственность третьяго лица.

[1]) Das Kapital, III², 174: Alle Grundrente ist Mehrwerth, Produkt von Mehrarbeit.

[2]) Ib. 356.

Этимъ примѣромъ исчерпывается все, что сказано у Маркса въ объясненіе происхожденія ренты. Это слѣдуетъ, конечно, объяснить, незаконченностью III тома Капитала вообще и теоріи ренты въ особенности. Дѣлать заключеніе объ общей точкѣ зрѣнія Маркса на предметъ дозволяетъ лишь этотъ примѣръ съ водопадомъ, въ высшей степени неудачный и всего менѣе способный пояснить происхожденіе ренты. Сравненіе это свидѣтельствуетъ о желаніи Маркса объяснить происхожденіе ренты естественными различіями производства и естественнымъ различіемъ производительности капитала на отдѣльныхъ участкахъ. Но мы видѣли уже, что эти различія могутъ парализовать другъ друга и нивеллироваться при извѣстныхъ условіяхъ до полнаго уничтоженія. Мы знаемъ, что при однихъ и тѣхъ же условіяхъ производства мыслима разная цѣна на хлѣбъ и слѣдовательно разная земельная рента; земельная собственность, дѣйствительно, пользуется извѣстнымъ образомъ въ своихъ интересахъ и естественными различіями, но сами они ренты съ необходимостью не создаютъ [1]).

Для Маркса дифференціальная рента не является такимъ образомъ функціей земельной собственности; какъ Surplusprofit она могла бы существовать и безъ существованія земельной собственности, которая даетъ этой прибавочной прибыли только форму ренты (ср. цитированное въ примѣчаніи мѣсто). Является ли эта способность приносить Surplusprofit особеннымъ преимуществомъ земледѣлія, по точному смыслу сравненія съ водопадомъ, или же это есть privillegium odiosum, результатъ закона убываю-

[1]) Наоборотъ въ примѣрѣ съ водопадомъ: „земельная собственность на водопадъ сама по себѣ не имѣетъ никакого отношенія къ созданію части прибавочной цѣнности (прибыли), а потому и цѣны вообще товара, который производится съ помощью водопада. Эта прибавочная прибыль существовала бы, еслибы не было земельной собственности, еслибы напримѣръ земля, на которой находится водопадъ, находилась въ пользованіи фабриканта какъ свободный, никому не принадлежащій участокъ. Поземельная собственность не создаетъ такимъ образомъ ту часть цѣнности, которая превращается въ прибавочную прибыль, но она лишь уполномочиваетъ земельнаго собственника водопада переманить эту прибавочную прибыль изъ кармана фабриканта въ свой собственный. Она является причиной не созданія прибавочной прибыли, но ея превращенія въ форму земельной ренты, слѣдовательно присвоенія этой части прибыли, соотв. цѣны товаровъ собственникомъ земли или водопада“ (Das Kapital, III² 187).

щаго плодородія почвы, на этотъ вопросъ мы не находимъ у Маркса отвѣта. Примѣръ съ водопадомъ, между прочимъ, неудаченъ и въ томъ смыслѣ, что онъ сопоставляетъ случайное естественное преимущество, ставящее данное предпріятіе въ привиллегированное положеніе, съ тѣмъ особеннымъ и важнымъ случаемъ общаго измѣненія условій производства, который мы имѣемъ съ постепеннымъ развитіемъ земледѣлія.

Приведенное сравненіе не даетъ поэтому понятія о дѣйствительной природѣ дифференціальной ренты. Мало того, выраженное въ немъ воззрѣніе Маркса грѣшитъ немарксизмомъ, фетишизмомъ, какъ сказалъ бы самъ Марксъ, въ томъ смыслѣ, что рента не получаетъ здѣсь должнаго освѣщенія и оцѣнки какъ самостоятельное отношеніе производства, и задача ея объясненія сведена къ тому, чтобы выкроить и на ея долю кусокъ Surplusprofit'a. Лишь отправляясь отъ истинной природы экономическихъ категорій,—именно выражаемыхъ ими общественныхъ отношеній производителей, мы можемъ правильно понять явленія обмѣна и соотвѣтствующіе доходы; противоположный путь, которымъ вопреки своимъ собственнымъ научнымъ принципамъ пошелъ здѣсь Марксъ, не ведетъ ни къ тому, ни къ другому, осуждая на натянутыя аналогіи или грубый матеріализмъ, упрощеніе экономической дѣйствительности до рыночной практики, методъ вульгарной политической экономіи.

Воззрѣнія Маркса на природу ренты не исчерпывается ученіемъ о дифференціальной рентѣ; гораздо интереснѣе его разсужденія относительно абсолютной ренты, хотя дифференціальная рента представляетъ общую форму ренты, а абсолютная (въ томъ значеніи, какое она имѣетъ у Маркса) лишь частный случай. Но мы можемъ плодотворнѣе использовать ученіе Маркса объ абсолютной рентѣ, связавши критику его съ общей теоріей распредѣленія, къ которой мы предварительно и обратимся. Намъ придется сдѣлать отступленіе въ сторону вопроса первостепенной теоретической важности, — о прибыли земледѣльческаго капитала. Согласно основному принципу теоріи Маркса прибавочная цѣнность распредѣляется въ результатѣ конкурренціи капиталовъ по средней нормѣ прибыли. Меньше всего это уравненіе прибыли слѣдуетъ понимать какъ результатъ имманентнаго свойства товаровъ продаваться по трудовой цѣнности или столь же имманентнаго свойства капиталовъ получать равную прибыль, или, наконецъ,

какъ результатъ сознательной погони капиталистовъ за прибавочной цѣнностью, выражающейся въ столькихъ-то штукахъ сукна у суконнаго фабриканта, столькихъ-то машинахъ у машиннаго и пр. или столькихъ-то рабочихъ часахъ и т. д. Фабриканты трудовой теоріи цѣнности не знаютъ и прибавочной цѣнностью не интересуются,—не нужно тратить много словъ, чтобы доказывать это. Единственно возможный смыслъ или *экономическое* содержаніе этого положенія въ томъ, что существуютъ извѣстныя общественныя отношенія производителей, которые не могутъ не отражаться въ обмѣнѣ и отражаются въ немъ не иначе какъ извѣстнымъ образомъ. Этотъ смыслъ имѣетъ носящій столь неудачное названіе „мѣновой законъ“ (Werthgesetz), и это же значеніе имѣетъ ученіе о распредѣленіи прибавочной цѣнности по средней прибыли въ результатѣ конкурренціи капиталовъ [1]). Было бы поэтому грубѣйшимъ фетишизмомъ понятій, а вмѣстѣ и фактической невѣрностью изображать борьбу изъ-за распредѣленія нормы прибыли какъ сознательную погоню капиталистовъ за прибавочной цѣнностью. Борьба эта подобна воздушной борьбѣ Валкирій надъ дѣйствительнымъ полемъ сраженія: она имѣетъ мѣсто только въ головѣ теоретика, изучающаго реальную борьбу капиталовъ.

Опасность логическаго фетишизма больше чѣмъ кажется. Чтобы не подвергнуться ей въ данномъ случаѣ, гдѣ мы имѣемъ столь сложную систему понятій, отвѣчающую не меньшей слож-

---

[1]) Нужно-ли прибавлять, что такое именно, условное и ограниченное, осуществленіе имѣютъ основные экономическіе законы. „Мѣновой законъ“ вовсе не значитъ, чтобы мѣновыя сдѣлки опредѣлялись дѣйствительно трудомъ,—такъ не опредѣляется, вѣроятно, ни одна реальная сдѣлка; онъ отмѣчаетъ основное объективное условіе, въ зависимости отъ котораго цѣны складываются въ томъ, а не иномъ направленіи. Еще менѣе конкретнаго содержанія имѣетъ прибавочная цѣнность (хотя этимъ нисколько не уменьшается и не отрицается ея *экономическая* реальность—пригодность этого понятія къ группировкѣ извѣстныхъ явленій): мы ни въ одномъ конкретномъ случаѣ не можемъ ея указать. Такое же идеальное существованіе имѣетъ и законъ распредѣленія прибавочной цѣнности по средней нормѣ прибыли: указать что-либо подобное въ *конкретной* жизни невозможно, что не уменьшаетъ его логическую, экономическую реальность. Съ другой стороны, даже теоретически нельзя предположить, чтобы распредѣленіе прибавочной цѣнности возможно было хоть однажды такъ, какъ это изображено въ теоріи: послѣдняя, констатируя основныя условія распредѣленія, указываетъ лишь общее направленіе „тенденцію“, говоря любимымъ словомъ экономистовъ,

ности реальныхъ отношеній, мы должны постоянно помнить дѣйствительное значеніе этихъ понятій и тѣ условія, при которыхъ оно имѣетъ силу. Однимъ изъ основныхъ условій какъ трудовой цѣнности такъ и конкурренціи капиталовъ на почвѣ стремленія къ равной прибыли является *свобода* конкурренціи, и эти отношенія выражаются тѣмъ полнѣе, чѣмъ болѣе экономическая жизнь осуществляетъ этотъ принципъ,—тамъ, гдѣ онъ отсутствуетъ, очевидно не могутъ имѣть силу тѣ же начала, какія господствуютъ въ области свободной конкурренціи.

Теперь обратимся къ нашему вопросу. Капиталы, занятые въ различныхъ отрасляхъ производства и производящіе благодаря неравному участію въ ихъ составѣ перемѣнной части (которая и является источникомъ прибавочной цѣнности) не равное количество прибавочной цѣнности, конкуррируя между собою, распредѣляютъ ее такъ, что средняя норма прибыли равна отношенію всего количества прибавочной цѣнности ко всему капиталу. Входитъ-ли въ это уравненіе земледѣльческій капиталъ,—является-ли онъ полноправнымъ членомъ капиталистической семьи, самъ отдавая свою прибавочную цѣнность въ общую кассу и затѣмъ получая оттуда среднюю норму прибыли?

Принимая основной принципъ теоріи капитала Маркса, я долженъ отвѣтить на этотъ вопросъ отрицательно. Земледѣльческій капиталъ не является полноправнымъ членомъ капиталистической семьи, потому что онъ лишенъ своего вота при опредѣленіи уровня прибыли. Выше или ниже средней индивидуально производимая имъ прибавочная цѣнность, это не имѣетъ никакого значенія для общаго ея распредѣленія: прибыль земледѣльческаго капитала диктуется извнѣ, она опредѣляется прибылью промышленнаго капитала, т. е. такою прибылью, которая считается обычною на рынкѣ. Это станетъ ясно, какъ только мы вспомнимъ, что земледѣльческій капиталъ лишенъ свободы конкурренціи, которая является нервомъ движенія капиталовъ и уравненія прибыли; онъ не имѣетъ возможности *искать* этого уровня путемъ колебаній вверхъ и внизъ, потому что за каждымъ его движеніемъ слѣдитъ бдительный глазъ землевладѣльца, отбирающаго въ формѣ земельной ренты все, что превышаетъ средній уровень прибыли [1]). Это вмѣшательство посторонней силы въ распредѣле-

[1]) Это ясно формулировано уже у *Адама Смита*: „рента, какъ цѣна а пользованіе землей, является, конечно, самой высшей, какую только

ніе продукта, прямой результатъ монополіи земельной собственности, и исключаетъ свободу конкурренціи для земледѣльческаго капитала. Мало того, извнѣ опредѣленный (а не самоопредѣляющійся) уровень прибыли есть логическое (а также отчасти и историческое) *prius* ренты въ англійскомъ смыслѣ этого слова. Вѣдь уровень ренты опредѣляется у всѣхъ экономистовъ безъ различія оттѣнковъ какъ цѣна хлѣба минусъ издержки производства, т. е. затраченный капиталъ *съ средней на него прибылью*. Это отлично чувствовалъ уже Рикардо, котораго Родбертусъ даже упрекаетъ за то, что у него уровень прибыли предшествуетъ и опредѣляетъ ренту. (Такова же была точка зрѣнія и Мальтуса, какъ можно видѣть по приведенному выше опредѣленію ренты). Одна и та же величина не можетъ быть одновременно и опредѣляемымъ и опредѣлителемъ, особенно разъ дѣло касается такихъ практическихъ вещей какъ содержаніе аренднаго контракта. Предположеніе о томъ, что и земледѣльческій капиталъ участвуетъ въ распредѣленіи прибавочной цѣнности было бы понятно лишь въ томъ случаѣ, если бы она являлась предметомъ непосредственныхъ стремленій капиталиста, не логическимъ, а столь же чувственно осязательнымъ фактомъ какъ напр. прибыль или рента.

Земледѣльческій капиталъ съ своей прибылью и земледѣльческій трудъ, вообще земледѣліе какъ область приложенія труда и капитала составляютъ такимъ образомъ status in statu въ капиталистическомъ царствѣ; они капиталистически экстерриторіальны. На нихъ *отражаются* отношенія конкурренціи капиталовъ, но всѣ опредѣленія капитала, прибавочной цѣнности, заработной платы и цѣнности вообще въ примѣненіи къ земледѣлію оказываются величинами мнимыми. Ибо прибавочная цѣнность есть реальный фактъ постольку, поскольку ею опредѣляется прибыль, если не непосредственно для даннаго капиталиста, то посредственно для всего общественнаго капитала; понятіе заработной платы соотносительно понятію прибавочной цѣнности и т. д. Мы имѣемъ здѣсь только эмпирическій, бухгалтерскій фактъ,—

можетъ уплатить фермеръ при данномъ состояніи страны. Опредѣляя условія аренды, лэндлордъ старается оставить ему долю продукта не больше нежели нужно для того, чтобы достать сѣмянъ, оплатить трудъ, купить и содержать скотъ и хозяйственный инвентарь, вмѣстѣ съ обычной для округа прибылью на фермерскій капиталъ“ (The wealth of nations. Book I, Ch. XI).

издержки производства, распадающіяся на разныя категоріи: основной капиталъ, оборотный капиталъ, заработная плата. Земледѣльческій капиталъ, при условіяхъ англійской ренты, получалъ бы одинаковую прибыль какъ въ томъ случаѣ, если бы онъ состоялъ весь изъ одной постоянной или изъ одной перемѣнной части (конечно, если бы это было возможно). И это едва-ли бы отразилось на общемъ уровнѣ прибыли.

Итакъ, еще ограниченіе, скажетъ разочарованно какой-нибудь заядлый сторонникъ трудовой теоріи цѣнности. Съ точки зрѣнія того пониманія экономическихъ категорій, которое ввелъ въ науку Марксъ, хотя и не всегда самъ оставался ему вѣренъ, мы a priori ждали этого ограниченія и ограниченіемъ его, конечно, не считаемъ. A priori ясно, что отношеній свободной конкурренціи нельзя распространять туда, гдѣ она исключена или ограничена, какъ мы имѣемъ это въ данномъ случаѣ, въ сферѣ вліянія земельной собственности.

Во всякомъ случаѣ на утверждающихъ противное лежитъ onus probandi доказательства своей точки зрѣнія: они должны показать, какимъ образомъ участвуетъ въ распредѣленіи прибавочной цѣнности земледѣльческій капиталъ. Что касается самого творца теоріи, Маркса, то, къ сожалѣнію, мы должны здѣсь разойтись съ нимъ въ развитіи его собственной теоріи и примѣненіи его собственныхъ научныхъ принциповъ. Онъ не даетъ прямого отвѣта на этотъ вопросъ, очевидно, благодаря незаконченности работы, но онъ ставитъ его, и, несмотря на неясность и до извѣстной степени даже противорѣчивость его отдѣльныхъ отзывовъ, видно, что онъ считаетъ и земледѣльческій капиталъ полнымъ участникомъ производства и распредѣленія прибавочной стоимости [1]), хотя и не показываетъ, *какъ* это возможно и дѣйствительно происходитъ.

---

[1]) Вотъ соотвѣтственныя мѣста. На стр. 194, III² Марксъ высказываетъ мимоходомъ точку зрѣнія, какъ будто подходящую къ развитой въ текстѣ: „не слѣдуетъ забывать, что общая норма прибыли не равномѣрно опредѣляется прибавочной цѣнностью *всѣхъ* отраслей производства. Не земледѣльческая прибыль опредѣляетъ промышленную но наоборотъ. Объ этомъ позже“. Этотъ пунктъ намѣченъ въ общемъ планѣ, воспроизведенномъ на стр. 260, III² подъ пунктомъ 4: Einfluss dieser Rente auf die Profitrate. На страницѣ 295, III² находимъ однако совершенно другую точку зрѣнія: „насколько (абсолютная) рента неравна избытку цѣнности земледѣльческихъ продуктовъ надъ цѣнностью ихъ производства, часть этого

Но очевиднѣй всего это воззрѣніе становится изъ его ученія объ абсолютной рентѣ [1]). Извѣстно, что абсолютной рентой Марксъ называетъ тотъ случай ренты, когда она взимается изъ самаго худшаго участка, который не долженъ бы давать дифференціальной ренты: когда становится необходимо перейти къ воздѣлыванію и такого участка, то собственникъ его требуетъ ренту, и эта рента должна быть оплачена соотвѣтственнымъ поднятіемъ цѣны хлѣба. Естественной границей такого поднятія служитъ стоимость производства хлѣба на какомъ-либо изъ старыхъ участковъ путемъ новой, менѣе производительной чѣмъ предыдущія затраты капитала. Марксъ и ставитъ вопросъ: „слѣдуетъ-ли изъ (факта) поземельной ренты и съ самаго худшаго участка, которая не можетъ быть объяснена различіемъ плодородія, что цѣна продуктовъ земли необходимо является монополіей въ обычномъ смыслѣ слова, или цѣной, въ которую входитъ и земельная рента въ такой же формѣ какъ и налогъ, съ той лишь разницей, что вмѣсто государства налоги взимаются земельнымъ собственникомъ“? [2]) Марксъ считаетъ это утвержденіе возможнымъ лишь благодаря тому, что до сихъ поръ не дѣлалось различія между цѣнностью и цѣною производства [3]) (Productionspreis) то-

---

излишка всегда входила бы въ общее уравненіе и пропорціональное распредѣленіе всей прибавочной цѣнности между различными капиталами Разъ же (абсолютная) рента равна избытку цѣнности надъ цѣною производства, то вся часть прибавочной цѣнности, превышающая среднюю прибыль, отвлекалась бы отъ этого выравниванія“. (См. всю стр. 260). Здѣсь Марксъ разсуждаетъ такъ, какъ будто бы земледѣльческій капиталъ ничѣмъ не отличался отъ промышленнаго относительно производства и распредѣленія прибавочной цѣнности.

[1]) Къ сожалѣнію, изложеніе и критика теоріи абсолютной ренты, также какъ и большей части теорій III тома *Капитала* страшно затрудняется его незаконченностію. Этотъ великій памятникъ мысли достался намъ въ видѣ обломаннаго торса, по которому приходится *угадывать* настоящія формы статуи. Конечно, при этомъ слѣдуетъ соблюдать большую осторожность, чтобы не приписать Марксу того, чего онъ не думалъ.

[2]) Das Kapital, III², 290.

[3]) Позволю себѣ напомнить здѣсь для читателя-неспеціалиста, что *цѣною производства* Марксъ называетъ тотъ реальный масштабъ, по которому фактически обмѣниваются товары, въ противоположность цѣнности, регулирующей обмѣны лишь „въ послѣднемъ счетѣ“. Цѣна производства слагается изъ издержекъ производства плюсъ средняя прибыль на весь капиталъ (прибыль же эта опредѣляется отношеніемъ всей прибавочной цѣнности ко всему общественному капиталу).

вара. Трудовая цѣнность товара можетъ стоять выше цѣны производства, такъ что нѣкоторый излишекъ цѣнности остается неоплаченнымъ и поступаетъ въ общую кассу прибавочной цѣнности. Это возможно именно въ томъ случаѣ, когда относительная доля перемѣннаго капитала въ составѣ даннаго капитала больше чѣмъ во всемъ общественномъ капиталѣ (говоря техническимъ терминомъ, когда органическій составъ капитала ниже среднеобщественнаго) и прибавочной цѣнности производится поэтому болѣе, нежели причитается по средней нормѣ прибыли данному капиталу. Если земледѣльческій капиталъ отличается именно такимъ низшимъ составомъ, то продукты земледѣлія продаются ниже цѣнности [1]), и прибавочная цѣнность, производимая въ земледѣліи, больше той, которая составляетъ прибыль земледѣльческаго капиталиста. Этого предположенія достаточно для объясненія абсолютной ренты, существованіе которой зависитъ такимъ образомъ отъ его вѣрности или невѣрности. Абсолютная рента берется изъ излишка прибавочной цѣнности надъ прибылью и можетъ быть, конечно, меньше, можетъ быть и равна ему. „Во всякомъ случаѣ эта абсолютная рента, проистекающая, изъ излишка цѣнности надъ цѣной производства, составляетъ часть земледѣльческой прибавочной цѣнности, превращеніе этой прибавочной цѣнности въ ренту, захватъ ея землевладѣльцемъ; также какъ дифференціальная рента проистекаетъ изъ превращенія прибавочной прибыли въ ренту, захвата послѣдней земельной собственностью, при общемъ регулированіи цѣны производства. Эти двѣ формы ренты суть единственно нормальныя“ [2]). „Еслибы средній составъ земледѣль-

[1]) Марксъ считаетъ это, по крайней мѣрѣ, вѣроятнымъ. Насъ не интересуетъ здѣсь этотъ вопросъ самъ по себѣ—съ нашей точки зрѣнія, развитой выше, онъ не имѣетъ значенія, — но съ точки зрѣнія самого Маркса, утверждавшаго *абсолютное* даже уменьшеніе перемѣннаго земледѣльческаго капитала, такое утвержденіе едва-ли послѣдовательно. Онъ самъ чувствуетъ эту противорѣчивость и на стр. 298 — 304, III² хочетъ устранить; это мѣсто, оказалось, къ сожалѣнію совсѣмъ незаконченнымъ.

[2]) Приведу еще характерное мѣсто: „сущность абсолютной ренты состоитъ въ слѣдующемъ: капиталы равной величины производятъ въ различныхъ сферахъ производства, соотвѣтственно различію своего состава, при равной нормѣ прибавочной цѣнности или равной эксплуатаціи труда различныя количества прибавочной цѣнности. Въ промышленности эти различныя массы прибавочной цѣнности выравниваются въ среднюю прибыль и равномѣрно распредѣляются между отдѣльными капиталами, какъ извѣстными долями всего общественнаго капитала. Земельная соб-

ческаго капитала былъ тотъ же, что и среднеобщественный или выше, то абсолютной ренты въ выше развитомъ смыслѣ уже не было бы, т. е. ренты, которая однако отличается какъ отъ дифференціальной ренты такъ и отъ ренты, основывающейся на монопольной цѣнѣ въ собственномъ смыслѣ“ [1]). У Маркса нѣтъ болѣе ни слова относительно такой возможности [2]), и случай этотъ остается совсѣмъ невыясненнымъ; но, мнѣ кажется, на основаніи вышеприведеннаго можно сказать съ увѣренностью, что случай абсолютной ренты, когда цѣна производства равна или выше цѣнности, онъ считалъ случаемъ монопольной цѣны и противопоставлялъ его въ таковомъ качествѣ настоящей абсолютной рентѣ, одному изъ двухъ „единственно нормальныхъ“ видовъ ренты.

Приведенное ученіе представляетъ какъ бы experimentum crucis для теоріи Маркса. Изъ него слѣдуетъ, во-первыхъ, что Марксъ не различалъ земледѣльческаго капитала отъ промышленнаго, насколько дѣло касается выравненія прибавочной цѣнности въ общую норму прибыли; для этого можетъ быть приведено доказательство, въ логикѣ называемое доказательствомъ отъ противнаго: Марксъ считаетъ случай абсолютной ренты особеннымъ вмѣшательствомъ земельнаго собственника въ распредѣленіе прибавочной цѣнности по средней нормѣ прибыли, нарушеніемъ нормальнаго теченія. Очевидно внѣ этого нарушенія нормальное теченіе это предполагается у него само собой разумѣющимся.

Во-вторыхъ, эта теорія интересна въ томъ отношеніи, что вводитъ насъ въ самый центръ проблемы объ условіяхъ конкур-

---

ственность, разъ только производство нуждается въ землѣ для земледѣлія-ли или для извлеченія сырыхъ матеріаловъ, препятствуетъ этому выравниванію для капиталовъ вложенныхъ въ землю, и отбираетъ часть прибавочной цѣнности, которая иначе вошла бы въ процессъ выравниванія средней нормы прибыли. Рента образуетъ въ такомъ случаѣ часть цѣнности, въ частности прибавочной цѣнности товаровъ, которая вмѣсто класса капиталистовъ, извлекающаго ее изъ рабочихъ, достается земельнымъ собственникамъ, извлекающимъ (extrahieren) ее отъ капиталистовъ При этомъ предполагается, что земледѣльческій капиталъ приводитъ въ движеніе большее количество труда нежели равной величины капиталъ неземледѣльческій (ib. 305).

[1]) Das Kapital, III², 297—8.

[2]) Ср. еще глухія упоминанія въ параграфѣ о парцеллярной крестьянской собственности.

ренціи земледѣльческаго и неземледѣльческаго капиталовъ. Допустимъ на минуту, что эта теорія Маркса вѣрна. Какія условія предполагаетъ это? Это предполагаетъ, прежде всего, наличность того механизма, которымъ обусловливается распредѣленіе прибавочной цѣнности между земледѣльческимъ и всѣми другими видами капитала. Случай абсолютной ренты представляетъ *отклоненіе* отъ нормальнаго дѣйствія механизма, слѣдовательно онъ предполагаетъ его наличность. Но наличность такого механизма никогда показана не была, положеніе земледѣльческаго капитала просто конструировано по аналогіи съ положеніемъ неземледѣльческаго капитала: взятъ *результатъ* дѣйствія свободной конкурренціи и перенесенъ туда, гдѣ это основное условіе отсутствуетъ. Поэтому можно во всякомъ случаѣ сказать, что въ основѣ теоріи абсолютной ренты лежитъ petitio principii.

Но предположимъ, что этого petitio principii нѣтъ и что доказана наличность именно такого способа распредѣленія прибавочной цѣнности, который предполагается теоріей. Тогда требуется новое доказательство того, какимъ образомъ повышеніе ренты, результатъ голой земельной собственности, потому не имѣющее экономическаго оправданія въ видѣ избытка прибыли (Surplusprofit), можетъ выразиться именно вычетомъ изъ прибавочной цѣнности земледѣльческаго капитала (даннаго-ли капитала, который прилагается къ воздѣлыванію новаго земельнаго участка наименьшаго плодородія, или земледѣльческаго капитала вообще, Марксъ не указываетъ). Легко понять утвержденіе, что это повышеніе ляжетъ какъ косвенный налогъ на цѣну хлѣба, но утвержденіе, что эта прибавка будетъ взята изъ прибавочной цѣнности земледѣльческаго капитала, и этотъ вычетъ долженъ, очевидно, повліять на общее количество прибавочной цѣнности, распредѣляемой между всѣмъ общественнымъ капиталомъ, совершенно непонятно. Вѣдь не нужно забывать, что прибавочная цѣнность и ея норма есть теоретическая конструкція, выражающая, правда, реальныя отношенія, но не являющаяся чѣмъ-либо чувственно-осязательнымъ, не являющаяся мотивомъ конкурренціи. Здѣсь мы имѣемъ новое petitio principii. Но допустимъ, что это результатъ незаконченности III тома Капитала и что оно, можетъ быть, и было бы устранено авторомъ. Это былъ бы лишь теоретическій tour de force, вовсе не способный заставить принять эту теорію.

Я не могу указать во всей системѣ Маркса болѣе яркаго примѣра немарксизма, логическаго фетишизма, критика котораго въ области политической экономіи именно и составляетъ главную заслугу Маркса, какъ эта теорія абсолютной ренты. Спѣшно достраивая свою систему, Марксъ какъ будто подавленъ ею и утрачиваетъ свободу своего умственнаго полета.

Самой замѣчательной особенностью теоріи абсолютной ренты является въ этомъ отношеніи то, что одно и то же явленіе — абсолютная рента, результатъ одного и того же факта — монопольнаго владѣнія однимъ изъ факторовъ производства, трактуется въ одномъ случаѣ какъ абсолютная рента, въ другомъ — какъ монопольная цѣна, притомъ подъ вліяніемъ причинъ совершенно постороннихъ, въ полномъ смыслѣ слова случайныхъ. Эта случайность логическаго опредѣленія даннаго общественнаго отношенія ставится въ зависимость отъ того, хватитъ или не хватитъ прибавочной цѣнности оплатить эту ренту. Но что же за вещь такая—эта прибавочная цѣнность, что ея какъ сукна или хлопка или другого какого-либо товара можетъ хватать или не хватать для покрытія возможнаго спроса. Прежде всего, это не матеріальная вещь, это понятіе, служащее для выраженія опредѣленнаго общественнаго отношенія производства. Первоначально понятіе прибавочной цѣнности соотносительно понятію цѣнности: оно выражаетъ особенности купли-продажи рабочей силы какъ товара при условіи товарнаго раздѣленія труда. Затѣмъ понятіе прибавочной цѣнности соотносительно понятію капитала или, точнѣе, конкурренціи этихъ капиталовъ: капиталы, занятые въ отрасляхъ разной степени производительности общественнаго труда, въ которыхъ производятся различныя цѣнности и различныя количества прибавочной цѣнности, конкуррируя между собою превращаютъ эти прибавочныя цѣнности въ среднюю прибыль. Въ данномъ отношеніи производства прибавочная цѣнность можетъ получить и количественное опредѣленіе, ибо въ томъ именно и состоитъ особенность производственныхъ отношеній цѣнности и капитала, что они выражаются и въ мѣновыхъ отношеніяхъ. Но извѣстные товары становятся капиталомъ или прибавочной цѣнностью, лишь поскольку на нихъ отражается извѣстное общественное отношеніе, и нѣтъ ни одного товара, который отъ природы былъ бы предназначенъ выражать прибавочную цѣнность.

Особенностью экономической рефлексіи, вводящей въ много-

различные соблазны, является то, что, отправляясь отъ *реальныхъ*, конкретныхъ явленій дѣйствительности, она оперируетъ *логическою* дѣйствительностью—понятіями, причемъ нерѣдко путь, ведущій къ познанію реальныхъ отношеній, всецѣло строится на воздухѣ, представляетъ собою чисто умозрительныя построенія. Такимъ воздушнымъ мостомъ, логическими лѣсами, которые нужно убрать послѣ окончанія зданія, является понятіе прибавочной цѣнности, ея нормы и т. д. Было бы ошибочнымъ принимать такой логическій фактъ за реальный и сопоставлять его съ этимъ послѣднимъ какъ конкретную дѣйствительность. Именно это и дѣлаетъ Марксъ въ своей теоріи абсолютной ренты. Здѣсь дѣлается двойная ошибка: во-первыхъ, понятіе прибавочной цѣнности берется независимо отъ отражающагося въ немъ общественнаго отношенія производства, такъ сказать, въ покоющемся видѣ, внѣ тѣхъ отношеній, которыя она на себѣ отражаетъ и при наличности которыхъ она только и существуетъ. Она разсматривается какъ матеріальный фондъ, котораго можетъ хватать или не хватать. Во-вторыхъ, абсолютная рента, совершенно реальная прибавка къ *цѣнѣ* земледѣльческаго продукта, сопоставляется и „берется“ изъ источника вполнѣ идеальнаго: прибавочной цѣнности, которой въ непосредственномъ видѣ вовсе не существуетъ [1]). Такое *овеществленіе* экономическихъ категорій, разсматриваніе ихъ независимо отъ выражаемыхъ ими общественныхъ отношеній, Марксъ именно и называлъ фетишизмомъ. Одна ошибка родитъ другую. Мы уже отмѣтили, что одно и то же явленіе, въ глазахъ Маркса, представляется различнымъ въ зависимости отъ внѣшнихъ причинъ. Такимъ образомъ, настоящее значеніе экономическихъ категорій,—выраженіе общественныхъ отношеній, приносится въ жертву фетишу, и одно и то же явленіе, которое можетъ имѣть, конечно, только одно логическое выраженіе, превращается въ два различныхъ и во многомъ даже противопо-

---

[1]) Было бы нисколько не удивительно, еслибы Марксъ выставилъ такое положеніе, оставаясь на точкѣ зрѣнія *перваго* тома Капитала, гдѣ прибавочная цѣнность можетъ быть еще истолкована не какъ „логическіе лѣса“, но какъ реальный непосредственный фактъ. Между тѣмъ мы встрѣчаемъ это положеніе именно въ III томѣ, гдѣ Марксъ призналъ, точнѣе принужденъ былъ признать, что прибавочная цѣнность не есть конкретное явленіе, чувственноосязательный предметъ, а логическое понятіе (какъ это слѣдовало бы ясно формулировать уже въ первомъ томѣ).

ложныхъ не по внутреннимъ, логическимъ побужденіямъ, проистекающимъ изъ этого отношенія, но по внѣшнимъ, сюда не относящимся (хватитъ или не хватитъ прибавочной цѣнности). Съ одинаковымъ отсутствіемъ внутреннихъ логическихъ основаній можно было бы сказать, что абсолютная рента днемъ бываетъ прибавочной цѣнностью, а ночью монопольной цѣной.

Мы разобрали основные принципы теоріи ренты Маркса. Теорія эта не даетъ опредѣленнаго понятія о природѣ ренты, и ея отдѣльныя части неясны и противорѣчивы. Заслуга Маркса въ области теоріи ренты сводится, поэтому, почти исключительно къ отдѣльнымъ мѣткимъ замѣчаніямъ и нѣкоторой детализаціи теоріи дифференціальной ренты Рикардо. Вообще же онъ не дѣлаетъ теоретическаго шага впередъ, его воззрѣнія являются скорѣе шагомъ назадъ по сравненію съ наивной прозрачностью мысли Рикардо. Считаю нужнымъ оговориться, что этотъ приговоръ касается не той теоріи, которую Марксъ далъ бы или могъ бы дать, но той, какую онъ набросалъ для себя въ первоначальномъ видѣ, потому онъ не затрогиваетъ геній Маркса, а только извѣстную стадію въ развитіи его воззрѣній. И, конечно, неизвѣстно, что осталось бы отъ этой теоріи, если бы она подверглась коренной переработкѣ, которую считалъ для нея необходимой ея авторъ.

Родбертусъ—Ягецовъ, хотя и померанскій помѣщикъ, есть, въ сущности также теоретикъ *англійской* ренты: трехчленное дѣленіе дохода,—поземельная рента, прибыль на капиталъ и заработная плата,—составляетъ общую предпосылку его изслѣдованія земельной ренты.

Благодаря причинамъ постороннимъ, главнымъ образомъ партійности, различіе между экономическими воззрѣніями Маркса и Родбертуса, значительно преувеличивалось, но теперь, послѣ выхода III тома Капитала, можно сказать, что это сходство даже больше нежели можно было ожидать [1]). При всемъ различіи соціологическихъ воззрѣній обоихъ авторовъ, гдѣ Марксу принадлежитъ очевидное и безграничное превосходство, которое отражается и въ чисто экономической части ученія болѣе яснымъ пониманіемъ соціальнаго характера всѣхъ экономическихъ категорій, — въ

[1]) Ср. мою статью: Третій томъ *Капитала* К. Маркса въ „Русской Мысли". 1895, III. Также статью „Что такое трудовая цѣнность" въ Сборникѣ Правовѣдѣнія и Общественныхъ знаній, томъ VI.

основныхъ пунктахъ экономической доктрины они поразительно сходятся между собою. Система Маркса является продуктомъ во всякомъ случаѣ болѣе углубленной и зрѣлой рефлексіи, она сложнѣе, выработаннѣе въ деталяхъ, многостороннѣе. Система Родбертуса въ значительной степени отличается еще наивностью дедукціи Рикардо, за то имѣя и преимущества этой послѣдней: замѣчательную прозрачность мысли, благодаря которой ясно видны и доступны критикѣ слабыя ея стороны. Пунктъ, въ которомъ наиболѣе сближаются оба великіе экономиста, есть теорія абсолютной ренты, насъ теперь спеціально интересующая.

Родбертусъ вмѣстѣ съ Марксомъ разсматриваетъ ренту какъ часть прибавочной цѣнности или, по выраженію Родбертуса, ренты вообще. Родбертусъ подвергаетъ во многомъ справедливой критикѣ теорію дифференціальной ренты Рикардо, мѣтко замѣчая, что она объясняетъ только различія въ рентѣ, но не ренту, и что указанныя причины дифференціальной ренты могутъ взаимно парализовать одна другую. Рента, которую Родбертусъ изучаетъ гораздо больше въ формѣ абсолютной ренты нежели относительной, составляетъ часть прибавочной цѣнности (ренты вообще), которая остается на долю землевладѣльца за удовлетвореніемъ притязаній капитала на среднюю прибыль. Условіемъ ренты является соблюденіе закона трудовой цѣнности (въ противорѣчіи которому Родбертусъ справедливо усматриваетъ особенность теоріи Рикардо, хотя и несправедливо, на нашъ взглядъ, за это его упрекаетъ): если дѣйствительно продукты продаются по трудовой цѣнности, то прибавочнаго труда, затрачиваемаго въ сельскомъ хозяйствѣ, хватаетъ не только на среднюю прибыль на капиталъ, но и на ренту. Причина тому, что въ земледѣліи не употребляется сырой матеріалъ, который фигурируетъ какъ затрата капитала въ промышленности. Потому при прочихъ равныхъ условіяхъ, капиталъ, затрачиваемый въ промышленности, будетъ больше чѣмъ земледѣльческій капиталъ, и потому прибавочной цѣнности земледѣлія будетъ достаточно не только для удовлетворенія претензій капитала, но и для поземельной ренты.

Теорія эта доступна критикѣ со всѣхъ сторонъ. Самая интересная сторона это, такъ сказать, гносеологическая. Являются-ли достаточнымъ средствомъ для объясненія конкретной дѣйствительности (каковою является рента) примѣняемыя Родбертусомъ научныя понятія? Если Марксъ логическій мостъ между абстракціей и

конкретностью превращаетъ въ конкретность, то Родбертусъ прямо дѣлаетъ прыжокъ черезъ эту логическую пропасть, не соединяя края ея никакимъ мостомъ, а прямо превращая абстракціи въ конкретность, — операція столь же мало логически правомѣрная какъ и пріемъ Маркса. Въ самомъ дѣлѣ, исходными пунктами разсужденія Родбертуса служатъ общія положенія, что хозяйственныя блага суть продукты труда, что условіемъ ренты вообще является объективная производительность труда, способнаго производить болѣе чѣмъ нужно для своего поддержанія, и, наконецъ, условіемъ присвоенія этого труда является частная собственность на землю и на капиталъ. Эти положенія безспорны какъ самая общая характеристика современнаго хозяйственнаго періода, но она даетъ очень мало для пониманія послѣдняго потому что не беретъ его во всей его сложности (какъ это дѣлаетъ Марксъ), а ограничивается лишь общими *и потому абстрактными* чертами. Мы узнали далѣе отъ Родбертуса, что отдѣльные обмѣны не опредѣляются трудовой цѣнностью, послѣднею опредѣляется лишь сумма цѣнъ. Но это и все, что мы находимъ у Родбертуса о цѣнахъ. Съ такими общими и абстрактными опредѣленіями Родбертусъ подходитъ къ сложной дѣйствительности, беретъ изъ нея конкретный феноменъ — земельную ренту и начинаетъ объяснять его имѣющимися у него въ распоряженіи средствами—абстрактными понятіями, безъ всякихъ промежуточныхъ звеньевъ. Такое объясненіе, очевидно, можетъ быть выполнено только при помощи подмѣна (конечно, безсознательнаго): или дѣйствительность должна, увянувъ, обратиться въ сухіе листья понятій или сухіе листья понятій должны зазеленѣть на деревѣ жизни. Происходитъ послѣднее. Абстрактное положеніе, что всѣ хозяйственныя блага суть продукты труда, а прибавочная цѣнность — продуктъ прибавочнаго труда, безъ дальнихъ разсужденій примѣняется къ объясненію конкретной дѣйствительности, гдѣ есть цѣны, затраты капитала, прибыль на него и т. д. Вычисляется, сколько прибавочной цѣнности приходится на долю земледѣлія и какъ она распредѣляется между капиталистомъ и землевладѣльцемъ. Съ облаковъ абстракціи мы переносимся такимъ образомъ непосредственно на рынокъ. Тѣ категоріи, которыя были у Родбертуса, представляютъ для этого недостаточное познавательное средство: нужно еще много промежуточныхъ звеньевъ, чтобы отъ этого общаго достигнуть до

частнаго (звенья эти имѣются напр. въ ученіи Маркса). Теорія Родбертуса не есть вообще ученіе о цѣнностяхъ и соотносительныхъ имъ цѣнахъ, о соотносительномъ послѣднимъ уровнѣ прибыли; она затрогиваетъ лишь общія основанія соціальнаго организма, даетъ его скелетъ, но не тѣло. Она не достроена до такой степени, чтобы быть примѣненной къ объясненію болѣе непосредственныхъ реальныхъ отношеній [1]), не достроена не по внѣшнимъ причинамъ, но дефектна по своему первовачальному плану.

И эта дефектность познавательныхъ средствъ отражается и на внутренней неясности и недоказанности теорій. Неясно и является полнѣйшимъ petitio principii, почему именно продукты земледѣлія продаются по своей трудовой цѣнности (чѣмъ и объясняется поземельная рента), когда выставляется общее положеніе, что цѣны не опредѣляются трудовой цѣнностью, и такое опредѣленіе имѣетъ мѣсто только для всего народнаго хозяйства? Чѣмъ объясняется выдѣленіе земледѣлія въ этомъ отношеніи изъ всѣхъ другихъ отраслей производства? Родбертусъ, признаетъ несовмѣстимость господства въ отдѣльныхъ обмѣнахъ трудовой цѣнности съ средней нормой прибыли на капиталъ именно потому, что сырой продуктъ, проходя послѣдовательно разныя стадіи обработки, поднимается въ цѣнности и составляетъ все большую цѣнность въ составѣ капитала той сферы, куда онъ поступаетъ какъ сырой матеріалъ. И это различіе цѣнности сырья (Родбертусъ, очевидно, предполагаетъ—и, конечно, совершенно произвольно и ошибочно—равными всѣ остальныя издержки производства, именно цѣнность постояннаго капитала и основной части перемѣннаго капитала) дѣлаетъ невозможнымъ равенство нормы прибыли при полномъ соблюденіи трудовой цѣнности. Потому трудовая цѣнность приносится въ жертву равенству нормы прибыли [2]). Но почему же лишь для земледѣлія сдѣлано исключеніе и въ немъ, несмотря на отсутствіе здѣсь, по мнѣнію Родбертуса, сырого матеріала (что,

---

[1]) Мы надѣемся, изъ хода изложенія ясно, что понятіе „конкретныхъ, реальныхъ“ явленій въ противоположность понятіямъ и абстракціи также относительно: норма прибыли промышленнаго капитала является конкретнымъ по отношенію къ общему понятію прибавочной цѣнности и ея нормы, но абстрактнымъ понятіемъ по отношенію къ отдѣльной прибыли отдѣльнаго капиталиста или группы капиталистовъ.

[2]) *Rodbertus.* Das Kapital. Berlin 1884. Стр. 11—13. Ср. также Zur Erkenntniss unserer staatswirtschaftlicher Zustände, IV. Abhdlg.

конечно, не совсѣмъ вѣрно) господствуетъ трудовая цѣнность? Развѣ не было бы послѣдовательно предположить, что и здѣсь прибыль выравнивается не вычетомъ поземельной ренты, а отступленіемъ цѣнъ отъ трудовыхъ цѣнностей? Или же слѣдовало бы признать господство трудовой цѣнности во всѣхъ послѣдовательныхъ производствахъ, и тогда мы имѣли бы рядъ неравныхъ прибылей и, слѣдовательно, рядъ рентъ? Въ томъ видѣ, въ какомъ они выставлены, принципы теоріи Родбертуса одинаково уполномочиваютъ сдѣлать любое изъ этихъ заключеній или, лучше сказать, ни одного изъ нихъ.

Мы оставляемъ внѣ разсмотрѣнія детали ученія Родбертуса о рентѣ, въ которыхъ есть не мало цѣннаго, еще болѣе спорнаго и парадоксальнаго (прежде всего, конечно, я имѣю въ виду Zur Beleuchtung der socialen Frage), какъ не имѣющія рѣшительнаго принципіальнаго значенія. Система Родбертуса, въ общемъ, есть зданіе, состоящее изъ одного верхняго этажа, теоретическій воздушный замокъ. Этимъ я не хочу, конечно, уменьшить заслугъ знаменитаго экономиста, — завѣдомо безплодная попытка!—этотъ замокъ построенъ рукою великаго мастера, съ искусствомъ, которое заставляетъ причислить его къ числу перворазрядныхъ экономистовъ, творцовъ экономической науки.

Нашъ историко-литературный экскурсъ оказался довольно безплоднымъ: мы не нашли такого *матеріальнаго* опредѣленія ренты, опредѣленія ея природы, которое можетъ быть принято и согласовано съ общей теоріей распредѣленія. Остается идти своимъ путемъ и попытаться разрѣшить задачу собственными силами.

Предъ нами встаетъ все тотъ же вопросъ: является-ли рента прибавочной цѣнностью? Изъ одного-ли она матеріала, что и прибыль на капиталъ со всѣми ея подраздѣленіями, составляя просто лишь часть прибавочной цѣнности, отличающуюся отъ другихъ частей не по экономической природѣ, но лишь по формѣ присвоенія, какъ это думаетъ Марксъ и Родбертусъ?

На этотъ вопросъ мы должны отвѣтить отрицательно, какъ это ясно уже и изъ предыдущаго изложенія.

На первый взглядъ кажется очень естественнымъ, что земельная рента является продуктомъ эксплуатаціи труда земледѣльческихъ рабочихъ или прибавочной цѣнности, производимой ими: вѣдь въ земледѣліи какъ и въ другихъ отрасляхъ производства затрачивается капиталъ и прилагается трудъ, конечно, произво-

дящій излишекъ противъ своей заработной платы [1]). Различія въ условіяхъ производства создаютъ Surplusprofit, образующій источникъ ренты, а эта послѣдняя есть такимъ образомъ частное дѣло земледѣльческаго производства, подобно тому какъ частнымъ дѣломъ каждаго даннаго производства, не распространяющимъ своего вліянія на цѣлое народнаго хозяйства, являются различія въ условіяхъ производства разныхъ предпріятій и возникающіе оттуда Surplusprofit'ы. Но такъ кажется только на первый взглядъ.

Разница въ степени производительности различныхъ случаевъ приложенія земледѣльческаго труда, какъ мы уже видѣли, *не создаетъ* ренту, а потому и объяснить ее не можетъ. Особый способъ установленія цѣнъ на земледѣльческіе продукты, существующій здѣсь благодаря отсутствію свободной конкурренціи, дѣлаетъ какъ бы болѣе производительными отдѣльные случаи приложенія труда. Нужно приписать прямо чудесную способность созданія цѣнности нѣкоторымъ видамъ земледѣльческаго труда, притомъ постоянно повышающуюся. Ни одинъ великій артистъ, ни Фидій, ни Рафаэль, ни Канова, не обладали, по этому воззрѣнію, въ такой степени квалифицированнымъ трудомъ, чѣмъ

---

[1]) Очевидно, извѣстная степень производительности земледѣльческаго труда составляетъ основное условіе существованія современнаго общества, какъ это ясно было еще физіократамъ, выразительно отмѣчено Родбертусомъ и удачно выражено въ слѣдующихъ словахъ Маркса: „физіократы правы, что все производство прибавочной цѣнности, слѣдовательно также все развитіе капитала, фактически, по своей естественной основѣ, покоится на производительности земледѣльческаго труда. Если люди вообще не способны произвести въ одинъ день большее количество жизненныхъ средствъ, стало быть въ тѣснѣйшемъ смыслѣ продуктовъ земледѣлія, нежели нужно каждому рабочему для своего собственнаго воспроизводства, если ежедневной затраты всей его рабочей силы хватаетъ только для того, чтобы произвести жизненныя средства безусловно необходимыя для его собственныхъ потребностей, въ такомъ случаѣ не могло бы вообще идти рѣчи ни о прибавочномъ продуктѣ, ни о прибавочной цѣнности. Производительность земледѣльческаго труда, превышающая потребности рабочаго, есть базисъ всякаго общества и, ближайшимъ образомъ, базисъ капиталистическаго производства". (Das Kapital, III², 318—9). Фактъ производительности земледѣльческаго труда въ этомъ смыслѣ, самъ по себѣ, очевидно, безотносителенъ къ факту существованія прибавочной цѣнности и ренты, *экономическимъ* формамъ этого продукта, которыя соотвѣтствуютъ исторически опредѣленнымъ эпохамъ производства.

иной англійскій ходжъ [1]). Согласно этой теоріи, часъ труда такого ходжа оплачивается въ иныхъ случаяхъ, вѣроятно, не менѣе чѣмъ часъ работы Льва Толстого надъ «Воскресеньемъ». Къ такимъ нелѣпымъ выводамъ приводитъ попытка объяснить изъ прибавочной цѣнности поземельную ренту; такая теорія должна непремѣнно объявить нѣкоторые виды (или точнѣе случаи приложенія) земледѣльческаго труда квалифицированными, въ зависимости отъ ихъ приложенія на томъ или другомъ участкѣ, въ составѣ той или другой доли земледѣльческаго капитала. Очевидно, объясненіе это есть пустая безсодержательная фраза.

Объективнымъ условіемъ происхожденія ренты является возможность поднятія цѣны на земледѣльческіе продукты выше цѣнности, т. е. среднеобщественныхъ условій производства. Производство земледѣльческихъ продуктовъ стоитъ обществу извѣстнаго количества труда; это—ихъ цѣнность. Разъ производство организовано капиталистически и во главѣ производства стоитъ капиталъ, то цѣна хлѣба опредѣлится по цѣнамъ производства, значитъ, будетъ произведенъ учетъ производительности даннаго приложенія труда и капитала сравнительно съ среднеобщественною. Благодаря же земельной монополіи цѣна поднимается выше цѣнности, до тѣхъ границъ, до которыхъ позволяютъ условія рынка.

Весьма естественно, что различія въ производительности при этомъ условіи и не сглаживаются, какъ возможно было бы это по естественнымъ причинамъ: капиталъ не заинтересованъ уже сглаживать ихъ, потому что для него это безразлично. Потому въ извѣстной мѣрѣ эти различія, если и существуютъ, не составляютъ естественной особенности земледѣлія, но тоже являются результатомъ монополіи.

Мы имѣемъ, такимъ образомъ, въ цѣнѣ земледѣльческихъ продуктовъ, излишекъ, который не можетъ быть объясненъ изъ производственныхъ условій и который не покрывается производительностью земледѣльческаго труда. Очевидно, этотъ излишекъ, если онъ и выплачивается, можетъ быть только продуктомъ неземледѣльческаго труда. Это есть дань, которая платится землевладѣльцу всѣмъ обществомъ, тяжелый рефлексъ общественнаго прогресса, земельная рента въ этомъ смыслѣ есть *феноменъ не*

[1]) Hodge — народное прозвище сельскохозяйственнаго рабочаго въ Англіи.

производства, а распредѣленія [1]). Ея природа болѣе всего подобна природѣ косвенныхъ налоговъ, соразмѣрно повышающихъ цѣну облагаемыхъ налогомъ продуктовъ. Сравненіе это имѣетъ силу и въ томъ смыслѣ, что поземельная рента, также какъ и косвенный налогъ, платится всѣми потребителями товара, а такъ какъ хлѣбъ и другіе продукты питанія, естественно, потребляются всѣмъ населеніемъ, то рента платится, очевидно, всѣмъ населеніемъ; это есть худшая форма косвеннаго налога — налогъ на предметы самой первой необходимости,—по самому существу своему, значитъ, не подоходный, а поголовный, не пропорціональный, а обратно пропорціональный налогъ [2]). Такимъ образомъ, не составляя прибавочной цѣнности, поземельная рента не является продуктомъ чудесной производительности труда сельскохозяйственныхъ рабочихъ, но есть простой вычетъ изъ всего общественнаго производства,—вексель, по которому землевладѣлецъ получаетъ со всего общества.

Отсюда ясно, какую роль можетъ играть рента въ общемъ балансѣ народнаго хозяйства. Это ясно формулировалъ уже Рикардо, который указалъ, что рента есть цѣнность, но не есть богатство [3]). Въ зависимости отъ общественныхъ условій одни и тѣ же участки земли могутъ предоставлять — соотвѣтственно различіямъ ренты — разную цѣнность. Но для богатства страны

---

[1]) Это въ особенности очевидно въ случаѣ съ рентой на землю подъ постройки, гдѣ нѣтъ уже никакого производства, не затрачивается труда, а, слѣдовательно, не создается и прибавочной цѣнности. Монопольная природа ренты съ земли подъ постройками одинакова съ земельной рентой, хотя, конечно, условія ея опредѣленія нѣсколько другія. Изученіе этого вида ренты выходитъ за предѣлы настоящаго сочиненія.

[2]) Сравненіе съ налогомъ, какъ и всякое сравненіе, имѣетъ извѣстныя неудобства въ томъ, что сближеніе, которое дѣлается лишь между одной или нѣсколько сходными сторонами двухъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ различныхъ предметовъ, нерѣдко распространяется и на эти другія стороны. Конечно, сравненіе съ налогомъ не выражаетъ всю сложную соціальную природу ренты, представляющей, какъ убѣдился читатель, совершенно своеобразное соціальное образованіе, явленіе sui generis. Сходство ренты съ налогомъ, состоящее въ томъ, что цѣнность обоихъ не создается въ сферѣ производства, а извлекается въ процессѣ обращенія, на этомъ и заканчивается.

[3]) «Rent is the creation of value, but not a creation of wealth; it adds nothing to the resources of the country» (244). Всѣ цитаты изъ Рикардо сдѣланы по изданію Макъ-Куллоха 1846 года.

имѣютъ значеніе только естественныя свойства и пространства этихъ земель, ошибочно было бы присчитать къ капиталу страны ихъ цѣнность, а къ годовому доходу ренту. Это значило бы тоже самое, какъ еслибы мы присчитали къ богатству страны долговыя обязательства гражданъ другъ на друга, или къ годовому доходу страны—государственный бюджетъ: то и другое составляетъ вычетъ изъ дѣйствительнаго богатства страны, и, будучи сосчитано самостоятельно, будетъ фигурировать такимъ образомъ въ народно-хозяйственномъ балансѣ дважды,—одинъ разъ какъ притязаніе, другой какъ реальный объектъ этого притязанія.

Чтобы исчерпать то, что можно назвать философіей англійской ренты, остановимся на вопросѣ о ея *соціальномъ значеніи*. Среди теоретиковъ англійской ренты существуетъ основное разногласіе относительно оцѣнки общаго ея значенія. Извѣстно, что оптимистическій *Андерсонъ* считалъ земельную ренту соціальнымъ благодѣяніемъ, указывая на то, что ея существованіе побуждаетъ къ мелioраціямъ и вообще улучшенію земли, которое отражается на повышеніи земледѣльческаго дохода и богатства страны. Также оптимистически относится къ рентѣ *Мальтусъ*, которому были вообще интересы англійскаго земледѣлія особенно дороги. Онъ также видитъ въ рентѣ результатъ избытка производительности земледѣльческаго труда, хотя, благодаря общей неясности его теоріи распредѣленія, это воззрѣніе не имѣетъ у него яснаго теоретическаго обоснованія. (Извѣстна, между прочимъ, роль, которую Мальтусъ отводилъ землевладѣльцамъ какъ потребителямъ прибавочной цѣнности). Въ противоположность Мальтусу, Рикардо, представитель интересовъ развивающейся промышленности, является рѣшительнымъ и безпощаднымъ врагомъ англійскаго землевладѣнія, въ этомъ отношеніи непревзойденнымъ самыми отъявленными сторонниками націонализаціи земли (напр. Джорджемъ), которые въ этомъ отношеніи стоятъ всецѣло на плечахъ Рикардо. «Всѣ классы общества, — говоритъ онъ,— исключая землевладѣльцевъ, страдаютъ отъ повышенія цѣны хлѣба. Сдѣлка между лэндлордомъ и публикой не имѣетъ сходства со сдѣлкой въ торговлѣ, при которой какъ покупатель такъ и продавецъ могутъ считаться въ выигрышѣ, — потеря здѣсь исключительно на одной сторонѣ, а выигрышъ на другой» [1]) Въ другомъ мѣстѣ Рикардо еще рѣшительнѣе заявляетъ, что «интересы лэндлорда всегда противо-

[1]) Ricardo, Works, 244.

положны интересамъ потребителя и промышленника» [1]). Потому Рикардо высказывался въ своихъ памфлетахъ противъ хлѣбныхъ законовъ, между тѣмъ какъ Мальтусъ, въ общемъ, поддерживалъ ихъ [2]).

На основаніи всего вышеизложеннаго, въ оцѣнкѣ значенія спеціально англійской ренты мы должны рѣшительно присоединиться къ Рикардо. Конечно, безспорны тѣ факты, на которые указываетъ Андерсонъ, а, вслѣдъ за нимъ, въ новѣйшее время проф. Брентано [3]). Меліораціи, влекущія за собой значительныя улучшенія земельныхъ участковъ, иногда вызываются стремленіемъ къ *повышенію* ренты. Но, во-первыхъ, онѣ не создаютъ ренты, которая постоянно увеличивается безъ всякаго участія собственника, какъ простой рефлексъ общественнаго развитія, «unearned

---

[1]) «The interests of the landlord is always opposed to that of the consumer and the manufacturer".

[2]) Ср. *Malthus.* An investigation of the present high price of provisions. 1800. *Его же.* Observations on the effects of the Corn Laws 1814. *Его же.* An inquiry into the nature and progress of rent. 1815. (Памфлеты Мальтуса о хлѣбныхъ законахъ изданы въ нѣмецкомъ переводѣ въ упомянутомъ собраніи Брентано и Лерра) *Ricardo.* Essay on the influence of a low price of corn on the profits of stock. 1815. *Его же.* On protection to agriculture. 1822. (Оба памфлета вошли въ составъ русскаго изданія сочиненій Рикардо). Рикардо и Мальтусъ представляютъ собою весьма любопытную антитезу двухъ міровоззрѣній, принадлежащихъ двумъ мірамъ—отживающему и нарождающемуся. Тонко характеризуетъ эту антитезу *Паттенъ*: „идеи Мальтуса и Рикардо были основаны на различныхъ формахъ народнаго хозяйства (upon distinct political economies). Въ Англіи этого времени новыя хозяйственныя формы вытѣсняютъ старыя. Выростаютъ въ своемъ значеніи коммерческіе центры, великія научныя открытія прокладываютъ путь современному производству, и великія изобрѣтенія быстро революціонируютъ производительные процессы Англія была страной съ господствомъ аграрныхъ идей (agricultural ideas), управляемая землевладѣльческими классами Теперь появляются новыя идеи,—коммерческаго класса, и политическая власть переходитъ изъ деревни въ городъ". (*Patten.* Malthus and Ricardo. См. Publications of the American Economic Association, vol. IV, No. 5. September 1889, стр. 26). Ср. также соотвѣтствующія главы у *Гельда*: Zwei Bücher zur socialen Geschichte Englands. Leipzig. 1881). Mutatis mutandis, разногласія Рикардо и Мальтуса, вытекающія изъ различія хозяйственныхъ формъ, еще недавно выдвигались на первый планъ въ русской литературѣ въ спорѣ марксизма съ народничествомъ.

[3]) Главнымъ недостаткомъ изложенія этого вопроса у проф. Брентано въ его замѣчательной Agrarpolitik. Stuttgart 1897, является неразличеніе разныхъ видовъ земельной ренты.

increment», по хорошему англійскому выраженію. Хозяйственной необходимости производить земельныя улучшенія здѣсь нѣтъ, поэтому совершенно невозможно предположить, чтобы эти улучшенія были производимы всѣми или даже большинствомъ землевладѣльцевъ. Мало того. Меліораціи могутъ повышать ренту только въ томъ случаѣ, если онѣ являются исключеніемъ; общія меліораціи, вызывающіе повышеніе производительности земледѣльческаго труда и капитала, дѣйствуютъ какъ увеличеніе предложенія при неизмѣнномъ спросѣ, т. е. понижаютъ цѣну земледѣльческихъ продуктовъ и ренту. Потому, вопреки Андерсону и Брентано, мы должны выставить обратное положеніе: болѣе или менѣе обширныя земельныя меліораціи противоположны интересамъ земельныхъ собственниковъ, какъ это вытекаетъ изъ особенностей процесса установленія цѣнъ на сельскохозяйственные продукты. Извѣстныя улучшенія почвы, проистекающія изъ обработки ея или же изъ неполнаго использованія затратъ капитала фермерами, достаются землевладѣльцу даромъ [1]).

Во-вторыхъ, ничѣмъ не доказано, да и не можетъ быть доказано, чтобы эта возможность частичныхъ земельныхъ улучшеній, составляющихъ какъ бы общественный выкупъ земельной ренты, связывалась съ данной формой реализаціи земельной собственности, именно *англійской рентой*. Она есть, съ одной стороны, результатъ дѣйствія земельной собственности вообще [2]), съ другой, задача меліорацій можетъ быть выполняема и государствомъ (нѣкоторые виды меліорацій и не подъ силу частнымъ лицамъ) и

---

[1]) Фактъ постепеннаго улучшенія почвы въ силу ея обработки даетъ поводъ проф. Брентано называть землю *капиталомъ*. „Der Boden ist also heute ein Kapital“ (Agrarpolitik, 13). Едва ли удобно это распространеніе понятій или терминовъ совершенно опредѣленнаго значенія на такіе случаи, гдѣ оно совершенно непримѣнимо. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что весь земной шаръ—капиталъ, по крайней мѣрѣ, его обитаемыя части, очищенныя трудомъ длинныхъ рядовъ поколѣній отъ дѣвственныхъ лѣсовъ, болотъ, дикихъ звѣрей и т. д. Но слѣдуя этой логикѣ, мы придемъ, пожалуй, къ заключенію, что все—капиталъ и нѣтъ ничего, что не было бы капиталомъ. Къ этому Weltall-Kapital не хватаетъ только одного: капиталиста.

[2]) Прогрессивное значеніе земельной собственности для развитія производительности земледѣлія вообще съ большимъ удареніемъ и весьма удачно отмѣчено проф. Брентано въ цитированномъ сочиненіи (см. въ особенности стр. 69 и далѣе).

крестьянскими товариществами. Англійская рента есть во всякомъ случаѣ слишкомъ тяжелая плата за эти меліораціи,—онѣ могли бы обойтись обществу несравненно дешевле. И, конечно, ничѣмъ не можетъ быть доказано, чтобы на сторонѣ англійской ренты стояли какія-нибудь хозяйственныя преимущества, свойственныя ей, какъ таковой.

Напрашиваются на сопоставленіе два вида дохода: прибыль на капиталъ (въ англійской версіи профитъ) и рента. Профитъ и рента вовсе не суть родные братъ и сестра, какъ принимаютъ многіе, они чужіе другъ другу, первый принадлежитъ области производства, вторая—распредѣленія. И они чужды другъ другу по своему характеру, по своему общественному значенію. Профитъ—революціоненъ, онъ—воплощенная энергія и иниціатива рента—реакціонна, она — общественный паразитъ. Ради профита переѣзжаются моря и рѣки, посѣщаются далекія страны, строятся города, фабрики, создаются чудеса техники, въ извѣстномъ смыслѣ профитъ создалъ матеріальный базисъ цивилизаціи настоящаго и основы цивилизаціи будущаго; конечно, кто отважится сказать, что все это выкупаетъ злодѣянія профита, и можетъ ли ихъ что-либо выкупить, но всетаки профитъ можетъ представить предъ судомъ исторіи выкупъ колоссальный. Англійской рентѣ нѣтъ дѣла до развитія производства, за нее сдѣлаетъ это профитъ. Она лишь беретъ дань съ этого развитія. Золотое время для ренты — это пора народнаго бѣдствія, напр. войны (никогда такъ не процвѣтала рента, какъ во время континентальныхъ войнъ). Даже Мальтусъ, защитникъ землевладѣльцевъ не умѣлъ прибрать имъ лучшей роли въ процессѣ производства какъ потребителей предметовъ роскоши. Въ теченіе всего XIX вѣка Англія мало что видала отъ поземельной ренты, кромѣ общественнаго паразитизма, она какъ тяжелыя гири на ногахъ тормозила ея хозяйственное развитіе, пока профитъ не побѣдилъ ренту, находящуюся сейчасъ при послѣднемъ издыханіи, вмѣстѣ съ сельскимъ хозяйствомъ. Но это мы увидимъ ниже [1]).

---

[1]) Во избѣжаніе недоразумѣній, долженъ пояснить здѣсь, что эта оцѣнка относится исключительно къ экономической роли англійскаго землевладѣнія, но этимъ, конечно, далеко не исчерпывается общее соціальное значеніе сословія землевладѣльцевъ. Конечно, трудно произвести одну общую оцѣнку этого значенія, но, несомнѣнно, классъ землевладѣльцевъ игралъ да и играетъ въ исторіи Англіи весьма активную роль, вы-

Нѣтъ ничего удивительнаго, если англійская рента возбудила столько негодованія и столько вражды со стороны лицъ самыхъ различныхъ міровоззрѣній. Сторонники націонализаціи земли считаютъ въ своихъ рядахъ: утопическаго соціалиста Томаса Спенса [1]), Дж. Ст. Милля, Спенсера, Уоллэса, Генри Джорджа и, конечно, соціалистовъ [2]). Уже это разнообразіе показываетъ, что въ приверженности націонализаціи земли,—точнѣе англійской ренты,—путемъ сильнаго налоговаго обложенія нѣтъ ничего, опредѣляющаго общее соціальное міросозерцаніе: иначе необъяснима солидарность въ этомъ пунктѣ такого заклятаго врага соціализма

двигая писателей, политическихъ людей, ученыхъ и т. д. Но это относится уже вообще къ оцѣнкѣ роли нефизическаго труда и нетрудового дохода (въ этомъ смыслѣ) въ культурной исторіи человѣчества. Вопросъ этотъ требуетъ особаго разсмотрѣнія; я лично склоненъ тѣмъ больше преувеличивать это значеніе, чѣмъ менѣе оно оцѣнивается въ наше время, подъ вліяніемъ чрезмѣрнаго увлеченія одними экономическими точками зрѣнія,—одними экономическими критеріями.

[1]) Thomas Spence выступилъ за націонализацію земли еще въ 1775 году въ лекціи, читанной въ Ньюкэстлѣ на Тайнѣ. Эта лекція издана Гайндманомъ въ 1882 году.

[2]) Въ настоящее время въ Англіи существуютъ двѣ лиги, ставящія цѣлью націонализацію земли: Land Nationalisation League (издающая, кромѣ отчетовъ и памфлетовъ, свою газету) и Land Restoration League. Любопытенъ способъ, какимъ послѣдняя лига пропагандируетъ свои идеи. Каждую весну изъ Лондона отправляются въ разныя части земледѣльческой Англіи красные фургоны („Red Van"), покрытые афишами, рисунками, изрѣченіями и т. д. въ духѣ принциповъ лиги. Этотъ фургонъ служитъ втеченіе всѣхъ лѣтнихъ мѣсяцевъ домомъ для пропагандистовъ, переѣзжающихъ въ немъ изъ деревни въ деревню. Пріѣхавъ въ данное мѣсто, пропагандисты стараются, по англійскому обычаю, устроить митингъ, на который собралась бы большая часть сельскохозяйственныхъ рабочихъ. Митингъ рѣдко назначается въ тотъ день, а обыкновенно черезъ день—два. За это время жители фургона стараются завести связи съ лучшими мѣстными пропагандистами—деревенскими мальчишками, которые разносятъ вѣсти о предстоящемъ митингѣ вмѣстѣ съ плакатами, рисунками, воззваніями по всей деревнѣ. За это время пропагандисты стараются подъ рукой узнать о здѣшнихъ лэндлордахъ, мѣстныхъ злобахъ дня и т. д. Такимъ образомъ они подставляютъ опредѣленныя имена и конкретныя событія въ абстрактныя схемы рѣчи на митингѣ. Фургонъ имѣетъ и фотографическій аппаратъ, запечатлѣвающій тѣ черты изъ жизни деревни, которыя являются особенно интересными. Нужно ли говорить, что эти агитаторы обнаруживаютъ чисто англійскую настойчивость и энергію, изъ года въ годъ путешествуя съ Red Van'омъ. Общество издаетъ съ 1891 года любопытные годовые отчеты, такъ и называемые *Red Van Reports*.

какъ Спенсера или Джорджа и соціалистовъ (для которыхъ націонализація земли является лишь одной изъ подробностей переустройства всего общества). Англійская рента могла бы въ формѣ налога сразу отойти въ государственную собственность безъ малѣйшаго потрясенія основъ современнаго общества. Достаточно указать, что англійская рента отсутствуетъ во всѣхъ другихъ капиталистическихъ странахъ, и эта подробность касается только организаціи сельскаго хозяйства, а не всего народнаго хозяйства. Сама по себѣ мысль обращенія справедливости на общественныя нужды того, что является попутнымъ результатомъ общественнаго развитія и изъятія этого дохода изъ пользованія частныхъ лицъ, конечно, неоспорима. Но является сложнымъ и труднымъ экономическимъ вопросомъ, какова та форма землевладѣнія и земледѣлія, которая должна заступить мѣсто англійской системы. Положительная часть задачи, какъ и всегда, труднѣе отрицательной. Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть данъ только на основаніи изученія закономѣрнаго развитія сельскаго хозяйства и тенденцій этого развитія, въ частности, изученія историческихъ судебъ англійскаго земледѣлія.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ относительно *количественнаго* опредѣленія англійской ренты. Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить нѣсколько основныхъ случаевъ.

1) Опредѣленная цѣна хлѣба и опредѣленное количество труда и капитала, затрачиваемыхъ на его производство, а потому и опредѣленное количество всего хлѣба. При этомъ условіи общее количество ренты будетъ зависѣть отъ способа дѣлежа этого продукта между землевладѣльцемъ, капиталистическимъ фермеромъ и сельскохозяйственными рабочими. При неизмѣнной долѣ фермера земельная рента можетъ увеличиваться на счетъ заработной платы, причемъ послѣдняя понижается иногда ниже Existenz-Minimum'а. Многочисленные примѣры тому мы будемъ видѣть въ исторіи англійскаго земледѣлія. При неизмѣнной заработной платѣ, размѣръ ренты зависитъ отъ уровня прибыли. Тенденція нормы прибыли къ пониженію, имѣющая, конечно, силу и для земледѣлія, вмѣстѣ съ тѣмъ есть и тенденція ренты къ повышенію, и наоборотъ [1]). Очевидно, интересы фермера и землевладѣльца про-

[1]) Очевидно также, для фермера безразлично (конечно, при неизмѣнности прочихъ условій), платить ли высокую ренту при высокой цѣнѣ хлѣба или при низкой низкую, если въ результатѣ остается одно и

тивоположны между собою, также какъ интересы рабочаго противоположны интересамъ какъ лэндлорда такъ и фермера [1]).

2) Неизмѣнная цѣна хлѣба, но увеличивающееся количество его производства. Очевидно, измѣненія въ количествѣ получаемой ренты вообще (а слѣдовательно и ренты на акръ) слѣдуютъ измѣненіямъ въ размѣрахъ сельскохозяйственнаго производства. Случай этотъ интересенъ въ томъ отношеніи, что онъ показываетъ возможность повышенія ренты безъ соотвѣтствующаго повышенія цѣны продукта. Это бываетъ въ томъ случаѣ, если добавочныя затраты капитала настолько производительны, чтобы не требовать поднятія цѣнъ на хлѣбъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, производя болѣе чѣмъ minimum, не платящій ренты, даютъ нѣкоторую ренту. Этотъ случай, отмѣченный какъ Родбертусомъ такъ и Марксомъ, есть чрезвычайно важный для пониманія условій роста ренты. Онъ имѣлъ мѣсто, какъ мы увидимъ, особенно послѣ паденія хлѣбныхъ законовъ.

3) Ростущая цѣна хлѣба при неподвижномъ или же слабо и медленно ростущемъ состояніи производства. Это случай, наиболѣе ярко отражающій монопольную природу поземельной ренты. Онъ характеризуетъ періодъ усиленнаго аграрнаго протекціонизма въ Англіи въ первой трети XIX вѣка и эпоху континентальныхъ войнъ, и безпримѣрный ростъ ренты въ эту эпоху.

то же количество прибыли. Въ этомъ смыслѣ далъ показанія предъ коммиссіей для изслѣдованія угнетеннаго состоянія земледѣлія (1833 г.) бывшій фермеръ изъ Lothian'a *Oliver*, дважды допрошенный коммиссіей въ качествѣ свидѣтеля. (Report from the Select Committee on agriculture with the minutes of evidence taken before them 1833). Вопросъ 2841. Не является ли безразличнымъ для фермера, имѣетъ ли онъ высокія цѣны и высокую ренту или низкія цѣны и низкую ренту, оставляя, конечно, въ сторонѣ вопросъ о пропорціи распредѣленія? Оливеръ отвѣтилъ, послѣ сторонней оговорки, такъ: „мнѣ кажется совершенно безразличнымъ для фермера, продаетъ ли онъ хлѣбъ по 60 шиллинговъ при рентѣ, отвѣчающей этой цѣнѣ, или по 120 шиллинговъ съ соотвѣтственно высокой рентой. Вопр. 2842. Значитъ... это дѣло исключительно землевладѣльцевъ, какова должна быть рента? Да, я держусь такого мнѣнія".

[1]) Въ одномъ изъ Red Van Report это положеніе вещей при англійскихъ условіяхъ хозяйства удачно изображено въ каррикатурной картинѣ, гдѣ лэндлордъ сидитъ на шеѣ у фермера, въ свою очередь сидящаго на шеѣ рабочаго, который долженъ нести на себѣ, такимъ образомъ, тяжесть ихъ обоихъ.

4) Ростущая цѣна хлѣба и ростущее производство хлѣба. Очевидно, въ результатѣ двойной ростъ поземельной ренты. Этими чертами характеризуются нѣкоторые періоды изъ эпохи до отмѣны хлѣбныхъ законовъ, и послѣ этой отмѣны, но до первыхъ признаковъ наступленія аграрнаго кризиса.

5) Убывающая цѣна хлѣба и убывающее его производство. Очевидно, уменьшеніе цѣны на хлѣбъ должно сопровождаться извлеченіемъ тѣхъ долей капитала, которыя не приносили ренты, и теперь перестаютъ приносить и среднюю прибыль. Тогда опредѣляющею цѣну становится слѣдующая, болѣе производительная доля капитала, а рента уменьшается соотвѣтственно уменьшенію цѣны и происшедшаго въ результатѣ сокращенія производства. Рента вмѣстѣ съ затратами капитала срѣзается уменьшеніемъ цѣнъ послойно, пластами, какъ они сложились въ результатѣ ступенеобразнаго движенія цѣнъ на земледѣльческіе продукты. Но срѣзаемые пласты могутъ имѣть болѣе или менѣе обширную площадь, количество капитала и ренты, устраняемое даннымъ пониженіемъ цѣнъ, можетъ быть совершенно различно, а соотвѣтственно различно и опустошительное дѣйствіе пониженія цѣнъ. Этотъ случай въ общемъ характеризуетъ настоящую хозяйственную эпоху.

Какъ особый случай можно разсматривать такое положеніе дѣлъ, когда при уменьшающейся цѣнѣ хлѣба рента и производство хлѣба увеличивается; послѣднее удешевляется благодаря росту меліорацій и увеличенія количества лучшихъ участковъ земли. Такой случай можно разсматривать какъ исключительный и переходный, а именно свойственный начальнымъ стадіямъ капиталистической культуры, когда производственныя силы земли еще не напряжены, и для меліорацій существуетъ обширное поле. По мнѣнію Брентано, съ особеннымъ вниманіемъ описывающаго этотъ случай, такое положеніе вещей имѣло мѣсто въ Англіи въ XVIII вѣкѣ [1]).

---

[1]) „Практическимъ доказательствомъ благодѣтельнаго дѣйствія земельной ренты является тотъ случай, когда цѣны продукта, несмотря на ростъ ренты, не возвышаются, а становятся устойчивы, даже понижаются. Такъ въ 18 вѣкѣ въ Англіи земельная рента непрерывно росла Цѣна же продуктовъ не возрастала, но становилась постояннѣе и часто даже ниже.. обнаружилось, что поземельная рента повела къ возвышенію дохода, которое явилось слѣдствіемъ меліораціи и болѣе интенсивнаго хозяйства, но безъ

Само собою разумѣется, всѣ эти случаи могутъ вступать въ различныя комбинаціи съ случаемъ, разсмотрѣннымъ подъ пунктомъ 1. То или другое движеніе цѣнъ можетъ сопровождаться различнымъ движеніемъ прибыли на капиталъ и заработной платы. Въ приведенныхъ случаяхъ мы вовсе не желали исчерпать всѣ возможныя комбинаціи англійской ренты, которыя могутъ быть очень многочисленны, почти безграничны, а лишь намѣтить нѣкоторые основные типы, которые послужатъ намъ при освѣщеніи фактической исторіи англійскаго земледѣлія и англійской ренты [1]).

Остается сказать два слова о *цѣнѣ земли*. Традиціонное и вполнѣ безспорное опредѣленіе, что цѣна земли есть капитализированная рента, конечно, можетъ имѣть теоретическое приложеніе и для Англіи. Но полно,—развѣ земля здѣсь имѣетъ цѣну? Цѣну имѣетъ земля, которая продается, а въ Англіи, какъ мы еще увидимъ, земля до сихъ поръ составляетъ почти всецѣло res extra commercium. Мы можемъ поэтому въ ученіи объ Англійской рентѣ, какъ самостоятельномъ типѣ земельныхъ отношеній, ограничиться рентой и оставить внѣ разсмотрѣнія цѣну земли. Въ органической связи обѣ эти категоріи между собою не стоятъ: возможна рента безъ цѣны земли и, какъ мы скоро увидимъ, цѣна земли безъ поземельной ренты.

2. Рента въ помѣщичьемъ хозяйствѣ.

Феноменъ ренты получилъ наиболѣе раннее, а вмѣстѣ и наиболѣе осязательное выраженіе въ Англіи, которая дала и первыхъ теоретиковъ земельной ренты. Послѣдніе оказали сильнѣйшее вліяніе на разработку теоріи ренты и на континентѣ, благодаря чему и континентальные теоретики смотрѣли на ренту сквозь

повышающихся издержекъ производства, напротивъ получено было съ относительно неизмѣнными или даже уменьшающимися издержками". (*Brentano.* Agrarpolitik, стр. 75).

[1]) Слѣдуетъ оговориться также, что дѣлаемое нами предположеніе о капиталистической организаціи всего англійскаго земледѣлія не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, потому что ей далеко не чужды и мелкія крестьянскія хозяйства на собственной и арендованной землѣ. Но мы сознательно допускаемъ эту неточность, стремясь выяснить основныя черты того экономическаго типа, который задаетъ тонъ всей организаціи земледѣлія.

англійскія очки, брали проблему ренты въ англійской ея постановкѣ. При этомъ считалось само собою разумѣющимся и вытекающимъ изъ самой природы ренты, что всѣ ея особенности, хотя бы они проистекали изъ спеціальныхъ особенностей англійскаго земледѣлія, свойственны и континентальному хозяйству, на самомъ дѣлѣ, представляющему въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ значительныя отличія. Основнымъ отличіемъ является, конечно, то, что здѣсь (да можно сказать и вообще во всемъ мірѣ, кромѣ Англіи) земледѣлію не свойственно раздѣльное существованіе лэндлорда и капиталистическаго фермера, они соединены здѣсь въ одномъ лицѣ, персонифицирующемъ собой, такимъ образомъ, оба вида дохода: и прибыль на капиталъ и поземельную ренту.

Обусловливаетъ-ли это различіе самыхъ основныхъ условій организаціи земледѣлія какія-либо серьезныя отличія въ природѣ ренты и условіяхъ ея опредѣленія, есть, конечно, вопросъ, на который можно отвѣтить такъ или иначе и на который посильный отвѣтъ мы должны дать въ этомъ параграфѣ. Но вопросъ этотъ долженъ быть особо поставленъ, и является въ высшей степени любопытной и странной особенностью, что онъ не былъ поставленъ никѣмъ изъ строителей политической экономіи. Не странно, что не сдѣлалъ этого Рикардо, который вообще ничего не видѣлъ, кромѣ англійскихъ условій и въ своихъ гипотетическихъ примѣрахъ голыхъ дикарей заставлялъ вести себя какъ джентльменовъ изъ City. Но странно, что этого не сдѣлалъ ни Тюненъ, ни Родбертусъ, оба сельскіе хозяева Германіи, юнкера или, по-русски, помѣщики. Это можно объяснить тѣмъ, что Тюненъ вообще былъ болѣе сельскій хозяинъ, чѣмъ экономистъ; къ тому же онъ быуъ занятъ, главнымъ образомъ, дифференціальной рентой, различіями въ рентѣ, а не рентой вообще. Родбертусъ же былъ связанъ собственной теоріей распредѣленія, почему и интересовался болѣе логическими извивами этой теоріи (къ тому же, какъ мы видѣли, черезчуръ абстрактной), чѣмъ выясненіемъ конкретныхъ сходствъ и различій [1]).

---

[1]) Что касается Маркса, то онъ изслѣдовалъ англійскую ренту какъ нормальный случай ренты; вспомнимъ, что онъ считалъ Англію классической страной сельскохозяйственнаго производства, типомъ развитія и для другихъ болѣе отсталыхъ странъ. Есть, кромѣ того, основанія думать, что, изучивъ превосходно экономическое развитіе Англіи, Марксъ въ далеко несоотвѣтствующей мѣрѣ былъ освѣдомленъ относительно эконо-

Отправнымъ пунктомъ своего разсужденія мы возьмемъ тотъ эмпирическій и совершенно безспорный фактъ, что въ современныхъ государствахъ европейскаго запада *всякая* земля имѣетъ цѣну и, при наличности извѣстныхъ условій, даетъ своему владѣльцу, который ее воздѣлываетъ съ цѣлью извлеченія прибыли на свой капиталъ, сверхъ этой послѣдней еще избытокъ—земельную ренту. Эта рента можетъ быть выше или ниже, но извѣстную ренту, при данномъ уровнѣ экономическаго развитія общества, даетъ всякая земля. Каково можетъ быть происхожденіе этой ренты?

Чтобы лучше отвѣтить на этотъ вопросъ, вернемся къ нашему гипотетическому примѣру, въ которомъ удалены всѣ условія, вызывающія различія ренты. Предположимъ, что территорія данной страны, представляющей замкнутый рынокъ, имѣетъ форму круга, въ центрѣ котораго находится единственный рынокъ для сельскохозяйственныхъ продуктовъ — городъ, средоточіе всякихъ мануфактуръ. Вся земля подѣлена радіусами на равные секторы, отличающіеся совершенно равнымъ плодородіемъ. Каждый изъ этихъ секторовъ составляетъ собственность отдѣльнаго лица, воздѣлывающаго его помощью наемныхъ рабочихъ и затраты капитала. Такимъ образомъ, всѣ эти участки, равно отстоящіе отъ рынка и обладающіе равнымъ плодородіемъ, находятся въ абсолютно равныхъ условіяхъ производства, такъ что условія для образованія различій въ рентѣ, дифференціальной ренты, наперед исключены.

Земельные собственники будутъ затрачивать на своихъ участкахъ капиталы, конечно, только подъ условіемъ полученія средней нормы прибыли, господствующей въ другихъ сферахъ приложенія

мическаго развитія континента. По крайней мѣрѣ, ничто не обнаруживаетъ, чтобы онъ внимательно слѣдилъ за экономической жизнью Германіи, да отчасти и Франціи со времени своего переѣзда въ Лондонъ, — послѣ 1848 года. А на континентѣ въ это время, послѣ шумныхъ политическихъ революцій совершались безшумныя экономическія революціи,—создавались основы народнаго хозяйства современности. Не менѣе любопытна и своеобразна была и аграрная эволюція Германіи этой эпохи, какъ мы увидимъ ниже. Такимъ образомъ многія страницы исторіи „Капитала“ остались закрыты для Маркса, конечно, въ ущербъ его теоретическимъ построеніямъ, которыя, особенно что касается аграрнаго развитія, обнаруживаютъ всю односторонность и недостаточность наблюденій лишь надъ англійскимъ народнымъ хозяйствомъ.

капитала. Слѣдовательно, цѣна хлѣба должна быть достаточна для того, чтобы оплатить издержки капитала плюсъ среднюю прибыль. Но неужели же цѣна не поднимется выше этого уровня, чтобы дать и ренту обладателямъ земельныхъ участковъ? Неужели на цѣну не окажетъ вліянія фактъ монопольнаго обладанія землей, а обладатели ея оказываются совершенно въ тѣхъ же среднихъ условіяхъ конкурренціи какъ и каждый капиталистъ, имѣющій такой же какъ они капиталъ, но болѣе ничего не имѣющій? Поставить этотъ вопросъ уже значитъ отрицательно на него отвѣтить. Какъ неоднократно было замѣчено выше, законъ средней нормы прибыли есть законъ свободной конкурренціи капиталовъ; тамъ гдѣ эта послѣдняя исключена, мы имѣемъ случай монополіи, относительно которой ultima ratio является законъ спроса и предложенія. Продукты земледѣлія, составляющіе предметы первой, даже первѣйшей необходимости, естественно всегда имѣютъ обезпеченный спросъ, размѣры котораго опредѣляются размѣрами рынка, при ограниченномъ предложеніи его производители имѣютъ потому возможность диктовать условія рынка, разъ извлеченіе возможно большаго дохода является цѣлью производства. Итакъ, ясно, — и едва ли могутъ быть сдѣланы здѣсь какія бы то ни было возраженія — что привиллегированное положеніе монопольныхъ владѣльцевъ земли даетъ имъ возможность извлекать доходъ большій средняго, и средствомъ къ тому явится поднятіе цѣны выше уровня, достаточнаго для оплаты капитала по средней нормѣ прибыли. Этотъ излишекъ цѣны и составляетъ собою ренту въ собственномъ смыслѣ слова. Это не даръ природы, не результатъ нарочитой производительности земледѣлія, это результатъ монополіи,—земельной собственности.

Рента можетъ быть выражена различно: и какъ часть всего продукта (хлѣбная рента), и какъ часть общей цѣны продукта (денежная рента) и, наконецъ, какъ часть цѣны каждой единицы продукта, какъ составной элементъ этой цѣны. Послѣднее выраженіе имѣетъ, конечно, чисто теоретическій характеръ, но оно для насъ наиболѣе важно въ цѣляхъ дальнѣйшаго изложенія.

Поднятіе цѣны на такой уровень, чтобы возможна была рента, есть общее условіе возможности ренты вообще. Но оно еще не опредѣляетъ ренты съ даннаго земельнаго участка; она должна быть *найдена* индивидуальными усиліями даннаго хозяина. То, что совершается почти автоматически въ Англіи путемъ конкур-

ренціи претендентовъ на данный земельный участокъ и затѣмъ фиксируется въ арендномъ контрактѣ, такъ что задача землевладѣльца сводится лишь къ полученію слѣдуемой по этому контракту арендной платы, — операція не болѣе трудная, чѣмъ стрижка купоновъ, — здѣсь является задачей для сельскаго хозяина. Онъ можетъ получить всю ренту, возможную при данномъ уровнѣ цѣнъ для даннаго участка, но можетъ получить лишь часть ея, въ томъ случаѣ, если не подвергнетъ землю культурѣ той именно интенсивности, которая соотвѣтствуетъ ей на основаніи табели о рентѣ. Полученіе средней прибыли на капиталъ является уже само собою подразумѣвающимся, отрицательнымъ, такъ сказать, условіемъ земледѣльческаго производства, его положительной задачей является извлеченіе изъ земли наибольшей ренты. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что раціональность капиталистическаго хозяйства на собственной землѣ состоитъ въ извлеченіи наибольшей ренты изъ даннаго участка [1]).

Это можетъ быть пояснено слѣдующимъ расчетомъ. Пусть первая, наиболѣе производительная, затрата капитала дастъ ренту r, относительно наибольшую, т. е. составляющую наибольшую долю цѣны продукта. Вторая, менѣе производительная [2]) затрата капитала, равная первой, дастъ и относительно и абсолютно меньшую ренту r_1; общая рента $(r + r_1)$ полученная съ даннаго участка, будетъ, конечно, болѣе первой ренты r, но относительно она составитъ меньшую долю цѣны. Всякая послѣдующая затрата капитала будетъ давать ренту, относительно меньшую, нежели предыдущая, но общее количество ренты будетъ рости. Однако рано или поздно можетъ наступить моментъ, когда новая (и, стало быть, менѣе производительная) затрата капитала не только

---

[1]) Эту задачу хозяйства на собственной землѣ неправильно обобщая въ задачу земледѣлія вообще, мѣтко опредѣляетъ проф. Скворцовъ: „раціональность экономическая состоитъ въ томъ, чтобы интенсивность хозяйства была настолько высока чтобы получилась наивысшая, возможная при данныхъ условіяхъ рента.“ (*Проф. Скворцовъ.* Вліяніе парового транспорта на сельское хозяйство. Варшава 1890, стр. 81—2).

[2]) Оговариваемся, что предположеніе о постепенно убывающемъ плодородіи послѣдовательныхъ затратъ капитала, а также о равныхъ размѣрахъ всѣхъ ихъ дѣлается нами для простоты. Фактически, конечно, можетъ быть, что наибольшей производительностью обладаетъ не первая, а напр. вторая затрата капитала, или двѣ послѣдовательныя затраты могутъ отличаться равной производительностью и т. д.

не дастъ ренты, но даже не окупитъ средней прибыли на капиталъ. При англійской системѣ такой случай явился бы оплошностью фермера и возможенъ лишь какъ исключеніе: данный уровень ренты, который обозначенъ въ арендномъ контрактѣ, составляетъ твердый базисъ для расчетовъ фермера. Но при хозяйствѣ на собственной землѣ оба эти дохода — и прибыль на капиталъ и поземельная рента — поступаютъ въ одну кассу, составляютъ нѣчто слитное. При этомъ условіи легко увлечься погоней за абсолютнымъ увеличеніемъ дохода, которое можетъ сопровождаться относительнымъ его уменьшеніемъ. Предѣльнымъ пунктомъ является здѣсь тотъ моментъ, когда на восполненіе прибыли послѣднихъ малопроизводительныхъ затратъ капитала до средней нормы, которой эти затраты сами уже дать не могутъ, уйдетъ вся рента, и доходъ будетъ состоять исключительно изъ прибыли на капиталъ; дальнѣйшее увеличеніе затратъ капитала дало бы уже уменьшеніе прибыли на капиталъ, такъ что весь капиталъ уже не могъ бы оплачиваться по средней нормѣ прибыли,—но этотъ случай насъ здѣсь не интересуетъ.

Итакъ, измѣненіе ренты съ даннаго участка можетъ быть выражено кривой, которая сначала идетъ вверхъ, а затѣмъ, дойдя до извѣстнаго высшаго пункта, снова спускается внизъ, образуя всѣмъ своимъ движеніемъ какъ бы родъ угла. Задача сельскаго хозяина и заключается въ томъ, чтобы найти вершину этого угла въ своемъ хозяйствѣ и ея держаться; лишь въ такомъ случаѣ изъ земли будетъ извлеченъ наибольшій доходъ. Для этого ему нужно, говоря конкретно, выбрать соотвѣтствующую систему земледѣлія и, кромѣ того, соотвѣтственную, наиболѣе выгодную спеціальность — опредѣленнаго рода сельскохозяйственные продукты: хлѣбъ, молоко, скотъ, овощи и т. д.

Въ томъ „изолированномъ государствѣ“, которое мы разсматривали въ своемъ гипотетическомъ примѣрѣ, эта задача одинаково разрѣшалась бы всѣми собственниками, потому что всѣ они находятся въ одинаковыхъ условіяхъ, и система хозяйства на всѣхъ участкахъ была бы одна и та же; самое большое, между ними установилась бы какая-нибудь спеціализація производства, и въ такомъ случаѣ было бы нѣсколько различныхъ типовъ, въ предѣлахъ которыхъ отдѣльныя хозяйства съ полной точностью повторяли бы одно другое. Но мы знаемъ, что въ конкретной жизни ни одинъ участокъ не походитъ на другой ни по физи-

ческимъ, ни по экономическимъ условіямъ его обработки. Такъ какъ всѣ они различны между собою, то задачу нахожденія наиболѣе рентабельной системы хозяйства долженъ, очевидно, рѣшать за свой страхъ каждый отдѣльный хозяинъ.

Въ предыдущемъ, въ сущности, выяснено уже происхожденіе и дифференціальной ренты или, точнѣе, такъ какъ по существу своему рента одна и та же во всѣхъ своихъ частяхъ, источникъ различія ренты съ разныхъ земельныхъ участковъ. Задача нахожденія наиболѣе рентабельной системы хозяйства обязательна для всякаго хозяина, и онъ рѣшаетъ ее, не справляясь о томъ, дифференціальную или абсолютную ренту онъ извлекаетъ (ибо въ извѣстномъ смыслѣ всякая рента дифференціальна, потому что нельзя предположить даже двухъ сходныхъ между собою участковъ, и въ извѣстномъ смыслѣ всякая рента абсолютна, т. е. является результатомъ монополіи). Условія различія земельныхъ участковъ,—разстояніе отъ рынковъ и плодородіе, которыя, конечно, могутъ въ различныхъ степеняхъ парализовать вліяніе другъ друга, какъ и при англійской рентѣ, дозволяютъ большую или меньшую затрату капитала на данномъ участкѣ, оплачиваемаго, конечно, средней прибылью, но съ максимальнымъ уровнемъ ренты. Очевидно, на участкѣ болѣе плодородномъ или менѣе удаленномъ отъ ренты, что экономически одно и тоже, можетъ быть затрачено большее количество капитала, такъ какъ первыя затраты капитала будутъ весьма производительны и рядъ затратъ капитала съ постепенно убывающей производительностью до той затраты, которая уже не оплачивается по средней нормѣ прибыли, будетъ больше нежели на менѣе производительномъ или болѣе удаленномъ отъ рынка участкѣ. Различнаго достоинства участки различаются, поэтому, между собою количествомъ рентоприносящихъ затратъ капитала или, возвращаясь къ нашему прежнему выраженію ренты какъ опредѣленной части цѣны продукта, количествомъ единицъ продукта, а потому и количествомъ заключающейся въ нихъ ренты.

Въ предыдущемъ мы различаемъ болѣе или менѣе производительныя послѣдовательныя затраты капитала лишь гипотетически, для сельскаго хозяина эти доли есть совершенно абстрактное понятіе. Всѣ эти различныя затраты сливаются для него въ общее количество капитала, которое онъ можетъ или долженъ затратить на данный участокъ и которое можетъ быть больше

или меньше. То, что онъ считаетъ, это разница между общей затратой капитала и цѣнностью продукта. Для него рента есть поэтому именно этотъ излишекъ въ цѣнѣ противъ издержекъ производства (включая сюда и прибыль на капиталъ).

Сказаннымъ выражена одна существенная черта образованія цѣнъ на земледѣльческіе продукты, а слѣдовательно и ренты при хозяйствѣ на собственной землѣ, чѣмъ эта система отличается отъ своего англійскаго прототипа. Мы видѣли, что тамъ рента, а слѣдовательно и цѣна продукта движется, такъ сказать, ступенеобразно, всякое повышеніе цѣны, служащее поводомъ къ приложенію новой менѣе производительной затраты капитала, тотчасъ же регистрируется повышеніемъ ренты. Англійская рента, такимъ образомъ, фактически различаетъ послѣдовательныя затраты капитала разной, въ общемъ убывающей производительности. Если земля воздѣлывается самимъ собственникомъ, такое различіе между разными затратами капитала, естественно, падаетъ: оно можетъ проводиться извнѣ, напр. вмѣшательствомъ земельнаго собственника, но для сельскаго хозяина, работающаго на своей землѣ, всѣ затраты капитала одинаковы и составляютъ въ своей совокупности извѣстную сумму капитала. Этотъ капиталъ, съ средней прибылью, фигурируетъ какъ издержки производства, превышеніе которыхъ въ цѣнѣ продукта и создаетъ ренту. Мы имѣли поэтому фактическое основаніе представить ренту какъ часть цѣны единицы продукта.

Очевидно, что претензіи хозяина-собственника на ренту, ceteris paribus, скромнѣе чѣмъ англійскаго лэндлорда: тамъ, гдѣ первый ограничивается общимъ превышеніемъ цѣнъ надъ издержками производства, послѣдній дѣлаетъ изъ этихъ издержекъ нѣсколько категорій, и каждую изъ этихъ категорій обращаетъ въ основаніе для повышенія ренты. Англійская рента въ этомъ смыслѣ можетъ быть названа квалифицированной сравнительно съ континентальной (что, впрочемъ, соотвѣтствуетъ существованію на счетъ одной ренты цѣлаго общественнаго класса, между тѣмъ какъ на континентѣ такого класса, собственно говоря, не существуетъ). Быть можетъ, это реальное различіе условій англійскаго и континентальнаго земледѣлія безсознательно выразилось въ различіяхъ теоріи ренты Рикардо и Родбертуса, а именно въ томъ особенномъ удареніи, съ которымъ Родбертусъ оттѣняетъ абсолютную ренту, возражая Рикардо, прежде всего, какъ теоретику исклю-

чительно дифференціальной ренты. Было бы смѣшнымъ на основаніи одного этого различія говорить объ уровнѣ хлѣбныхъ цѣнъ тамъ и тутъ, потому что этотъ уровень зависитъ отъ тысячи другихъ условій; но если бы можно было предположить хотя въ цѣляхъ иллюстраціи всѣ эти условія равными, то, очевидно, въ такомъ случаѣ, хлѣбъ въ Англіи былъ бы дороже чѣмъ на континентѣ, единственно въ силу большей требовательности англійской ренты, въ силу трехчленнаго дѣленія дохода. Мы не сдѣлаемъ неосторожности, если выразимъ свою мысль въ такой общей формѣ: условія образованія англійской ренты при участіи чуждаго производству лица, пользующагося всякимъ поводомъ для повышенія ренты, стремятся поднять ренту и цѣну на хлѣбъ выше, нежели она стояла бы при континентальной системѣ крупнаго земледѣльческаго производства.

Роль камней, которые подкладываются подъ колеса, чтобы не дать повозкѣ скатиться внизъ по уклону, играетъ своеобразное выраженіе земельной ренты,—цѣна земли, или, согласно обычному противорѣчивому словоупотребленію, земельный капиталъ (Grundkapital) [1]). Составляя производное ренты, и выражая собою уже достигнутый уровень ренты, этотъ послѣдній является въ практическихъ расчетахъ однимъ изъ факторовъ образованія цѣнъ на земледѣльческіе продукты. Въ составѣ издержекъ производства фигурируетъ на ряду съ издержками на заработную плату или удобреніе (даже въ ученыхъ трактатахъ) [2]) особая рубрика: «процентъ на земельный капиталъ». И разсчетъ этотъ имѣетъ нерѣдко полное фактическое основаніе, если этотъ земельный капиталъ былъ выложенъ лишь недавно наличными деньгами при переходѣ собственности изъ рукъ въ руки или же фигурируетъ (болѣе или менѣе значительной частью) какъ притязаніе со стороны ипотечнаго банка, которому и должны поступить эти проценты; очевидно, производство, если оно не окупаетъ не только прибыли на капиталъ но и процентъ на земельный капиталъ, alias ренту предшествовавшаго періода, будетъ прямо

[1]) Въ земельный капиталъ нерѣдко включаютъ и цѣнность построекъ и меліорацій, но эти элементы могутъ быть выдѣлены изъ того, что составляетъ чистую ренту.

[2]) Расчеты подобнаго рода см. напр. у проф. Дрекслера: *Drechsler*, Die Productionskosten der Hauptgetreidearten (въ сборникѣ Festgaben für G. Hansen. Tübingen 1889).

убыточно. Такимъ образомъ, на извѣстномъ уровнѣ развитія изучаемой формы сельскохозяйственнаго производства полученіе опредѣленной земельной ренты является *принудительнымъ условіемъ конкурренціи*, уже не привиллегіей, но особой трудностью для цѣлой категоріи сельскихъ хозяевъ, а въ конкурренціи господствуетъ принципъ: ab uno disce omnes. Въ теперешнюю, тяжелую для земледѣлія эпоху аграрнаго кризиса «земельный капиталъ» изъ фактора, повышающаго ренту или, по крайней мѣрѣ, тормозящаго ея паденіе, превратился въ тяжелое бремя, вынуждая вести болѣе интенсивное хозяйство нежели позволяетъ раціональность. Камни подъ колесами были въ пользу тогда, когда возъ вообще шелъ въ гору; когда же онъ идетъ подъ гору, они становятся препятствіемъ движенія.

Вообще же говоря — при предположеніи замкнутаго рынка— слѣдуетъ спрашивать не о томъ, какъ рента держится на данномъ уровнѣ или какъ она вообще существуетъ, но какъ она повышается, потому что повышеніе есть нормальное развитіе ренты. Общими причинами повышенія ренты являются, конечно, ростъ спроса, прямой результатъ роста неземледѣльческаго населенія и ограниченность предложенія. Параллельно съ этимъ, развитіе капиталистической промышленности усиливаетъ борьбу между собою капиталовъ, и положеніе земледѣльческаго предпринимателя, который чуждъ этой борьбы, потому что спросъ на его продуктъ обезпеченъ, становится сравнительно болѣе выгоднымъ. Онъ выигрываетъ какъ прямо чрезъ пониженіе нормы прибыли и вслѣдствіе того повышеніе ренты, такъ и косвенно чрезъ поднятіе цѣны земли какъ надежной сферы приложенія капитала

Послѣ того, что мы сказали объ условіяхъ повышенія и пониженія англійской ренты и что имѣетъ—съ указанными отличіями — силу и здѣсь, мы можемъ ограничиться немногими замѣчаніями. Очевидно, при неизмѣнной цѣнѣ хлѣба, рента повышается: a) благодаря пониженію нормы прибыли на капиталъ, потому что насчетъ этого пониженія повышается рента; b) при неизмѣнныхъ условіяхъ производства отъ абсолютнаго количества производимаго продукта, потому что общее количество ренты тѣмъ больше, чѣмъ больше производится хлѣба вообще. При повышающейся цѣнѣ хлѣба рента увеличивается настолько, насколько это повышеніе не приходится на долю увеличившихся издержекъ производства; вообще повышеніе цѣны можетъ имѣть

источникомъ или указанную причину или же увеличеніе ренты или обѣ эти причины вмѣстѣ. Точно также и при понижающихся цѣнахъ рента остается неизмѣнной (мыслимо, что можетъ даже и увеличиваться), если цѣна понижается благодаря пониженію издержекъ производства, напр. нормы прибыли, но, вѣрнѣе, конечно, при этомъ понижается и рента. Спеціальныя причины имѣвшія мѣсто въ томъ или другомъ случаѣ, будутъ указываемы въ дальнѣйшемъ.

Рента служитъ базисомъ цѣны земли, цѣна земли, какъ гласитъ прописная истина политической экономіи, есть капитализированная рента.

Впрочемъ, послѣднее опредѣленіе приложимо лишь тогда, когда имѣются на лицо всѣ перечисленныя въ ней условія, а именно когда есть уже и прибыль на капиталъ и рента, какъ раздѣльные и опредѣленные элементы цѣны сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Конечно, это было не всегда такъ, потому что это предполагаетъ уже развитое капиталистическое производство. Между тѣмъ, крупное земледѣльческое производство открываетъ, а не заключаетъ собой эру наступленія капиталистическаго производства вообще. Очень долгое время земледѣліе является почти единственной формой капиталистическаго хозяйства, а другихъ формъ капитала, тѣмъ болѣе средней нормы прибыли на капиталъ, составляющей продуктъ развитого капиталистическаго производства, совсѣмъ не существуетъ. (Въ Германіи, напримѣръ, такое положеніе вещей продолжалось всю первую половину XIX столѣтія). Между тѣмъ, земля имѣетъ цѣну и составляетъ предметъ гражданскаго оборота и въ эту эпоху, и цѣна эта, какъ мы увидимъ, постоянно возрастаетъ. Очевидно, слѣдуетъ отказаться отъ объясненія этого явленія при помощи понятій, выработанныхъ на явленіяхъ позднѣйшей эпохи, и не брать масштабомъ опредѣленія цѣнъ земельную ренту, которая, какъ мы знаемъ, можетъ быть опредѣлена только при посредствѣ средней нормы прибыли.

Доходъ отъ земли былъ тогда единственной формой нетрудоваго дохода, а земля единственнымъ почти капиталомъ. (Прежде, въ эпоху крѣпостнаго права, эту роль на ряду съ землей играло и крѣпкое этой землѣ населеніе, но съ паденіемъ крѣпостного права затрата на рабочую силу стала фигурировать какъ затрата капитала). Инвентарь и всякія вообще издержки производства были сравнительно незначительны, по сравненію съ главнымъ ка-

питаломъ — землей, производившей на какой-либо внѣшній рынокъ. Цѣна земли опредѣлялась, конечно, и тогда капитализаціей земельнаго дохода соотвѣтственно уровню процента на денежный капиталъ, но въ этомъ доходѣ не различались раздѣльныя части — земля сама являлась капиталомъ (das rentierende Eigenthum, по выраженію Родбертуса).

Исторія образованія цѣны на землю въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы понимаемъ ее теперь, начинается, такимъ образомъ, съ образованія средней нормы прибыли, т. е. съ болѣе или менѣе развитого капиталистическаго производства.

Не нужно тратить много словъ, чтобы доказывать, что цѣна земли зависитъ съ одной стороны отъ количества земельной ренты, приходящейся на данный земельный участокъ, съ другой отъ того процента, изъ котораго капитализируется рента. Такъ какъ этотъ процентъ на капиталъ падаетъ съ развитіемъ капиталистическаго производства, то даже при неизмѣнной рентѣ цѣна земли росла бы, а при одновременномъ ростѣ и ренты цѣна земли росла бы ускореннымъ темпомъ. Этого одного достаточно, чтобы понять причины быстраго и сильнаго роста цѣны земли въ капиталистическихъ странахъ.

Конечно, капитализированной рентой опредѣляется minimum цѣны на землю, вытекающій только изъ экономическихъ причинъ. Но такъ какъ земля является не только средствомъ производства въ экономическомъ смыслѣ, но нерѣдко и средствомъ политическаго вліянія, предметомъ честолюбія или удовольствія даже, то, конечно, такіе сторонніе мотивы могутъ возвысить цѣну земли до совершенно несообразнаго съ экономической точки зрѣнія уровня. Найти общую теоретическую формулу для выраженія этихъ неэкономическихъ вліяній, очевидно, невозможно, но съ ними приходится иногда считаться при объясненіи нѣкоторыхъ конкретныхъ явленій аграрной эволюціи. Слѣдуетъ, наконецъ, особо выдѣлить въ составѣ цѣны земли плату за земельныя улучшенія, меліораціонный капиталъ. Очевидно, хотя практически въ цѣнѣ земли этотъ капиталъ сливается съ общей цѣнностью земли, т. е. съ капитализированною рентой, но экономическая природа этихъ частей вполнѣ различны [1]).

[1]) Это различіе отмѣчено Марксомъ еще въ Misère de la philosophie, гдѣ онъ различаетъ terre-matière и terre-capital. (См. его собственную ссылку: Das Kapital, III², 158, Note).

Обращаясь къ вопросу о природѣ изучаемаго вида ренты, а равно и объ условіяхъ образованія прибыли на земледѣльческій капиталъ, мы должны лишь повторить то же самое, что было подробно разъяснено въ параграфѣ объ англійской рентѣ. Въ той формѣ абсолютной ренты, къ которой мы свели всякую земледѣльческую ренту, ея происхожденіе изъ монополіи очевидно,— сюда не приложимо объясненіе ренты изъ Surplusprofit'a. Въ этомъ ея характерѣ ничего не измѣняетъ существованіе различій въ рентѣ,—она не этими различіями вызывается. Подобно англійской рентѣ, рента и здѣсь взимается, а не производится, причемъ плательщиками являются, какъ и тамъ, всѣ неземледѣльческіе классы общества; аналогія съ косвеннымъ налогомъ на предметъ первой необходимости умѣстна и здѣсь, какъ и при англійской рентѣ.

Земледѣліе и при континентальной системѣ крупнаго производства не подчиняется закону трудовой цѣнности, предполагающей свободу конкурренціи, не только въ выше объясненномъ монопольномъ способѣ образованія цѣны, но и въ сферѣ образованія средней нормы прибыли и распредѣленіи между разными капиталами общественной прибавочной цѣнности. Насколько вся сфера земледѣльческаго производства изъята изъ вліянія свободной конкурренціи, настолько неприложимо сюда и ученіе о распредѣленіи прибавочной цѣнности по средней нормѣ прибыли. Ибо это распредѣленіе можетъ совершаться только при условіи колебанія цѣнъ, приноравливанія спроса къ предложенію и т. д., между тѣмъ, какъ мы уже знаемъ, ростъ земледѣльческаго производства обыкновенно лишь отвѣчаетъ на существующій спросъ и только при томъ условіи, чтобы цѣна продукта давала болѣе чѣмъ среднюю прибыль на капиталъ, т. е. еще и ренту. Ясно, что земледѣліе, какъ мы выразились выше, и при континентальной системѣ пользуется капиталистической экстерриторіальностью. А потому, какъ опять было разъяснено выше, и всѣ категоріи въ примѣненіи къ сельскому хозяйству (постоянный, перемѣнный капиталъ и т. д.) являются понятіями *мнимыми*, не отвѣчающими истинному научному смыслу, въ которомъ они употребляются въ политической экономіи.

Остается одинъ вопросъ,— объ общемъ соціальномъ значеніи континентальной ренты и ея сравненіе съ англійской.

Сельскій хозяинъ континента является двуликимъ Янусомъ,

онъ совмѣщаетъ въ себѣ и ренту и прибыль на капиталъ, которыя въ Англіи враждебно противостоятъ другъ другу, и это соединеніе кладетъ отпечатокъ на его экономическую физіономію. Такъ какъ земельная рента и прибыль соединяются здѣсь въ общей кассѣ, составляютъ общій доходъ сельскаго хозяина, то онъ стремится къ повышенію своего дохода вообще, безъ различія этихъ его источниковъ. Повышеніе ренты, въ общемъ составѣ дохода, стимулируетъ здѣсь непосредственно растущую производительность земледѣлія. Меліораціи какъ результатъ стремленія повысить доходъ имѣютъ здѣсь мѣсто въ гораздо большей степени нежели въ Англіи, гдѣ самое производство чуждо землевладѣльцу. Поэтому то оправданіе существованія земельной ренты, или, шире, частной собственности на землю, которое состоитъ въ указаніи на ея роль въ развитіи производства, въ гораздо большей степени приложимо здѣсь нежели къ Англіи. Выкупъ, который можетъ предложить предъ судомъ исторіи земельная монополія, тутъ значительнѣе нежели тамъ. Съ другой стороны, какъ было уже показано, вліяніе земельной монополіи въ ея континентальной формѣ мягче, она не въ такой степени стремится поднимать цѣны на хлѣбъ, какъ алчная англійская рента. Такимъ образомъ, можно сказать, что, сравнительно съ англійской системой, континентальная система даетъ большій выкупъ за меньшій грѣхъ.

Но это все-таки не уничтожаетъ вредныхъ сторонъ вліянія монополи. Повышеніе цѣнъ на предметы первой необходимости выше того, что они стбятъ при среднихъ общественныхъ условіяхъ преизводства, есть во всякомъ случаѣ—съ экономической точки зрѣнія—явленіе нежелательное; въ этомъ смыслѣ и континентальная рента есть форма паразитарная, притомъ поражающая самую слабую сторону общественнаго производства,—область господства закона убывающаго плодородія почвы.

Мы должны отмѣтить еще отрицательныя свойства, вытекающія именно изъ данной организаціи сельскаго хозяйства какъ таковой.

Цѣна земли, или капитализированная рента, является препятствіемъ для вновь приступающаго къ сельскому хозяйству, самостоятельной затратой капитала, которую онъ долженъ авансировать, кромѣ капитала, предназначеннаго для веденія хозяйства. Земля съ народно - хозяйственной точки зрѣнія не есть капиталъ, не есть вообще богатство въ смыслѣ экономическомъ, хотя, конечно, есть въ высшей степени важный элементъ есте-

ственныхъ богатствъ страны. Представляя собой отраженіе производственныхъ отношеній, она является фальшивой соціальной цѣнностью, и земельный капиталъ въ этомъ смыслѣ противоположенъ производительному капиталу, составляющему дѣйствительную цѣнность, дѣйствительное богатство. Но эта особенность земельнаго капитала, съ такимъ удареніемъ отмѣченная Родбертусомъ въ его знаменитомъ трактатѣ „Zur Erklärung und Abhilfe der heutigen Creditnoth des Grundbesitzes“ [1]), существуетъ только съ народнохозяйственной точки зрѣнія, лишь въ теоріи; практически же, для затрачивающаго его, земельный капиталъ есть такой же капиталъ какъ и всякій другой, т. е. извѣстная сумма денегъ, приносящая проценты. И при нормальныхъ условіяхъ земельный капиталъ приноситъ процентъ, т. е. земельную ренту съ такой же исправностью, какъ и всякая другая затрата капитала. Такимъ образомъ, съ этой точки зрѣнія необходимость покупки земли лишь увеличиваетъ minimum капитала, съ которымъ можно начинать земледѣльческое предпріятіе,—больше ничего.

Родбертусъ видитъ особенный вредъ въ томъ, что при такомъ способѣ опредѣленія цѣнности земли послѣдняя колеблется въ зависимости отъ измѣненій въ высотѣ заемнаго процента, изъ котораго капитализуется рента. Не споря, что при ипотечной задолженности эти колебанія тяжело ложатся на земельнаго собственника (хотя и эта тяжесть сильно преувеличена Родбертусомъ), мы не можемъ видѣть въ этихъ колебаніяхъ самихъ по себѣ чего-либо, спеціально свойственнаго земледѣльческому производству: закрѣпленіе значительныхъ цѣнностей въ форму основного капитала при быстромъ темпѣ экономической жизни и развитія техники вообще связано съ рискомъ потери отъ колебаній въ цѣнѣ этого основного капитала, — достаточно для примѣра указать на такъ называемое «нравственное» изнашиваніе машинъ [2]), составляющее самое заурядное явленіе промышленной жизни.

Цѣнностью земельнаго капитала обусловливаются явленія ипотечной задолженности. Согласно классическому выясненію этого

---

[1]) Первое изданіе въ 1868 году—I томъ и въ 1869 году—II томъ. Второе изданіе съ предисловіемъ Р. Мейера въ одномъ томѣ въ 1893 г.

[2]) „Нравственнымъ“ изнашиваніемъ машины называется тотъ случай, когда она обезцѣнивается благодаря новымъ техническимъ изобрѣтеніямъ, дѣлающимъ эту машину устарѣвшей и невыгодной.

вопроса у Родбертуса, главнымъ источникомъ ипотечной задолженности является перемѣна владѣльцевъ имѣнія, путемъ ли купли—продажи или путемъ наслѣдованія. Въ первомъ случаѣ, если у покупателя не хватаетъ денегъ на всю покупную сумму, то недостающую сумму (такъ называемые въ нѣмецкой литературѣ „Restkaufschilinge) онъ получаетъ путемъ ипотеки на свой участокъ; подобное же происходитъ при перемѣнѣ собственности путемъ наслѣдованія, когда изъ нѣсколькихъ наслѣдниковъ лишь одинъ фактически получаетъ землю, выдавая остальнымъ ихъ долю въ землѣ деньгами, которыя получаются также путемъ ипотеки. Конечно, это бываетъ не при всякой перемѣнѣ собственности, и задолженность сама по себѣ вовсе не является ни угрожающимъ, ни вреднымъ явленіемъ, какъ это думаютъ иные, конечно при соблюденіи мѣры въ степени задолженности [1]). Колебаніе въ уровнѣ заемнаго процента, такъ смутившія Родбертуса въ 50-хъ годахъ XIX вѣка и побудившія его выдвинуть знаменитый *Rentenprinzip*, согласно которому земля при ипотечныхъ займахъ должна разсматриваться не какъ капиталъ, получаемый посредствомъ капитализаціи ренты, но какъ „Ertragswerth", источникъ извѣстнаго опредѣленнаго дохода, составляютъ во всякомъ случаѣ обоюдоострое орудіе, и въ общемъ можно сказать, что они скорѣе выгодны для должниковъ, въ силу тенденціи прибыли на капиталъ къ пониженію, ведущей къ повышенію земельнаго капитала. Таковы особенности, вытекающія изъ характеристики сельскаго хозяина какъ землевладѣльца.

Но онъ одновременно является или точнѣе долженъ являться и капиталистомъ. Между тѣмъ обладаніе и капиталомъ и земельной собственностью далеко не обусловливаетъ одно другое. Его можно еще предположить для тѣхъ случаевъ, когда данное лицо только вступаетъ въ земледѣльческую промышленность, принося съ собой извнѣ капиталъ и на землю и на ея обработку (такъ называемый въ нѣмецкой литературѣ Betriebskapital), хотя и

---

[1]) По компетентному свидѣтельству проф. *Гольца*, „при среднихъ условіяхъ совершенно безопасно обременять имѣніе долгомъ, равнымъ даже половинѣ его доходной цѣнности (Ertragswerthes). При безсрочныхъ ипотекахъ и при невысокомъ процентѣ ($3^1/_2\%$ — 4%) можно считать допустимымъ долгъ, доходящій до $^3/_5$, въ крайнемъ случаѣ до $^2/_3$ доходной цѣнности". (*v. d. Goltz.* Vorlesungen über Agrarwesen und Agrarpolitik. Iena. 1899. Стр 132).

это далеко не всегда бываетъ. Большинство же сельскихъ хозяевъ *родятся* владѣльцами земли, получая ее по наслѣдству, но часто не получая нужнаго на ея воздѣлываніе капитала. Недостатокъ капитала составляетъ поэтому наслѣдственный грѣхъ изучаемой системы земледѣлія, грѣхъ, совершенно несвойственный англійской системѣ. Этотъ же наслѣдственный характеръ землевладѣнія, являющагося обыкновенно основой родовой аристократіи и, слѣдовательно, политической реакціи, является причиной и тому, что среди этого класса встрѣчается гораздо больше людей, неспособныхъ вести предпріятіе, чѣмъ въ другихъ сферахъ промышленной жизни. Здѣсь нѣтъ того искусственнаго отбора, благодаря которому въ составъ класса капиталистовъ часто попадаютъ дѣйствительные „капитаны промышленности“, хозяйственные таланты, иногда геніи (особый видъ талантовъ, выработанный современной экономической жизнью и особенно ярко выраженный въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ). Насколько крупное землевладѣніе несвязано какими-либо спеціальными узаконеніями, не является сословной привиллегіей, конечно, и сюда, до извѣстной степени, проникаетъ вліяніе конкурренціи, удаляющей со сцены тѣхъ, кто для нея совершенно негоденъ.

Отсутствіе или недостатокъ предпринимательскаго капитала восполняется, конечно, кредитомъ, личнымъ или же ипотечнымъ. Здѣсь заключается, такимъ образомъ, другой источникъ ипотечной задолженности, кромѣ выше указанныхъ.

Изъ предыдущаго слѣдуетъ, что причины, характеръ и значеніе ипотечной задолженности есть явленіе весьма сложное и можетъ получить надлежащее освѣщеніе только въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ (какъ это отчасти и будетъ сдѣлано въ послѣдующемъ изложеніи). Уже по этому одному является большой наивностью предразсудокъ, довольно распространенный въ марксистской литературѣ, что посредствомъ ипотечной зависимости отъ капитала, который подлежитъ закону концентраціи, выполняется мистическій законъ концентраціи и относительно земельной собственности [1]). Мы думаемъ вообще, что кредитъ для земледѣльческаго

[1]) Съ большой обстоятельностью подвергаетъ критикѣ этотъ предразсудокъ *Герцъ* въ своей замѣчательной работѣ по аграрному вопросу (*Friedrich Otto Hertz.* Die agrarischen Fragen im Verhältniss zum Socialismus. Wien. 1899). Читатель, знакомый съ этой работой, замѣтитъ значительную въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ близость нашихъ теоретическихъ и

производства есть столь же необходимое и благодѣтельное средство какъ и въ промышленности,—это рельсы, по которымъ одинаково совершается движеніе какъ земледѣльческаго такъ и промышленнаго предпріятія. И тѣмъ, которые дѣлаютъ большіе глаза при всякомъ упоминаніи о земледѣльческомъ кредитѣ и вопіютъ объ ограниченіи его или возможномъ уменьшеніи, можно отвѣтить старыми, но вполнѣ сохранившими силу словами проф. Шмоллера: „нельзя и не слѣдуетъ отнимать или уменьшать кредитъ ни для землевладѣльца, ни для крестьянина. Какимъ же образомъ возможно процвѣтаніе земледѣльческаго предпріятія, если они лишены того вспомогательнаго средства, которымъ фабрикантъ, купецъ, ремесленникъ пользуются ежедневно. Поэтому уже a priori слѣдуетъ отвергнуть всякую мѣру, которая, оборачиваясь назадъ, ищетъ своего идеала въ прошломъ, когда еще совсѣмъ не было кредита или же были лишь неразвитыя его формы“ [1]).

Слѣдуетъ въ заключеніе коснуться вопроса о національзаціи земли. Насколько рѣчь не идетъ объ извѣстной организаціи ипотечнаго кредита, отвѣчающей общественному интересу и въ большей или меньшей степени осуществимой [2]), вопросъ о національзаціи земли имѣетъ здѣсь совершенно иную постановку чѣмъ при англійской системѣ. Тамъ національзація ренты можетъ быть проведена безъ существеннаго потрясенія земледѣльческаго про-

---

въ особенности соціальнополитическихъ воззрѣній съ воззрѣніями Герца. И если отсутствуютъ въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ ссылки на параллельныя мѣста книги Герца, то это лишь потому, что такихъ ссылокъ пришлось бы дѣлать слишкомъ много. Но отъ этого авторъ не менѣе горячо привѣтствуетъ работу Герца, особенно какъ вѣскій противовѣсъ вліянію книги Каутскаго.

[1]) *Prof. Schmoller.* Einige Bemerkungen uber die zunehmende Verschuldung des deutschen Grundbesitzes und die Möglichkeit ihr entgegenzuwirken въ Thiel's Landwirtschaftliche Jahrbucher, XI, 1882, стр. 618.

[2]) Таковъ напр. знаменитый проэктъ Шеффле общинной (земской?) организаціи земельнаго кредита. См. его извѣстное сочиненіе: Die Incorporation des Hypothecarkredits. 1883.

Замѣчу здѣсь, что всѣ техническіе вопросы организаціи ипотечнаго кредита, да и всякихъ формъ сельскохозяйственнаго кредита вообще будутъ затронуты въ настоящемъ сочиненіи лишь постольку, поскольку это безусловно необходимо въ цѣляхъ выясненія закономѣрной эволюціи сельскаго хозяйства, но не какъ таковые; потому всѣ детали остаются въ сторонѣ.

изводства: въ сущности она вводитъ лишь замѣну одного лица, получающаго ренту, другимъ, замѣну физическаго лица юридическимъ. Очевидно, націонализація земли въ примѣненіи къ континентальной системѣ имѣетъ совершенно иное значеніе, ибо рента является здѣсь такимъ же нервомъ производства какъ и прибыль на капиталъ, и удаленіе этого нерва произвело бы полную революцію въ области земледѣлія, реорганизацію его на новыхъ началахъ. Конечно, это мыслимо лишь при наличности опредѣленныхъ народнохозяйственныхъ показаній, при наличности нарождающихся экономическихъ формъ, готовыхъ стать на мѣсто старыхъ. Какимъ формамъ принадлежитъ вѣроятное будущее континентальнаго земледѣлія, мы увидимъ далѣе; здѣсь же достаточно указать, что націонализація земли въ томъ смыслѣ, какъ этотъ вопросъ ставится въ Англіи, т. е. націонализація земельной ренты съ полнымъ сохраненіемъ старыхъ формъ земледѣльческаго производства, для континента есть очевидный non-sens.

Какая же система лучше и предпочтительнѣй съ точки зрѣнія интересовъ народнаго хозяйства, англійская или континентальная, можетъ быть, спроситъ иной читатель. Для тѣхъ, кто внимательно слѣдилъ за предшествовавшимъ ходомъ мысли, ясно, что дать отвѣтъ на вопросъ, поставленный въ такой формѣ, авторъ не можетъ: для различныхъ условій наилучшими являются, конечно, различныя системы производства. Дѣло анализа состояло только въ выдѣленіи и сопоставленіи чертъ, принадлежащимъ этимъ системамъ какъ таковымъ, взятымъ внѣ исторической обстановки, въ которой онѣ фактически существуютъ.

3. Цѣна хлѣба и земли въ крестьянскомъ хозяйствѣ.

Особую форму организаціи сельскаго хозяйства представляетъ крестьянское хозяйство. Крестьянскимъ хозяйствомъ можно считать такое хозяйство, которое вполнѣ или по преимуществу обходится трудомъ собственной крестьянской семьи; безъ чужого труда — сосѣдской помощи или кратковременнаго найма — обходится рѣдкое даже крестьянское хозяйство, но это не измѣняетъ его экономической физіономіи. Разумѣется, лишь въ теоріи можно разграничитъ крестьянское хозяйство отъ обоихъ формъ капита-

листическаго, практически же между этими полюсами помѣщается цѣлый рядъ переходныхъ формъ, болѣе тяготѣющихъ къ тому или другому типу. Но ужъ это обычный недостатокъ искусственной классификаціи, которая, ради ясности и законченности дѣленій, разрубаетъ живую ткань спеціальнаго организма.

Крестьянское хозяйство какъ таковое до сихъ поръ не было предметомъ самостоятельнаго теоретическаго изученія. Причина этому въ томъ, что для однихъ теоретиковъ, какъ Рикардо, крестьянскаго хозяйства вообще не существовало, другіе, какъ Марксъ[1]) и въ особенности эпигоны, считали эту форму историческимъ пережиткомъ, обреченнымъ на вымираніе съ дальнѣйшимъ развитіемъ и долженствующимъ уступить свое мѣсто крупнокапиталистическому хозяйству.

Говорить это теперь, когда капиталистическое производство находится въ своемъ зенитѣ, а крестьянское хозяйство и не думаетъ погибать, уступая свое мѣсто крупному производству, а, по прежнему, занимаетъ свое особое мѣсто въ современной народнохозяйственной организаціи, очевидно, невозможно. Уже одного этого внѣшняго факта болѣе или менѣе значительной распространенности крестьянскаго хозяйства достаточно, чтобы обязать теоретика изучать его какъ самостоятельную форму производства. Но эта необходимость обусловливается также и тѣмъ, что крестьянское хозяйство представляетъ, дѣйствительно, нѣчто совершенно своеобразное, отличающееся по своей природѣ отъ капиталистическаго хозяйства, и потому должно быть изучено особо, въ

---

[1]) Марксъ думалъ, что „захватъ земледѣлія капиталистическимъ способомъ производства, превращеніе ведущихъ собственное хозяйство крестьянъ въ наемныхъ рабочихъ, на самомъ дѣлѣ составляетъ послѣднее завоеваніе этого способа производства вообще“ (Das Kapital, III², 189. Ср. также извѣстныя слова Коммунистическаго Манифеста о мелкихъ производителяхъ всякаго рода, въ томъ числѣ и земледѣльческихъ, силящихся повернуть колесо исторіи). Соотвѣтственно такому общему воззрѣнію, небольшой отрывокъ о крестьянскомъ хозяйствѣ, имѣющійся въ III томѣ *Капитала*, помѣщенъ Марксомъ подъ рубрикой „Genesis der kapitalistischen Grundrente“. Этотъ отрывокъ изобилуетъ интересными замѣчаніями (съ которыми мы встрѣтимся ниже). Каутскій считаетъ нужнымъ подвергнуть крестьянское хозяйство спеціальному изученію, и, какъ бы тенденціозно онъ ни отнесся къ своей задачѣ, самая ея постановка составляетъ его формальную заслугу. Вопросы, трактуемые въ настоящемъ параграфѣ, совсѣмъ остались внѣ разсмотрѣнія Каутскаго.

цѣляхъ болѣе полнаго пониманія всего современнаго народнохозяйственнаго строя.

Основное отличіе крестьянскаго (или вообще мелкаго) производства отъ крупнаго капиталистическаго заключается въ томъ, что крестьянинъ или мелкій производитель стремится къ удовлетворенію своихъ нуждъ и потребностей путемъ производительнаго приложенія своего труда, между тѣмъ какъ капиталистъ стремится къ извлеченію дохода. Марксъ выразилъ эту послѣднюю мысль въ извѣстной афористической формулѣ, что цѣль капиталистическаго производства не есть потребленіе, а возрастаніе цѣнности капитала. Конечно, послѣдней цѣлью всякаго производства является потребленіе, эта безспорная истина остается незатронута выставленнымъ положеніемъ, которое имѣетъ въ виду отличить особенности даннаго конкретнаго осуществленія этой конечной цѣли общественной организаціи производства.

Между капиталистической и крестьянской организаціями существуетъ цѣлая пропасть: чтобы понять характеръ крестьянскаго производства, самое лучшее — забыть обо всемъ, что мы знаемъ о капиталистическомъ производствѣ, забыть прежде всего о капиталѣ, ибо у крестьянина нѣтъ капитала (который, злоупотребляя терминологіей, часто у него находятъ, и даже ухитряются вычислять норму прибыли на этотъ капиталъ,—ариѳметическое упражненіе само по себѣ вполнѣ невинное, если бы оно не сбивало съ толку и не вносило путаницы понятій), а есть орудія производства [1]), рабочіе инструменты, безъ которыхъ невозможно никакое производство; забыть о прибыли на капиталъ, потому что она есть только тамъ, гдѣ есть капиталъ, и есть выраженіе стремленія къ увеличенію цѣнности капитала, какъ непосредственной цѣли капиталистическаго производства; забыть, наконецъ, и о земельной рентѣ, ибо, какъ достаточно выяснено выше, понятіе

[1]) Характерную попытку мѣрить крестьянское хозяйство понятіями капиталистическаго хозяйства мы встрѣчаемъ въ цитированномъ отрывкѣ у Маркса, которому, на этотъ разъ *мѣшаютъ* имъ же выработанныя понятія; интересно наблюдать, какъ его научный инстинктъ тамъ и здѣсь прорываетъ эту преграду, являющуюся лишь препятствіемъ правильнаго, не предвзятаго трактованія этихъ явленій. Marx contra Marx,—мы постоянно наблюдаемъ этотъ дуализмъ политика и изслѣдователя (какъ это съ несравненнымъ искусствомъ показано было Зомбартомъ), въ данномъ же отрывкѣ Марксъ, какъ изслѣдователь капиталистическаго хозяйства, выступаетъ contra Marx, какъ изслѣдователя вообще.

ренты соотносительно понятію прибыли на капиталъ,—тамъ же, гдѣ нѣтъ послѣдней, нѣтъ и первой, нѣтъ этихъ обоихъ видовъ дохода. Всѣ эти категоріи капиталистическаго производства совершенно непригодны для выясненія особенностей крестьянскаго хозяйства.

Но, между тѣмъ, продукты крестьянскаго хозяйства также какъ и капиталистическаго имѣютъ цѣну; земля, составляющая принадлежность крестьянскаго хозяйства, имѣетъ цѣну также точно, какъ и земля, воздѣлываемая капиталистически. Однѣ и тѣ же формальныя категоріи,—цѣна хлѣба и земли, скрываютъ, очевидно, разное экономическое содержаніе, которое и должно быть обнаружено въ настоящемъ изложеніи.

Поскольку крестьянское хозяйство производитъ не для собственнаго потребленія, оно является товарнымъ производствомъ, какъ оно было господствующимъ при болѣе или менѣе развитомъ мѣновомъ хозяйствѣ и какъ оно составляетъ логическій prius развитія капиталистическаго хозяйства, которое является продолженіемъ, а вмѣстѣ и частнымъ случаемъ мѣнового хозяйства. Въ обществѣ съ товарнымъ раздѣленіемъ труда, при болѣе или менѣе полной свободѣ перенесенія труда изъ одной сферы въ другую естественно господствовала бы трудовая цѣнность. Продукты вымѣнивались бы между собой соотвѣтственно трудности производства ихъ, необходимости затрачивать на него большее или меньшее количество труда. Съ другой стороны, товаропроизводители получали бы за свой трудъ—не въ деньгахъ, а in natura—большее или меньшее количество благъ для своего потребленія; и количество и качество этихъ благъ зависѣло бы отъ общей производительности труда и повышалось бы съ развитіемъ этого послѣдняго. Итакъ, можно сказать, что, какъ естественный результатъ основныхъ условій товарнаго производства, каждый производитель получаетъ за свой продуктъ такое количество другихъ продуктовъ, производство котораго требуетъ рабочаго времени, затраченнаго производителемъ, а потребительная ихъ форма, количество реальныхъ благъ, представляемыхъ этимъ продуктомъ опредѣленнаго рабочаго времени, опредѣляется уровнемъ производительности всего общественнаго труда. Напомнимъ еще, что поддерживается этотъ уровень цѣнъ конкурренціей между собою товаропроизводителей. Таковы общія условія опредѣленія цѣнности и заработка товаропроизводителей при господствѣ товарнаго произ-

водства. Какія же отличія представляетъ положеніе крестьянскаго производства въ современномъ народномъ хозяйствѣ?

Мелкое самостоятельное производство вообще, въ частности земледѣльческое (впрочемъ, съ многими другими: ремесленниками, домашними рабочими и т. д.[1]) въ современномъ обществѣ съ доминирующимъ значеніемъ капиталистическаго предпріятія образуютъ собою въ народнохозяйственномъ отношеніи какъ бы островъ, омываемый водами капиталистическаго хозяйства. Очевидно, поэтому, теперь не можетъ быть рѣчи о томъ способѣ установленія цѣнности, который естественъ при господствѣ мелкаго товарнаго производства. Тамъ продукты труда обмѣнивались на продукты труда, здѣсь же продукты труда обмѣниваются на продукты капитала. Какъ цѣнности, продуктъ мелкаго производителя, представляющій собой трудовую цѣнность, сгустокъ труда, по извѣстному выраженію Маркса, и продуктъ капитала, относительно котораго цѣнность имѣетъ силу лишь для всего общественнаго производства, но въ индивидуальномъ товарѣ выступаетъ въ весьма осложненномъ видѣ (какъ цѣна производства), просто несоизмѣримы между собою. Очевидно, трудовая цѣнность, господствующая при чистомъ товарномъ производствѣ, или въ капиталистическомъ обществѣ для цѣлаго капиталистическаго хозяйства, совершенно не можетъ опредѣлять собой взаимныя отношенія этихъ двухъ различныхъ территорій,—крупнаго производства и мелкаго, этихъ двухъ экономическихъ формацій. Итакъ, первый, отрицательный, выводъ будетъ таковъ, что продукты мелкаго производства, въ частности крестьянскаго хозяйства въ обществѣ съ преобладающей капиталистической организаціей не могутъ быть сдѣланы соизмѣримы ни способомъ соизмѣренія продуктовъ товарнаго производства, — трудовой цѣнностью, ни масштабомъ соизмѣренія продуктовъ капитала — цѣнами производства. Обычныя средства намъ, такимъ образомъ, измѣняютъ; нужно искать новыхъ масштабовъ.

Такимъ масштабомъ можетъ быть единственно уровень по-

[1]) Насколько мнѣ извѣстно, не сдѣлано было даже попытки изучить отношенія цѣнности во всей реальной сложности современной организаціи производства и всего разнообразія его формъ, среди которыхъ капиталистическая есть, можетъ быть, господствующая, но далеко не единственная. Такое изученіе настоятельно необходимо для сторонниковъ теоріи цѣнности и капитала Маркса, и въ особенности послѣ тѣхъ усложненій въ теоріи цѣнности, которыя принесъ съ собою III томъ Капитала.

требностей непосредственнаго производителя, говоря англійскимъ терминомъ, его standard of life [1]). Вслѣдствіе особенностей земледѣльческаго производства значительная, иногда даже большая часть его продукта составляетъ предметъ его собственнаго потребленія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, основную долю его вознагражденія за трудъ. Лишь остатокъ продукта поступаетъ на рынокъ, является товаромъ, и, съ другой стороны, производитель ищетъ путемъ продажи своего продукта удовлетворить лишь остальныя потребности, кромѣ потребности питанія, которую онъ удовлетворяетъ продуктомъ собственнаго хозяйства.

Сумма, выручаемая крестьяниномъ за продажу своихъ продуктовъ, представляетъ аналогію съ заработной платой, которая также базируется на уровнѣ культурныхъ потребностей рабочаго, и эта аналогія представляетъ большой соблазнъ отожествить этотъ видъ дохода съ заработной платой. Но при всемъ своемъ внѣшнемъ сходствѣ, которое можетъ быть чрезвычайно значительно, экономическая природа обоихъ видовъ дохода кореннымъ образомъ различествуетъ: понятіе заработной платы соотносительно понятію капитала, это—его элементъ; реально—это часть продукта труда, приводимаго въ движеніе капиталомъ, другая часть его есть прибавочная цѣнность или прибыль [2]). Очевидно, ничего подобнаго мы не имѣемъ въ случаѣ съ крестьянскимъ доходомъ (оставляемъ

---

[1]) Сюда можетъ быть распространено положеніе американскаго экономиста Гентона относительно заработной платы: „уровень жизненныхъ потребностей есть законъ заработной платы“ The standart of living is the law of the wages (*G. Gunton.* Wealth and Progress. London 1888. Стр. 379).

[2]) Потому едва-ли можно назвать удачнымъ слѣдующее разсужденіе, отражающее на себѣ вышеотмѣченную особенность анализа Маркса: „границей эксплуатаціи земли для парцеллярнаго крестьянина не служитъ съ одной стороны, средняя прибыль на капиталъ, насколько онъ является мелкимъ капиталистомъ (?); ни, съ другой стороны, необходимость ренты, насколько онъ является земельнымъ собственникомъ. Абсолютной границей для него, какъ мелкаго капиталиста, является ничто иное какъ заработная плата, которую онъ платитъ самъ себѣ (sic!), по вычетѣ собственныхъ издержекъ. Пока цѣна продукта покрываетъ ему эту плату, онъ будетъ воздѣлывать свою землю, и это часто при физическомъ минимумѣ заработной платы“. (Das Kapital, III², 339—40). Конструкція мужика въ качествѣ мелкаго капиталиста, платящаго себѣ самому заработную плату, даже понятая въ смыслѣ сравненія, не разъясняетъ дѣла, а скорѣе его затемняетъ, вызывая постороннія ассоціаціи и представленія.

въ сторонѣ прибыль, которую можетъ извлекать здѣсь купеческій капиталъ).

Доходъ крестьянина состоитъ такимъ образомъ въ совокупности предметовъ, удовлетворяющихъ его обычнымъ потребностямъ. Можно сейчасъ же намѣтить основныя измѣненія, которыя возможны при опредѣленіи этого дохода. Съ одной стороны, сумма потребностей не есть неизмѣнная величина, онѣ могутъ увеличиваться и уменьшаться. По общему закону культуры, онѣ, конечно, растутъ у всѣхъ, растутъ и у крестьянина. Но, очевидно, дѣло осложняется здѣсь самымъ положеніемъ крестьянскаго хозяйства: если оно разлагается и гибнетъ въ результатѣ собственной-ли несостоятельности или тяжелой внѣшней конкурренціи, конечно, при такомъ условіи уровень потребностей расти не можетъ; онъ можетъ скорѣе понижаться. При прочномъ положеніи крестьянскаго хозяйства, напротивъ, потребности крестьянина растутъ также, хотя можетъ быть, и медленнѣй, какъ и городскихъ рабочихъ. Во всякомъ случаѣ уровень потребностей самъ по себѣ составляетъ подвижный элементъ въ подвижной скалѣ земледѣльческаго дохода. Другой еще болѣе подвижный элементъ составляетъ *цѣна* (или, если угодно, и цѣнность) тѣхъ благъ, которыя входятъ въ крестьянскій обиходъ, но изготовляются *внѣ* крестьянскаго хозяйства. Это продукты обрабатывающей промышленности въ собственномъ смыслѣ слова. Общая тенденція развитія этой промышленности выражается въ стремленіи къ удешевленію продукта; потому она, при равномъ уровнѣ потребностей, дѣйствуетъ въ направленіи, понижающемъ мѣновую цѣнность дохода крестьянина, при неизмѣнности натуральной его формы.

Уровень потребностей крестьянъ есть, съ одной стороны, мѣрило культурнаго развитія страны, а, съ другой, показатель состоянія крестьянскаго хозяйства. Естественно, что онъ можетъ быть болѣе или менѣе высокъ, по крайней мѣрѣ, повышаться лишь при цвѣтущемъ состояніи крестьянскаго хозяйства и наоборотъ. Общеее состояніе крестьянскаго хозяйства является, такимъ образомъ, однимъ изъ опредѣлителей цѣнъ на продукты этого хозяйства: слабое и захудалое хозяйство мирится съ разорительно низкими цѣнами, съ которыми не мирится хозяйство болѣе крѣпкое.

Изученіе условій процвѣтанія или разоренія крестьянскаго хозяйства предстоитъ намъ впереди; тамъ же будетъ закончено, слѣдовательно, и ученіе объ установленіи цѣнъ на продукты

крестьянскаго хозяйства. Здѣсь, гдѣ рѣчь идетъ только объ основныхъ условіяхъ опредѣленія цѣнъ земледѣльческихъ продуктовъ при разныхъ условіяхъ хозяйства, достаточно лишь установленія основного принципа этого опредѣленія; и относительно крестьянскаго хозяйства этотъ принципъ, повторимъ его еще разъ, есть опредѣленіе цѣнъ продуктовъ крестьянскаго хозяйства уровнемъ культурныхъ потребностей крестьянина, его standart of life.

Но этимъ, конечно, не исчерпывается вопросъ объ установленіи цѣнъ на земледѣльческіе продукты. Кромѣ вознагражденія за трудъ, въ цѣнѣ хлѣба должны быть оплачены и необходимыя орудія труда, а также его матеріалы. Необходимость извѣстнаго хотя бы самаго скуднаго minimum'а орудій производства—сохи, бороны, косы, рабочаго скота, само собою подразумѣвается такъ же точно, какъ для ручной швеи само собою разумѣется въ настоящее время обладаніе швейной машиной. Но мы знаемъ, что развитіе производительности земледѣлія требуетъ постояннаго увеличенія не только количества живого труда, но и орудій производства и удобреній. Конечно, эти орудія будутъ болѣе или менѣе разниться отъ тѣхъ, которыя употребляетъ крупное производство, но это ничего не измѣняетъ въ фактѣ увеличенія этой категоріи издержекъ. Разъ введеніе этихъ средствъ производства является дѣйствительной экономической необходимостью, обусловленной неизбѣжностью повышенія производительности земли, очевидно, пріобрѣтеніе этихъ средствъ производства должно быть оплачено въ цѣнѣ продукта, которая должна соразмѣрно повыситься. Конечно, повышеніе это можетъ быть лишь таково, что нужныя средства производства могутъ оплачиваться только постепенно (подобно тому, какъ затрата основного капитала лишь постепенно оплачивается въ цѣнѣ капиталистически производимаго продукта); это измѣняетъ подробности, но не существо дѣла. Вообще можно выставить такой принципъ, что цѣна земледѣльческихъ продуктовъ должна быть достаточно высока для того, чтобы оплачивать не только трудъ, но и затрачиваемыя здѣсь необходимыя средства производства.

Возникаетъ вопросъ: какъ передается цѣнность средствъ производства продукту, — съ „процентомъ“, какъ при капиталистическомъ установленіи цѣнъ, или безъ процента? Отвѣтъ можетъ быть данъ только въ послѣднемъ смыслѣ. Уже было упомянуто, что для крестьянина средства производства (сейчасъ увидимъ, что

также и земля) являются условіемъ возможности производительной затраты своего труда. а не извлеченія нетрудоваго дохода. Соотвѣтственно разнится и способъ установленія цѣнъ. Конечно. крестьянинъ, покупая, одинъ или обществомъ, напр. лобогрѣйку, оплачиваетъ въ цѣнѣ и прибыль фабриканта, но самъ онъ не насчитываетъ процентъ на эту общую цѣну. То же самое имѣетъ мѣсто и въ томъ случаѣ, если машина арендуется: въ арендной платѣ заключается, во 1-хъ, снашиваніе машины, во 2-хъ, прибыль; правда, эта прибыль можетъ быть выше прибыли строителя машины и, соразмѣрно, удорожаетъ въ такомъ случаѣ ея цѣну, и, если такая аренда есть явленіе широкораспространенное, это поднимаетъ цѣну выше ея естественнаго уровня. То же было бы и при крупномъ производствѣ, но тамъ былъ бы еще насчитанъ на эту затрату „процентъ“, полностью или той, по крайней мѣрѣ, частью, которая не забрана уже владѣльцемъ машины. Но этого не будетъ въ мелкомъ производствѣ.

Мы разсматриваемъ *среднія* условія мелкаго производства и предполагаемъ поэтому однородными всѣ хозяйственныя единицы. Но, конечно, извѣстные пріемы хозяйства распространяются не сразу, съ кого-нибудь это распространеніе должно начаться, и этотъ хозяинъ первое время можетъ имѣть особыя выгоды отъ своего положенія хозяйственнаго піонера, аналогичныя выгодамъ фабриканта при спорадическомъ введеніи машинъ въ переходную эпоху до общаго распространенія новыхъ способовъ производства. Это результатъ естественныхъ неравенствъ даже при равенствѣ общихъ условій. Но это не вноситъ ограниченій въ выставленный принципъ.

А поземельная рента? Входитъ-ли она въ цѣну продуктовъ? Здѣсь нѣтъ, конечно, поземельной ренты въ капиталистическомъ смыслѣ, но и здѣсь есть естественныя различія (плодородія и разстоянія), образующія источникъ дифференціальной ренты. При данной цѣнѣ продукта, эти участки естественно даютъ и большій доходъ, при всякой системѣ производства. Марксъ разрѣшаетъ вопросъ о дифференціальной рентѣ въ крестьянскомъ хозяйствѣ слѣдующимъ образомъ: „какъ бы ни регулировалась здѣсь средняя рыночная цѣна земельнаго продукта, дифференціальная рента. избыточная часть цѣны товаровъ на лучшихъ или лучше расположенныхъ земельныхъ участкахъ, очевидно, должна здѣсь также существовать какъ и при капиталистическомъ способѣ производ-

ства. Даже если эта форма встрѣчается при такомъ общественномъ состояніи, когда еще не образовалось всеобщей рыночной цѣнности, эта дифференціальная рента всетаки существуетъ; она выражается въ избыточномъ продуктѣ. Она течетъ лишь въ карманъ крестьянина, работа котораго примѣняется при лучшихъ естественныхъ условіяхъ“ [1]).

Это рѣшеніе было бы вѣрно въ томъ случаѣ, еслибы и при крестьянскомъ хозяйствѣ цѣна продукта опредѣлялась бы издержками его производства при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ; въ такомъ лишь случаѣ цѣна продукта, производимаго при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, давала бы ренту. Но есть-ли основанія предполагать такой способъ установленія цѣнъ при крестьянскомъ хозяйствѣ, какъ общее правило? Мы видѣли, что эти естественныя различія производительности почвъ могли бы быть нивеллированы даже при англійскихъ условіяхъ посредствомъ пропорціональнаго распредѣленія затратъ капитала. При континентальной системѣ крупнаго производства цѣна продукта вовсе не опредѣляется, какъ мы видѣли, наименѣе благопріятными условіями производства; это можетъ быть скорѣе какъ исключеніе.

Въ организаніи крестьянскаго хозяйства также нѣтъ ничего, что съ необходимостью обусловливало бы опредѣленіе цѣны продукта издержками производства при наименѣе благопріятныхъ условіяхъ, какъ это съ необходимостью обусловлено англійской системой. Напротивъ, конкурренція производителей и стремленіе къ наибольшему использованію земельнаго участка должны и здѣсь исключить возможность образованія цѣнъ по англійскому образцу. Меньшее плодородіе участка (которому равносильна по своему значенію степень удаленности отъ рынка) можетъ быть компенсировано большими размѣрами участка въ однихъ рукахъ, большее плодородіе можетъ сопровождаться большимъ дробленіемъ участка, которое имѣетъ результатомъ большую интенсивность воздѣлыванія земли, большую затрату на единицу площади труда и „капитала“. Словомъ, вліяніе различія естественныхъ условій можетъ быть здѣсь компенсировано различіемъ степени интенсивности обработки разныхъ земельныхъ участковъ. Конечно, такого соотвѣтствія можетъ и не быть, въ такомъ случаѣ обладатели лучшихъ участковъ получатъ, дѣйствительно, родъ ренты; съ другой

[1]) Das Kapital, III², 339.

стороны, полное нивеллированіе различій земельныхъ участковъ можетъ быть не осуществимо по чисто техническимъ причинамъ: участки малаго плодородія не могутъ быть соединены въ столь обширные участки, что они становятся недоступны воздѣлыванію одной рабочей семьи; участки высокаго достоинства, наоборотъ, не могутъ быть въ тѣхъ же видахъ размельчены выше технически позволительнаго уровня. Нивеллированія всѣхъ различій можетъ и не быть, и изложенный выше постулатъ является лишь одной изъ возможностей, наиболѣе вѣроятной для естественнаго хода событій при извѣстныхъ условіяхъ установленія цѣнъ.

Необходимость установленія цѣнъ по *средней* производительности земледѣлія выясняется и изъ того соображенія, что обладатель худшаго участка земли, представляющаго для него не средство извлеченія дохода, а возможность приложенія труда, не нуждается для воздѣлыванія своего участка въ томъ, чтобы цѣна опредѣлялась производительностью именно его участка. Онъ при всякой цѣнѣ станетъ воздѣлывать свою землю и при этомъ, конечно, будетъ страдать оттого, что его трудъ оплачивается по низшей нежели средняя нормѣ. Онъ будетъ стремиться или восполнить недочетъ прикупкой добавочнаго количества земли (если не сторонними заработками) или же, въ концѣ концовъ, будетъ устраненъ. Въ жестокой борьбѣ конкурренціи это обычное средство для возстановленія нарушеннаго равновѣсія.

Въ колебаніяхъ спроса и предложенія возможно, конечно, что цѣна хлѣба станетъ на уровнѣ производительности лучшаго, средняго или худшаго участка. Въ первомъ случаѣ, если это не преходящее колебаніе цѣны, обладатели участковъ средняго и низшаго качества, конечно, будутъ выбиты изъ колеи, прежде чѣмъ часть ихъ приспособится къ новымъ условіямъ и не станетъ подвергать болѣе поверхностной обработкѣ болѣе обширные земельные участки, какъ это разъяснено выше. При томъ условіи, что цѣна опредѣляется участками наименьшей производительности, естественнымъ результатомъ слѣдуетъ предположить, что это побудитъ къ усиленному воздѣлыванію участковъ болѣе высокаго качества,— ибо для крестьянъ интересна не рента, а растущая возможность приложенія труда, — причемъ естественнымъ результатомъ можетъ быть и паденіе цѣнъ.

Различіе качества земельныхъ участковъ, находящихся въ предѣлахъ одного хозяйства, въ связи съ размѣрами такихъ

участковъ и возможности той или иной обработки и образуетъ базисъ для конкурренціи производителей между собою. Тотъ или другой уровень цѣнъ есть естественный симптомъ цвѣтущаго состоянія крестьянскаго хозяйства или его угнетенія. Само собою при этомъ разумѣется, что возможность всѣхъ этихъ различій создаетъ почву для неравенствъ въ крестьянской средѣ, всякаго рода дифференціаціи и т. д. Но эти конкретныя возможности могутъ быть изучены не здѣсь, гдѣ вниманіе наше останавливаютъ только общія (и для всѣхъ равныя) условія образованія цѣнъ. Полагаю, что на основаніи предыдущихъ разсужденій мы можемъ сдѣлать иной выводъ, нежели сдѣланъ Марксомъ: дифференціальной ренты, которая являлась бы функціей извѣстнаго, именно англійскаго способа образованія цѣнъ на земледѣльческіе продукты, здѣсь нѣтъ; существующія различія могутъ выравниваться, а не-выравненныя ведутъ къ различію въ положеніи и судьбахъ лишь отдѣльныхъ хозяйствъ; цѣна хлѣба можетъ случайно находиться на всякомъ уровнѣ, т. е. отвѣчать лучшимъ, среднимъ или худшимъ условіямъ производства; опредѣленный и устойчивый уровень цѣнъ вытекаетъ изъ общаго отношенія спроса къ предложенію, и хозяйства должны такъ или иначе приспособиться къ данному уровню цѣнъ, согласно вышеразъясненнымъ способамъ. То явленіе, которое мы имѣемъ въ результатѣ естественныхъ различій земельныхъ участковъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ, есть, во всякомъ случаѣ, нѣчто sui generis и не должно быть характеризовано понятіемъ дифференціальной ренты, принадлежащимъ совершенно иному экономическому укладу.

Само собою разумѣется, крестьянское хозяйство не знаетъ ничего, подобнаго абсолютной рентѣ,—этой функціи прибыли на капиталъ; она отсутствуетъ тамъ, гдѣ отсутствуетъ и эта прибыль и даже самая категорія капитала [1]).

[1]) Любопытно по этому поводу сужденіе Маркса, который говоритъ: „въ среднемъ слѣдуетъ принять, что здѣсь не существуетъ абсолютной ренты, что, слѣдовательно, самая худшая земля не платитъ ренты; ибо абсолютная рента предполагаетъ или реализованный излишекъ цѣнности продукта надъ его цѣною производства, или монопольную цѣну, превосходящую цѣнность продукта. Но такъ какъ земледѣліе большей частью имѣетъ здѣсь въ виду собственное существованіе производителей, а земля является для большинства населенія необходимымъ полемъ приложенія его труда и капитала, то регулирующая рыночная цѣна продукта достигнетъ цѣнности лишь при исключительныхъ условіяхъ; какъ правило же,

Напрашиваются на сравненіе условія образованія цѣнъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ съ одной стороны и въ англійскомъ или континентальномъ капиталистическомъ съ другой. Рѣчь идетъ не о томъ, чтобы рѣшить, какой хлѣбъ дешевле—крестьянскій или капиталистическій, потому что такое сопоставленіе можно дѣлать лишь „при прочихъ равныхъ условіяхъ“, которыхъ обыкновенно нельзя встрѣтить въ конкретной жизни. Но этотъ вопросъ можетъ быть поставленъ на основаніи произведеннаго до сихъ поръ теоретическаго анализа образованія цѣнъ земледѣльческихъ продуктовъ тамъ и здѣсь.

Слѣдуетъ, конечно, отмѣтить при этомъ, что техническіе пріемы крупнаго и мелкаго хозяйства различаются между собою: въ мелкомъ превалируетъ трудоинтенсивность, въ крупномъ капиталоинтенсивность; крупное хозяйство можетъ быть вооружено лучшими орудіями чѣмъ мелкое. Но возможно и обратное: возможетъ тотъ случай, когда мелкое производство и технически стоитъ выше нежели иное крупное. Эти техническія и экономическія различія соотвѣтствуютъ конкретной экономической обстановкѣ, они не могутъ быть поэтому усчитаны здѣсь и составить элементы проблемы. Наша проблема, поэтому, по прежнему, остается такова: какъ вліяютъ на уровень цѣнъ условія ихъ образованія, свойственныя каждой изъ хозяйственныхъ системъ какъ таковой?

Очевидно безъ многихъ разсужденій, что крестьянское хозяйство дешевле продаетъ свой хлѣбъ нежели всякое другое. Причина этого ясна: здѣсь нѣтъ прибыли на издержки производства, потому что онѣ не составляютъ собою капитала, и здѣсь нѣтъ ренты, дифференціальной и въ особенности абсолютной. Всѣ орудія и матеріалы производства, покупаемыя на рынкѣ, передаютъ свою цѣнность безъ процента; стоимость рабочей силы, хотя бы реальный заработокъ крестьянина вполнѣ соотвѣтство-

эта цѣнность будетъ стоять выше цѣны производства вслѣдствіе перевѣса здѣсь элемента рабочей силы, хотя этотъ перевѣсъ цѣнности надъ цѣной производства будетъ ограниченъ низкимъ органическимъ составомъ и неземледѣльческаго капитала въ странахъ съ господствующимъ парцеллярнымъ хозяйствомъ“ (Das Kapital, III², 339). Это мѣсто, само по себѣ чрезвычайно ясное (очевидно, вслѣдствіе недосказанности) хорошо характеризуетъ указанную манеру Маркса трактовать крестьянское хозяйство понятіями капиталистическаго: крестьянское хозяйство имѣетъ здѣсь и „цѣну производства“ (Productionspreis) и составъ капитала и т. д., не имѣетъ лишь одного, добавимъ мы уже отъ себя: капитала...

валъ реальному заработку рабочаго, также не является въ крестьянскомъ хозяйствѣ затратой капитала, которая должна быть оплачена съ прибылью. Можно сказать, что въ этомъ смыслѣ крестьянство производитъ на болѣе льготныхъ условіяхъ, чѣмъ всякая другая организація сельскаго хозяйства, и поэтому, еслибы оно могло въ техническомъ отношеніи давать то же, что даетъ крупное производство, то крестьянское хозяйство было бы самой выгодной для общества организаціей земледѣлія.

Черта эта отмѣчена и Марксомъ, хотя съ тѣмъ же смѣшеніемъ понятій капиталистическаго и крестьянскаго хозяйства, которое въ данномъ случаѣ ему свойственно. Онъ говоритъ: „для того, чтобы мелкій крестьянинъ (Parcellenbauer) воздѣлывалъ свою землю или могъ купить землю для воздѣлыванія, не требуется какъ при нормальномъ капиталистическомъ способѣ производства, чтобы рыночная цѣна земледѣльческаго продукта достигла такого уровня, при которомъ она могла бы давать среднюю прибыль, и еще менѣе фиксированный въ формѣ ренты излишекъ сверхъ этой средней прибыли. Слѣдовательно, не нужно, чтобы рыночная цѣна поднялась до уровня, равнаго цѣнности или цѣнѣ производства земледѣльческаго продукта. Это составляетъ одну изъ причинъ, почему цѣна хлѣба въ странахъ наибольшаго господства парцеллярной собственности стоитъ ниже нежели въ странахъ капиталистическаго способа производства. Часть прибавочнаго труда крестьянъ, которые работаютъ при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, отдается обществу даромъ и не входитъ въ регулированіе цѣнъ производства или вообще въ образованіе цѣнностей. Эта низкая цѣна является такимъ образомъ результатомъ бѣдности производителей, а вовсе не производительности ихъ труда“ [1]).

Не споря, что въ отдѣльныхъ случаяхъ низкій уровень крестьянскихъ цѣнъ проистекаетъ изъ дѣйствительной бѣдности производителей, мы должны рѣшительно протестовать противъ общаго утвержденія, будто это всегда такъ бываетъ и будто это вытекаетъ изъ самой сущности крестьянскаго хозяйства. Утвержденіе, что „часть прибавочнаго труда крестьянъ отдается въ данномъ случаѣ обществу даромъ“, заключаетъ сопоставленіе съ капиталистической организаціей земледѣльческаго производства, при ко-

[1]) Das Kapital, III², 340).

торой реализуется—прямо или косвенно—и прибавочный трудъ. Это утвержденіе оставляетъ, стало быть, внѣ сомнѣнія, что прибавочная цѣнность производится въ земледѣліи точно такимъ же манеромъ, какъ и въ другихъ отрасляхъ промышленности, и образуетъ источникъ земледѣльческой прибыли, или, точнѣе, входитъ въ общее распредѣленіе общественной прибавочной цѣнности по средней нормѣ прибыли.

Мы имѣли уже случай указать, что земледѣльческій капиталъ не является полноправнымъ членомъ капиталистической семьи, и что онъ не принимаетъ участія въ установленіи средней нормы прибыли, благодаря земельной рентѣ, исключающей конкурренцію. Здѣсь мы думаемъ указать на другую особенность земледѣльческаго производства, вслѣдствіе которой и Марксъ, хотя и не раздѣляющій указанной точки зрѣнія, не могъ не отличить земледѣльческій капиталъ отъ другихъ сферъ приложенія капитала.

Условіемъ существованія прибавочной цѣнности является, какъ это очевидно безъ дальнихъ разсужденій, извѣстная объективная производительность труда, оставляющая нѣкоторый избытокъ сверхъ заработной платы. Развитіе капиталистическаго производства сопровождается повышеніемъ этой производительности, это повышеніе есть законъ развитія капиталистическаго производства, какъ это хорошо выяснено Марксомъ въ ученіи объ относительной нормѣ прибавочной цѣнности. Степень развитія производительности труда, конечно, различна и въ соотвѣтствіи съ этой степенью во всемъ народномъ хозяйствѣ опредѣляется средняя норма прибыли. Нормальнымъ условіемъ капиталистической организаціи производства является хотя медленный ростъ производительности труда, слѣдовательно относительный ростъ количества продукта,

Земледѣліе представляетъ въ этомъ отношеніи, какъ мы видѣли, особыя условія. Абсолютный ростъ количества продукта сопровождается относительнымъ уменьшеніемъ производительности земледѣльческаго труда. Это признаетъ и Марксъ, независимо отъ его отношенія къ закону убывающей производительности почвы. Дѣйствительно, въ его теоріи ренты опредѣляющей цѣну является наименѣе производительная затрата капитала, а ростъ ренты находится въ зависимости отъ того, что эта производительность послѣдовательныхъ затратъ капитала непрерывно убываетъ. Такъ какъ весь излишекъ сверхъ средней прибыли на самую

малопроизводительную затрату капитала отбирается въ видѣ ренты, то, слѣдовательно, земледѣльческій капиталъ самъ по себѣ, и по Марксу, характеризуется убывающей производительностью.

Не трудно видѣть, что эта особенность ставитъ земледѣльческій капиталъ въ особое положеніе. Хотя съ формальной стороны и здѣсь рабочій день распадается на небходимый и прибавочный трудъ, и количество труда растетъ, но соотвѣтственно этому росту вовсе не растетъ количество прибавочнаго продукта. Если бы рѣчь не шла о хлѣбѣ насущномъ, предметѣ первой необходимости, то, конечно, такая отрасль капиталистическаго производства съ убывающимъ плодородіемъ не могла бы существовать. Но разъ она существуетъ, она не можетъ считаться подобной всѣмъ остальнымъ: ея прибавочный трудъ лишь *формально* сходенъ съ прибавочнымъ трудомъ другихъ отраслей производства, матеріально онъ различествуетъ съ ними. Это формальное тожество уполномочиваетъ земледѣльческаго капиталиста изъ непрерывно растущаго общественнаго богатства брать свою тоже непрерывно растущую по натуральной своей формѣ долю, брать все большее количество продуктовъ, а отдавать все меньшее. Формальное сходство внѣшнихъ условій производства не даетъ права отожествлять земледѣльческій и неземледѣльческій капиталъ; для капиталистическаго производства имѣетъ значеніе не только цѣнность или прибавочная цѣнность, но и представляемый этой цѣнностью продуктъ, а равно и прибавочный продуктъ.

Мы приходимъ къ выводу, что въ земледѣліи не только рента но и прибыль представляются вообще явленіемъ въ извѣстномъ смыслѣ паразитарнаго характера, ибо земледѣльческій капиталъ беретъ больше чѣмъ даетъ. Насъ заставляетъ, поэтому, выдѣлить въ особую категорію земледѣльческій капиталъ не только то, что онъ уклоняется благодаря отсутствію свободной конкурренціи отъ участія въ установленіи средней нормы прибыли, но и вообще является блуднымъ сыномъ капиталистической семьи, болѣе расточителемъ, чѣмъ производителемъ.

Такимъ образомъ, формальное приравниванье земледѣльческаго капитала другимъ видамъ капитала вообще создаетъ лишь несообразную претензію его на извѣстную долю въ національномъ богатствѣ. Если крестьянство не получаетъ въ цѣнѣ продукта этой доли, то это не значитъ, чтобы оно, какъ думаетъ Марксъ, дарило обществу часть своего прибавочнаго труда; экономически

это скорѣе значитъ лишь то, что оно отказывается отъ несообразныхъ претензій, что оно не беретъ налога на общественное развитіе, который взимается, какъ разъяснено теперь, не только землевладѣльцемъ, но въ извѣстномъ смыслѣ и капиталистомъ. Авторъ далекъ отъ намѣренія возводить этотъ непреднамѣренный результатъ игры производственныхъ отношеній въ сознательную заслугу крестьянства; но разсматриваемая черта, съ точки зрѣнія интересовъ всего общества, есть достоинство этой формы хозяйства, а не testimonium paupertatis. Связывать ее съ бѣдностью крестьянства нѣтъ, поэтому, ни малѣйшихъ основаній. Совсѣмъ напротивъ, не претендуя на среднюю норму прибыли, въ которой онъ не нуждается, крестьянинъ вовсе не остается (или, по крайней мѣрѣ, при совокупности извѣстныхъ условій, можетъ не оставаться) въ обидѣ: все развитіе производительности неземледѣльческаго труда прямо или косвенно приноситъ ему выгоду, дѣлая его вознагражденіе за трудъ, даже при неизмѣнномъ денежномъ уровнѣ, по натуральному его выраженію выше и разнообразнѣе. Онъ пріобщается къ благамъ культуры тѣмъ въ большей степени, чѣмъ больше онъ самъ этого требуетъ, расширяя кругъ своихъ потребностей.

Добавлю въ заключеніе, чтобы исчерпать вопросъ, что обвиненіе Маркса, повторяемое вообще нерѣдко, только и возможно при условіи смѣшенія понятій и перенесенія понятій капиталистическихъ на отношенія некапиталистическія: вмѣсто того, чтобы подвергнуть спеціальному изслѣдованію, какъ опредѣляются цѣны продуктовъ мелкихъ производителей при мѣновыхъ сношеніяхъ съ капиталистическими производителями и изъ этого анализа вывести ученіе и критику этой формы хозяйства, Марксъ предпочитаетъ проэцировать на крестьянское хозяйство понятія капиталистическаго; въ результатѣ критика сводится къ порицанію крестьянскаго хозяйства за то, что оно не таково какъ капиталистическое, причемъ не обращается вниманія, что земледѣліе вовсе не составляетъ нормальнаго случая капиталистическаго производства.

Предыдущія сопоставленія во всякомъ случаѣ убѣдили насъ еще разъ, что крестьянское хозяйство, разсматриваемое со стороны способа образованія цѣнъ на земледѣльческіе продукты, отвѣчаетъ общественнымъ интересамъ болѣе, чѣмъ всякая другая организація земледѣлія.

Хотя въ крестьянскомъ хозяйствѣ нѣтъ мѣста поземельной рентѣ, тѣмъ не менѣе земля здѣсь имѣетъ *цѣну* и, какъ мы сейчасъ увидимъ, очень высокую. Чѣмъ же опредѣляется эта цѣна земли? Обычный отвѣтъ, что цѣна земли есть капитализированная рента [1]), очевидно, тутъ не годится по тому, что здѣсь нѣтъ мѣста ни капитализаціи, ни рентѣ, понятіемъ хозяйства капиталистическаго. Въ районахъ съ господствомъ крестьянскаго хозяйства, среди которыхъ найдется не мало не знавшихъ никогда капиталистическаго хозяйства, опредѣленіе цѣны земли капитализированной рентой можетъ явиться рѣдкимъ исключеніемъ, но не общимъ правиломъ.

Происхожденіе цѣны крестьянской земли слѣдуетъ поставить въ связь съ ея хозяйственнымъ назначеніемъ, съ той цѣлью, которую преслѣдуетъ при покупкѣ земли крестьянинъ. Если назначеніемъ земли при капиталистическомъ хозяйствѣ является извлеченіе изъ нея опредѣленнаго дохода, а именно земельной ренты, почему и цѣна земли есть капитализированная рента, то въ крестьянскомъ хозяйствѣ земля разсматривается какъ возможность производительнаго приложенія собственнаго труда въ цѣляхъ существованія производителя. Въ ней необходимо отражается поэтому трудность этого существованія и оплачивается въ ней именно эта возможность приложенія труда. Цѣна земли есть выраженіе трудности борьбы за существованіе въ современномъ хозяйствѣ.

Мы должны здѣсь снова обратиться къ тому рычагу, который движетъ рынкомъ, именно къ закону спроса и предложенія. Цѣна земли растетъ потому, что растетъ на нее спросъ, въ которомъ выражается въ данномъ случаѣ интенсивность борьбы за существованіе. Спросъ и предложеніе,—точнѣе измѣненія спроса, потому что предложеніе земли остается болѣе или менѣе неизмѣннымъ,—образуютъ подвижную скалу цѣнъ, способную колебаться вверхъ и внизъ въ зависимости отъ условій спроса. Въ своемъ мѣстѣ мы изучимъ эти условія, а здѣсь ограничимся лишь этимъ общимъ указаніемъ.

---

[1]) Несмотря на то, что Марксъ самъ же указываетъ, почему цѣна крестьянской земли не можетъ опредѣляться капитализированной рентой, онъ, вѣрный своей манерѣ мѣрить крестьянское хозяйство капиталистическимъ аршиномъ, всетаки не одинъ разъ повторяетъ: „der Bodenpreis, der nichts ist als die kapitalisierte Rente“ (Das Kapital III², 339, тоже на 342, также ср, стр. 345).

Можно указать нѣкоторыя границы, въ которыхъ колеблются цѣны. Снизу такой границей является, если можно такъ выразиться, капиталистическая цѣна земли, т. е. капитализированная рента. Если бы цѣна земли могла спуститься ниже этого предѣла, это сдѣлало бы возможнымъ пріобрѣтеніе земли капиталомъ, въ цѣляхъ-ли собственной эксплуатаціи или же сдачи въ капиталистическую или некапиталистическую аренду. Другими словами, это вызвало бы концентрацію земельной собственности. Такіе случаи, когда цѣна крестьянской земли падаетъ ниже капиталистической возможны, — примѣры ихъ мы встрѣтимъ въ исторіи Англіи, а также и другихъ странъ; обычно, это симптомъ полнаго не только крушенія, но и безсилія мелкаго хозяйства, сопровождаемаго одновременнымъ торжествомъ крупнаго (что, конечно, далеко не обусловливаетъ одно другого: теперешняя эпоха аграрнаго кризиса даетъ примѣръ крушенія мелкаго хозяйства, сопровождаемаго крушеніемъ и крупнаго). Но въ общемъ это бываетъ рѣдкимъ исключеніемъ.

Какъ правило же, крестьянская цѣна земли превышаетъ капиталистическую. Вотъ въ чемъ одна изъ важнѣйшихъ причинъ невозможности аггрессивнаго нашествія капитала на крестьянское хозяйство, въ цѣляхъ-ли концентраціи производства или же только землевладѣнія. Капиталъ, затраченный здѣсь на покупку земли, не получилъ бы ни въ какомъ случаѣ средняго процента при капиталистической организаціи производства, потому что ренты не хватало бы, чтобы оплатить этотъ процентъ; единственно возможный способъ эксплуатаціи такой земли заключался бы въ сдачѣ въ аренду крестьянамъ же.

Именно этимъ объясняются многочисленныя явленія земельной спекуляціи, когда земля скупается (особенно въ новыхъ мѣстахъ) или захватывается съ цѣлью перепродажи мелкими участками или же чаще сдачи въ аренду. Эта чисто паразитарная роль спекулятивнаго капитала не имѣетъ ничего общаго съ ролью капитала какъ организатора производства, и мнимая концентрація земли никоимъ образомъ не показуетъ здѣсь концентраціи производства.

Сказанное дѣлаетъ понятнымъ, почему капиталъ, имѣющійся въ такомъ избыткѣ въ Европѣ, рыщущій по всему свѣту за выгоднымъ приложеніемъ, предпочитаетъ строить желѣзную дорогу въ Китаѣ или фабрики въ Россіи, чѣмъ искать приложенія у себя подъ рукою въ землѣ, „капитализируя“, какъ у насъ го-

ворятъ, земледѣліе въ Бельгіи, во Франціи и т. д. Конечно, это явленіе имѣетъ много причинъ, но не маловажное значеніе имѣетъ здѣсь и цѣна крестьянской земли, которая создаетъ барьеръ, ограждающій ее отъ вторженія капитала. Къ тому же цѣна земли представляетъ подвижную скалу и обладаетъ поэтому большой эластичностью.

Высокая цѣна земли является не только оборонительнымъ средствомъ крестьянскаго хозяйства противъ завоеваній крупнаго, но можетъ быть и наступательнымъ средствомъ, средствомъ расширенія его территоріи. При извѣстныхъ условіяхъ (которыя здѣсь еще не мѣсто изучать) крестьянское хозяйство высокой цѣной своей земли раздробляетъ крупное и превращаетъ его въ нѣсколько мелкихъ. Этимъ объясняется тотъ общеизвѣстный фактъ, что крупныя имѣнія враздробь продаются обыкновенно дороже чѣмъ цѣликомъ [1]). Они попадаютъ при этомъ, такъ сказать, въ иную экономическую плоскость, съ совершенно инымъ масштабомъ измѣренія. Мы будемъ встрѣчать еще много примѣровъ такого завоеванія крупнаго хозяйства мелкимъ, здѣсь же можно ограничиться лишь установленіемъ общаго принципа.

Не такъ легко указать высшую границу колебаній цѣны крестьянской земли. Подъ вліяніемъ болѣзненнаго состоянія всего крестьянскаго хозяйства или какихъ-либо спеціальныхъ условій (особеннаго значенія того или другого участка для крестьянскаго хозяйства, напр. луга или выгона) цѣны эти способны безгранично повышаться, внѣ всякаго соотвѣтствія среднимъ условіямъ производства. Условія, вызывающія такой „голодъ на землю“ и голодныя цѣны, будутъ изучены нами ниже.

Въ общемъ цѣны на крестьянскую землю имѣютъ тенденцію повышаться, такъ же какъ и цѣны на капиталистически воздѣлываемую землю. На уровень цѣнъ и крестьянской земли не остается, конечно, безъ вліянія уровень цѣнъ капиталистическихъ,

[1]) Марксъ также замѣчаетъ: „здѣсь, гдѣ собственность на землю образуетъ жизненное условіе для большой части производителей, и необходимое поле приложенія для ихъ капитала (?), цѣна на землю повышается независимо отъ уровня процента и часто въ обратномъ отношеніи съ нимъ, благодаря перевѣсу спроса на земельную собственность надъ предложеніемъ. Земля, продаваемая парцеллами, получаетъ здѣсь гораздо высшую цѣну нежели при продажѣ большими массами, потому что число мелкихъ покупщиковъ здѣсь велико, а крупныхъ ограниченно“ (Das Kapital III², 345). Очевидна вся недостаточность этого объясненія.

естественно образующій низшую границу крестьянскихъ цѣнъ. Но есть, кромѣ того, и спеціальныя основанія для повышенія цѣнъ на крестьянскую землю, основанія, вытекающія изъ самой природы крестьянскаго хозяйства. Дѣло въ томъ, что съ развитіемъ народнаго хозяйства вообще и съ ростомъ рынка на земледѣльческіе продукты (и, слѣдовательно, съ ростомъ неземледѣльческаго населенія) повышающійся спросъ на продукты сельскаго хозяйства обусловливаетъ болѣе интенсивное воздѣлываніе земли, слѣдовательно большую затрату труда (и „капитала“) на одну и ту же земельную площадь. Но это значитъ другими словами, что большее количество труда можетъ прилагаться къ одному и тому же участку, съ него можетъ получаться и большее количество дохода. А это и значитъ, что потребности земледѣльческаго производителя (и, конечно, его семьи) могутъ удовлетворяться съ меньшаго участка земли, который и получаетъ теперь, по крайней мѣрѣ, такую же цѣну, какъ прежде большій. Но съ ростомъ производительности той части крестьянскаго труда, продуктъ которой предназначается къ обмѣну, растетъ производительность крестьянскаго труда вообще, т. е. и въ натуральной части крестьянскаго хозяйства (объ этомъ у насъ рѣчь будетъ ниже). Потому одновременно растетъ и значеніе земли какъ источника прокормленія для крестьянской семьи, удовлетворенія ея потребностей чисто натуральнохозяйственнымъ путемъ. Этимъ также обусловливается поднятіе цѣнъ на землю Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть и общее обостреніе борьбы за существованіе, растущую трудность отстоять право на жизнь, являющуюся естественнымъ результатомъ развитія цивилизаціи, роста потребностей и роста населенія. Но это общее вліяніе есть во всякомъ случаѣ questio facti, которая для каждаго случая рѣшается различно.

Указанныя начала позволяютъ опредѣлить не только уровень цѣнъ на крестьянскую землю вообще, но и *различія* цѣнъ на разные земельные участки. Оставляя въ сторонѣ разсмотрѣніе случаевъ, когда это различіе обусловлено разницей общихъ народнохозяйственныхъ условій, въ предѣлахъ однородной народнохозяйственной среды это различіе объясняется неодинаковой способностью разныхъ земельныхъ участковъ служить той цѣли, ради которой вообще пріобрѣтается земля въ крестьянскомъ хозяйствѣ, именно цѣли удовлетворенія потребностей. Эта разница, очевидно, обусловливается большимъ плодородіемъ или, что эко-

номически равнозначуще, близостью къ рынку. Меньшій участокъ болѣе плодородной или близкой къ рынку земли, способный впитать въ себя большее количество труда, эквивалентенъ большему участку, но этими качествами не отличающемуся. Mutatis mutandis, здѣсь происходитъ то же самое, что происходитъ при установленіи дифференціальной ренты и, соотвѣтственно, цѣны земли. Само собою понятно, что то различіе, которое дѣлаетъ между разными участками и отмѣчаетъ въ цѣнѣ земли крестьянское хозяйство, не можетъ здѣсь найти точнаго количественнаго выраженія и опредѣляется только эмпирическимъ путемъ; но въ теоретическихъ цѣляхъ совершенно достаточно опредѣлить основной принципъ этихъ различій.

Если при капиталистической рентѣ земля, какъ мы видѣли, представляетъ фальшивую соціальную цѣнность, то цѣна крестьянской земли является положительнымъ зломъ. Она является границей, сдерживающей постоянный напоръ желающихъ купить эту землю, и, при всякой переходѣ владѣнія не-наслѣдственнымъ путемъ, она выплачивается новымъ владѣльцемъ и, такимъ образомъ, отъ земли отвлекается капиталъ, который могъ бы увеличить ея производительнось. Обычно преувеличиваютъ относительное количество такихъ возмездныхъ переходовъ земли изъ рукъ въ руки, забывая, что въ огромномъ своемъ большинствѣ крестьянство владѣетъ землею наслѣдственно. Но это не даетъ намъ права закрывать глаза на это зло. Зло это парализуется, при здоровомъ состояніи крестьянскаго хозяйства, до извѣстной степени развитіемъ поземельнаго кредита, который уменьшаетъ количество капитала, нужнаго для пріобрѣтенія земли и замѣняетъ его ежегодными платежами процентовъ и погашенія. Конечно, мѣра эта еще болѣе полезна въ томъ случаѣ, если кредитъ открывается данной общиной или государствомъ, такъ что прибыль, являющаяся результатомъ мобилизаціи крестьянской земли, составляетъ не индивидуальное, а общее достояніе. При этомъ условіи крестьянское хозяйство должно вполнѣ удовлетворить націонализаторовъ земли quand même: земля здѣсь принадлежитъ производителямъ, мобилизація земли, ея стоимость и доходъ отъ нея въ рукахъ государства; лэндлорда нѣтъ, и въ цѣнѣ хлѣба нѣтъ прибавки, составляющей его ренту.

Составляетъ ли цѣна земли преодолимое или непреодолимое препятствіе для процвѣтанія крестьянскаго хозяйства, есть воп-

росъ, на который даются разные отвѣты. Авторъ считаетъ крайне преувеличенной оцѣнку вліянія цѣны земли на сельское хозяйство, которую мы встрѣчаемъ у нѣкоторыхъ крестьянофобствующихъ авторовъ. Нѣтъ ничего легче апріорной абстрактной критики, которая, доказавъ вредное вліяніе одной какой-либо особенности данной организаціи (часто съ легкой руки Маркса у насъ это называется „противорѣчивостью“, причемъ забывается, что въ этомъ смыслѣ противорѣчива вся природа, но что эта противорѣчивость не имѣетъ и отдаленнаго сходства съ противорѣчивостью логической) объявляетъ торжествующе непригодность этой общественной формы (такіе примѣры въ изобиліи имѣются въ книгѣ Каутскаго). Нѣтъ ничего легче такой критики, но и ничего безполезнѣй. Указать in abstracto значеніе каждой черты данной организаціи есть обязанность всякаго теоретика, но общее сужденіе можетъ быть высказано только по соображеніи всѣхъ другихъ сторонъ и условій. Мы думаемъ, что крестьянская цѣна на землю есть зло, но не столь глубокое и не столь общее, чтобы оно, при наличности другихъ условій, не могло быть парализовано вполнѣ или отчасти.

Но есть еще сторона дѣла, заслуживающая замѣчанія. Крестьянская цѣна на землю есть faux frais производства не только въ томъ смыслѣ, что она отвлекаетъ отъ земледѣлія капиталъ, но и въ томъ, что капиталъ этотъ затрачивается также какъ и сельскохозяйственный „капиталъ“ крестьянина даромъ, безъ процента, между тѣмъ какъ самъ крестьянинъ долженъ, въ случаѣ если этотъ капиталъ занятъ, платить за него процентъ.

Мы видѣли, что при образованіи цѣнъ на крестьянскіе продукты нѣтъ мѣста поземельной рентѣ, она не входитъ въ цѣну продукта. Крестьянинъ не получитъ поэтому въ видѣ ренты прибыль на капиталъ, затраченный на покупку земли и при капиталистическомъ хозяйствѣ равный капитализированной рентѣ, какъ получаетъ этотъ процентъ въ видѣ ренты капиталистическій производитель. Мы видѣли къ тому же, что цѣна крестьянской земли выше, чѣмъ ее опредѣляетъ капитализація ренты; чтобы получить процентъ на земельный капиталъ, крестьянинъ долженъ бы получать ренту, высшую даже чѣмъ капиталистъ, — предположеніе, явно несообразное и, кромѣ того, противорѣчащее общему факту сравнительно низшей цѣны на хлѣбъ въ крестьян-

скомъ хозяйствѣ. Такимъ образомъ, крестьянинъ отказывается отъ процента на капиталъ, затрачиваемый на землю; если же этотъ капиталъ заемный, ему приходится нести на своихъ собственныхъ плечахъ всю тяжесть платежей по займу. До тѣхъ поръ, пока онъ не выплатитъ долга, онъ долженъ или напрягать свои рабочія силы, чтобы производить излишекъ сверхъ своихъ потребностей, или же урѣзать эти потребности. Въ томъ и другомъ случаѣ его временное положеніе въ качествѣ должника представляетъ большое сходство съ постояннымъ положеніемъ мелкаго, некапитастическаго арендатора.

Приглядимся поближе къ этой невзрачной фигурѣ. Ясно, что по своему общему экономическому положенію арендаторъ этотъ— парія въ крестьянской семьѣ, ибо надъ нимъ тяготитъ постоянное бремя аренды, соединенное съ постоянной зависимостью отъ землевладѣльца, которая иногда можетъ принимать формы, напоминающія крѣпостное право. Во всякомъ случаѣ, это аномалія сравнительно съ среднимъ положеніемъ крестьянскаго хозяйства [1]). Чѣмъ опредѣляется здѣсь „рента“, названіе мало подходящее для той обычно непомѣрной аренды, которую платитъ мелкій арендаторъ? Очевидно, не тѣми соображеніями, что при крупномъ капиталистическомъ хозяйствѣ, а спросомъ и предложеніемъ въ голой формѣ. Отвратительныя формы дѣйствія этого закона мы будемъ изучать въ Ирландіи; болѣе мягкія формы носитъ мелкая аренда на континентѣ. Она не несовмѣстима даже съ относительнымъ благосостояніемъ мелкаго арендатора, какъ показываетъ это примѣръ Голландіи и Бельгіи. Но во всякомъ случаѣ это тягость, которая, въ отличіе отъ всѣхъ другихъ тягостей, ничѣмъ не окупается. Она заслуживаетъ поэтому безоговорочнаго осужде-

[1]) Даже и Марксъ находитъ, что „свободная собственность ведущихъ самостоятельное хозяйство крестьянъ есть очевидно наиболѣе нормальная форма земельной собственности для мелкаго хозяйства, т. е. для такого способа производства, при которомъ владѣніе землей составляетъ условіе для собственности рабочаго на продуктъ его собственнаго труда, и при которомъ земледѣлецъ—будетъ-ли онъ свободный собственникъ или крѣпостной—производитъ съ своимъ семействомъ средства существованія для себя, самостоятельно, какъ отдѣльный рабочій. Собственность на землю настолько же необходима для всесторонняго развитія этого способа производства, насколько собственность на инструментъ необходима для свободнаго развитія ремесленнаго хозяйства. Она образуетъ здѣсь базисъ для развитія личной самостоятельности. (Das Kapital, III², 341).

нія. Всѣ мѣры, клонящіяся къ уничтоженію этого общественнаго паразита путемъ обращенія земель въ крестьянскую собственность, тамъ, гдѣ и безъ того господствуетъ крестьянское хозяйство, должны быть признаны общественно прогрессивными. Взвѣшенныя на вѣсахъ экономической теоріи, всѣ формы сельскаго хозяйства имѣютъ тѣ или иныя преимущества, представляющія ихъ raison d'être, кромѣ этой, никакихъ преимуществъ не имѣющей.

Арендная плата крестьянина, очевидно, „категорически“ тожественна съ цѣной крестьянской земли. Она также выше капиталистической ренты, какъ цѣна крестьянской земли выше цѣны капиталистической. Какъ и тамъ, возможны положенія, когда крестьянская аренда ниже капиталистической ренты. Но общее правило составляютъ обратные случаи. Крестьянская аренда, также какъ и крестьянская цѣна за землю, составляетъ и оборонительное и наступательное средство для мелкаго хозяйства въ борьбѣ съ крупнымъ. Эта высота крестьянскихъ арендъ есть одно изъ главныхъ условій, почему напр., въ капиталистической Бельгіи капиталъ не затрачивается на крупныя фермы англійскаго типа, а господствуютъ мелкія аренды. Сдача земли въ аренду мелкимъ арендаторамъ является обычной формой ликвидаціи крупнаго хозяйства, если она по тѣмъ или по другимъ мотивамъ вмѣстѣ не сопровождается упраздненіемъ и крупнаго землевладѣнія.

Нечего тратить словъ для доказательствъ, что оборона и завоеваніе территоріи для крестьянскихъ хозяйствъ обходится несравненно дороже въ формѣ аренды, чѣмъ въ формѣ цѣны земли. Измѣненія аренды въ общемъ соотвѣтствуютъ измѣненіямъ въ цѣнѣ земли, а также и различія въ арендной платѣ опредѣляются тѣми же условіями, что и при крестьянской цѣнѣ земли. Основной принципъ опредѣленія цѣнъ на крестьянскую землю,—трудность существованія, спросъ на землю какъ на возможность производительнаго приложенія своего труда, при арендѣ способенъ къ болѣе эластичному примѣненію: сравнительно съ покупкой земли аренда представляетъ гораздо болѣе оттѣнковъ, благодаря тому, что она возможна не только для разныхъ участковъ, но и на разные сроки. Различіе сроковъ создаетъ лишнюю возможность эксплуатаціи мелкаго арендатора лэндлордомъ. Извѣстно, что краткосрочныя аренды обыкновенно выше долгосрочныхъ, также какъ аренда болѣе обширныхъ участковъ ниже нежели

менѣе обширныхъ. Это лишь частные случаи приложенія основнаго принципа опредѣленія высоты крестьянскихъ арендъ.

Аренда представляетъ собой много разновидностей, причемъ нѣкоторыя являются переходными образованіями между предшествующей эпохой натуральнаго хозяйства и крѣпостнаго права и отношеніями мѣноваго хозяйства. Таково, напр., широкораспространенное до сихъ поръ не только въ Россіи, но напр. и во Франціи половничество, отличительная черта котораго заключается въ опредѣленіи арендной платы какъ извѣстной доли продукта. Паразитарный характеръ аренды выступаетъ здѣсь воочію. Изученіе различныхъ формъ арендъ насъ здѣсь не интересуетъ.

Мы могли бы на этомъ и закончить изученіе различныхъ формъ сельскаго хозяйства и различныхъ условій образованія цѣнъ на земледѣльческіе продукты. Остается упомянуть о промежуточныхъ формахъ, межеумкахъ, не имѣющихъ собственной физіономіи и тяготѣющихъ преимущественно въ ту или другую сторону. Такою формой является крупнокрестьянское хозяйство, которое больше чѣмъ просто крестьянское и характеризуется болѣе или менѣе обширнымъ примѣненіемъ наемнаго труда, но въ то же время меньше среднихъ размѣровъ крупнаго хозяйства, отъ котораго оно отличается и тѣмъ, что нерѣдко участіе въ производствѣ принимаетъ какъ самъ хозяинъ, такъ и его семья. Очевидно, эта форма тяготѣетъ въ ту или другую сторону, къ той или другой хозяйственной организаціи, не будучи ни одной изъ нихъ вполнѣ. Для крупнокрестьянскаго хозяйства существуетъ уже—въ зачаточномъ, по крайней мѣрѣ, видѣ—и рента и норма прибыли; но въ то же время его доходъ является не только доходомъ въ собственномъ смыслѣ, но и включаетъ въ себя вознагражденіе за собственный трудъ хозяина. Хотя эти группы представляются иногда довольно обширными, но теоретически они самостоятельнаго интереса не представляютъ. Не ими характеризуется экономическій укладъ земледѣлія.

Точно также не представляетъ собою самостоятельнаго хозяйственнаго типа тотъ весьма распространенный въ европейскихъ промышленныхъ странахъ подвидъ мелкаго хозяйства, когда земледѣліе соединяется съ какимъ-либо промышленнымъ занятіемъ. Это встрѣчается въ двухъ основныхъ формахъ: во-первыхъ, въ формѣ домашней промышленности (Hausindustrie), во-вторыхъ, въ формѣ парцеллярнаго владѣнія промышленныхъ рабочихъ,

главнымъ образомъ вблизи промышленныхъ центровъ. Земля достигаетъ въ послѣднемъ случаѣ наибольшаго „распыленія“, и культура носитъ почти огородный характеръ. Насколько земледѣліе является подсобнымъ или даже случайнымъ занятіемъ, конечно, оно подчиняется существующимъ условіямъ сельскохозяйственнаго производства, иногда даже мѣстнаго рынка. Что касается деревенской домашней промышленности, то въ томъ случаѣ, если она составляетъ общее занятіе сельскаго населенія, это является общимъ и само по себѣ подразумѣвающимся условіемъ опредѣленія цѣнъ на сельскохозяйственные продукты; если же это составляетъ лишь спеціальное занятіе части сельскаго населенія въ отличіе отъ другой части, имѣющей свое исключительное занятіе въ сельскомъ хозяйствѣ, то въ этой первой части, поскольку крестьяне являются домашними промышленниками, не являются земледѣльцами и наоборотъ. Другими словами, они только отчасти существуютъ земледѣліемъ (обычно благодаря малоземелію), но это, очевидно, не вноситъ никакихъ измѣненій въ выше развитые принципы образованія цѣнъ.

Здѣсь можно остановиться. Нашей задачей было не исчерпать все возможное разнообразіе формъ сельскаго хозяйства, что невозможно въ силу безконечнаго разнообразія неистощимаго творчества жизни, но лишь провести грубые штрихи, намѣтить демаркаціонныя линіи, которыя разграничивали бы сходныя явленія, насколько это необходимо въ интересахъ ихъ теоретическаго изученія и пониманія.

Въ заключеніе всего сказаннаго объ условіяхъ образованія цѣнъ на сельскохозяйственные продукты при разныхъ системахъ производства мы должны добавить нѣсколько словъ о земледѣльческихъ рынкахъ или реальныхъ условіяхъ установленія цѣнъ. Дѣло въ томъ, что процессъ этого установленія изучался нами абстрактно, гипотетически: мы старались лишь вѣрно опредѣлить, какой способъ установленія цѣнъ можетъ явиться результатомъ извѣстныхъ основныхъ условій организаціи производства. Вѣрность или невѣрность выводовъ зависитъ отъ правильности или неправильности дедукціи. Индуктивной повѣрки эти выводы, очевидно, не допускаютъ, потому что дѣйствительность представляетъ въ высшей степени сложный конгломератъ, который можно понять или анализировать, только отправляясь отъ нѣкоторыхъ дедуктивно установленныхъ положеній.

Чтобы выяснить феноменъ образованія цѣнъ на продукты земледѣлія, мы исходили, изучая каждый способъ производства, изъ предположенія, что рыночная цѣна вообще опредѣляется именно даннымъ способомъ производства, что онъ диктуетъ цѣны. Это предположеніе не соотвѣтствуетъ дѣйствительности въ двухъ смыслахъ. Во-первыхъ, почти во всякомъ народнохозяйственномъ цѣломъ въ земледѣліи представленъ не одинъ, а нѣсколько типовъ земледѣльческой организаціи. Установленіе реальныхъ цѣнъ совершается такимъ образомъ путемъ компромисса, равнодѣйствующей различныхъ стремленій разныхъ хозяйственныхъ организацій. Во-вторыхъ, цѣны установляются подъ вліяніемъ не только даннаго народнохозяйственнаго цѣлаго, о которомъ идетъ рѣчь, но подъ вліяніемъ нѣсколькихъ народныхъ хозяйствъ, земледѣліе которыхъ оказываетъ давленіе на данный рынокъ, и цѣна хлѣба является уже компромиссомъ различныхъ стремленій не только нѣсколькихъ разныхъ типовъ организаціи сельскаго хозяйства, но и нѣсколькихъ народнохозяйственныхъ организацій.

Въ поясненіе къ первому пункту можно добавить слѣдующее. Если потребность въ хлѣбѣ и другихъ сельскохозяйственныхъ продуктахъ удовлетворяется, положимъ, двумя хозяйственными формами, изъ которыхъ каждая слѣдуетъ при установленіи цѣнъ требованіямъ своей внутренней организаціи, то ея способность перетянуть чашку вѣсовъ въ большей или меньшей степени на свою сторону будетъ опредѣляться тѣмъ вліяніемъ, которое принадлежитъ ему во всей организаціи земледѣлія, тѣмъ количествомъ факторовъ производства, т. е. земли или сельскохозяйственныхъ орудій, удобреній, словомъ „капитала“, которое находится въ его распоряженіи. Каждая изъ земледѣльческихъ системъ будетъ стремиться доводить свое производство—при данномъ реальномъ уровнѣ цѣнъ—лишь до такой степени, насколько это отвѣчаетъ потребностямъ данной формы производства. Если окажется, что уменьшеніе производства со стороны одной формы не уравновѣшивается увеличеніемъ производства со стороны другой формы, которая не въ силахъ при данномъ уровнѣ цѣнъ увеличить своего производства, то уровень цѣнъ повысится и сдѣлаетъ возможнымъ дальнѣйшее расширеніе производства со стороны первой формы. Такими колебаніями установляется извѣстное равновѣсіе, и все количество продукта, нужное для общества, распредѣляется между различными формами производства. Задача сельскаго хозяина

вдвойнѣ усложняется: ему нужно не только найти самую выгодную форму хозяйства, которая всего лучше отвѣчала бы цѣлямъ данной его организаціи, но приходится вмѣстѣ съ другими представителями той же организаціи находить предѣлы, за которые вообще не должно заходить производство всей этой формы. Въ этомъ отношеніи положеніе капиталистическаго сельскаго хозяина хуже положенія фабриканта-мануфактуриста, которому обыкновенно можно не считаться съ конкурренціей мелкихъ производителей благодаря своему техническому превосходству. Въ земледѣліи же возможно такое положеніе вещей, при которомъ низкій уровень крестьянскаго хозяйства, позволяющій ему довольствоваться минимальными цѣнами за свои продукты, при количественномъ господствѣ данной формы хозяйства задерживаетъ развитіе производительности и въ крупномъ хозяйствѣ, какъ это имѣетъ мѣсто въ нѣкоторыхъ районахъ у насъ въ Россіи.

Въ поясненіе ко второму пункту слѣдуетъ добавить, что вліяніе одного народнаго хозяйства на другое въ области земледѣлія оказывается особенно глубокимъ. Можно сказать безо всякаго преувеличенія, что конкурренція разныхъ странъ между собою играетъ въ земледѣліи неизмѣримо большую роль, нежели конкурренція разныхъ формъ производства въ предѣлахъ одного района. Вліяніе различныхъ странъ взаимно: страна, экспортирующая сельскохозяйственные продукты, вліяетъ непосредственно на земледѣліе страны импортирующей, но и сама подпадаетъ вліянію послѣдней, играющей для нея роль рынка и, слѣдовательно, оказывающей огромное вліяніе на установленіе цѣнъ на сельскохозяйственные продукты внутри страны.

Цѣны сельскохозяйственныхъ продуктовъ страны импортирующей опредѣлятся компромиссомъ между собственными условіями производства и условіями производства (и, конечно, транспорта) страны экспортирующей; лишь компромиссомъ изъ этого компромисса опредѣлится количество производства каждой формы организаціи земледѣлія въ данной странѣ. Для страны же экспортирующей станутъ опредѣляющими условія хозяйства далекихъ странъ, куда вывозятся продукты ея земледѣлія. По мѣрѣ того, какъ земледѣльческій рынокъ становится все болѣе обширнымъ, взаимная связанность отдѣльныхъ народныхъ хозяйствъ усиливается, и они—насколько дѣло касается земледѣлія—становятся

лишь разными районами одного сельскохозяйственнаго цѣлаго, становится все менѣе и менѣе возможнымъ понять основныя черты развитія сельскаго хозяйства, останавливая свое вниманіе на изученіи особенностей развитія лишь какой-либо одной страны. Въ особенности это вѣрно относительно спеціально здѣсь насъ интересующаго вопроса о цѣнахъ на сельскохозяйственные продукты. Не будетъ парадоксальнымъ утвержденіе, что движеніе цѣнъ на сельскохозяйственные продукты на Лондонскомъ рынкѣ въ XIX вѣкѣ не можетъ быть понято безъ изученія исторіи сельскаго хозяйства почти всего міра (которая въ свою очередь не можетъ быть понята безъ пониманія особенностей развитія всего народнаго хозяйства). Въ нашу эпоху, когда *народное* хозяйство во многихъ отношеніяхъ стало уже *международнымъ* или міровымъ, это вѣрно относительно изученія исторіи любой отрасли хозяйства, но ни одной изъ нихъ въ такой степени какъ земледѣлія. Но и при всей этой сложности конкретнаго опредѣленія цѣнъ на сельскохозяйственные продукты руководящими принципами при пониманіи ихъ образованія остаются изложенныя нами начала. Пониманіе это возможно, лишь если отправляться отъ простого къ сложному, и въ строеніи клѣтки искать будущій организмъ.

Остается добавить два слова о понятіи *рынка* на сельскохозяйственные продукты. Очевидно, рынкомъ на сельскохозяйственные продукты является прежде всего не земледѣльческое населеніе. Но даже это опредѣленіе не точно, потому что при существованіи спеціализаціи сельскохозяйственнаго производства возможно, что рынокъ для однихъ продуктовъ сельскаго хозяйства составляютъ производители другихъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Въ этомъ элементарномъ смыслѣ сельскохозяйственный рынокъ составляютъ всѣ покупатели продуктовъ земледѣлія, главную лишь массу которыхъ образуетъ неземледѣльческое населеніе.

Въ частности, рынкомъ въ узкомъ смыслѣ является совокупность потребителей продуктовъ *мѣстнаго* земледѣлія. Такимъ мѣстнымъ рынкомъ является, напр., городъ для прилежащихъ деревень. Рынокъ этотъ можетъ быть болѣе или менѣе обширенъ или болѣе или менѣе интенсивенъ: вкругъ него согласно схемѣ Тюнена могутъ идти пояса различнаго радіуса. Изъ мѣстныхъ рынковъ, вліянія которыхъ могутъ переплетаться, скрещиваться, парализоваться, словомъ, вступать во всевозможныя комбинаціи, образуется общій рынокъ. Въ соотвѣтствіи различій

въ степени зависимости отъ мѣстнаго и общаго рынка данный районъ можетъ въ предѣлахъ различныхъ экономическихъ цѣлыхъ играть разную роль: играя роль пояса интенсивнаго воздѣлыванія земли въ одномъ районѣ (одной сферѣ приложенія схемы Тюнена) онъ можетъ играть роль экстенсивнаго земледѣльческаго пояса въ составѣ другого района (или другого земледѣльческаго пояса). Это опредѣленіе какъ и всѣ соотносительныя опредѣленія зависитъ отъ объекта сравненія, большей или меньшей обширности круга сопоставляемыхъ явленій.

На основаніи сказаннаго выясняется и еще одно значеніе, которое можетъ имѣть понятіе рынка. Въ этомъ значеніи рынокъ можно опредѣлить какъ сферу экономической связанности, взаимной зависимости, возможности активнаго и пассивнаго вліянія другъ на друга. Степень связанности отдѣльныхъ экономическихъ единицъ опредѣляетъ разныя формы организаціи хозяйства: мы различаемъ народное хозяйство, міровое хозяйство и т. д. Сфера вліянія можетъ быть значительно шире сферы фактическаго воздѣйствія: какой-либо американскій или остъ-индскій хлѣбъ давитъ на хлѣбный рынокъ столько же путемъ непосредственной конкурренціи, сколько путемъ возможной конкурренціи,—цѣна его становится однимъ изъ условій, опредѣляющихъ общія условія конкурренціи. Какъ уже упомянуто, ни для одной изъ отраслей производства не имѣетъ такого значенія зависимость отъ мірового рынка въ этомъ смыслѣ какъ для земледѣлія, гдѣ невѣжественный русскій мужикъ чувствуетъ, а вмѣстѣ оказываетъ вліяніе на пшеничнаго фабриканта Дакоты или капиталистическаго фермера въ Англіи. Самая консервативная и вмѣстѣ съ тѣмъ самая отсталая отрасль производства есть въ настоящее время и самая интернаціональная. Результатомъ этой интернаціональности являются многія особенности историческихъ судебъ земледѣлія, къ изученію которыхъ мы теперь и переходимъ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Крупное производство въ земледѣліи.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Исторія англійскаго земледѣлія въ XIX вѣкѣ.

1) Происхожденіе англійской системы.

Англія по справедливости считается типичной страной крупнокапиталистической организаціи земледѣлія. Характерными фигурами являются здѣсь землевладѣлецъ съ одной стороны и капиталистическій фермеръ съ наемнымъ сельско-хозяйственнымъ рабочимъ съ другой. Присутствіе этихъ фигуръ характеризуетъ собою организацію англійскаго земледѣлія въ XIX вѣкѣ, и выясненія происхожденія этой организаціи должно сводиться къ выясненію именно ихъ происхожденія. Ихъ присутствіе датируется сравнительно недавно, всего одно столѣтіе съ небольшимъ, и ихъ происхожденіе достаточно разъяснено въ исторической наукѣ, такъ что здѣсь мы можемъ ограничиться лишь краткимъ изложеніемъ результатовъ этого историческаго анализа.

Англійскій лэндлордизмъ, крупное землевладѣніе имѣетъ корни въ глубинѣ соціальной исторіи: на земельные порядки XIX вѣка падаетъ тѣнь Вильгельма Завоевателя, захватившаго и подѣлившаго земли съ своей дружиной. Далѣе слѣдуетъ эпоха крѣпостнаго права, которое рано отмираетъ въ Англіи естественнымъ путемъ: хотя слѣды его встрѣчаются и въ XVII, даже XVIII вѣкѣ (чего естественно ожидать, принимая во вниманіе постепенность его отмиранія), но его паденіе можно пріурочивать къ концу XIV и XV вѣковъ, когда открытіе Америки и хлынувшее оттуда золото революціей цѣнъ разрѣшили узы крѣпостного права. Крупное землевладѣніе уживается съ существованіемъ мелкаго [кре-

стьянства и такъ называемыхъ общинныхъ земель (common-fields или просто commons). Общинныя земли, представлявшія, главнымъ образомъ, пастбища для скота, составляли экономическое условіе существованія многочисленныхъ мелкихъ хозяйствъ.

Вѣянія новаго времени даютъ чувствовать себя въ Англіи уже съ конца XV и начала XVI вѣковъ [1]). Съ этого времени начинается одна изъ самыхъ позорныхъ эпохъ не только англійской, но и вообще міровой исторіи, такъ называемое „огораживаніе", *enclosure* общинныхъ полей. Поднятіе цѣнъ на шерсть сдѣлало выгоднымъ обращеніе общинныхъ полей подъ овечьи пастбища, овцы стали вытѣснять людей, по извѣстному выраженію того времени. Землевладѣльцы начали извлекать изъ общественнаго пользованія участки общинныхъ полей, обнося ихъ рвомъ и огораживая живой изгородью изъ деревьевъ и кустарника (что придаетъ Англіи до сихъ поръ ея обманчиво лѣсистый видъ). Огромныя массы населенія изгонялись, превращались въ нищихъ и бродягъ [2]).

Огораживанія общинныхъ полей и экспропріація сельскаго населенія тянутся черезъ весь XVI и XVII вѣкъ, не вызывая общаго потрясенія и постепенно лишая крестьянина земли, источника его существованія. Процессъ этотъ обостряется въ XVIII вѣкѣ, расчищая тѣмъ самымъ дорогу XIX-му. Чтобы охарактеризовать роль XVIII вѣка въ этомъ процессѣ, приведемъ имѣющіеся (конечно, грубо приблизительные) подсчеты количества общинныхъ полей, огораживаемыхъ въ разныя времена. Было огорожено акровъ въ царствованіе Анны . . 1,439

Георга I	17,960
Георга II	318,778
Георга III:	
а) 1760—1797 . . .	2.980,000
в) 1798—1810 . . .	1.897,980
с) 1810—1820 . . .	1.410,930

[1]) См. *Маркс*. Капиталъ, томъ I, стр. 628. *Ockenkowski*. Englands wirtschaftliche Entwickelung im Ausgange des Mittelalters. Iena. 1879. Стр. 35. Ср. также всю главу *Landwirtschaft*. Также *E. Nasse*. Ueber die mittelalterliche Feldgemeinschaft und die Einhegungen des 16. Jahrhunderts in England. Bonn 1869.

[2]) Ср. у Маркса изложеніе законодательства того времени противъ бродяжничества: ibid 641 и слѣд.

1820—30	340,380
1830—40	236,070
1840—50	369,127
1850—86	около 800,000
За 186 лѣтъ	8.372,662 акровъ [1])

Съ наибольшей интенсивностью процессъ этотъ идетъ въ послѣднюю треть XVIII вѣка.

Характеръ этого процесса какъ насилія и ограбленія трудящихся классовъ не измѣняется отъ рѣшенія того спорнаго вопроса, были-ли юридически правы землевладѣльцы, огораживая въ свое исключительное пользованіе общинныя поля. Нѣкоторые компетентные изслѣдователи [2]) думаютъ, что юридически землевладѣльцы имѣли основанія для этой экспропріаціи, но это было то именно право, о которомъ сказано: summum jus-summa injuria. На помощь экспропріаторамъ землевладѣльцамъ пришелъ парламентъ, состоявшій изъ тѣхъ же землевладѣльцевъ; съ поразительнымъ безстыдствомъ этотъ парламентъ легализировалъ частными законодательными актами новые и новые захваты общинныхъ земель. [3])

---

[1]) Заимствую этотъ подсчетъ изъ работы Prothero, давшаго сжатый, но дѣльный историческій очеркъ англійскаго земледѣлія. *Prothero.* Pioneers and progress of english farming. 1888. London. Appendix V.

[2]) Ср. напр. Prof. *Hasbach.* Die englischen Landarbeiter in den letzten hundert Jahren und die Einhegungen. Leipzig. 1894. Мы часто будемъ ссылаться на эту превосходную монографію, представляющую лучшее и исчерпывающее изслѣдованіе по исторіи сельскохозяйственныхъ рабочихъ въ Англіи.

[3]) Напрашивается любопытное соціологическое сопоставленіе характера раздѣла общинныхъ земель и сопровождающей его экспропріаціи на континентѣ и въ Англіи. Отсутствіе сильной королевской власти и землевладѣльческій составъ парламента обусловили гораздо болѣе разорительный для крестьянъ исходъ экспропріаціи, нежели на континентѣ, гдѣ, согласно изслѣдованіямъ Кнаппа, короли иногда довольно рѣшительно вступались за интересы крестьянъ противъ надменныхъ феодаловъ. Это отмѣчается различными изслѣдователями. Ср. напр. слѣдующее замѣчаніе Маркса относительно огораживанія полей въ XVI вѣкѣ: „крупные феодалы, скорѣе вопреки королевской власти и парламенту, создали несравненно большее число пролетаріевъ насильственнымъ изгнаніемъ крестьянства съ земель и захватомъ ихъ общинныхъ земель“. (Ib. 628—9). Ср., съ другой стороны, слѣдующій отзывъ Тойнби относительно исчезновенія йоменовъ: „одной изъ главныхъ причинъ была наша форма правленія. Постѣ революціи фактически господствовали сельскіе джентри. Не только

Исторія огораживанія такъ единогласно заклеймена исторіей, что можно болѣе на этомъ не останавливаться. Безспорно, что переходъ общинной собственности на землю въ индивидуальную является на извѣстной ступени общественнаго развитія необходимымъ условіемъ хозяйственнаго прогресса [1]), но этотъ переходъ не совершился ни въ одной странѣ съ такимъ циничнымъ торжествомъ классоваго эгоизма какъ въ Англіи.

Одновременно съ обостреніемъ процесса огораживанія общинныхъ полей въ XVIII вѣкѣ обнаружилось стремленіе лэндлордовъ къ консолидаціи фермъ, къ округленію земельныхъ участковъ, „engrossing of farms“. Это стремленіе шло параллельно и независимо отъ огораживанья: оно проистекало изъ общей причины— желанія лэндлордовъ увеличить свою ренту, и имѣло тотъ-же результатъ—уничтоженіе мелкаго производства и расширеніе на его счетъ крупнаго. Наиболѣе пострадали при этомъ естественно самые мелкіе арендаторы, которые были просто на просто изгоняемы и на ихъ мѣсто становились крупные. Эта консолидація сопровождалась и округленіемъ земельныхъ участковъ, вызваннымъ отчасти дѣлежомъ общинныхъ полей, а отчасти стремленіемъ бороться съ чрезполосицей (это находитъ свою аналогію и на континентѣ, именно въ Пруссіи, гдѣ „Zusammenlegung“ играетъ весьма [redacted] дающуюся роль въ процессѣ ликвидаціи старыхъ отношеній). [redacted] конечно, это округленіе, производившееся также при помощи парла-

общая, но даже мѣстная администрація были въ ихъ рукахъ, и естественнымъ послѣдствіемъ этого было то, что земля, основа политической власти, явилась предметомъ общихъ вожделѣній. Мы можемъ противопоставить Францію или Германію, какъ страны, гдѣ земельные собственники какъ таковые не имѣютъ политической власти, вслѣдствіе чего мелкая собственность не подвергается нападеніямъ“. (*Toynbee.* Lectures on industrial revolution in England, 62. Ср. также разсужденія на стр. 64 о формѣ раздѣла общинныхъ полей).

[1]) Въ этомъ смыслѣ, конечно, совершенно справедливо замѣчаетъ *Prothero* (l. c., 21), что „выходъ англійскаго лэндлорда изъ аграрнаго сообщества (copartnership) въ точности соотвѣтствуетъ процессу, который имѣлъ мѣсто въ настоящемъ столѣтіи на континентѣ. Это былъ переходъ отъ общинной къ индивидуальной собственности; земля была раздѣлена между владѣльцемъ имѣнія (lord of the manor) и ассоціаціей; права общины, которыя были обоюдны, были уничтожены. Въ результатѣ, мэноріальныя помѣстья были консолидированы, частью устраненіемъ деревенскихъ фермъ, частью огораживаніемъ пустошей, и многія изъ этихъ аграрныхъ ассоціацій были разрушены“.

ментскихъ актовъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда оно обусловливало обмѣнъ участковъ съ мелкимъ собственникомъ, вело далеко не къ выгодамъ этого послѣдняго. Экспропріаторы простирали свою руку этимъ путемъ туда, куда отказывалось вести jus strictum.

Въ результатѣ совокупнаго дѣйствія всѣхъ этихъ процессовъ соціальная физіономія страны втеченіе XVIII вѣка радикально измѣнилась. Вотъ какими чертами характеризуетъ деревенское общество Англіи первой трети XVIII вѣка проф. Гасбахъ.

„Характерна для стараго деревенскаго общества соціальная и экономическая постепенность. Крупный землевладѣлецъ связанъ чрезъ посредство мелкихъ джентри съ состоятельными фригольдерами, а эти образуютъ переходъ къ крупнымъ наслѣдственнымъ арендаторамъ или просто арендаторамъ. Къ нимъ примыкаютъ мелкіе хозяева, являются-ли они фригольдерами, наслѣдственными или временными арендаторами; рабочаго класса, который существуетъ исключительно на заработную плату, именно на денежную плату, и который оставитъ свое потомство въ томъ же самомъ имущественномъ и соціальномъ положеніи, въ которомъ находится самъ, тогда еще не образовалось, потому что поденщики имѣютъ скотъ, землю и лугъ, или же только лугъ, дворовые начѣются достигнуть скромнаго, но самостоятельнаго положенія. Мелкій хозяинъ не лишенъ еще надежды на улучшеніе своего положенія. Если онъ въ качествѣ коттера или рабочаго скопилъ что-нибудь, онъ можетъ заарендовать небольшой участокъ, затѣмъ перейти къ большему и, можетъ быть, добиться въ награду за трудолюбіе и бережливость положенія мелкаго собственника“ [1]).

Тотъ же авторъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ новый порядокъ вещей: „во второй половинѣ XVIII вѣка создается новый составъ общества. Крупные землевладѣльцы составляютъ болѣе незначительную часть деревенскаго общества. Даже если они имѣютъ наклонность постоянно жить въ деревнѣ, очень многія деревни должны обходиться безъ землевладѣльца, ибо благодаря семейнымъ фидеикоммиссамъ въ однѣхъ рукахъ скопляется все большее количество имѣній. Затѣмъ исчезаютъ мелкіе сквайры, постепенно за ними слѣдуютъ йомены, къ нимъ присоединяются тысячи временныхъ арендаторовъ, наконецъ изчезаютъ многіе коттеры и сельскіе ремесленники, потерявшіе благодаря огораживa-

[1]) Hasbach, l. c., 102.

ніямъ своихъ заказчиковъ. Отъ этого зла страдали и мелкіе города, игравшіе роль рынковъ. На мѣсто ихъ стали крупные арендаторы нерѣдко городскаго происхожденія, съ городскими нравами и городской склонностью къ торговлѣ ради прибыли, безъ сантиментальныхъ традицій и сыздавна установившихся отношеній къ пролетаризированнымъ массамъ, которымъ они давали заработокъ. . . . Тамъ, гдѣ этотъ процессъ развитія достигъ своего конечнаго пункта, исчезло прежнее строеніе деревенскаго общества, свободное отъ рѣзкихъ переходовъ, равенство или однородность соціальнаго положенія уступила мѣсто противоположности крѣпкихъ капиталомъ предпринимателей и не имѣющихъ капитала рабочихъ, переходъ въ высшее общественное положеніе затрудненъ, дворовая прислуга по оставленіи своего мѣста не имѣетъ никакихъ надеждъ кромѣ невѣрнаго куска хлѣба ничего не имущаго поденщика“ [1]).

Не нужно много словъ для выясненія такого результата совокупнаго дѣйствія огораживанія, округленія и консолидаціи земельныхъ участковъ. Очевидно ихъ значеніе для непосредственно пострадавшихъ лицъ, — мелкихъ фермеровъ, коттеровъ и под., которые безъ дальнихъ разговоровъ по истеченіи срока аренднаго контракта изгонялись съ своихъ мѣстъ. Огораживаніемъ общинныхъ полей было въ корнѣ подорвано существованіе тѣхъ мелкихъ собственниковъ, все хозяйство которыхъ было возможно лишь при условіи общиннаго выгона. Поэтому въ то время погибли не только тысячи арендаторовъ, но и великое множество йоменовъ,— земельныхъ собственниковъ большею частью крестьянскаго типа. Быстрота исчезновенія йоменовъ подала поводъ нѣкоторымъ писателямъ того времени утверждать, что они окончательно погибли въ эту эпоху, и это утвержденіе обмануло даже проницательность Маркса, также высказывающаго мнѣніе, что „около 1750 года yeomanry исчезло“ [2]). Моментомъ, осложняющимъ дѣйствіе огораживанія и т. д. и разрушительно дѣйствовавшимъ на мелкое крестьянское хозяйство, было уничтоженіе

[1]) ib. 113.

[2]) Капиталъ, I, 632. Ошибочность этого мнѣнія отмѣчена была уже Нассе и Гасбахомъ. Мы встрѣтимся еще не разъ съ йоменами въ XIX вѣкѣ; наиболѣе тяжелые удары нанесъ имъ теперешній аграрный кризисъ. Вполнѣ исчезнувшими однако ихъ нельзя считать даже въ настоящее время.

домашнихъ промысловъ подъ вліяніемъ развивающагося денежнаго хозяйства [1]). Этой стороной процессъ сближается съ процессомъ разоренія крестьянства на континентѣ подъ вліяніемъ проникновенія денежнаго хозяйства въ деревню. Мелкіе сквайры гибли, наконецъ, подъ вліяніемъ роста денежныхъ расходовъ и несоотвѣтствіемъ расходамъ ихъ денежныхъ полученій.

Общимъ результатомъ этого процесса было болѣе или менѣе значительное уничтоженіе мелкихъ и среднихъ хозяйствъ, образованіе крупныхъ капиталистическихъ фермъ съ одной стороны и безземельнаго класса сельскохозяйственныхъ рабочихъ съ другой. Основаніе крупнаго хозяйства и пролетаризація крестьянства въ Англіи были прежде всего и въ наибольшей степени результатомъ насильственной экспропріаціи, а не какого-либо техническаго превосходства крупнаго производства надъ мелкимъ, какъ наивно думаютъ многіе. Крупное производство является здѣсь поэтому *не результатомъ* побѣды, одержанной въ силу

[1]) Вотъ какъ характеризуетъ натуральное хозяйство Prothero: „прежде мелкій фермеръ не имѣлъ нужды въ деньгахъ; домашнее производство удовлетворяло его домашнія нужды; обмѣнъ или взаимная ссуда восполняли возможные недостатки Богатство существовало лишь въ самыхъ простѣйшихъ формахъ· естественнаго дѣленія занятій еще не существовало, потому что были употребляемы лишь самыя грубыя орудія производства Быстрое развитіе мануфактуры вызвало ея полное отдѣленіе отъ земледѣлія; приложеніе машинъ къ области ручного труда довершило революцію въ соціальной организаціи; раздѣленіе труда стало экономической необходимостью. Фермеръ и ремесленникъ стали зависѣть другъ отъ друга; натуральнаго обмѣна было уже недостаточно, необходимы были деньги. До сихъ поръ грубыя орудія, которыя требовались для воздѣлыванія почвы, или домашняя утварь, необходимая для потребностей повседневной жизни, дѣлались дома. Фермеръ, его дѣти и слуги въ долгіе зимніе вечера долбили деревянныя лодки, блюда и буковые шары; плели ивовыя корзины; прилаживали къ орудіямъ ручки; готовили ивовые зубцы для бороны и вилъ и обжигали ихъ въ огнѣ; приготовляли упряжь для быковъ и вилы. Странствующіе плотники посѣщали фермы чрезъ рѣдкіе промежутки для выполненія тѣхъ работъ, которыя требовали ихъ специальнаго искусства Женщины плели солому для хомута, сшивали и набивали мѣшки для повозокъ, готовили соломенныя или пеньковыя стремена и поводья, изготовляли почники. Ткацкое веретено, прялка и иголка никогда не были праздны; грубо изготовленное дома платье и бѣлье удовлетворяло всѣ потребности въ одеждѣ; въ каждомъ домѣ былъ свой котелъ для варки пива. Всѣ домашнія производства, которыми земледѣльцы увеличивали свои доходы или избѣгали необходимости покупать ихъ продукты, въ настоящее время совершаются мануфактуристами“ (Prothero, l. c. 68).

какихъ бы то ни было его преимуществъ, но *отправнымъ пунктомъ* капиталистическаго развитія, формой ликвидаціи феодальнаго строя [1]). Въ этомъ заключается коренное отличіе первоначальнаго, по крайней мѣрѣ, возникновенія крупнаго производства въ земледѣліи и въ промышленности, въ которой крупное производство является въ извѣстномъ смыслѣ вѣнцомъ развитія: первое есть наслѣдіе прошлаго, второе—предвареніе будущаго.

Естественно, такіе процессы какъ описанный нами процессъ пролетаризаціи крестьянства и образованіе капиталистическаго земледѣлія даже въ томъ случаѣ, если они ускоряются насиліемъ, тянутся долгое время и не могутъ быть всецѣло пріурочены къ опредѣленной эпохѣ, хотя бы и характеризующейся наиболѣе интенсивнымъ ходомъ процесса. Какъ справедливо замѣчаетъ Гасбахъ, „экономическій и соціальный переворотъ закончился не во всѣхъ частяхъ Англіи въ одинакое время. Процессъ огораживанія и переходъ къ крупному хозяйству продолжались еще и въ XIX вѣкѣ, хотя уже съ постепенно ослабѣвающей силой. Даже до сихъ поръ существуютъ общины, въ которыхъ не было ни округленія участковъ, ни раздѣла. А потому и сельскіе классы подпали не одновременно обнищанію, изъ года въ годъ ему подпадали все новыя и новыя части. Потому за послѣдніе сто лѣтъ не существуетъ вполнѣ опредѣленнаго класса сельскохозяйственныхъ рабочихъ, который прошелъ бы приблизительно однородное развитіе [2])."

Вотъ для примѣра нѣсколько цифръ. Уже въ 1794 году было вычислено, что изъ 8,500 приходовъ въ 4,500 существуютъ общинныя поля. Изъ 84,000 акровъ пахатной земли въ Бедфордшайрѣ 24,000 акровъ было неогорожено; изъ 14,700 акровъ въ Кэмбриджшайрѣ 13,200 воздѣлывалось какъ общинныя земли; такимъ же образомъ воздѣлывались 220,000 акровъ

[1]) Марксъ справедливо говоритъ: „только отнятіе земли въ такихъ широкихъ размѣрахъ какъ въ Англіи могло создать поприще для крупнаго сельскаго хозяйства. Въ началѣ это преобразованіе сельскаго хозяйства имѣло скорѣе видъ политической, а не экономической революціи" (Капиталъ, I, 376—7). Это сужденіе не стоитъ въ связи съ общими воззрѣніями Маркса на эволюцію сельскаго хозяйства; далѣе онъ совершенно забываетъ о немъ и трактуетъ англійскія формы просто какъ результатъ наибольшей степени развитія капиталистическаго производства въ земледѣліи, типичнаго и для другихъ странъ.

[2]) Hasbach, l. c. 114.

изъ 138,000 акровъ пахатной земли въ Беркшайрѣ; въ Букшайрѣ было неогорожено 90,000, въ Линкольншайрѣ 268,000, въ Гендингтонѣ 30,000 акровъ [1]). Все это говоритъ о томъ, что процессъ концентраціи земли далеко нельзя считать законченнымъ въ XVIII вѣкѣ; мы увидимъ еще явственные его слѣды въ концентраціи фермъ, наблюдаемой въ срединѣ XIX вѣка. Легко смѣшать или не различить окончаніе стараго процесса и начало новаго; потому отправляясь далѣе, нужно заручиться возможно точнымъ діагнозомъ того состоянія, отъ котораго мы отправляемся.

Каковы же были чисто экономическіе результаты разсматриваемаго переворота? Какъ отразился онъ на производительности земледѣлія? Большинство авторовъ, занимавшихся этимъ вопросомъ, независимо отъ ихъ симпатій или антипатій, свидѣтельствуютъ о чрезвычайно отсталомъ и примитивномъ состояніи земледѣлія этого времени. По словамъ Протеро, „до 1780 года лишь въ восточныхъ графствахъ и Лейстерѣ велось земледѣліе для того времени раціонально: въ этихъ округахъ фермеры были хорошо образованы и обладали достаточнымъ капиталомъ и предпріимчивостью, чтобы расходовать значительныя суммы денегъ на воздѣлываніе земли. Во всѣхъ другихъ графствахъ земледѣліе находилось въ плачевномъ состояніи, страдая отъ обилія пустошей, отсутствія арендъ, невѣжества народа, трудностей сообщенія, упорнаго слѣдованія традиціонной практикѣ“ [2]). По словамъ Арнольда Тойнби, „прогрессъ земледѣлія между 1700 и 1760 годами въ общемъ долженъ быть признанъ довольно медленнымъ. Въ 1770 году Артуръ Юнгъ пишетъ, что за послѣдніе 10 лѣтъ сдѣлано больше опытовъ, больше открытій и

---

[1]) Prothero, l. c. 56—7. Артуръ Юнгъ въ своемъ описаніи путешествія по сѣверу Англіи, появившемся въ 1771 году, говоритъ: „мы находимъ, что большая часть королевства подѣлена на среднія (moderate) фермы; потому что фермы размѣромъ ниже 300 акровъ (включая обширныя пространства пустыхъ и безплодныхъ земель) не могутъ считаться обширными для всякаго графства.. Этотъ фактъ, добавляетъ Юнгъ, который въ общемъ относился сочувственно къ происходившему перевороту, очень рѣзко противорѣчитъ распространенному мнѣнію, будто все королевство монополизировано крупными фермерами“ (*A. Young.* A six months tour through the North of England. London 1771, vol. IV, 198).

[2]) Prothero, l. c., 38.

вообще въ земледѣліи проявлено больше здраваго смысла, чѣмъ за 60 предшествующихъ лѣтъ“ [1]).

Несмотря на это, количество хлѣба, производимаго для рынка, возрасло. Возрастаніе это сопровождалось уменьшеніемъ земледѣльческаго населенія. „Тогда какъ населеніе (въ XVIII вѣкѣ) удвоилось, число лицъ, занятыхъ въ земледѣліи, уменьшилось, не только относительно, но до 1770 года, абсолютно“ [2]). Именно этотъ фактъ и объясняетъ возросшую рыночную производительность земледѣлія, которая не сопровождалась или, по крайней мѣрѣ, сопровождалась не соотвѣтственнымъ повышеніемъ производительности почвы. Здѣсь сказалась уже характерная метода повышенія чистаго дохода въ крупномъ хозяйствѣ: разрѣженіе населенія, уменьшеніе числа ѣдоковъ, соразмѣрно увеличивающее рыночную производительность. Мотивомъ огораживаній, округленій, консолидацій было стремленіе землевладѣльца повысить свой доходъ, свою ренту. При существованіи значительнаго количества мелкихъ производителей, кое-какъ перебивавшихся на маленькомъ клочкѣ земли, рента стоитъ на minimum'ѣ, наибольшая доля продукта съѣдается непосредственными производителями [3]). При этомъ, конечно, затрачивается чрезмѣрно большое количество труда, точнѣе, часть труда населенія, живущаго на данномъ участкѣ, не находитъ приложенія, такъ что съ уменьшеніемъ земледѣльческаго населенія вовсе не необходимо уменьшается и общее количество труда. Округленіе земельныхъ участковъ, уничтожая черезполосицу, парцелляцію, вноситъ извѣстную раціональность въ хозяйство и также уменьшаетъ количество необходимаго труда. Вотъ главныя причины, почему—не говоря объ измѣненіяхъ цѣнъ—огораживаніе и округленіе земельныхъ участковъ способно было при неизмѣнной техникѣ производства и

---

[1]) Toynbee, l. c. 45.

[2]) Prothero, l. c. 38.

[3]) „Землевладѣніе стало представляться (лэндлорду) уже не въ формѣ объекта, который надлежало передать въ хозяйство другихъ, но какъ основа собственнаго хозяйства въ строгомъ смыслѣ слова... Больше земли и больше дохода—таковы были необходимые постулаты данныхъ условій.. Потому въ интересахъ собственника было расширеніе собственнаго хозяйства, отобраніе луговъ въ свою пользу и устраненіе прежде пользовавшагося ими“ (*Ochenkowski.* Englands wirtschaftliche Entwickelung im Ausgange des Mittelalters, 39—40).

даже неизмѣнной производительности земли повысить общій доходъ съ имѣнія.

Гасбахъ хорошо резюмируетъ всѣ эти условія повышенія чистаго дохода путемъ пониженія издержекъ производства. „Во-первыхъ. Округленіе участковъ, въ особенности благопріятная комбинація пахатной земли и луга, обусловливали при неизмѣнномъ способѣ хозяйства уменьшеніе количества затрачиваемаго труда. Еще рѣзче выступаетъ это при переходѣ къ пастбищному хозяйству. Во-вторыхъ. Землевладѣлецъ увеличивалъ свой доходъ даже и въ томъ случаѣ, если онъ заставлялъ крупныхъ арендаторовъ платить ренту, равную рентѣ мелкихъ, потому что на немъ не лежали издержки поддержанія домовъ, въ которыхъ прежде жили вышедшіе за штатъ арендаторы, а эти издержки были выше ренты, приносимой этими домами. Въ-третьихъ. Его рента и дѣйствительно возвышалась, потому что послѣ огораживаній онъ получаетъ и за общинный лугъ высшую аренду или получаетъ хотя какую-нибудь аренду, тогда какъ прежде онъ не получалъ ничего или же получалъ очень мало. При „Inclosure“ общинныхъ полей ренты поднимались особенно значительно. Очевидно, что арендаторъ будетъ платить за это высшую ренту, если онъ располагаетъ лугомъ одинъ, но ясно какъ аксіома, что это возможно было лишь потому, что прежде долженъ былъ исчезнуть оттуда скотъ мелкихъ хозяевъ. Такимъ образомъ доходность могла увеличиться, для чего вовсе не нужно было возвышеніе производительности“ [1]). „Наконецъ, огораживанья обозначали уменьшеніе сельскохозяйственнаго населенія“ [2]).

Техническій прогрессъ отмѣчается лишь въ послѣдней четверти XVIII вѣка, отчасти подъ вліяніемъ значительнаго возвышенія цѣнъ въ эту эпоху; въ предшествовавшія же эпохи онъ наблюдается спорадически (напр. въ восточныхъ графствахъ) и далеко не составляетъ общаго явленія [3]).

[1]) Hasbach 53—4. Послѣднюю мысль авторъ подтверждаетъ весьма любопытной статистической иллюстраціей, балансомъ хозяйствъ той эпохи.

[2]) Ibid 56.

[3]) Нельзя считать поэтому справедливымъ въ полномъ объемѣ мнѣніе Маркса: „несмотря на уменьшеніе числа земледѣльцевъ, почва приносила столько же или даже больше продуктовъ, такъ какъ переворотъ въ землевладѣльческихъ отношеніяхъ сопровождался улучшеніемъ способовъ обработки, большимъ развитіемъ сотрудничества, сосредоточеніемъ средствъ

Основнымъ условіемъ, которое только и дѣлаетъ понятнымъ весь происшедшій переворотъ, является образованіе и расширеніе рынка для сельскохозяйственныхъ продуктовъ. XVIII вѣкъ характеризуется какъ эпоха созданія и расширенія рынка для продуктовъ земледѣлія. Именно въ этомъ столѣтіи происходитъ первоначальное отдѣленіе промышленности отъ земледѣлія; въ народнохозяйственномъ масштабѣ создается фундаментъ для дальнѣйшаго промышленнаго развитія Англіи.

Въ концѣ XVII вѣка, по разчету Григорія Кинга, населеніе Лондона и другихъ городовъ и мѣстечекъ составляло около 1.400,000 жителей, а деревенское населеніе около 4.100,000. Англія была еще въ значительной мѣрѣ деревенскою страной. Уже это одно указываетъ на земледѣльческій характеръ страны, преобладаніе натуральнаго хозяйства. Насколько существовала торговля, она была болѣе внѣшней чѣмъ внутренней, предметъ ея составляли главнымъ образомъ продукты земледѣлія. Лучше всего это явствуетъ изъ торговой политики Англіи въ эту эпоху, когда тамъ существовали преміи за вывозъ хлѣба. „Въ 1689 году, говоритъ Кэннингэмъ, платилась пошлина на вывозъ хлѣба въ томъ случаѣ, если цѣна опускалась ниже 48 шилл.; мѣра эта была продолжена, лишь съ пріостановками въ 1698, 1709, 1740, 1757 голодныхъ годахъ. Результаты этой мѣры были въ высшей степени замѣчательны: съ этого времени хлѣбъ начинаетъ трактоваться предметомъ, производимымъ для экспорта“. „Повидимому, продолжаетъ историкъ, это было частью системы, извѣстной подъ названіемъ меркантильной, которая вела происхожденіе изъ Франціи. Франція поощряла промышленность, Данія—мореходство, Англія стремилась къ развитію земледѣлія“. „Трудно для насъ вообразить въ настоящее время, что немного болѣе ста лѣтъ тому назадъ, Англія была страной, регулярно вывозившей хлѣбъ, что поощреніе производства хлѣба разсматривалось какъ косвенное поощреніе нашему мореходству, и что были писатели, которые доказывали, что Швеція и другія страны должны всегда нахо-

производства и т. д., и такъ какъ сельскіе рабочіе не только были принуждены интенсивнѣе напрягать свои силы, но также болѣе и болѣе суживать собственное свое производство“ (Капиталъ, I, 652). Причина, указанная во второй части этого положенія, имѣетъ большее значеніе нежели указанная въ первой.

диться въ зависимости относительно снабженія хлѣбомъ отъ нашей исключительно плодородной страны“ [1]). Въ началѣ XVIII вѣка нѣкоторыя изъ англійскихъ колоній ввозили хлѣбъ изъ своей метрополіи; средній вывозъ зерна съ 1697 по 1765 равнялся приблизительно 500,000 квартеровъ въ годъ, ввозъ же выражался въ весьма малой цифрѣ. Вывозъ направлялся въ Россію (!), Голландію и Америку [2]).

Не очевидно-ли, что при тогдашнихъ условіяхъ транспорта въ столь отдаленныя страны какъ Америка вывозъ не могъ быть значительнымъ настолько, чтобы стимулировать развитіе производительности земледѣлія. Для этого необходимъ былъ ближайшій рынокъ, и имъ могъ быть только внутренній. Этотъ внутренній рынокъ и возбуждаетъ алчность лэндлордовъ, выразившуюся въ изгнаніи мелкихъ фермеровъ и огораживаніи общинныхъ полей. Онъ созданъ былъ значительнымъ развитіемъ городскаго населенія [3]) въ XVIII вѣкѣ, предъявлявшаго большой спросъ какъ на хлѣбъ, такъ и на мясо и другіе продукты земледѣлія. Города образовали лишь главный узелъ новыхъ общественныхъ и производственныхъ отношеній; еще большее значеніе имѣетъ развитіе неземледѣльческаго населенія вообще, и прежде всего промышленнаго [4]).

---

[1]) *Cunningham* The growth of english industry and commerce etc. Modern times. Cambridge. 371, 372, 387. Основнымъ источникомъ поученія о судьбахъ англійскаго земледѣлія въ старыя времена является, конечно, шеститомная работа Роджерса: *James Rogers* A History of Agriculture and Prices in England from 1259 to 1793 Oxford 1866—1887 Для спеціальнаго вопроса объ аграрномъ протекціонизмѣ ср. изслѣдованіе Faber'a: Die Entstehung des Agrarschutzes in England Strassburg. 1888.

[2]) Toynbee, l. c., 46.

[3]) Тойнби (l. c. 36–7) указываетъ на необыкновенно быстрый ростъ городовъ между концомъ XVII вѣка и временемъ Ад. Смита· тогда какъ напр. населеніе Норвича выросло только на $^1/_3$, Ворчестера на $^1/_2$, населеніе Шеффильда увеличилось въ 7 разъ, Ливерпуля въ 10 разъ. Манчестера въ 5 разъ, Бирмингама въ 7 разъ, Бристоля болѣе чѣмъ въ 3. Согласно Кингу, писавшему въ 1696 году, Лондонъ имѣлъ 530,000 жителей, другіе города 870,000. села—4.100.000. Между тѣмъ А. Юнгъ 70 лѣтъ спустя считаетъ, что Лондонъ содержитъ $^1/_6$ всего населенія Англіи и дѣлаетъ замѣчаніе, „что въ цвѣтущихъ странахъ, какова Англія, половина страны живетъ въ городахъ“.

[4]) Усчитать ростъ промышленнаго населенія въ отличіе отъ земледѣльческаго для XVIII вѣка, конечно, нельзя. Goldstein (Berufsgliederung und Reichtum. Stuttgart 1897, стр. 16) дѣлаетъ попытку приблизительно

Конецъ XVIII вѣка былъ, какъ это извѣстно изъ всякаго учебника, эпохой великихъ открытій и изобрѣтеній въ Англіи, которыя создали техническую возможность развитія промышленности въ колоссальныхъ размѣрахъ; экономическая тому возможность, именно наличность рабочей силы, порвавшей связь съ землей, была создана не менѣе колоссальной экспропріаціей крестьянъ. Эта экспропріація, вызванная аграрными условіями, стремленіемъ лэндлордовъ къ повышенію ренты, на самомъ дѣлѣ была не только аграрной, но и общеэкономической революціей, основаніемъ новаго способа производства. Соціальный ураганъ, пронесшійся надъ старой Англіей, смелъ устои натуральнаго хозяйства, и на его развалинахъ основалось хозяйство капиталистическое.

Значеніе экспропріаціи крестьянства для англійскаго капитализма классически выяснено Марксомъ, и мы ничего существеннаго не можетъ сюда прибавить. Массы сельскаго населенія хлынули на рынокъ, или, точнѣе, постоянно притекали къ нему благодаря все новымъ и новымъ экспропріаціямъ [1]). Здѣсь нѣкоторымъ (далеко не всѣмъ) удавалось найти занятіе въ промышленности, въ такихъ случаяхъ они также расширяли собой рынокъ для сельскохозяйственныхъ продуктовъ; теперь они покупали то самое, что недавно еще производили сами и потре-

---

опредѣлить эту разницу, сравнивая движеніе населенія въ графствахъ преимущественно земледѣльческихъ съ графствами преимущественно промышленными. Въ графствахъ преимущественно земледѣльческихъ населеніе увеличилось за періодъ 1700—1750 гг. съ 2.359,000 до 2.594,000, т. е. на 235,000, въ 1800 году оно равнялось 3.279,000, т. е. возросло на 685,000. Въ графствахъ преимущественно промышленныхъ населеніе измѣнялось съ 1700 до 1750 года отъ 2.788,000 до 3 476,000 или на 688,000, а въ 1800 году равнялось 5.072,000, т. е. возросло на 1 596.000 человѣкъ.

[1]) Обвиненіе въ обезлюденіи сельскихъ округовъ благодаря огораживаніямъ составляло весьма обычную тему у писателей того времени. Вотъ характерный примѣръ, какъ Артуръ Юнгъ, поклонникъ крупнаго хозяйства и сторонникъ происшедшаго переворота, отражаетъ это обвиненіе: „говорятъ что рабочіе („hands“) оставляютъ нѣкоторыя деревни и идутъ въ города. Почему населяются Гласго съ его окрестностями, Бирмингамъ, Шеффильдъ или Манчестеръ, но за то остаются малолюдными Іоркъ, Винчестеръ, Кэнтербюри? Потому что въ этихъ мѣстахъ мало возможности заработка, потому они и не увеличиваютъ населенія. Не доказываетъ-ли это, что населеніе увеличивается благодаря росту количества занятій?“ (it is employment which creates population) *A. Young*. Political Arithmetic, Part I. London 1774. Стр. 63).

бляли въ собственномъ хозяйствѣ. Экспропріація оказалась вдвойнѣ выгодна лэндлордамъ: благодаря ей они не только освободились отъ ничего не платящихъ или платящихъ очень мало арендаторовъ. но и сдѣлали этихъ арендаторовъ (или по крайней мѣрѣ, часть ихъ) своими покупателями, нашли въ нихъ непрерывно расширяющійся рынокъ. Развитіе земледѣлія вскорѣ не поспѣваетъ уже за этимъ расширеніемъ: въ концѣ XVIII вѣка ввозъ хлѣба начинаетъ превышать вывозъ, и съ тѣхъ поръ Англія становится импортирующей хлѣбъ страной [1]).

2. Англійское земледѣліе до отмѣны хлѣбныхъ законовъ.

Въ теченіе XVIII вѣка создавались устои новыхъ формъ народнаго хозяйства въ Англіи; въ началѣ XIX вѣка мы можемъ уже наблюдать машину въ дѣйствіи. Медовый мѣсяцъ аграрнаго капитализма является бурной эпохой, настоящей Sturm-und-Drang Periode; если въ области промышленности эта эпоха представляла оргію капитала, то въ земледѣліи въ это время происходитъ оргія земельной ренты.

Чтобы не удивляться поразительной безсовѣстности законодательства, касающагося хлѣбной торговли, нужно не забывать, что парламентъ этого времени, когда избирательное право было связано съ землевладѣніемъ, состоялъ изъ землевладѣльцевъ, которые и пользовались своимъ положеніемъ, не стѣсняя себя никакими моральными соображеніями.

Вотъ, прежде всего, нѣсколько основныхъ фактовъ, сюда относящихся [2]). Подъ вліяніемъ роста населенія, въ особенности

[1]) Это тотчасъ же отразилось на перемѣнѣ торговой политики Англіи Въ 1765 году временно отмѣнены были пошлины на ввозную пшеницу и вывозныя преміи, и корона получила право временно совершенно запрещать вывозъ. Само собою понятно, что пошлины на вывозъ никогда уже болѣе не практиковались и были окончательно отмѣнены закономъ въ началѣ XIX вѣка. (Ср. *Ад. Гельдъ.* Развитіе крупной промышленности въ Англіи Спб. 1899, стр. 137 слѣд.). Около этого же времени (въ 1772 и 1773 гг.) были отмѣнены ограниченія свободы внутренней торговли хлѣбомъ

[2]) Прежде всего см. *Tooke.* A History of Prices and of the State of Circulation from 1793 to 1856. 3 vols. London 1838—1857 (Я пользовался главнымъ образомъ нѣмецкимъ изданіемъ Ашера). Ср. также данныя парламентскихъ коммиссій 1821 и 1833 года. Затѣмъ Hasbach, l. c, 182 flg., Гельдъ, ibid.

промышленнаго, цѣна хлѣба начинаетъ въ концѣ XVIII вѣка подниматься, сначала медленно, затѣмъ быстрѣе. Когда въ 1791 году цѣна хлѣба понизилась до 49 шил. 4 пенсовъ съ 56 ш. $2^1/_2$ п., составлявшихъ цѣну его въ предшествующемъ году, былъ изданъ законъ, дозволявшій ввозъ хлѣба при цѣнѣ въ 54 ш. съ налогомъ въ 6 пенсовъ, при цѣнѣ отъ 50 до 54 шил. съ налогомъ въ 2 ш. 6 п., ниже же 50 шил. установлявшій огромный налогъ въ 24 ш. 3 п. Законъ этотъ совпалъ съ эпохой войнъ, случились неурожаи. Въ результатѣ цѣны поднялись такъ, что въ 1801 году цѣна хлѣба стояла на уровнѣ 115 шил. 11 пенсовъ [1]). Затѣмъ, подъ вліяніемъ болѣе обильныхъ урожаевъ цѣна опустилась, хотя и до очень приличнаго уровня— 67.3 въ 1802 году, 60—въ 1803, но это вызвало угнетенное состояніе земледѣлія. Въ 1804 году на помощь былъ изданъ законъ, по которому запретительный налогъ въ 24.3 взимался уже при уровнѣ цѣнъ не въ 54 ш. какъ прежде, а 63 шил. Угнетенному земледѣлію помогли континентальная система, война, плохіе урожаи, въ результатѣ повторилось то же самое, что въ предшествующую эпоху: цѣна поднимается, достигая maximum'а въ 1812 году. Средняя цѣна за пять лѣтъ (по даннымъ Тука) равнялась 100 ш. 4 п. По окончаніи войны, отчасти и подъ вліяніемъ благопріятныхъ урожаевъ цѣны снова понизились до 85 ш. въ 1814, 76 ш. въ 1815 году. Въ послѣднемъ году былъ изданъ новый законъ, запрещавшій ввозъ пшеницы, если цѣна не достигаетъ чудовищнаго для мирнаго времени уровня 80 ш. Но, хотя англійскій парламентъ, какъ извѣстно, можетъ все, кромѣ превращенія женщины въ мужчину, удержать цѣны въ мирное время на военномъ уровнѣ оказалось также свыше его силъ. Послѣ нѣкотораго подъема въ 1816 и 1817 году, цѣна начинаетъ упорно опускаться. Медовый мѣсяцъ кончился. Подведемъ его итоги.

---

[1]) Цифру 115. 11 я беру изъ приложенія къ Report from the Select Committee on Agriculture. 1833. У Тука, таблицы цѣнъ котораго составлены по записямъ Итонскаго колледжа, показана еще болѣе высокая цѣна: въ 1800—127 шил., а въ 1801—128.6 за квартеръ пшеницы. Maximum, котораго достигала цѣна въ 1801 году, равнялся 154 шил. 5 пенсамъ, — это самый высокій уровень въ столѣтіи. Цѣна 1812 года, самая высокая въ среднемъ (по Report'у 122 8, по Туку—128 шил.), не достигаетъ такого maximum'а (150 ш. 3 п.). См. цитированное приложеніе къ Report'у 1833 года.

Ростущія цѣны на хлѣбъ измѣнили направленіе англійскаго земледѣлія, которое прежде въ значительной мѣрѣ сосредоточивалось на скотоводствѣ. Теперь отмѣчается быстрое запахиваніе пастбищъ и обращеніе ихъ подъ хлѣбныя поля. Подъ вліяніемъ безумныхъ цѣнъ на хлѣбъ получало смыслъ воздѣлываніе самыхъ худшихъ земель и онѣ опредѣляли собою уровень цѣнъ (въ эту эпоху и складывалось пессимистическая теорія ренты Рикардо: исторически ясно, что въ данномъ случаѣ не высокія цѣны проистекали отъ высокой ренты, но наоборотъ). Вышедшій въ 1795 году Report on waste lands рекомендуетъ запахиваніе пустошей. Какъ нормальныя состоянія лучше всего познаются нерѣдко въ аномаліяхъ, такъ и состояніе земледѣлія за первые 20 лѣтъ XIX вѣка лучше всего видно при знакомствѣ съ отчетами о состояніи кризиса, когда на первый планъ выступаетъ чрезвычайное расширеніе площади обработки какъ основная черта развитія земледѣлія въ эпоху континентальныхъ войнъ. Развитіе земледѣлія носило, такимъ образомъ, экстенсивный характеръ; иного и трудно ожидать, при колебаніяхъ цѣнъ на земледѣльческіе продукты, превращающихъ земледѣліе въ азартную игру. Обращеніе пастбищъ подъ пашни или запахиваніе новыхъ участковъ, чисто количественное увеличеніе производства, безъ измѣненія его методовъ, очевидно, не можетъ считаться сельскохозяйственнымъ прогрессомъ: онъ сметается, по крайней мѣрѣ, первымъ измѣненіемъ въ цѣнахъ, также какъ и вызывается первой благопріятной конъюнктурой. Можно сказать поэтому, что для развитія сельскаго хозяйства медовый мѣсяцъ не принесъ почти ничего, или очень мало. Тѣ безпримѣрныя жертвы, которыя были наложены на общество въ видѣ высокихъ цѣнъ, не имѣли даже того результата, который могли бы имѣть: англійскій народъ даже въ эту эпоху не могъ прокормиться своимъ земледѣліемъ [1]), ввозъ чужого

[1]) Вотъ нѣкоторыя сюда относящіяся цифры (заимствую ихъ изъ Appendix'a къ Report from the select committee, to whom the several petitions complaining of the depressed state of the agriculture were referred. 1821).

	Ввозъ	Вывозъ.		Ввозъ.	Вывозъ.		Ввозъ.	Вывозъ.
1798	64,198	5,253	1803	15.252	4,727	1808	26,091	6,720
1799	116,485	2,856	1804	14,027	32,756	1809	35,250	3,568
1800	19,538	24,901	1805	11,596	115,722	1810	29,969	5,750
1801	130,976	3,393	1806	43,301	6,552	1811	26,319	27,156
1802	113,966	1,614	1807	5,385	16.820	1812	42,840	74,151
						1813	83,667	53,234

хлѣба не прекращался и даже наиболѣе усиливался въ годы самыхъ высокихъ цѣнъ (конечно, потому, что онѣ совпадали и съ неурожаемъ).

Cui bono послужило это непомѣрное поднятіе цѣнъ? Очевидно, поземельной рентѣ. Всѣ источники свидѣтельствуютъ о необычайномъ поднятіи ренты въ это время. Въ отчетѣ парламентской коммиссіи для изслѣдованія угнетеннаго положенія земледѣлія 1821 года ростъ ренты съ 1790 до 1821 года опредѣленъ не менѣе чѣмъ въ 70%. Но эту оцѣнку нужно признать скорѣе преуменьшенною чѣмъ преувеличенною. По отдѣльнымъ свѣдѣніямъ мы можемъ указать случаи роста ренты болѣе чѣмъ вдвое. Напр. рента съ имѣній Гринвичскаго госпиталя въ Нортумберлэндѣ съ £ 6.950 въ $179^3/_4$ году поднялась до £ 15.560 въ $181^4/_5$ году [1]). Относительно одного хозяйства въ Соммерсетшайрѣ мы имѣемъ свѣдѣнія какъ о ростѣ рентъ, такъ и количествѣ затраченнаго капитала и полученной прибыли, что̀ даетъ возможность сравнить относительное измѣненіе того и другого [2]).

Мы видимъ на этой таблицѣ, что въ то время какъ рента съ акра возрасла болѣе чѣмъ вдвое, съ $19^1/_2$ шил. до 41 шил., прибыль абсолютно увеличилась также болѣе чѣмъ вдвое, но еще больше увеличились издержки капитала, какъ основного, такъ и инвентарнаго, такъ что относительно прибыль не увеличилась, скорѣе даже уменьшилась. И вообще, хотя фермеры въ

---

[1]) *Leadam.* What Protection does for the Farmer and Laborer. 5 ed. (1893). Стр. 97. Ср. Hasbach, l. c. 183.

[2]) Reports respecting Grain and the Corn Laws 1814—15. Vol. V, 12. Цитировано у Hasbach, l. c. 184.

	1773—1782			1783—1792			1793—1802			1803—1812		
	£	sh.	d.	£	sh.	d.	£	sh.	d.	£	sh.	d.
Рента съ акра . . .	—	19	6	1	—	6	1	11	6	2	1	—
Основной капиталъ	4,970	—	—	5,200	—	—	7,900	—	—	10,500	—	—
Капиталъ хозяйства	1,822	12	—	1,945	17	—	3,023	5	—	4,098	—	13
Профитъ	248	10	—	260	—	—	395	—	—	525	—	—

эпоху высокихъ цѣнъ также пользовались относительнымъ благополучіемъ. нѣтъ основаній думать, чтобы прибыль поднималась выше средней нормы, кромѣ какъ въ видѣ исключенія. Повышеніемъ цѣнъ пользовалась главнымъ образомъ земельная рента, которая въ эту ужасную эпоху англійской исторіи, подобно вампиру, пила народную кровь, спекулировала на народное бѣдствіе.

Повышеніе земельной ренты проистекало, въ особенности, отъ привлеченія къ воздѣлыванію новыхъ, неплодородныхъ участковъ. Производительность земледѣльческаго капитала при переходѣ къ менѣе плодороднымъ участкамъ быстро убывала, и это именно, какъ было замѣчено выше, произвело глубокое впечатленіе на теоретиковъ, формулировавшихъ „law of diminishing returns;“ именно это впечатленіе совершенно осязательно чувствуется въ пессимистическомъ характерѣ теоріи ренты Рикардо [1]). Въ повышеніи ренты въ первую четверть XIX вѣкамы имѣетъ тотъ случай, когда, при ростущей цѣнѣ, производство земледѣльческихъ продуктовъ растетъ сравнительно слабо, такъ что спросъ значительно превышаетъ предложеніе.

Но это благополучіе не могло быть прочнымъ или продолжительнымъ. Англійскій народъ не могъ вести непрерывныя войны, а небо посылать безсмѣнные неурожаи. Оба источника благополучія лэндлордовъ скоро изсякли, цѣны начали приходить въ норму,— тогда начался кризисъ. Все хозяйство, прежде всего ренты, были приспособлены къ голоднымъ и военнымъ цѣнамъ; невозможность

---

[1]) Различіе двухъ хозяйственныхъ эпохъ отражается въ отличіи воззрѣній Андерсона отъ воззрѣній Рикардо. Андерсонъ является выразителемъ агрономической прогрессивности процесса огораживаній и вообще установленія новыхъ сельскохозяйственныхъ отношеній. Какъ мы видѣли выше, округленіе участковъ само по себѣ повышало ихъ доходность. Неземледѣльческое населеніе, не страдавшее непосредственно отъ экспропріаціи крестьянства, склонно было смотрѣть на вещи чрезъ розовые очки. Но уже въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка страна вкусила горькіе плоды новой системы и выразителемъ разочарованія явился Рикардо. — Вопросъ о хлѣбной торговлѣ есть одинъ изъ наиболѣе жарко дебатируемыхъ въ памфлетной литературѣ конца прошлаго и первой четверти нынѣшняго вѣка, богатая коллекція ея имѣется въ библіотекѣ Британскаго Музея. Мы, очевидно, должны здѣсь отклонить отъ себя задачу обзора этой литературы, какъ бы завлекателенъ ни былъ подобный историколитературный экскурсъ.

вести далѣе на этихъ началахъ хозяйство стала очевидна. Въ парламентъ посыпались петеціи о помощи, и въ результатѣ была назначена коммиссія для изслѣдованія угнетеннаго положенія (the depressed state) земледѣлія, по обычаю допросившая много свидѣтелей изъ лицъ, близко стоящихъ къ земледѣлію [1]). Большинство свидѣтелей изъ разныхъ графствъ утверждаютъ, что обработка земли ухудшилась, [2]) количество рабочихъ уменьшено, пашня снова обращается подъ пастбища, между тѣмъ измѣненія въ размѣрахъ ренты не замѣтно [3]); часть ренты должна быть, поэтому, уплачена изъ капитала [4]). Лэндлорды стремятся, такимъ образомъ, перенести рискъ предпріятія на фермеровъ, не желая поступаться своей рентой. Кризисъ осложнился еще тѣмъ, что въ это время, согласно акту Пиля 1819 года, совершалось извлеченіе обезцѣненныхъ бумажныхъ денегъ; это вело, естественно, къ вздорожанію денегъ и еще болѣе понижало цѣну хлѣба, между тѣмъ какъ сумма ренты, условленная въ періодъ инфляціи, сохраняла свою номинальную величину, что повергало фермеровъ въ еще большія затрудненія [5]).

Намъ нужна новая война, чтобы выйти изъ состоянія кри-

---

[1]) Report from the Select Committee, to whom the several petitions complaining of the Depressed State of the Agriculture of the United Kingdom were referred. With Minutes of Evidence. 1821.

[2]) Ухудшеніе воздѣлыванія земли констатируется свидѣтелями: Harvey изъ Норфолька, Hanning изъ Соммерсетшайра, Ellman изъ Сессекса, Curwen изъ Кемберлэнда, Capper изъ Вильтшайра и т. д. Всѣ эти свидѣтели указываютъ и на уменьшеніе количества рабочихъ.

[3]) См. напр. показанія свид. Harvey.

[4]) „Нѣсколько лѣтъ фермеры платили свои огромныя ренты изъ капитала“ (Prothero, l. c 88) Prothero въ общемъ вѣрно характеризуетъ кризисъ 20-хъ годовъ: „второй сельскохозяйственный кризисъ былъ обязанъ переходу отъ пастбищъ къ воздѣлыванію земли подъ хлѣбъ въ послѣдней половинѣ XVIII и началѣ XIX вѣка“ (ib. 64).

[5]) „Фермеры терпѣли убытки... особенно вслѣдствіе того, что принуждены были платить высокія аренды, установившіяся во времена денежнаго обезцѣненія и уже болѣе не соотвѣтствовавшія измѣнившимся, благодаря возстановленію металлической валюты, денежнымъ отношеніямъ и цѣнамъ“ (*Гельдъ*, цит. соч. 141).

Рикардо въ своемъ памфлетѣ „On protection to agriculture“ (London 1822) даетъ слѣдующую характеристику паденія цѣнъ на сельскохозяйственные продукты. „Причина низкаго уровня цѣнъ на сельскохозяйственные продукты въ настоящее время есть отчасти измѣненіе въ цѣн-

зиса, сказалъ будто бы одинъ фермеръ Коббету во время „Rural Rides“ этого послѣдняго [1]), и этотъ фермеръ былъ правъ, констатируя тѣмъ безграничныя притязанія лэндлордовъ на ренту.

Къ счастью, изслѣдованіе состоянія земледѣлія не дало никакого практическаго результата, и коммисія не присоединилась къ проектамъ дальнѣйшаго повышенія пошлинъ на хлѣбъ, которое испрашивалось въ петиціяхъ. Въ 1828 году была введена перемѣнная скала пошлинъ, повышающихся при низкой и понижающихся при высокой цѣнѣ. Подъ вліяніемъ новаго закона, а также нѣсколькихъ неурожаевъ цѣны снова поднялись. Въ 1829 году цѣны стоятъ на 66 ш. 3 п., а въ 1831 на 66 ш. 4 п., но въ 1833 году цѣна стоитъ уже на 52 ш. 11 п. и еще болѣе понижается слѣдующіе года. Въ 1833 году назначается новая парламентская коммиссія, опять для изслѣдованія „distress of agriculture“ [2]). Въ отчетѣ этой коммиссіи чи-

---

ности денегъ (currency), но главнымъ образомъ избытокъ предложенія надъ спросомъ“ (79). „Это паденіе было увеличено дѣйствіемъ современныхъ хлѣбныхъ законовъ, которые имѣли тотъ результатъ, что капиталъ устремился къ воздѣлыванію бѣдныхъ земель, а цѣны на хлѣбъ въ этой странѣ въ обычные годы значительно превосходили цѣны въ другихъ странахъ. Цѣна, при такихъ условіяхъ, должна быть высока, но, пропорціонально тому, насколько она поднимается, она способна и къ большему паденію; ибо, въ обильные годы, все возросшее количество хлѣба устремляется на нашъ рынокъ и, если оно превышаетъ то количество, которое мы сами можемъ потребить, оно быстро понижаетъ цѣну, причемъ мы не имѣемъ никакого выхода заграницу, до тѣхъ поръ, пока цѣна не станетъ на уровнѣ, разорительномъ для фермеровъ, которые никогда не могутъ быть столь безопасны, какъ въ такомъ случаѣ, если они могутъ легко прибѣгнуть къ вывозу“ (81).

[1]) Сообщено у Hasbach, l. c. 184. Гасбахъ справедливо говоритъ: „гдѣ земельная рента имѣетъ притязаніе поглотить всякое повышеніе чистаго дохода, тамъ должны возникать при всякомъ паденіи цѣнъ серьезныя замѣшательства. И эта тенденція земельной ренты все болѣе и болѣе выступаетъ, начиная съ 90-хъ годовъ XVIII столѣтія“ (ibid).

[2]) Свидѣтельства объ ухудшеніи состоянія земледѣлія встрѣчаются уже въ отчетѣ коммиссіи о бѣдныхъ 1831 года: Report from the Select Committee of the House of Lords appointed to consider of the poor laws, with the minutes of evidence taken before the Committee 1831. Свид. Hodges изъ Кента, членъ парламента отъ Weald of Kent: также-ли хорошо теперь воздѣлываются земли, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ? Воздѣлываніе даже на половину не достигаетъ прежняго уровня; и я замѣчалъ это во

таемъ [1]): „коммиссія 1821 года выразила надежду, что „большая часть фермеровъ, благодаря-ли сбереженіямъ отъ болѣе благопріятнаго времени, или кредиту, обильно имѣющемуся въ этой странѣ, обладаютъ средствами, достаточны-ли, чтобы они могли преборотъ тѣ затрудненія, отъ которыхъ они страдаютъ въ настоящее время". Настоящая коммиссія съ грубокимъ прискорбіемъ должна выразить опасеніе, что не только затрудненія эти не уменьшились, но что сбереженія фермеровъ или истощились или подверглись значительному уменьшенію, кредитъ недостаточенъ, а средства вообще истощены; и это мнѣніе сложилось не на основаніи показаній самихъ плательщиковъ ренты (rent-payers), но многихъ весьма уважаемыхъ свидѣтелей, какъ собственниковъ земли, такъ и землемѣровъ и земельныхъ агентовъ. Коммиссія 1821 года—продолжаетъ отчетъ свое сопоставленіе—пришла къ заключенію, что „доходъ съ фермерскаго капитала (the returns of farming capital) былъ въ то время значительно ниже обычной нормы прибыли", и ни одно показаніе, сдѣланное предъ настоящей коммиссіей, не уполномочиваетъ и для настоящаго времени сдѣлать иное заключеніе". Коммиссія констатируетъ, „что фермеры, занимающіе худшія почвы, въ особенности тяжелые глинистые участки, за послѣднее время затрачивали меньшее количество капитала и труда на ихъ воздѣлываніе. Это небреженіе, проистекающее отъ низкаго уровня прибыли и цѣнъ, несоотвѣтствующихъ издержкамъ производства, въ связи съ рядомъ дождливыхъ годовъ, въ особенности неблагопріятныхъ для земель этого рода, вызвало уменьшеніе количества продукта; уменьшеніе въ пользованіи землей, какъ искуственнымъ пастбищемъ, а также и прекращеніе системы чрезмѣрнаго производства зерновыхъ хлѣбовъ (system of over-cropping) ослабили производительную силу этихъ почвъ; тамъ, гдѣ налогъ для бѣдныхъ тяжелъ, воздѣлываніе этихъ земель совсѣмъ прекратилось". То же

многихъ мѣстностяхъ Англіи, что состояніе земледѣлія становится все хуже и вообще воздѣлываніе сокращается въ странѣ (the country getting, out of cultivation generally). Существуетъ-ли въ вашемъ округѣ земля вполнѣ незанятая или невоздѣланная? Въ этомъ округѣ осталось много фермъ, которыя остались на рукахъ у лэндлордовъ (21). См. также дальнѣйшія показанія этого свидѣтеля объ общемъ ухудшеніи земледѣлія въ Кентѣ, уменьшеніи количества производства зерновыхъ хлѣбовъ, недостаткѣ капитала у фермеровъ и т. д.

[1]) Report from the Select Committee on Agriculture with the minutes of evidence taken before them. 1833. Стр. V.

свидѣтельствуется въ Minutes of evidence разными свидѣтелями относительно разныхъ мѣстностей [1]). Большинство ихъ констатируютъ прогрессивное ухудшеніе земледѣлія, уменьшеніе количества труда, затрачиваемаго на землю, во вредъ культурѣ подъ вліяніемъ недостатка капитала у фермера, прекращеніе обработки худшихъ земель [2]).

Заслуживаютъ особаго вниманія тѣ показанія, изъ которыхъ слѣдуетъ, что высокая рента есть одно изъ главныхъ условій кризиса. Вотъ нѣсколько такихъ показаній для иллюстраціи.

Свидѣтель Lee изъ Чешайра. Вопр. 5813. Думаете-ли вы, что положеніе фермеровъ, которое вы описываете столь угнетеннымъ, проистекаетъ главнымъ образомъ отъ тяжести ренты? Да, я думаю, что это такъ, рента слишкомъ высока сравнительно съ продажной цѣной продукта.

Свидѣтель Blamire, членъ парламента отъ Кемберлэнда. Вопр. 6618. Какой причинѣ приписываете вы это ухудшеніе въ положеніи фермеровъ? Давленіе населенія такъ велико, что фермеръ принужденъ давать ренту за свою ферму много выше той, какую онъ въ дѣйствительности можетъ дать. Я зналъ много фермъ, не имѣющихъ никакой цѣны, между тѣмъ какъ спросъ на нихъ былъ очень великъ, и я слышалъ, что конкуррентовъ на эти фермы бывало до 45—6 человѣкъ; конечно, это часто побуждаетъ фермера обѣщать больше нежели онъ можетъ дать. 6619. Думаете-ли вы, что значительная конкурренція на землю подняла ренту много выше того уровня, который соотвѣтствуетъ цѣнамъ? Конечно. 6620. Думаете-ли вы, что ренты поддерживаются дѣйствительно выше этого уровня? Мнѣ неизвѣстно, чтобы ренты

---

[1]) См. напр. свид. Murray, вопр. 273—5, свид. Hughes. вопр. 1065—1067, свид Downes, вопр. 1402—3, свид. Merry, вопр. 2450—2452, свид. Comely, вопр. 3834—3839, свид. Peters, вопр. 4840, свид. Blamire, вопр. 6617, свид. Turner, вопр. 8309, свид. Hancock, вопр. 9184 — 9185 и многіе другіе.

[2]) Prothero характеризуетъ кризисъ 30-хъ годовъ слѣдующими чертами: „на тяжелыхъ земляхъ затрачивалось меньше труда и капитала; дождливые годы уменьшали доходность земли для фермеровъ и вели къ сокращенію пастбищъ. производства хлѣбовъ и ухудшенію обработки, иногда и вовсе забрасыванію тяжелыхъ почвъ... Много земель находилось въ жалкомъ состояніи. Вспаханныя, когда цѣны на хлѣбъ были высоки, онѣ были снова заброшены, какъ только онѣ упали. Нѣкоторыя земли воздѣлывались поверхностно на два—три года, и затѣмъ забрасывались, соотвѣтственно измѣненіямъ цѣнъ на пшеницу“ (Prothero, l. c. 94).

опускались хотя приблизительно до того уровня, на которомъ онѣ дѣйствительно должны находиться. 6626. Думаете-ли вы, что, если настоящія цѣны при теперешней пошлинѣ, разъ она останется безъ измѣненія, сдѣлаются постоянными цѣнами, теперешняя рента въ графствахъ Кемберлэндѣ, Вестморлэндѣ, Дэрэмѣ (Durham) можетъ остаться на прежнемъ уровнѣ? Я не думаю.

Свид. Turner изъ Герефордшайра: 8308. Можете ли вы вообще сказать, высока или низка рента въ странѣ? Она низка, но недостаточна низка для фермера.

Свид. Hancock изъ Соммерсетшайра. 9146. Приписываете-ли вы угнетенное состояніе фермеровъ незначительному уменьшенію ренты, сравнительно съ паденіемъ цѣны продукта? Я думаю, что наша рента чрезмѣрно высока, по крайней мѣрѣ на 25%, во всѣхъ частяхъ графства, сравнительно съ цѣной земледѣльческаго продукта.

Критическое состояніе земледѣлія продолжалось до 1836 года [1]); цѣны стояли на низкомъ уровнѣ втеченіе всего четырехлѣтія 1833—1836 года. Земледѣліе приспособилось однако къ новымъ условіямъ, а также уровень цѣнъ сталъ выше, чѣмъ въ этотъ періодъ. За десятилѣтіе, отдѣляющее разсматриваемую эпоху отъ паденія хлѣбныхъ законовъ и свободы торговли, англійское земледѣліе, очевидно, пользовалось относительнымъ благополучіемъ. Такъ слѣдуетъ, прежде всего, заключить изъ отсутствія жалобъ и петицій. Между тѣмъ искусственное повышеніе цѣнъ на хлѣбъ приходило въ противорѣчіе съ ростущей силой промышленнаго и торговаго капитала, накоплялось все больше ненависти противъ классоваго эгоизма землевладѣльцевъ. Эта ненависть и борьба противъ хлѣбныхъ пошлинъ составляетъ одну изъ самыхъ яркихъ и драматическихъ страницъ исторіи Англіи; согласно своей задачѣ мы должны, однако, перевернуть эту страницу, отмѣтивъ лишь, что хлѣбныя пошлины стараніями лиги противъ хлѣбныхъ законовъ, состоявшей изъ радикальной демократіи [2]) и во главѣ имѣв-

[1]) Въ этомъ году снова засѣдала парламентская коммиссія, не представившая, впрочемъ, особаго отчета, а издавшая лишь Minutes of Evidence. Сравнительно съ отчетомъ и свидѣтельскими показаніями 1833 года эта работа особенно новыхъ и интересныхъ данныхъ не представляетъ.

[2]) Замѣчательно, что „рабочій классъ какъ цѣлое, хотя и не поддерживалъ открыто протекціонистовъ, но по большей части онъ держался вдали отъ лиги, предпочитая агитировать въ пользу чартизма и парла-

шей Р. Кобдена и Дж. Брайта, были наконецъ отмѣнены. Въ экономической исторіи Англіи начался новый періодъ—свободной торговли, продолжающійся и до настоящаго момента.

Закончившійся 1846-мъ годомъ періодъ исторіи англійскаго земледѣлія является настолько рѣзкой и краснорѣчивой критикой англійской системы, что намъ нечего отъ себя прибавить. Хлѣбные законы, которыми классъ лэндлордовъ усиливалъ разорительное дѣйствіе войны и неурожаевъ, были легализированной системой ограбленія всего общества въ самую тяжелую для послѣдняго эпоху. Они не оправдывались и интересами земледѣлія, потому что не служили имъ. Повышеніе цѣнъ вело, прежде всего, къ повышенію рентъ, а не повышенію земледѣлія. Для фермеровъ было безразлично, платить-ли высокія ренты при высокихъ цѣнахъ или низкія ренты при низкихъ, какъ это и было засвидѣтельствовано предъ парламентской коммиссіей; но высокія цѣны во время кризисовъ всей тяжестью обрушивались на фермера, который долженъ былъ платить ренту, какъ мы видѣли, изъ своего кармана. Высокія пошлины охраняли, поэтому, не земледѣліе, а земельную ренту, и при англійской системѣ это не могло быть иначе: всякое покровительство земледѣлію роковымъ образомъ превращается здѣсь въ покровительство землевладѣнію, какъ это и слѣдуетъ изъ существованія земельной ренты въ качествѣ особаго вида дохода. Нѣкоторые историки (напр. Cunningham, Prothero) привѣтствуютъ переворотъ XVIII столѣтія за повышеніе производительности земледѣлія, которое онъ обусловилъ, но это повышеніе было куплено слишкомъ дорогой цѣной. Конечно бурныя политическія событія начала XIX вѣка въ Европѣ не могли бы не отразиться потрясеніемъ сельскаго хозяйства, производящаго на рынокъ, при всякой его организаціи (какъ мы увидимъ это и на исторіи Пруссіи). Такія колебанія въ цѣнахъ, а также и въ спросѣ и предложеніи, какія можетъ создавать война или континентальная система, должны во всякомъ случаѣ тяжело отозваться на сельскомъ хозяйствѣ, но въ Англіи было сдѣлано все, чтобы усилить тяжелое дѣйствіе потрясенія какъ на сельское хозяйство, такъ и на все общество. Въ цитированномъ отчетѣ ком-

---

ментской реформы подъ вліяніемъ своихъ вождей, убѣждавшихъ ихъ, что это болѣе дѣйствительное средство достиженія высшей заработной платы" (*Henri Ashworth* Recollections of R. Cobden and Anti-corn-law-league. 1876 76—79.

миссіи 1833 года тономъ мягкаго упрека сказано: „колебанія въ цѣнахъ проистекаютъ-ли они отъ измѣненій въ цѣнности денегъ или отъ измѣненія въ хлѣбныхъ пошлинахъ не могутъ не причинить вреда всѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства, которыя и безъ того, помимо этихъ причинъ, бываютъ всегда подвержены тягостнымъ перемѣнамъ отъ неустойчивости погоды. Искуственныя колебанія, поэтому, только утяжеляютъ естественное зло“ (X).

Но помимо тѣхъ особенностей, которыя свойственны данному періоду какъ результатъ спеціально англійской системы, изученіе его представляетъ интересъ въ томъ отношеніи, что этотъ періодъ даетъ весьма яркую иллюстрацію общаго теоретическаго положенія относительно развитія производительности земледѣлія въ зависимости отъ развитія рынка. Быстрый ростъ населенія, въ особенности промышленнаго, создалъ быстрое увеличеніе спроса на продукты сельскаго хозяйства, а война его усилила. И какъ по щучьему велѣнію растутъ затраты земледѣльческаго капитала, распахиваются новыя земли, общая производительность земледѣлія растетъ съ гигантской быстротой. Ослабѣлъ спросъ, и тотчасъ же количество земли подъ обработкой сокращается, земледѣльческій капиталъ уменьшается, число рабочихъ ограничивается. Вновь увеличивающійся спросъ создаетъ условія новаго оживленія въ земледѣліи.

Что касается общаго характера земледѣлія въ эту эпоху, Prothero справедливо характеризуетъ его какъ экстенсивное (farming by extension). „Британскіе фермеры удовлетворяли нужды растущаго населенія, увеличивая площадь обработки“. „Періодъ съ 1812 до 1845 года является скорѣе предуготовительнымъ къ введенію интенсивнаго хозяйства, нежели періодомъ его осуществленія. Во всѣхъ графствахъ интенсивное хозяйство (high farming) являлось скорѣе исключеніемъ, нежели общимъ правиломъ, въ концѣ-концовъ половина фермеровъ сдѣлали весьма мало успѣховъ сравнительно съ способомъ производства на общинныхъ поляхъ XVIII столѣтія“ [1]).

---

[1]) Prothero, l. c. 104, 106—7. Портеръ въ своемъ извѣстномъ обзорѣ промышленныхъ успѣховъ Англіи въ первую половину XIX вѣка (*G. Porter*. The Progress of the Nation. London. 1851, стр. 161) также высказывается слѣдующимъ образомъ: „есть всѣ основанія надѣяться и ожидать, что техническія усовершенствованія, которыя за послѣднее время начинаютъ вводиться въ сельскомъ хозяйствѣ, далеко не достигли еще своего край-

Въ концѣ этого періода начинается, однако, развитіе земледѣлія на новыхъ началахъ. Оно идетъ, какъ и слѣдуетъ ожидать, изъ городовъ, отъ представителей теоретической мысли. Въ 1837 году было основано Royal Agricultaral Society, органъ котораго The Journal of the Royal Agricultaral Society of England остается и по настоящее время центральнымъ органомъ англійской агрономической мысли. Начавшаяся въ это время постройка желѣзныхъ дорогъ не могла, конечно, не оказать благотворнаго дѣйствія на сельское хозяйство. Наконецъ, послѣ того какъ Джозіа Паркъ открылъ основы раціональнаго дренированія почвы, имѣющаго при сыромъ англійскомъ климатѣ особенное значеніе, одинъ промышленникъ произвелъ въ Бирмингэмѣ необходимые инструменты, а садовникъ Ридъ изобрѣлъ въ 1843—5 гг. глиняныя трубы, усовершенствованныя Скраггомъ [2]). Въ это же время создаются основанія научной статики земледѣлія, главнымъ образомъ работами Либиха, представляющими развитіе открытія Дэви. Создаются начала для техническаго прогресса земледѣлія, которыя находятъ приложеніе послѣ устраненія препятствій развитію, создававшихся хлѣбными пошлинами. Не будучи въ состояніи удержать цѣны на высотѣ, не соотвѣтствующей общимъ условіямъ производства, хлѣбныя пошлины вносили элементъ азартности и риска въ веденіе сельскаго хозяйства и, будучи выгодны для лэндлорда, сами по себѣ были безразличны для фермера. Онѣ составляли путы для развитія сельскаго хозяйства, которыя должны были быть устранены.

няго предѣла. Даже въ Англіи, гдѣ достигнутый до сихъ поръ прогрессъ былъ настолько значителенъ, чтобы поставить нашихъ фермеровъ во главѣ всѣхъ другихъ странъ, остается еще много сдѣлать относительно распространенія наиболѣе выгодныхъ способовъ производства изъ нѣкоторыхъ округовъ въ остальной части королевства, и консолидаціи мелкихъ хозяйствъ въ пользу фермъ болѣе крупныхъ размѣровъ, находящихся въ рукахъ фермеровъ, располагающихъ какъ капиталомъ такъ и интеллигентностью; вмѣстѣ съ тѣмъ остается еще, вѣроятно, сдѣлать новыя открытія болѣе усовершенствованныхъ методовъ культуры, какъ изысканіями людей науки, такъ и трудами представителей практики Утверждаютъ, что въ Уэльсѣ земля не производитъ половины того, что способна произвести; и еслибы вся Англія была такъ хорошо воздѣлана какъ Нортумберлендъ и Линкольншайръ, то производилось бы вдвое болѣе того, что получается теперь".

[1]) Hasbach, l. c. 249.

3) Положеніе сельскохозяйственныхъ рабочихъ въ періодъ хлѣбныхъ законовъ.

Мы должны познакомиться теперь съ судьбами англійскихъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ, горестной эпопеей, когда исторія трудящихся классовъ сливается съ исторіей пауперизма и законодательства о бѣдныхъ. Положеніе сельскохозяйственныхъ рабочихъ составляетъ самую мрачную страницу исторіи всего рабочаго сословія этой эпохи, относительно которой вполнѣ нелицепріятный свидѣтель говоритъ: „такого гнета, какъ тотъ, который тяготѣлъ въ первой половинѣ XIX столѣтія на англійскомъ рабочемъ сословіи, не терпѣли ни въ какія времена низшіе классы ни у какого народа, ни даже рабское населеніе“ [1]).

Массовая экспропріація, совершившаяся въ концѣ XVIII вѣка и продолжавшаяся въ началѣ XIX, выбросила и продолжала выбрасывать на рынокъ огромныя количества пролетаріевъ, лишенныхъ средствъ къ существованію и принужденныхъ искать ихъ продажей своей рабочей силы. Этотъ пролетаріатъ составилъ готовый фундаментъ для капиталистической промышленности, доставляя ей необходимый человѣческій матеріалъ. Развитіе промышленности въ натуральномъ хозяйствѣ, гдѣ всѣхъ непосредственныхъ производителей обезпечивалъ бы собственный трудъ, было бы, очевидно, невозможно, она не нашла бы рабочихъ рукъ. Экспропріація составляла въ этомъ смыслѣ, какъ это показано и Марксомъ, историческій prius капиталистическаго производства. Огромное количество пролетаріевъ бросилось въ города, гдѣ и составило матеріалъ для фабричной эксплуатаціи, ужасы которой уже достаточно выяснены въ экономической литературѣ. У насъ нѣтъ средствъ точно измѣрить долю экспропріируемаго населенія, отправлявшагося въ города. Нѣкоторую точку опоры для сужденія объ этомъ дадутъ слѣдующія статистическія сопоставленія, сдѣланныя Гольдштейномъ [2]): въ мѣстечкахъ менѣе 2000 жителей

---

[1]) *Schulze—Gavernitz.* Zum socialen Frieden. 1890. I, 42.

[2]) Goldstein, l. c. 20. Приводимая таблица имѣетъ значеніе лишь иллюстраціи, здѣсь не приняты во вниманіе, какъ это показалъ Баллодъ, всѣ особенности движенія городскаго и сельскаго населенія, которыя должны здѣсь быть усчитаны.

сравненіе фактическаго и естественнаго прироста населенія даетъ слѣдующее:

	естествен. приростъ.	фактическій приростъ.	перевѣсъ естественнаго прироста надъ фактическимъ.
1801—1811	755,000	639,000	116,000
1811—1821	1,069,000	872,000	197,000
1821—1831	1,073,000	714,000	359,000
1831—1841	1,086,000	727,000	359,000

Эта таблица даетъ понятіе, какъ мѣстечки ниже 2000 жителей, можно сказать, деревня отдаетъ свое населеніе въ города. Вотъ аналогичныя цифры для городовъ выше 20,000 жителей. Приростъ населенія естественный и чрезъ иммиграцію.

	естественный приростъ.	иммиграція.
1801—1811	207,000	87,000
1811—1821	314,000	150,000
1821—1831	384,000	314,000
1831—1841	415,000	344,000

Первоначальная экспропріація образуетъ такимъ образомъ отправной пунктъ, съ котораго начинается „тяга въ городъ“, продолжающаяся и до нашего времени и возбуждающая столько противорѣчивыхъ чувствъ,—мрачную тревогу въ однихъ, розовыя надежды въ другихъ. Но, очевидно, потребность промышленности въ рабочей силѣ (поскольку она не удовлетворяется еще мелкими производителями, которые теряютъ самостоятельность и идутъ на фабрику: напр. ручные ткачи, суконщики, гвоздари и пр. и пр.) можетъ развиваться медленно и не сразу, между тѣмъ внезапная экспропріація освобождаетъ большое количество рабочихъ рукъ. Если бы размѣры этой экспропріаціи (плюсъ естественный приростъ населенія) были таковы, что лишь удовлетворили бы потребности промышленности, и вся масса экспропріированныхъ отлила бы въ городъ, сельское хозяйство осталось бы въ такомъ положеніи, въ какомъ до извѣстной степени оно находится теперь: безъ рабочихъ или съ ихъ недостаточнымъ количествомъ. Капиталистическое земледѣліе было бы, конечно, невозможно, а слѣдовательно, невозможно и то извлеченіе дохода, ради котораго оно ведется. Условіемъ существованія капиталистическаго земле-

дѣлія является поэтому то, чтобы экспропріація была достаточно велика не только для изобильнаго удовлетворенія человѣческимъ матеріаломъ нуждъ промышленности, но и для обезпеченія потребностей земледѣлія. Земледѣльческій пролетаріатъ есть, такимъ образомъ, самый тяжелый слой, который осаждается внизу при полной степени насыщенія территоріи населеніемъ: переполненіе всѣхъ другихъ сферъ труда есть главная цѣпь, которая привязываетъ сельскохозяйственнаго рабочаго къ землѣ [1]).

Случайныя условія сдѣлали эту цѣпь въ первые 10—12 лѣтъ XIX вѣка не столь тяжелой, какъ она могла бы быть безъ этихъ условій, это—континентальныя войны [2]) и возникшій въ

---

[1]) Извѣстный Вильямъ Якобъ (тотъ самый, который былъ консуломъ въ Германіи и котораго Листъ назвалъ политикоэкономическимъ шпіономъ Великобританіи) далъ слѣдующее показаніе предъ коммиссіей 1821 года: „извѣстна-ли вамъ хоть какая нибудь отрасль промышленности въ странѣ, которая страдала бы отъ недостатка труда (understocked with labour?) ‘Я не знаю ни одной“ (Minutes of evidence, 372). Членъ коммиссіи Curven изъ Кемберлэнда далъ слѣдующее показаніе: „Думаете-ли вы, что, если рабочіе будутъ вытѣснены изъ земледѣлія, они найдутъ мѣсто въ другихъ занятіяхъ? Нѣтъ, я не вижу возможности этого, потому что то количество людей, которое занято уже въ промышленности, способно произвести на треть болѣе нежели можетъ вмѣстить какой бы то ни было рынокъ; и потому каждый рабочій, теряющій свое мѣсто въ земледѣліи, изъ производительнаго рабочаго непосредственно превращается въ общественное бремя и тягость“ (Minutes of evidence, 65).

Извѣстный уже намъ Oliver, бывшій фермеръ изъ Lothian, далъ предъ коммиссіей 1833 года такое показаніе: 3259. „Не думаете-ли вы, что расширеніе мануфактуры, проистекающее изъ возрастанія спроса континента, которое соотвѣтствуетъ нашему спросу на иностранный хлѣбъ, поглотитъ всѣхъ, кто вытѣсненъ изъ земледѣлія? Я не знаю; это очень сомнительно; наше мануфактурное населеніе въ настоящее время вовсе не вполнѣ занято (nothing more than employed); для достиженія этого требуется еще расширеніе нашей внѣшней торговли; это не можетъ быть достигнуто разомъ; во всякомъ случаѣ пройдетъ нѣсколько лѣтъ страданій земледѣльческихъ рабочихъ, прежде, чѣмъ все это устроится“.

[2]) Свидѣт. Wakefield даетъ слѣдующее, напр., показаніе передъ коммиссіей 1821 года: „я вспоминаю, что до 1813 года мы затруднялись найти рабочихъ для сбора урожая; я самъ, будучи фермеромъ, опасался, что я не найду рабочихъ рукъ для сбора хлѣба, прежде чѣмъ онъ не перезрѣетъ; но съ тѣхъ поръ какъ спросъ людей для арміи и флота прекратился, рабочіе имѣются въ такомъ изобиліи, что они ищутъ средства для существованія, въ особенности домовую ренту получить отъ прихода и т. д.“ (Minutes of evidence, 212).

результатѣ ихъ, а также хлѣбныхъ законовъ подъемъ цѣнъ на хлѣбъ, сразу увеличившій площадь земледѣлія. Называю эти условія случайными какъ не вытекающія изъ внутренней логики изучаемаго процесса развитія, но явившіяся плодомъ внѣшнихъ причинъ. Условія эти усилили спросъ на рабочую силу и тѣмъ самымъ подняли заработную плату сельскаго рабочаго. Нельзя съ увѣренностью сказать, чтобы это поднятіе соотвѣтствовало повышенію цѣнъ на сельскохозяйственные продукты, прежде всего на хлѣбъ, и несомнѣнно, плата эта стояла на самомъ низкомъ Existenzminimum'ѣ, но во всякомъ случаѣ положеніе дѣлъ было еще сносно, сравнительно съ послѣдующей эпохой [1]). Заслуживаетъ вниманія то измѣненіе въ организаціи сельскохозяйственнаго труда, которое было прямымъ результатомъ высокихъ цѣнъ на хлѣбъ въ началѣ вѣка. Категорія рабочихъ, жившихъ на полномъ содержаніи фермера и представлявшихъ нѣчто среднее между рабочими и прислугой, замѣняется наемными рабочими: содержаніе натурой становится невыгоднымъ для фермера, разъ хлѣбъ и другіе продукты потребленія рабочаго находятъ выгодный сбытъ на рынкѣ, на мѣсто первой категоріи становится категорія поденщиковъ. Разумѣется, перемѣна эта вела не къ выгодѣ послѣдней категоріи, какъ это явствуетъ уже изъ того, что экономическій raison d'être этой замѣны состоялъ въ стремленіи къ сокращенію издержекъ [2]).

Начиная съ 1814 года положеніе дѣлъ, какъ мы уже знаемъ, рѣзко измѣняется. Искусственному развитію земледѣлія приходитъ конецъ, начинается угнетенное состояніе. Фермеръ и лэндлордъ стараются переложить другъ на друга тяжесть несенія кризиса.

Рабочій классъ попадаетъ между двухъ движущихся валовъ, оба борющіеся класса стараются вознаградить себя на его счетъ, какъ стороны, неспособной оказать активнаго сопротивленія. Плодомъ этой борьбы является дьявольская система, весь позоръ

---

[1]) По даннымъ Юнга, напр. заработная плата составляла въ 1790—1803 годахъ $16^3/_4$ шил. въ мѣсяцъ, въ 1804—1810 уже 20 шил; по даннымъ Джозіа Истона она равнялась въ 1773—82 гг. 1 ш. 2 п. въ недѣлю, въ 1783—1792 гг. 1 ш. 3 п., въ 1793—1802 гг 2 ш., въ 1803—1812 гг. 2 ш. 4 п. Гасбахъ думаетъ, что „положеніе до 1813—14 годовъ было благопріятнѣе нежели можно заключать на основаніи цифръ“ (l. c. 189).

[2]) Обстоятельное выясненіе этого вопроса см. у Hasbach, l. c 189—191.

которой не можетъ достаточно заклеймить исторія. Всякій, знакомый съ англійской исторіей, догадается, что рѣчь идетъ о законахъ о бѣдныхъ и примѣненіи этихъ законовъ къ сельскохозяйственнымъ рабочимъ.

Въ основаніи системы лежитъ изданный еще въ 1782 году законъ Гильберта, такъ называемый Gilberts Act, который измѣнялъ назначеніе работныхъ домовъ (workhouses) въ томъ смыслѣ, что отнынѣ въ немъ содержатся лишь лица, неспособныя къ труду, лица же, могущія работать, должны быть занимаемы внѣ рабочаго дома. Заработная плата этихъ рабочихъ взималась приходской организаціей, которая выдавала сама содержаніе призрѣваемымъ, независимо отъ количества ихъ заработка, а также въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдняго совсѣмъ не было. Такая практика, вначалѣ необязательная, была узаконена въ 1796 году. Законъ этотъ возложилъ, такимъ образомъ, на приходы обязанность содержать работоспособныхъ лицъ, создавая или находя имъ работу въ періоды безработицы.

Другимъ основаніемъ системы былъ такъ называемый Speenhamland Act of Parliament. Подъ этимъ именемъ разумѣется постановленіе относительно доплаты изъ прихода въ случаѣ недостаточности заработной платы работоспособнымъ бѣднымъ. Первоначально практика эта появилась въ Беркшайрѣ, гдѣ мировые судьи опредѣляли скалу заработной платы соотвѣтственно размѣрамъ семейства и цѣнамъ хлѣба. Фермеры приглашались платить согласно этой „bread and children scale“, но въ томъ случаѣ, если этого не дѣлалось, разница доплачивалась изъ приходской кассы для бѣдныхъ. Система доплатъ (allowance) скоро распространилась и въ другихъ графствахъ. Иниціаторъ этой мѣры ректоръ Дэвисъ (Davies) изъ Беркшайра имѣлъ въ виду придти на помощь рабочему населенію въ эпоху быстраго и рѣзкаго поднятія хлѣбныхъ цѣнъ.

Мы имѣемъ мало свѣдѣній о примѣненіи обоихъ этихъ установленій въ періодъ до 1814 года. Можно думать, что они не имѣли обширнаго практическаго значенія. Съ полной силой оно выступаетъ въ эпоху кризиса, когда значительная часть земледѣльческой Англіи оказывается поражена разъѣдающей болѣзнью пауперизма.

Стремленіе ренты сократить земледѣльческій профитъ встрѣчало ожесточенное сопротивленіе со стороны фермеровъ. Профитъ,

побѣжденный въ открытомъ бою, избралъ окольный путь, чтобы переложить на земельную ренту часть тяжести кризиса и соразмѣрно уменьшить ее. Этимъ окольнымъ путемъ явился способъ систематической недоплаты сельскохозяйственнымъ рабочимъ необходимаго для физическаго существованія, причемъ недостающее возмѣщалось тѣмъ или другимъ способомъ изъ приходской кассы; а такъ какъ налогъ для бѣдныхъ взимался со всего населенія, и, прежде всего, съ лэндлорда, то фермерамъ удавалось такимъ образомъ переложить на него часть необходимѣйшихъ издержекъ производства, а тѣмъ косвенно уменьшить и ренту. Превращеніе сельскохозяйственныхъ рабочихъ въ пауперовъ, получающихъ постоянную поддержку изъ приходскихъ кассъ, было, слѣдовательно, результатомъ борьбы фермеровъ и землевладѣльцевъ, спеціально англійской организаціи сельскаго хозяйства; оттого мы нигдѣ болѣе и не встрѣчаемъ подобной системы.

Охарактеризуемъ эту систему словами оффиціальнаго отчета относительно заработной платы сельскохозяйственныхъ рабочихъ, появившагося въ 1824 году [1]). „Изъ показаній свидѣтелей, а также и другихъ свѣдѣній, собранныхъ настоящей коммиссіей, явствуетъ, что въ нѣкоторыхъ округахъ этой страны работоспособные (able-bodied) рабочіе посылаются [2]) по фермерамъ, и получаютъ часть, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и все свое содержаніе отъ прихода, тогда какъ работаютъ на земляхъ частныхъ лицъ. Такая практика впервые, несомнѣнно, появилась какъ средство создать занятіе для избыточныхъ рабочихъ прихода; но вслѣдствіе злоупотребленій, почти неизбѣжныхъ, обратилась въ средство обязывать приходъ платить за трудъ, который можетъ быть нанятъ и оплаченъ частными лицами. Это злоупотребленіе обыкновенно вытекаетъ непосредственно изъ обычая посылать незанятыхъ рабочихъ на поиски работы на фермахъ въ приходѣ. Фермеръ, чувствуя себя обремененнымъ большимъ количествомъ труда, нежели ему требуется, естественно стремится экономить, отпуская рабочихъ, въ которыхъ онъ наименѣе нуждается, и полагаясь на доставку рабочихъ приходомъ для тѣхъ

[1]) Заглавіе этого превосходнаго отчета таково: Report from the Select Committee on labourers wages. 1824.

[2]) Въ подлинникѣ „sent round“. Система отправленія рабочихъ приходомъ съ цѣлью отысканія имъ работы называлась „rounds“, „to be in round“.

работъ, которыя до сихъ поръ выполнялись на его собственный счетъ. Указываютъ примѣръ, что у фермера прекратилась возка, потому что онъ не получилъ того числа посылаемыхъ приходомъ рабочихъ (roundsmen), котораго онъ ожидалъ. Такимъ образомъ, зло отъ такой практики увеличивается само собою; и постоянный усердно трудящійся рабочій, нанимавшійся по договору, превращается въ деградированнаго и непроизводительнаго пенсіонера прихода.

Въ другихъ частяхъ страны эта практика развилась въ весьма обширныхъ размѣрахъ съ той цѣлью, чтобы уменьшить доходы духовенства прихода и платить за издержки одного класса лицъ изъ дохода другихъ. Въ приходѣ Hurtsmonceaux въ Сёссексѣ заработная плата рабочимъ сведена такимъ образомъ до 6 пенсовъ въ день, и священнику сосѣдняго прихода было поставлено условіемъ введеніе того же самаго образа дѣйствій. Такая практика есть естественный результатъ другой, значительно болѣе распространенной, именно доплатъ вспомоществованій рабочимъ для содержанія дѣтей ихъ. Въ нѣкоторыхъ графствахъ, какъ напр. Бедфордшайрѣ эти приплаты обыкновенно начинаются, когда у рабочаго появляется первый ребенокъ, потому что заработная плата такъ низка, что для него является почти невозможнымъ поддерживать жену и ребенка безъ помощи прихода. Зло, проистекающее изъ вышеописанной системы, можетъ быть охарактеризовано слѣдующимъ образомъ.

Во-первыхъ. Предприниматель не получаетъ производительнаго (efficient) труда отъ рабочаго, котораго онъ нанимаетъ. Напримѣръ, въ нѣкоторыхъ частяхъ Норфолька, рабочій совершенно увѣренъ въ полученіи отъ прихода поддержки, вполнѣ достаточной для содержанія своего семейства, слѣдовательно, для него является безразличнымъ, зарабатываетъ ли онъ значительную или малую сумму. Поэтому очевидно, что отвращеніе къ труду является послѣдствіемъ столь порочной системы. Тотъ, чье существованіе обезпечено безъ труда, причемъ однако онъ не можетъ и самымъ тяжелымъ трудомъ добиться большаго, чѣмъ безусловно необходимо для существованія, будетъ естественно лѣнивый и безпечный работникъ [1]). Нерѣдко работа, выполняемая

[1]) Свидѣтель Cooper изъ Нортгамптоншайра, допрошенный предъ коммиссіей 1833 года, далъ слѣдующее показаніе: 9595... „рабочіе на фермахъ въ настоящее время далеко уже не такъ хороши, какъ были обык-

четырьмя или пятью подобными рабочими, не доходитъ по своимъ результатамъ до того, что можетъ быть легко сдѣлано однимъ рабочимъ, получающимъ поурочную плату.

Во-вторыхъ. Лица, которыя не нуждаются въ земледѣльческомъ трудѣ (farm labour), обязываются принимать участіе въ оплатѣ труда, выполняемаго для другихъ. Это бываетъ въ томъ случаѣ, когда рабочіе, которыя необходимо должны быть наняты фермеромъ, получаютъ отъ прихода нѣкоторую часть своей платы, причемъ, если бы она не была выплачена такимъ образомъ, эта плата была бы уплачена самими фермерами.

Въ-третьихъ. Поощряется избыточное населеніе; лица, которыя получаютъ лишь малое подаяніе, знаютъ, что имъ достаточно только жениться, и это подаяніе будетъ увеличено пропорціонально числу ихъ дѣтей. Между тѣмъ предложеніе труда по прежнему регулируется спросомъ, и приходы обременяются 30, 40, 50-ю рабочими, которые не могутъ найти себѣ заработка и которые служатъ къ тому, чтобы ухудшить положеніе своихъ товарищей-рабочихъ того же прихода. Интеллигентный свидѣтель, имѣвшій большой опытъ въ наймѣ рабочихъ, констатируетъ, что, жалуясь на недостаточность приходской помощи, они не рѣдко говорили ему: „мы женимся и вы должны будете насъ поддерживать“ (maintain us) [1]).

новенно прежде. Причина, которой я приписываю это, заключается въ томъ, что они оплачиваются теперь не въ соотвѣтствіи своимъ заслугамъ, они оплачиваются лишь въ соотвѣтствіи своимъ нуждамъ, это вовсе не побуждаетъ его повышать свой трудъ и дѣлаютъ его безразличнымъ относительно полученія необходимаго; потому, если онъ имѣетъ жену и четверыхъ или пятерыхъ дѣтей, онъ можетъ ничего не дѣлая получить отъ наблюдателя (overseer) за бѣдными столько же, сколько онъ можетъ заработать у фермера; поэтому такой человѣкъ очень часто, если онъ не хорошо обставленъ, будетъ намѣренно оскорблять всѣхъ своихъ предпринимателей и становится такимъ образомъ скорѣе въ тягость нежели въ пользу, съ той цѣлью, чтобы поступить на содержаніе прихода, отъ котораго онъ будетъ получать, конечно, ту же самую сумму денегъ, какую онъ могъ бы получить за свой трудъ“.

[1]) Свид. Comely изъ Гампшайра, спрошенный предъ коммиссіей 1833 года, показалъ: 3856. Сравнительно съ своими нуждами не лучше-ли обставленъ рабочій при большемъ, нежели при меньшемъ числѣ дѣтей, напр. съ пятью или шестью не лучше-ли чѣмъ съ двумя или тремя? Конечно, если мужу и женѣ удастся имѣть семью, состоящую изъ нихъ самихъ и 5 маленькихъ дѣтей, онъ живетъ лучше съ поддержкой отъ прихода нежели

Въ-четвертыхъ. Еще болѣе худшимъ послѣдствіемъ этой системы является развращеніе и порча характера рабочаго класса“ (3—4).

Такіе порядки, по словамъ отчета, встрѣчаются по всей Англіи, хотя въ гораздо большихъ размѣрахъ на земледѣльческомъ югѣ [1]), нежели промышленномъ сѣверѣ [2]). Такъ въ Нортум-

---

мужъ съ женой и тремя взрослыми дѣтьми, потому что на маленькихъ дѣтей дается большая прибавка, нежели на взрослыхъ“. Свид. Cooper изъ Нортгамптоншайра показалъ: 9707. „.. молодые люди, получавшіе малое подаяніе за свой трудъ, женились намѣренно, чтобы увеличить прибавки, получаемыя ими отъ прихода“.

[1]) Эта пауперизація рабочаго населенія въ южныхъ графствахъ Англіи оставила настолько глубокіе слѣды на характерѣ рабочаго, что они чувствуются до сихъ поръ. Russell Garnier въ своей книгѣ The Annals of British Peasantry (London 1895, стр. 418—19) говоритъ: „болѣе низкое качество южныхъ рабочихъ отчасти объясняется, безъ сомнѣнія, этнологическими условіями. Но его можно также приписать дѣйствію пауперизаціи при господствѣ прежнихъ законовъ о бѣдныхъ. Утрата самостоятельности и уваженія къ себѣ, которая постигла тогда наше крестьянство, сдѣлались наслѣдственны. Ибо цѣлый рядъ поколѣній находился на границѣ отъ голодной смерти (half starved) благодаря совокупности обстоятельствъ, которыя дѣлали цѣны высокими, а заработную плату низкою... Для южнаго рабочаго необходимы поэтому самыя точныя указанія со стороны фермера или управляющаго относительно его ежедневныхъ обязанностей. Результатомъ является то, что ни его дневной трудъ, ни заработная плата не могутъ сравняться съ трудомъ и платой сѣвернаго рабочаго“. Перу Garnier принадлежитъ также двухтомная A History of English Landed Interest. London 1892—93.

[2]) Различіе между сѣверомъ и югомъ дѣлаетъ и отчетъ коммиссіи 1833 года: „успокоительны показанія относительно сѣверныхъ графствъ Англіи, гдѣ лица, способныя къ труду, содержатъ себя и свои семейства на заработную плату безъ помощи изъ налога для бѣдныхъ; но значительныя злоупотребленія господствуютъ, повидимому, въ южныхъ графствахъ, гдѣ плата выплачивается изъ налога для бѣдныхъ, гдѣ система „roundsmen“ установилась уже давно, гдѣ отецъ семейства получаетъ увеличенную прибавку при рожденіи каждаго ребенка, гдѣ предложеніе труда избыточно, и гдѣ, такимъ образомъ, выдается косвенная премія за непредусмотрительные браки и увеличеніе населенія“ (Report, VI). Ср. также слѣдующую общую характеристику системы въ показаніи свидѣтеля Slaney, депутата отъ Shrewsbury, данномъ предъ коммиссіей о бѣдныхъ 1831 года: „мнѣ кажется, что общее положеніе рабочихъ ухудшается, а естественная цѣнность его труда уменьшается злоупотребленіями въ практикѣ закона о бѣдныхъ въ южныхъ округахъ Англіи. Помимо того, что это является во всѣхъ смыслахъ вреднымъ для рабочихъ, мнѣ кажется также, что это

берлэндѣ плата составляетъ 12 шил. въ недѣлю, и семейные рабочіе не получаютъ здѣсь помощи; тоже въ Кумберлэндѣ, гдѣ рабочіе живутъ „комфортабельно и независимо“. Въ Линкольнширѣ плата составляетъ 7—8 шил. въ недѣлю; помощь со стороны прихода требуется при трехъ дѣтяхъ. Въ Олдгэмскомъ округѣ плата составляетъ 12—18 шил. въ недѣлю и практика помощи со стороны прихода совершенно неизвѣстна. Въ Іоркшайрѣ плата равняется 12 шил. въ недѣлю, но въ нѣкоторыхъ частяхъ этого графства приходская помощь значительно распространена. Въ Стаффордшайрѣ плата составляетъ около 10 шил , и семейные рабочіе получаютъ помощь отъ прихода. Самая низкая плата существуетъ въ одномъ изъ округовъ Кента, гдѣ въ одномъ приходѣ платится 6 пенсовъ въ недѣлю, въ 4—8 п., въ 11—1 ш. 6 п., въ 4—2 шил. и во многихъ 1 ш. въ день. Въ Суффолькѣ, Сессексѣ, Бедфордшайрѣ, Беккингэмшайрѣ, Дорсетшайрѣ и Вильтшайрѣ приходская помощь весьма распространена. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ графствъ платится 9 или 8 ш., въ другихъ — 5 шил., въ нѣкоторыхъ округахъ заработная плата была и остается 3 шил. въ недѣлю одному и $4^1/_2$ шил. мужу съ женой. Нужно припомнить, что эти платы существовали въ эпоху такой дороговизны хлѣба и другихъ предметовъ питанія, какой не было во всей дальнѣйшей исторіи, чтобы понять всю ихъ недостаточность и невозможность существованія безъ при-

---

является весьма вреднымъ и для интересовъ сельскихъ жителей (landed gentlemen) этого округа; потому что, кажется, содержать бѣдныхъ такъ, какъ они содержатся въ нѣкоторыхъ изъ южныхъ округовъ Англіи, много дороже, чѣмъ слѣдовать лучшей практикѣ сѣвера, гдѣ рабочіе хорошо оплачиваются.—Какія злоупотребленія вы разумѣете? Въ южныхъ дистриктахъ Англіи преобладаютъ три или четыре злоупотребленія. Прежде всего ренты (домовыя?) работоспособныхъ лицъ выплачиваются изъ налога для бѣдныхъ; во-вторыхъ, прибавка для дѣтей ихъ (я говорю все время относительно работоспособныхъ лицъ); въ 3-хъ, заработная плата выплачивается изъ налога для бѣдныхъ. Эта система примѣнялась въ различныхъ изъ южныхъ округовъ. Заработная плата выплачивалась соотвѣтственно размѣрамъ семейства, согласно опредѣленной и неизмѣнной скалѣ, варьирующей лишь въ соотвѣтствіи цѣнѣ пшеницы; въ другихъ мѣстахъ, хотя и безъ этой скалы, но согласно тому же дурному принципу этотъ порядокъ преобладалъ въ 16 или 18 изъ южныхъ графствъ, и я думаю, если провести линію чрезъ королевство отъ Глочестера до Гулля, всѣ графства къ югу отъ этой линіи болѣе или менѣе затронуты этой практикой, о которой я говорю“.

ходской помощи. Позднѣйшіе отчеты показываютъ распространеніе системы приплатъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ.

Цитированныя слова оффиціальнаго отчета даютъ настолько полную характеристику положенія дѣла, что намъ остается прибавить очень немногое.

Какъ уже упомянуто выше, задачей разсматриваемой системы было переложить бремя кризиса съ плечъ фермера на чужія плечи и перевести нѣкоторую часть ренты обратно въ карманъ фермера. Въ отдѣльныхъ случаяхъ цѣль эта достигалась въ такихъ размѣрахъ, которые трудно даже предположить. Указываются примѣры, когда налогъ для бѣдныхъ поглощалъ всю ренту, земля оставалась незапаханной и заброшенной. Неудивительно, что наибольшую вражду къ этому налогу проявили именно лэндлорды. Но наиболѣе сильные изъ нихъ искали освободиться отъ него обходнымъ путемъ. Въ тѣхъ случаяхъ, если земля большей части прихода составляла собственность одного или немногихъ крупныхъ землевладѣльцевъ, они разрушали коттеджи и не дозволяли селиться на своей землѣ. Не забудемъ, что право на поддержку со стороны прихода давалось жительствомъ въ этомъ мѣстѣ, продолжительность котораго опредѣлялась различно. Устраняя возможность „settlement“, лэндлордъ устранялъ и необходимость поддержки бѣдныхъ, которые скоплялись въ сосѣднихъ приходахъ, принадлежавшихъ многимъ мелкимъ владѣльцамъ, и оттуда уже ходили на работу въ „закрытые приходы“ (closed-parishes, въ противоположность open-parishes. Изъ этого различія вытекла система рабочихъ бандъ, съ которой мы познакомимся ниже). Сильнѣйшій перелагалъ тяжесть на слабѣйшаго, но больнѣй всего доставалось при этомъ рабочему, in corpore vili котораго производились всѣ эти эксперименты. Положеніе труда, стѣсненнаго правомъ поселенія (которому соотвѣтствовало law of removal, право высылки недостаточныхъ членовъ, не имѣющихъ правъ на поддержку отъ общины), становилось еще тяжелѣе, оттого что неравномѣрность распредѣленія рабочаго населенія благодаря этимъ мѣрамъ усиливалась. Налогъ для бѣдныхъ тяжело ложился также на мелкихъ торговцевъ, ремесленниковъ, а также на мелкихъ фермеровъ, которые не имѣли возможности переложить его на лэндлордовъ. Въ этомъ обстоятельствѣ Гасбахъ справедливо усма-

тривается одну изъ причинъ, способствовавшихъ гибели мелкаго фермерства [1]).

Налогъ для бѣдныхъ далъ возможность фермерамъ не только понизить заработную плату ниже Existenz-minimum'а, но и сократить время, въ теченіе котораго занятъ былъ рабочій. Мы видѣли, что въ эпоху высокихъ цѣнъ на хлѣбъ фермеры стремились замѣнить слугъ, жившихъ въ ихъ домѣ и на ихъ содержаніи, наемными поденщиками, которые восполнялись временно занимаемыми рабочими. Теперь явилась возможность расширить послѣднюю категорію на счетъ первой; въ зимнее время рабочіе поступали на счетъ прихода. Это составило лишнюю возможность переложенія части издержекъ производства на счетъ другихъ общественныхъ классовъ.

Но этимъ не исчерпывается вредное вліяніе приходской помощи на организацію сельскохозяйственнаго труда. Какъ отчасти было указано и выше, „свободные“ рабочіе, т. е. существовавшіе своимъ трудомъ и не получавшіе помощи отъ прихода, вынуждались превращаться въ приходскихъ пенсіонеровъ, ибо плата опредѣлялась, конечно, уровнемъ потребностей этихъ послѣднихъ, слѣдовательно, стояла ниже Existenz-minimum'а. По удачному сравненію Гасбаха, „какъ въ странахъ съ бумажной валютой при ростущемъ дизажіо бумажныхъ денегъ выпускаются все большее количество этихъ послѣднихъ, такъ и въ Англіи съ ростомъ дизажіо свободнаго труда все увеличивалось число безработныхъ и приходскихъ пенсіонеровъ“ [2]).

Таковъ было окончательный итогъ борьбы фермеровъ и лэндлордовъ. Англійскій сельскохозяйственный рабочій былъ не только пролетаризированъ, онъ былъ обезчещенъ; отъ него была отнята возможность существованія честнымъ трудомъ, онъ былъ насильственно превращенъ въ нищаго. Wakefield, знаменитый эконо-

[1]) Hasbach, l. c. 195.

[2]) Hasbach, l. c. 198. Мы встрѣчаемъ даже случаи спекуляціи на этой почвѣ. Свид Hodges изъ Кента, допрошенный предъ коммиссіей 1826 года относительно эмиграціи, далъ слѣдующее показаніе: 1961. „Приписываете-ли вы приростъ населенія обстоятельству, имѣющему мѣсто въ настоящее время, именно, что плата за трудъ выплачивается изъ налоговъ для бѣдныхъ? Конечно, извѣстно, что безчисленные почти коттэджи были построены за послѣднее время лицами, спекулирующими на приходскія приплаты въ качествѣ ренты за нихъ“ (Report from the Select Committee on emigration from the United Kingdom. 1826. Minutes of evidence).

мистъ того времени, съ которымъ мы еще встрѣтимся впереди, говоритъ: „сельскій рабочій южной Англіи. . . . не рабъ, но и не свободный человѣкъ, онъ—нищій“ [1]). Свидѣтелю Wakefield'y (не имѣющему ничего общаго съ упомянутымъ экономистомъ кромѣ имени), допрошенному коммиссіей 1821 года, былъ заданъ слѣдующій великолѣпный вопросъ: „думаете-ли вы, что понятія сельскохозяйственнаго труда и налога для бѣдныхъ настолько сливаются, что трудно ихъ логически различить между собою“? На что и послѣдовалъ не менѣе великолѣпный отвѣтъ: „въ земледѣльческихъ округахъ они въ значительной степени сливаются между собою“ [2]). Кажется, дальше идти было некуда . . . . [3]).

Нетрудно понять, что изучаемая система превращенія сельскохозяйственныхъ рабочихъ въ пауперовъ предполагаетъ наличность одного условія: избыточнаго населенія въ деревняхъ. Безъ этого условія является совершенно необъяснимой возможность

[1]) England and America, v. I, p. 47. Цит. у Маркса, Капиталъ, I, 59.

[2]) In your opinion, are the poor rates and agricultural labour so mixed together, that it is very difficult to distinguish in reasoning, one from the other? In agricultural districts they are much mixed together“ (Report on the state of Agriculture. 1821. Minutes of evidence, 213).

[3]) Съ одинаковымъ негодованіемъ про эту систему говорятъ всѣ писатели, занимавшіеся этимъ вопросомъ. Панегиристъ Портеръ даетъ, напр., слѣдующую характеристику: „однимъ изъ самыхъ большихъ золъ, которыя существовали при администраціи прежнихъ законовъ о бѣдныхъ, была практика уплаты части вознагражденія за трудъ изъ налоговъ, взимаемыхъ на содержаніе неимущихъ бѣдняковъ. Несправедливость этой практики вполнѣ признана въ настоящее время. Это было несправедливо относительно тѣхъ лицъ, которыя, хотя и принимали участіе въ несеніи налога, не могли или не хотѣли примѣнять этотъ способъ пониженія платы; это было еще болѣе несправедливо по отношенію къ самимъ рабочимъ, которые подвергались физическому и моральному злу, и это зло отражалось на обществѣ тысячами различныхъ способовъ. При такой системѣ рабочій земледѣльческихъ округовъ неизбѣжно становился пауперомъ; онъ былъ лишенъ всѣхъ средствъ развитія добродѣтели предусмотрительности, и становился почти неизбѣжно непредусмотрителенъ; онъ привыкалъ смотрѣть на приходскую помощь какъ на свою собственность и т. д.“ (Progress of nations, 92) Аштоттъ, авторъ монографіи объ англійскихъ законахъ о бѣдныхъ, переведенной и на англійскій языкъ, говоритъ: актомъ Гильберта „была похоронена самостоятельность большей части англійскихъ рабочихъ Они разсматривали себя какъ „пенсіонеровъ кассы бѣдныхъ“, на которую они считали себя уполномоченными, независимо отъ цѣнности и качества труда (Gneist)“ (*Aschrott.* Das englische Armenwesen. Leipzig. 1886, стр. 30)

этой системы, которая предполагаетъ всѣ невыгоды въ сдѣлкѣ между продавцомъ и покупателемъ рабочей силы на сторонѣ перваго, а всѣ выгоды на сторонѣ послѣдняго, что возможно лишь при превышеніи предложенія надъ спросомъ. Мы упомянули уже, что экспропріація доставила готовый источникъ снабженія рабочей силой какъ для капиталистической промышленности, такъ и земледѣлія. Въ высшей степени невѣроятно, чтобы экспропріировано было именно такое количество, которое могло бы быть поглощено рынкомъ,—это совпаденіе можно было бы объяснить лишь случайностью. Гораздо вѣроятнѣе предположить, что уже при самой экспропріаціи имѣлся избытокъ рабочей силы, который, какъ бы малъ онъ ни былъ, тяжело давилъ на предложеніе; это — запасной фондъ рабочей силы, нужный для обезпеченія ею капиталистическаго производства, расширяющагося на первыхъ порахъ экстенсивно, т. е. создающаго или захватывающаго все новыя и новыя сферы производства. Наличность такого избытка рабочей силы въ результатѣ первоначальной экспропріаціи явствуетъ уже и изъ того, что на первый взглядъ является какъ бы доказательствомъ противоположнаго, а именно изъ отсутствія рѣзко выраженныхъ признаковъ перенаселенія въ первые 12—13 лѣтъ XIX вѣка. Это время отмѣчено чрезвычайнымъ спросомъ на рабочую силу, который созданъ былъ потребностями войны. И несмотря на это значительное ея отвлеченіе, нѣтъ никакихъ серьезныхъ признаковъ (кромѣ отдѣльныхъ указаній), которые показывали бы, чтобы это отвлеченіе болѣзненно чувствовалось въ земледѣліи и промышленности недостаткомъ рабочихъ рукъ. Умолчаніе это краснорѣчиво, если принять во вниманіе, какъ много и охотно жалуются имущіе классы въ первую треть XIX вѣка въ Англіи. Но за то, едва кончилась война и прекратился искусственный спросъ на рабочую силу (правда, съ этимъ совпало и начало земледѣльческой депрессіи), какъ начинается процвѣтаніе системы пауперизаціи рабочихъ. И—краснорѣчивый фактъ! — настоящее гнѣздо эта система свиваетъ себѣ на земледѣльческомъ югѣ, гдѣ, благодаря слабому развитію промышленности и отсутствію копей, спросъ на трудъ меньше, и всего слабѣе на сѣверѣ, центрѣ промышленности и рудниковъ: наиболѣе свободнымъ отъ язвы пауперизма оказывается Нортумберлэндъ, хотя и онъ страдалъ отъ аграрной депрессіи не меньше остальныхъ графствъ.

Есть другая причина, заставляющая предполагать отсутствіе равновѣсія спроса и предложенія. Это—способъ размноженія населенія. Извѣстно различіе между крестьянскимъ и пролетарскимъ способомъ размноженія населенія. Оно выяснится болѣе изъ дальнѣйшаго изложенія, здѣсь достаточно указать общеизвѣстный эмпирически фактъ, что пролетарское размноженіе значительно превышаетъ крестьянское. Экспропріація превратила крестьянъ въ пролетаріевъ, она уничтожила ту простоту задачи приспособленія населенія къ средствамъ существованія, которая отличала крестьянское хозяйство натуральнохозяйственнаго типа. Значительное потрясеніе народной жизни всегда отражается на движеніи населенія. Достойно замѣчанія въ этомъ отношеніи, что въ теченіе всего *XIX* .вѣка, да, пожалуй, и всей своей исторіи Англія *никогда* не имѣла такого прироста населенія, какъ въ первыя десятилѣтія XIX вѣка. Вотъ цифры [1]) относительнаго прироста населенія отъ ценза до ценза:

---

[1]) Приростъ населенія слѣдуетъ, до извѣстной степени, отнести, конечно, и на счетъ повышенія емкости территоріи вслѣдствіе развитія промышленности, какъ это было замѣчено уже Торнтономъ „Безпечность, проистекающая отчасти вслѣдствіе крайней бѣдности и отчасти вызываемая вліяніемъ законовъ о бѣдныхъ, несомнѣнно значительно увеличила бѣдность благодаря многочисленнымъ бракамъ среди извѣстныхъ классовъ; но нельзя утверждать, чтобы это была единственная или даже главная причина колоссальнаго прогресса, который сдѣлало населеніе въ теченіе настоящаго столѣтія, а также и послѣдней части предыдущаго. Непредусмотрительные браки бѣдняковъ могутъ увеличить только ихъ собственный классъ, но въ промежутокъ отъ 1801 до 1811 года число жителей Англіи и Уэльса возросло съ 8,872,980 до 10,150,615, разница въ 1,277,635, и смѣшно вообразить, чтобы этотъ огромный приростъ состоялъ изъ лицъ, лишенныхъ нужныхъ средствъ существованія. Хотя нѣкоторыя части населенія обѣднѣли, общее богатство націи быстро и непрерывно расло, и много различныхъ классовъ, на которые распространилось это благодѣтельное дѣйствіе прироста богатства, увеличилось пропорціонально увеличенію количества средствъ существованія. Приростъ населенія обязанъ, поэтому, въ значительной мѣрѣ увеличенію средствъ существованія, и, если бы онъ не перешелъ границъ, опредѣляемыхъ этимъ увеличеніемъ, онъ былъ бы скорѣе благодѣяніемъ, нежели зломъ. Но внезапный ростъ пауперизма и нужды свидѣтельствуетъ, что этотъ ростъ перешелъ свои границы, и не можетъ быть сомнѣнія, что главной причиной этого излишка были черезчуръ многочисленные браки среди бѣдняковъ“ (*Thornton.* Overpopulation and its remedy. London. 1846. Стр. 221—3).

1811—1821	18,06%
1821—1831	15,80%
1831—1841	14,48
1841—1851	12,65
1851—1861	11,90
1861—1871	13,20
1871—1881	14,36
1881—1891	11,65

Но въ Англіи приростъ населенія вызывался искусственно, законодательствомъ о бѣдныхъ, скажутъ намъ. Нѣтъ основаній ни утверждать, ни отрицать противное. Я лично думаю, что это законодательство сыграло здѣсь роль усиливающей, а не производящей причины, и приростъ населенія былъ бы значителенъ и безъ этого законодательства, въ силу одного народнохозяйственнаго потрясенія, во время котораго деградированное населеніе теряетъ возможность регулировать такъ или иначе свой приростъ. Замѣтимъ, что изучаемое нами здѣсь перенаселеніе не подходитъ ни подъ одинъ изъ установленныхъ Марксомъ типовъ относительнаго перенаселенія, потому что всѣ они имѣютъ дѣло съ развитымъ капиталистическимъ производствомъ и находятся въ тѣсной зависимости отъ послѣдняго. Между тѣмъ настоящее перенаселеніе, проистекающее изъ первоначальной экспропріаціи и главное свое сѣдалище имѣющее въ деревнѣ, отличается существенно иными чертами: оно и логически и хронологически является prius капиталистическаго производства, его правильнѣе всего назвать поэтому предкапиталистическимъ перенаселеніемъ. Но оно продолжается и въ первыя эпохи капиталистическаго производства, составляя его запасный фондъ. Ниже нами будетъ выяснено культурно-историческое значеніе предкапиталистическаго перенаселенія. Здѣсь же ограничимся констатированіемъ факта существованія перенаселенія, какими бы причинами, естественными или искусственными, оно ни вызывалось и какое бы значеніе оно ни имѣло.

Фактъ этотъ сознавался современниками, парламентскіе отчеты полны жалобами на существованіе избыточнаго перенаселенія. Въ 1826 году была назначена спеціальная парламентская коммиссія для изслѣдованія вопроса объ эмиграціи, которою думали придти на помощь существующему злу. Въ первомъ отчетѣ этой коммиссіи

читаемъ: „на основаніи свидѣтельскихъ показаній предъ настоящей коммиссіей были установлены слѣдующіе факты. Во-первыхъ, существуютъ обширные дистрикты въ Англіи, Ирландіи и Шотландіи, гдѣ населеніе въ настоящее время избыточно (redundant), другими словами, гдѣ существуетъ весьма значительная часть работоспособныхъ и дѣятельныхъ рабочихъ сверхъ того числа, которому можно найти занятіе при существующемъ спросѣ. Слѣдствіемъ этого перенаселенія является не только то, что часть его ввергается въ глубокую нищету и лишенія, но также и ухудшается общее положеніе рабочаго класса. Такъ какъ благодаря этому является излишекъ въ предложеніи труда сравнительно со спросомъ, заработная плата необходимо понижается до minimum'а, во всякомъ случаѣ недостаточнаго для снабженія населенія средствами существованія, которыя необходимы для обезпеченія здороваго и удовлетворительнаго состоянія общества“ [1]). Какъ средство помощи, коммиссія рекомендуетъ эмиграцію. Любопытна аргументація, гдѣ выступаетъ теорія заработнаго фонда, въ данномъ случаѣ вполнѣ умѣстная и являющаяся адэкватнымъ выраженіемъ реальнаго положенія вещей (такъ же какъ адэкватнымъ выраженіемъ дѣйствительныхъ отношеній эпохи является теорія народонаселенія Мальтуса и ученіе о „желѣзномъ“ законѣ заработной платы Рикардо). „Если въ данномъ дистриктѣ, читаемъ въ отчетѣ, требуется только 900 человѣкъ для его надлежащей обработки, и если фактически здѣсь имѣется 1000, которые всѣ въ большей или меньшей степени заняты, очевидно,—предположимъ-ли мы этотъ случай въ Англіи или въ Ирландіи, — что фондъ вознагражденія за трудъ дѣлится между 1000 вмѣсто 900 человѣкъ, а результатомъ можетъ быть и, вѣроятно, будетъ то, что всѣ 1000 получатъ менѣе чѣмъ необходимо для поддержанія существованія, и что положеніе *всѣхъ* ихъ представляетъ картину нужды и лишеній; но если 100 рабочихъ будутъ удалены изъ этого округа, и такимъ способомъ предложеніе труда сдѣлается пропорціонально реальному спросу, заработная плата необходимо поднимется, и положеніе остающихся 900 будетъ существенно улучшено; и что еще болѣе важно, дѣйствительная работа, выполняемая этими 900 работниками, находящимися теперь въ улучшенномъ

[1]) Report from the Select Committee on Emigration from the United Kingdom. 1826. Стр. 3.

положеніи, можетъ и даже будетъ равняться, если только не превышать работу, которую выполняли прежде 1000 рабочихъ при недостаточной сравнительно оплатѣ ихъ труда“ (10). Приведу еще характерное показаніе свидѣтеля Hodges относительно одной изъ наиболѣе перенаселенныхъ мѣстностей. 1367. „Можете-ли вы освѣдомить коммиссію о состояніи пауперизма въ дистриктахъ, непосредственно примыкающихъ къ вашему мѣстожительству въ Кентѣ? Въ округѣ Кента, въ которомъ я живу, (въ такъ называемомъ Weald of Kent—Кентскій лѣсъ) существуетъ почти въ каждомъ приходѣ и уже въ теченіе многихъ лѣтъ населеніе, значительно превышающее то количество, которое требуется для земледѣлія; послѣдствіемъ является то, что приходы находятся въ значительной нуждѣ, налогъ для бѣдныхъ страшно высокъ, и этимъ людямъ были принуждены давать занятіе на дорогахъ, о вредномъ вліяніи чего я не считаю нужнымъ распространяться; въ результатѣ этого, единственно возможный путь, которымъ приходы могутъ нѣсколько облегчить свою тяжесть, является поощреніе эмиграціи, и волна эмиграціи въ настоящее время направляется изъ этой страны въ Нью-Іоркъ. 1413. Думаете-ли вы, что удаленіе бѣдныхъ рабочихъ будетъ имѣть своимъ результатомъ повышеніе заработной платы остающихся и общее улучшеніе положенія населенія? Несомнѣнно; не существуетъ даже ни малѣйшаго вопроса объ этомъ, еслибы только число лицъ въ каждомъ приходѣ было приведено къ уровню дѣйствительнаго спроса на нихъ; мы можемъ занимать теперь, при усовершенствованныхъ системахъ земледѣлія, большее количество труда, нежели могли 40 лѣтъ назадъ; еслибы многіе изъ этихъ рабочихъ были удалены, оставшіеся могли бы диктовать свои собственныя условія вознагражденія за свой трудъ“ [1]).

Второй отчетъ коммиссіи объ эмиграціи, 1827 года, посвященъ, главнымъ образомъ, перенаселенію въ мануфактурныхъ округахъ. Хотя это не входитъ прямо въ предметъ нашего непосредственнаго изученія, все же интересно и для насъ, насколько показываетъ, что перенаселеніе не ограничивалось только земледѣльческими округами, но что и другія сферы труда были переполнены и не могли дать мѣста избыточному земледѣльческому

[1]) Report... on emigration 1826. Minutes of evidence. Ср. также показанія Curteis'a, 1166 и др.

населенію. Приведемъ изъ него поэтому нѣкоторыя выдержки [1]): „въ дополненіе къ общимъ причинамъ, которыя вызвали во многихъ частяхъ Соединеннаго Королевства избыточное населеніе, или, лучше сказать, нарушеніе пропорціональности между спросомъ и предложеніемъ труда, въ нѣкоторыхъ мануфактурныхъ округахъ произошло важное измѣненіе, которое продолжается постепенно, но неуклонно и теперь, именно переходъ отъ пряденья ручнымъ веретеномъ (Hand-loom) къ механическому (Power-loom). Нѣкоторое время развитіе хлопчатобумажной промышленности было настолько быстро, что поглотило если не всѣ, то почти всѣ руки, вытѣсненныя изъ прежняго занятія, въ новой болѣе продуктивной системѣ производства. Но затрудненія, проистекшія изъ временной заминки въ торговлѣ, скоро обрушились двойной тяжестью на ткачей благодаря соединенному дѣйствію уменьшившагося спроса на продуктъ этой промышленности и возросшей производительности“ [2]). Особенно пострадало графство Ланкастеръ, часть Чешайра, Западный округъ (West Riding) Йоркшайра и Кемберленда. Существуетъ два разряда ручныхъ ткачей, „почти вполнѣ различныхъ другъ отъ друга: одинъ классъ—тѣ, которые, хотя и работаютъ въ своихъ собственныхъ домахъ или подвалахъ (? cellars), сосредоточиваются въ большихъ мануфактурныхъ городахъ; другой классъ это тѣ, которые разсѣяны въ небольшихъ деревушкахъ или отдѣльныхъ домикахъ въ мануфактурныхъ графствахъ. Коммиссія желала бы обратить вниманіе палаты въ особенности на положеніе этого послѣдняго класса, хотя оба они находятся въ положеніи, въ высшей степени заслуживающемъ сожалѣнія. Повидимому, лица этой категоріи нѣсколько лѣтъ тому назадъ были арендаторами небольшихъ фермъ, изъ небольшого количества акровъ, которое они снимали за высокую ренту; и, соединяя занятіе ручнаго ткача (Hand-loom weaver) съ занятіемъ рабочаго фермера, они возвышали ренту отъ своей земли прибылью отъ своего веретена. Бѣдствія послѣдняго времени обрушились на этотъ классъ съ особенною тяжестью. Тогда какъ упадокъ ихъ мануфактурныхъ занятій сдѣлалъ ихъ неспособными взносить ренты, которыя они должны были платить въ каче-

[1]) Ср. свидѣтельскія показанія, цитированныя выше, въ примѣчаніи къ стр. 201.

[2]) Second report from the Select Committee on Emigration from the United Kingdom. 1827. Стр. 3.

ствѣ земледѣльцевъ, они оказались вынуждены поддерживать еще, какъ плательщики налога для бѣдныхъ, тѣхъ изъ своихъ товарищей-ткачей, которые были заняты только въ одной мануфактурѣ. И остатки честной гордости и стыда удерживали многихъ изъ нихъ, находящихся въ состояніи крайней бѣдности, отъ пользованія приходской помощью; другіе же изъ нихъ, благодаря отдаленности разстоянія недоступные для взоровъ установленныхъ чиновниковъ, влачили существованіе до тѣхъ поръ, пока не была внезапно открыта крайняя степень нищеты и болѣзней, въ которой они находятся“ (5).

Перенаселеніе струилось, такимъ образомъ, съ разныхъ сторонъ, причемъ всѣ источники его приводили къ одному результату, переполненію рабочаго рынка [1]), которому, конечно мало могла помочь эмиграція, при тогдашнихъ условіяхъ незначительная [2]).

Сказаннымъ характеризуется среднее, нормальное состояніе населенія въ эту эпоху. Естественно, что въ пору наибольшаго

---

[1]) Мы имѣемъ прямыя указанія относительно того, что терявшіе свои заработки ткачи являлись конкуррентами рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ Правда, они относятся только къ Шотландіи, но нѣтъ основаній думать, чтобы того же не было и въ Англіи. Свидѣтель Maxwell изъ Шотландіи. 626. „... если ткачи испытываютъ затрудненія въ нахожденіи занятій въ своей собственной профессіи, они обращаются къ сельскому труду (country labour) и тѣмъ вызываютъ бѣдствія среди рабочихъ, но ихъ источникъ коренится въ ткацкомъ промыслѣ“. Свидѣтель Hunton, мануфактуристъ изъ Carlisle. 2848. „Не понижается-ли въ вашемъ округѣ вообще норма заработной платы какъ въ земледѣліи, такъ и въ промышленности? Я думаю, что заработная плата сильно понизилась, благодаря тому, что значительное число рукъ потеряло свое занятіе среди ткачей“ (Third report from the Select Committee on Emigration from the United Kingdom. 1827. Minutes of evidence. Отчетъ этотъ посвященъ главнымъ образомъ Ирландіи).

[2]) Точныхъ данныхъ относительно эмиграціи изъ Англіи за этотъ періодъ быть не можетъ, благодаря способу регистраціи: до 1856 года регистрировались всѣ эмигранты, выѣзжавшіе на корабляхъ изъ Соединеннаго Королевства, безъ различія мѣста, откуда направляется эмиграція. Общее число эмигрантовъ изъ Соединеннаго Королевства въ періодъ 1815—20 равно 123,528, въ періодъ 1821—1830 равно 249,910. См *Rathgen.* Englische Auswanderung und Auswanderungspolitik im neunzehntem Jahrhundert. Leipzig 1896. Anhang. Ср также статью *v. Philippovich.* Die Auswanderung aus Grossbritannien. въ Handworterbuch der Staatswissenschaften. 2 Aufl. II, 91—8.

обострения аграрной депрессіи, кризиса, обостряется и болѣзнь. Мы встрѣчаемъ поэтому въ отчетахъ объ аграрной депрессіи усиленныя жалобы на чрезвычайное перенаселеніе, вызванное недостаткомъ капитала и увѣренности („confidence") у фермеровъ. Острая нужда 1821 года выбросила много рабочихъ, которые до сихъ поръ имѣли занятія. То же обостреніе, хотя и въ меньшей степени, произошло въ 30-хъ годахъ. Приведемъ нѣкоторыя интересныя показанія предъ коммиссіей палаты лордовъ относительно законовъ о бѣдныхъ. Свидѣтель свящ. James Beard, Clergyman and Magistrat Бедфорскаго графства изъ прихода Cranfield. „Вы утверждаете относительно прихода Cranfield, что тамъ теперь около четверти рабочихъ не имѣютъ занятія? Да. Можете-ли вы указать, какъ долго это продолжается? Это продолжается всегда отъ средины ноября до конца февраля. Но сколько лѣтъ это продолжается? Послѣдніе 12 лѣтъ. Не знаете-ли, больше-ли теперь лишенныхъ занятія, чѣмъ раньше? Конечно, да. Не знаете-ли вы причинъ, почему теперь болѣе безработныхъ, нежели было въ эпоху перваго вашего знакомства съ приходомъ? Стали бѣднѣе фермеры. Когда вы начали замѣчать, что обѣднѣніе фермеровъ уменьшило число сельскохозяйственныхъ рабочихъ? Это усилилось со времени вопроса о денежномъ обращеніи [1]).

---

[1]) Report from the select Committee of the House of Lords appointed to consider of the poor laws. 1831. Minutes of evidence, 10. Въ Minutes of evidence предъ коммиссіей 1821 года имѣются слѣдующія характерныя показанія. Свид. Harvey. „Вы свидѣтельствуете, что въ разсматриваемыхъ приходахъ нѣтъ мануфактуръ и что налогъ для бѣдныхъ съ 1814 года возросъ до 4 шиллинговъ съ фунта, можете ли вы объяснить это? проистекаетъ-ли это вслѣдствіе прироста населенія, низкаго уровня заработной платы или отъ какой-либо другой причины? Оттого, что худшіе (inferior) рабочіе потеряли заработокъ, и потому приходится занимать ихъ на дорогахъ подъ наблюденіемъ надзирателя забиваньемъ пескомъ ямъ. Не знаете-ли вы какихъ-либо другихъ причинъ? Конечно, знаю; неспособность фермеровъ платить имъ—первая причина; сравнительно лишь немного лѣтъ я знаю рабочихъ въ нашемъ приходѣ, не имѣющихъ заработка; лишь самые послѣдніе нѣсколько лѣтъ мы были обязаны поддерживать лицъ, въ которыхъ мы не нуждаемся, но мы посылаемъ на дороги по 8, 9, 10 человѣкъ; отъ этого мало толку, но все же это лучше чѣмъ праздность. По вашему мнѣнію, налогъ для бѣдныхъ возросъ вслѣдствіе неспособности земледѣльцевъ дать занятіе бѣднымъ? Конечно". Свидѣтель Edmonds изъ Соммерсетшайра: „вообще говоря, имѣется-ли избыточное населеніе въ Соммерсетшайрѣ? Да, конечно; иногда мы обязаны

Свид. Hodges изъ Кента. „Вы приписываете значительную долю вашихъ теперешнихъ затрудненій въ вашемъ графствѣ избыточному населенію? Безъ сомнѣнія“. Свидѣтель всегда находилъ, что въ графствѣ населеніе имѣетъ тенденцію возростать больше, чѣмъ спросъ на трудъ; но прежде молодые люди шли въ Лондонъ и другіе большіе города, а за послѣднее время они такъ запружены ирландскими рабочими, что уже нѣтъ отлива перенаселенія. (21). Свид. Partington изъ Сессекса также далъ показаніе: „извѣстно-ли вамъ, что въ Weald of Sussex существуетъ значительное избыточное населеніе? Весьма значительное“ (70). Налогъ для бѣдныхъ не можетъ быть, по мнѣнію свидѣтеля уменьшенъ, пока существуетъ такое „overpopulation“. Вообще вопросъ о существованіи „superabondant“, „surplus“ или „over-population“ предлагается почти всѣмъ свидѣтелямъ, допрошеннымъ передъ коммиссіей, и почти всѣ они отвѣчали на этотъ вопросъ утвердительно. Въ отчетѣ коммиссіи 1833 года точно также читаемъ: „общій характеръ (general tenor) свидѣтельскихъ показаній таковъ, что во многихъ округахъ страны предложеніе сельскохозяйственныхъ рабочихъ болѣе чѣмъ спросъ на нихъ, и что несоотвѣтствіе проистекаетъ главнымъ образомъ вслѣдствіе неспособности фермеровъ затрачивать такое количество труда на землю, которое требуется для ея наилучшей (perfect) обработки“ (Report, ix). Нѣкоторыя интересныя свидѣтельскія показанія приводимъ въ примѣчаніи [1]).

посылать сразу по 30—40 человѣкъ, даже женщинъ, таскать камни изъ каменоломни въ зимнее время; я самъ посылалъ заразъ по 35—40 человѣкъ“ (186). Этотъ способъ созданія занятія безработнымъ въ видѣ какихъ-нибудь малополезныхъ или безполезныхъ работъ Гасбахъ не безъ основанія сравниваетъ съ практикой французскихъ національныхъ мастерскихъ въ 1849 году. Да и вообще организація труда чрезъ посредство прихода носитъ нѣкоторыя *внѣшнія* соціалистическія черты. Усиленно подчеркивая слово „внѣшнія“, я хочу привести лишній примѣръ того, какъ мало значитъ форма безъ содержанія или какое противоположное значеніе можетъ имѣть таже форма при разномъ содержаніи. Это показываетъ, какъ малообоснователенъ вѣра во всемогущество извѣстныхъ формъ организаціи народнаго хозяйства самихъ по себѣ, безъ соотвѣтствующихъ экономическихъ, психологическихъ и общественныхъ предпосылокъ,— результатъ преувеличенно механическаго воззрѣнія на общество и его развитіе.

[1]) Свид. Murrey, земельный агентъ. 179. „Не улучшается-ли постепенно положеніе рабочихъ? Нѣтъ, я не думаю, чтобы оно постепенно улучшалось; теперь занято не такъ много рабочихъ; лишь хорошіе рабочіе имѣютъ

Нужно-ли добавлять, что положеніе сельскохозяйственныхъ рабочихъ оставалось неизмѣнно или даже ухудшалось, какъ о томъ свидѣтельствуютъ всѣ отчеты того времени. Лишь въ отчетѣ коммиссіи 1833 года отмѣчается нѣкоторое улучшеніе въ положеніи рабочихъ, имѣющихъ постоянное занятіе (Report. vii), но

занятіе въ настоящее время 180 Много-ли рабочихъ не имѣютъ занятій въ Южномъ Уэльсѣ? Да, значительное число посредственныхъ (indifferent) рабочихъ". Изъ этого показанія видно, что избытокъ рабочихъ рукъ давалъ фермерамъ возможность выбирать наилучшихъ рабочихъ за самую дешевую плату. Въ томъ же смыслѣ интересно и слѣдующее показаніе Hughes изъ Woodford'a (въ Вильтшайрѣ). 1105 „Лучше или хуже положеніе имѣющихъ занятіе рабочихъ нежели было до сихъ поръ? Еслибы рабочіе имѣли постоянное занятіе и имъ платилась бы справедливая (fair) заработная плата, то я не знаю времени, когда бы они находились въ лучшемъ положеніи чѣмъ теперь (Отвѣтъ по истинѣ дипломатическій!) 1108. Если существуетъ много излишнихъ рабочихъ въ каждомъ приходѣ, почему же норма заработной платы не падаетъ вслѣдствіе конкурренціи? Это вообще является желаніемъ землевладѣльцевъ, чтобы заработная плата не опускалась ниже извѣстнаго уровня, и вообще говоря, я не знаю фермеровъ, которые бы особенно желали спускать ее ниже уровня справедливой заработной платы; они платятъ излишнимъ работникамъ очень низкія цѣны, но постоянные рабочіе оплачиваются очень хорошо. 1109. Какимъ же образомъ дѣлается выборъ между избыточными (surplus) и постоянными рабочими? Избыточные рабочіе суть тѣ, которыхъ никто не хочетъ брать; обыкновенно это люди, обладающіе самымъ дурнымъ характеромъ въ приходѣ, и никто не хочетъ ихъ брать, хотя бы и могъ имъ помочь; тѣ же, которые занимаютъ ихъ, говорятъ: „я не нуждаюсь въ васъ, и если вамъ нужно получить занятіе, то я даю вамъ очень низкую цѣну". 1110. Эти лица, вообще говоря, суть дѣйствительно лѣнивый народъ съ дурнымъ характеромъ? Не всѣ; конечно, они не обладаютъ лучшимъ характеромъ, но многіе изъ нихъ, могу сказать, очень честные, хорошіе люди". Великолѣпно это различіе „хорошихъ" и „дурныхъ" характеровъ, которое оплачивается различной платой! Перенаселеніе даетъ фермеру почти феодальныя привиллегіи. Свидѣтель указываетъ далѣе увеличеніе „излишнихъ" рабочихъ и соотвѣтствующее уменьшеніе постоянныхъ, въ особенности послѣдніе три-четыре года. Свидѣтель наивно добавляетъ: „вообще говоря, лѣтомъ нѣтъ избыточныхъ работниковъ, но они есть въ зимнюю часть года" (1118). Итакъ, лѣтомъ характеръ рабочихъ исправляется, а зимой портится. 1122. „Если фермеръ нуждается въ нихъ только въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ, развѣ не естественно, чтобы онъ содержалъ ихъ и въ зимніе мѣсяцы? Когда я только начиналъ свое дѣло, было въ обычаѣ нанимать ихъ на цѣлый годъ и давать имъ занятіе зимой, но теперь этого уже нѣтъ". Свидѣтель объясняетъ это недостаткомъ капитала у фермеровъ.

эта категорія составляла меньшинство, къ тому же постоянно убывавшее, а съ другой стороны и это свидѣтельствуется далеко не единодушно. На 30-е годы падаетъ эпоха поджоговъ со стороны сельскохозяйственныхъ рабочихъ, выведенныхъ изъ себя дружными усиліями лэндлордовъ и фермеровъ.

Изъ предыдущаго слѣдуетъ, что наличность аграрнаго перенаселенія, которое предполагаетъ своимъ условіемъ общее перенаселеніе, переполненіе всѣхъ сферъ и промышленнаго труда, составляетъ отличительную черту экономической жизни Англіи первой трети XIX вѣка. Мы не встрѣчаемъ ни до, ни послѣ такихъ сплошныхъ жалобъ на перенаселеніе, которыми переполнены тогдашніе отчеты. У насъ нѣтъ средствъ выдѣлить, насколько перенаселеніе это было результатомъ естественныхъ причинъ, и насколько оно усиливалось законодательствомъ о бѣдныхъ. Но во всякомъ случаѣ остается непонятнымъ и составляетъ особый вопросъ, какимъ образомъ могла существовать такая безумная система въ теченіе 40 лѣтъ. Объяснять это ошибкой или недоразумѣніемъ было бы наивностью; къ тому же вредъ ея достаточно ясно сознавался современниками, какъ видно изъ многочисленныхъ свидѣтельствъ. Единственно возможнымъ способомъ объяснить это яввяется предположеніе, что какіе-нибудь могущественные интересы стояли за эту систему, что для кого-нибудь она была выгодна, или, по крайней мѣрѣ, что отрицательныя стороны системы неразрывно были связаны съ положительными выгодами, и ради послѣднихъ терпѣлись и первыя. Ясно, что весь этотъ порядокъ вещей создался и поддерживался сильною рукой фермерства, для котораго законы о бѣдныхъ служили средствомъ удешевленія рабочей силы и пониженія издержекъ производства.

Неужели, однако, превращеніе свободнаго рабочаго въ пауперa, одичаніе рабочаго является средствомъ удешевленія труда? Такой способъ пониженія издержекъ производства для всякой сферы промышленнаго труда былъ бы самоубійственнымъ: вѣдь это почти то же, что отдать современныя (или даже тогдашнія) орудія труда, машины и т. д. рабамъ, ради дешевизны рабочей силы рабовъ. Для каждаго ясно, что рабскій трудъ оказался бы крайне дорогимъ, если бы вообще производство при этомъ условіи было возможно; крайне сомнительно, чтобы иной результатъ получился и при такой пауперизаціи рабочаго населенія, какъ это было въ сельскомъ хозяйствѣ. Совсѣмъ напротивъ въ этомъ

послѣднемъ. Я не отважусь утверждать, чтобы здѣсь оказался выгоденъ трудъ рабовъ, но выгодность труда пауперовъ—историческій фактъ. Фактъ этотъ можетъ быть понятенъ только изъ общаго характера земледѣльческаго труда, какъ онъ выясненъ былъ во введеніи. Въ силу того, что земледѣліе является для деревенскихъ жителей самымъ простымъ, грубымъ трудомъ, здѣсь второстепенную роль играетъ качество труда, оно можетъ быть замѣщаемо количествомъ. Фермеръ и слѣдовалъ именно этому методу: тамъ, гдѣ требуется 10 рабочихъ, онъ ставилъ 15 пауперовъ, они дѣлали ему то же самое, а онъ платилъ имъ за это дешевле, предоставляя приплачивать изъ приходской кассы, т. е. въ значительной мѣрѣ изъ чужого кармана недостающее для скуднаго существованія. Трудъ пауперовъ имѣлъ, такимъ образомъ, главное достоинство въ глазахъ фермера, —дешевизну, и на этой дешевизнѣ строилось поддержаніе statu quo въ эпохи депрессіи или даже прогрессъ сельскаго хозяйства. Въ цитированномъ уже показаніи священника Beard'a предъ коммиссіей о бѣдныхъ 1831 года находимъ слѣдующее любопытное сообщеніе: „По вашимъ словамъ, земли воздѣлываются теперь по прежнему хорошо? Да. Вы теперь на тѣ же деньги покупаете гораздо большее количество труда? Бѣдные работаютъ дешевле? Да; бѣдные работаютъ дешевле, много дешевле, конкурренція труда такъ велика. Увеличилось-ли количество хлѣба, производимаго въ Англіи, насколько вы можете судить на основаніи своихъ наблюденій? Я долженъ рѣшительно сказать, что насколько это касается всего Бедфордшайра, земледѣліе въ графствѣ весьма улучшилось, а урожаи теперь много лучше чѣмъ послѣдніе двѣнадцать лѣтъ, потому что трудъ настолько дешевъ, что можетъ быть купленъ менѣе чѣмъ за полцѣны. Возрастаніе производства продукта имѣло причиной увеличеніе количества труда? Да“. (Minutes of evidence, 11).

Итакъ, эта дешевизна труда имѣла причиной несоотвѣтствіе спроса и предложенія на рабочемъ рынкѣ. Самую систему приходской помощи можно разсматривать какъ результатъ перенаселенія, наиболѣе она процвѣла въ перенаселенныхъ округахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ она и сама служила источникомъ перенаселенія. Но это послѣднее, увеличивая предложеніе рабочей силы, позволяло понижать заработную плату и превращать рабочихъ, занятыхъ круглый годъ, въ сезонныхъ рабочихъ, отпускаемыхъ на зиму.

Перенаселеніе оказалось такимъ образомъ благодѣтельнымъ для земледѣльческихъ капиталистовъ, въ особенности послѣ того, какъ имъ удалось свалить на плечи прихода тяжесть этого перенаселенія. Вотъ причина необычайной устойчивости законовъ о бѣдныхъ.

Но est modus in rebus, и это должно было скоро обнаружиться и въ данномъ случаѣ. Несмотря на временную выгодность для извѣстной части общества, система эта несетъ въ себѣ свое экономическое осужденіе. Нельзя безнаказанно развращать рабочій классъ, какъ нельзя безнаказанно безъ конца умножать число этихъ развращенныхъ пауперовъ. Ясно, что, если земледѣліе не спрашиваетъ о качествѣ труда, то и оно требуетъ извѣстнаго нравственнаго уровня рабочаго. Къ концу періода господства закона о бѣдныхъ лучшіе хозяева стали уже избѣгать труда приходскихъ пенсіонеровъ, настолько они были лѣнивы, безчестны, ненадежны. Этотъ роковой результатъ законовъ о бѣдныхъ ослабилъ энергію фермеровъ въ ихъ отстаиваніи.

Но съ другой стороны, ростъ количества пауперовъ и ростъ налога для бѣдныхъ въ земледѣльческихъ округахъ сталъ принимать угрожающій характеръ [1]). Бывали случаи, когда налогъ поглощалъ всю ренту, земли оставались незанятыми, ростъ пауперизма находилъ свои естественные предѣлы. Заинтересованные классы, прежде всего, конечно, землевладѣльцы напрягли свою энергію, и законы о бѣдныхъ были измѣнены въ 1834 году. Эту отмѣну долженъ привѣтствовать, конечно, всякій, кому дороги интересы человѣчества [2]), но едва-ли можно считать желательной

[1]) По даннымъ Sir *George Nichols* A History of the english poor law New ed. London. 1898. Томъ II, 287, первый максимумъ налога на бѣдныхъ приходится на 1818 годъ, когда онъ составлялъ 13 ш. 3 п. на голову, при цѣнѣ хлѣба въ 81 ш. 1 п. за квартеръ; второй максимумъ наступаетъ въ 1832 году, когда налогъ составляетъ 10 ш, но при цѣнѣ хлѣба въ 63 ш. 4 п. за квартеръ. Въ 1834 году, въ годъ отмѣны закона, налогъ составлялъ 8 ш. $9^1/_2$ п. при цѣнѣ хлѣба въ 51 ш. 11 п. Но эти общія цифры, въ которыхъ главная доля, вѣроятно, падаетъ на аграрные округа, всетаки не могутъ дать точнаго представленія о ходѣ дѣла въ этихъ послѣднихъ, потому что мы не можемъ выдѣлить ихъ.

[2]) Говоря объ отмѣнѣ законовъ о бѣдныхъ, нельзя не помянуть съ глубокимъ уваженіемъ Мальтуса, который съ рѣдкой любовью къ правдѣ еще въ 20-хъ годахъ указывалъ безсиліе и вредъ законовъ о бѣдныхъ. „Втеченіе этихъ (1815, 1816 и 1817) лѣтъ были установлены два пункта величайшей важности, такъ что они не могутъ уже возбуждать сомнѣнія въ умѣ каждаго мыслящаго человѣка, читаемъ мы у Мальтуса.

отмѣну этихъ законовъ *разомъ*, безъ всякихъ мѣръ для смягченія зла, которое было уже создано и еще имѣло быть создано въ трудную переходную эпоху. Рабочій классъ и здѣсь явился игрушкой интересовъ борющихся классовъ, и нынѣшніе приходскіе пен-

---

Во-первыхъ, что страна фактически не выполняетъ обѣщанія, которое она дѣлаетъ по отношенію къ бѣднымъ въ законахъ о бѣдныхъ,— содержать ихъ и давать занятіе посредствомъ приходскаго обложенія тѣмъ, которые неспособны поддерживать себя или свое семейство, отъ недостатка-ли работы или по какой-либо другой причинѣ. И во-вторыхъ, что при значительномъ ростѣ приходскаго обложенія, вспомоществуемаго щедрыми и похвальными даяніями частной благотворительности, страна совершенно неспособна найти соотвѣтствующее занятіе для многочисленныхъ рабочихъ и ремесленниковъ, которые могутъ и хотятъ работать". (Essay on population, 6-е изд 1826 года, послѣднее при жизни автора, т. II, 96). Тѣ, кто считаютъ Мальтуса врагомъ рабочихъ, пусть оцѣнятъ мужественную правдивость слѣдующаго отзыва: „Не можетъ быть серьезно утверждаемо, что законы о бѣдныхъ исполняютъ дѣйствительно то, что они обѣщаютъ, разъ извѣстно, что многія, почти умирающія отъ голода семейства были находимы въ Лондонѣ и другихъ большихъ городахъ,— они удерживались отъ того, чтобы идти въ рабочіе дома, грязные, нездоровые, переполненные, если только они и туда могли быть приняты; разъ извѣстно, что многіе приходы абсолютно неспособны повышать необходимое обложеніе, ростъ котораго, согласно существующимъ законамъ, стремится отдать на руки прихода все большее число лицъ, дѣлая такимъ образомъ все менѣе достаточнымъ собираемое; и разъ извѣстно, что раздается общій крикъ съ одного конца королевства до другого о помощи частной благотворительности вдобавокъ къ приходскому обложенію. Эти строгія доказательства недѣйствительности законовъ о бѣдныхъ могутъ быть разсматриваемы не только какъ неопровержимый аргументъ въ пользу того факта, что они не исполняютъ обѣщаннаго, но и дѣлаютъ весьма вѣроятнымъ предположеніе, что они и не могутъ сдѣлать этого. Наилучшая изъ всѣхъ причинъ для нарушенія обѣщанія это абсолютная невозможность его исполнить; это единственное оправданіе, которое всегда имѣетъ силу Но хотя, можетъ быть, и вполнѣ простительно не выполнять невозможнаго, но непростительно сознательно давать такія обѣщанія" (97). Мальтусъ говоритъ далѣе, что его обвиняютъ въ желаніи закономъ воспретить бракъ бѣднякамъ; это не правда. „Въ дѣйствительности я предложилъ совсѣмъ другую мѣру. Это *постепенная и очень постепенная* (*gradual* and *very gradual*) отмѣна законовъ о бѣдныхъ" (109. Курсивъ автора. Мы видѣли, что пожеланіе Мальтуса относительно постепенности отмѣны законовъ о бѣдныхъ не было исполнено). „И причиной, благодаря которой я рѣшился предложить на разсмотрѣніе такое предложеніе, является мое твердое убѣжденіе, что они несомнѣнно понизили заработную плату, сдѣлали общее положеніе рабочихъ классовъ значительно хуже, чѣмъ оно было бы, еслибы эти законы никогда не

сіонеры по волѣ одного класса завтра предоставляются самимъ себѣ по волѣ другого.

Законъ 1834 года постановилъ, что лица, нуждающіяся въ поддержкѣ, призрѣваются въ рабочихъ домахъ (in-door relief); приходы не должны болѣе искать работы для незанятыхъ рабочихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣняется и система приплатъ къ заработной платѣ (allowance). Рабочіе, около 40 лѣтъ бывшіе приходскими пенсіонерами, предоставляются теперь самимъ себѣ. Въ исторіи англійскихъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ начинается новая эра. Но прежде, чѣмъ обратиться къ дальнѣйшему изученію ихъ судебъ, намъ слѣдуетъ познакомиться еще съ однимъ результатомъ законовъ о бѣдныхъ, который хронологически является запоздалымъ, но находится въ несомнѣнной съ ними связи. Я разумѣю знаменитую систему бандъ (gangs) сельскохозяйственныхъ рабочихъ.

Мы помнимъ, что крупные лэндлорды, болѣе или менѣе безраздѣльно властвовавшіе въ приходѣ, чтобы освободиться отъ уплаты налога для бѣдныхъ, сносили рабочіе коттэджи и дѣлали такимъ образомъ приходы „закрытыми“ (closed parishes) для поселенія рабочихъ, которые поселялись тогда въ сосѣднихъ „открытыхъ“ (open) приходахъ, гдѣ не было деспотическаго вліянія крупнаго земельнаго собственника. Это раздѣленіе созданное въ эпоху старыхъ законовъ о бѣдныхъ, поддерживалось и послѣ 1834 года, потому что новый законъ не отмѣнилъ принципа территоріальнаго распредѣленія приходской помощи, вслѣдствіе чего данный приходъ обязывался содержать лишь своихъ бѣдняковъ. (Продолжительность settlement дающаго право на поддержку прихода, опредѣлялась въ разныя времена различно, но принципъ этотъ остается въ силѣ и по настоящее время). На почвѣ этого раздѣленія и выросло болотное растеніе—сельскохозяйственныя банды.

существовали“ (ib.) Практическое вліяніе сочиненій Мальтуса на отмѣну законовъ о бѣдныхъ общепризнано. „Безъ споровъ, возбужденныхъ Essay on Population, едва-ли общественное мнѣніе настолько созрѣло бы, чтобы въ 1834 году могъ сдѣлаться закономъ билль такого содержанія. Отмѣна помощи бѣднымъ внѣ рабочаго дома (out-door relief) для работоспособныхъ лицъ была равнозначуща почти съ революціей“ (*Bonar*, Malthus and his work, 1885, стр. 317). За свою агитацію противъ законовъ о бѣдныхъ Мальтусъ долженъ быть причисленъ къ самымъ вѣрнымъ и умнымъ друзьямъ рабочаго класса, защитникамъ его чести.

Страшный призракъ этотъ глянулъ въ глаза англійскому обществу въ 1843 году, когда банды были впервые описаны въ отчетѣ относительно занятія дѣтей и женщинъ въ земледѣліи [1]), но, какъ явствуетъ на основаніи данныхъ этого же отчета, банды появились въ началѣ 30-хъ годовъ (а, можетъ быть, и ранѣе), при старыхъ законахъ о бѣдныхъ и какъ ихъ непосредственный результатъ. Въ отчетѣ констатируется существованіе бандъ на капиталистическомъ югѣ, странѣ крупныхъ капиталистическихъ фермъ и наибольшаго разцвѣта аграрнаго пауперизма, въ Суффолькѣ, Норфолькѣ и Линкольншайрѣ (отдѣльные случаи встрѣчаются и въ другихъ графствахъ). Система бандъ состоитъ въ томъ, что толпы сельскохозяйственныхъ рабочихъ, состоящія изъ рабочихъ обоего пола и дѣтей подъ предводительствомъ gangmeister'a (который мало отличается отъ нихъ) странствуютъ изъ открытыхъ приходовъ по фермамъ закрытыхъ приходовъ и выполняютъ здѣсь всю нужную работу, ночуя въ хлѣвахъ и стойлахъ или же на ночь возвращаясь къ себѣ домой. Вся позорящая жестокость этой системы, превращающей человѣка въ рабочій скотъ, такъ очевидна, что не стоитъ на этомъ и останавливаться. Въ отчетѣ съ особенной подробностію описано одно такое „открытое“ село, Castle Acre, изъ котораго отправлялись банды въ разныя стороны. Село это было, натурально, сплошнымъ вертепомъ, это былъ неизбѣжный результатъ искусственнаго скопленія низшихъ слоевъ земледѣльческаго пролетаріата. „Но какъ ни плоха эта система“,—говоритъ mr. Dennison, авторъ отчета о бандахъ, „я думаю, что злу, существующему въ Castle Acre, нельзя помочь, положивъ конецъ „ganging“: причины его лежатъ глубже. Еслибы при настоящемъ состояніи прихода былъ бы внезапно положенъ конецъ „ganging“, я боюсь, что значительное число лицъ потеряло бы работу, и безнравственность и преступленія въ этомъ селѣ увеличились бы благодаря праздности и бѣдности“ (225). Причину авторъ справедливо видитъ въ политикѣ лэндлордовъ, превращавшихъ свои приходы въ закрытые.

---

[1]) Report of Special Assistant Poor Law Commissioners on the employment of women and children in agriculture. 1843. Обширныя выдержки изъ этого отчета сдѣланы въ приложеніи къ сочиненію Гельда: Zwei Bücher etc. (также и въ русскомъ переводѣ). См. также обстоятельное изложеніе у Гасбаха: l. c., 200 слл. Система бандъ подробно описана также въ книгѣ *Н. А. Каблукова.* Вопросъ о рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Москва. 1883.

Систему бандъ въ полномъ разцвѣтѣ застаетъ еще 1867 годъ, когда она была снова описана въ VI отчетѣ о занятіяхъ дѣтей [1]). Существованіе бандъ въ этомъ отчетѣ отмѣчается опять почти исключительно на югѣ и юговостокѣ Англіи: въ Линкольншайрѣ, Гентингтоншайрѣ, Кэмбриджшайрѣ, Норфолькѣ, Суффолькѣ, Ноттингэмшайрѣ. Спорадически банды встрѣчаются въ Нортгамптонѣ, Бедфордѣ и Рутландѣ. И здѣсь причиной этой системы указываются съ одной стороны „закрытые“ приходы, а съ другой привлеченіе къ воздѣлыванію нѣкоторыхъ новыхъ земель, главнымъ образомъ осушенныхъ болотъ (напр. въ такъ называемомъ Fen-district), гдѣ не были построены коттеджи и потребность въ рабочихъ удовлетворялась рабочими бандами.

Я не буду излагать подробно содержаніе обоихъ отчетовъ, посвященныхъ земледѣльческимъ бандамъ, такъ какъ онѣ уже не разъ описаны въ литературѣ. Отталкивающее безобразіе этого явленія было причиной тому, что его размѣръ и значеніе представляются, быть можетъ, въ нѣсколько преувеличенномъ видѣ. На самомъ дѣлѣ, широкаго количественнаго распространенія эти банды никогда не достигали, и въ эпоху ихъ наибольшаго развитія, въ 1867 году, число лицъ, занятыхъ въ „public gangs“, (насколько оно можетъ, быть, конечно, опредѣлено), по оцѣнкѣ авторовъ отчета, было около 6,399. Для насъ явленіе это имѣетъ скорѣе симптоматическое значеніе, какъ наиболѣе яркое выраженіе особенностей положенія наемнаго земледѣльческаго труда. Слѣдуетъ указать на два общія условія, благодаря которымъ возможна система бандъ (мы упомянули уже вліяніе законовъ о бѣдныхъ и политики лэндлордовъ). Во-первыхъ, она предполагаетъ наличность аграрнаго перенаселенія, въ выше разъясненномъ смыслѣ, т. е. такого избыточнаго населенія, которое, не находя достаточнаго занятія въ земледѣліи, въ то же время не можетъ по условіямъ даннаго момента найти себѣ и не земледѣльческое занятіе. Существованіе перенаселенія было гарантіей того, что фермеръ найдетъ, когда ему нужно, необходимое количество рабочихъ въ „открытыхъ“ приходахъ, и потому ему нѣтъ нужды нанимать

[1]) Children employment Commission. Sixth Report of the Commissioners with Appendix. 1867. Содержаніе наиболѣе интересныхъ частей этого отчета подробно разсказано Марксомъ, который, впрочемъ, совсѣмъ не связалъ этого явленія съ общими судьбами класса сельскохозяйственныхъ рабочихъ.

ихъ на постоянный срокъ. Косвеннымъ тому доказательствомъ являются два факта: во-первыхъ, территоріальное распространеніе системы бандъ,—онѣ процвѣтаютъ все на томъ же перенаселенномъ югѣ или юговостокѣ и совершенно чужды промышленному сѣверу, гдѣ эти банды, очевидно, вмѣсто того, чтобы ожидать, когда онѣ понадобятся фермеру, ушли бы на фабрики или въ копи; во-вторыхъ, банды словно куда-то изчезаютъ, какъ только прекращается то предкапиталистическое аграрное перенаселеніе, которое ихъ создавало, приблизительно къ концу 70-хъ годовъ; въ ближайшей по времени коммиссіи 80-хъ годовъ, гдѣ изслѣдуются въ числѣ другихъ и мѣстности наибольшаго процвѣтанія бандъ, о бандахъ нѣтъ и упоминанія: вѣроятно, они ушли въ города или переселились въ Америку. Коммиссіи 90-хъ годовъ находятъ лишь незначительные ихъ остатки. Вторымъ условіемъ существованія бандъ является ихъ выгодность, дешевизна ихъ труда, т. е. труда одичавшихъ, доведенныхъ до варварскаго состоянія мужчинъ, женщинъ и дѣтей сравнительно съ трудомъ „свободнаго“ рабочаго. Я не буду останавливаться на подробностяхъ этой рабочей организаціи; въ нашихъ цѣляхъ довольно указать общую возможность выгоднаго приложенія столь низкаго качества рабочей силы. Это объясняется также, какъ и выгодность труда приходскихъ пенсіонеровъ: земледѣліе не требуетъ опредѣленнаго качества труда, высшаго качества трудъ можетъ быть замѣненъ большимъ количествомъ низшаго труда, но болѣе дешеваго. Пусть не забываютъ, что эти одичалыя банды работали на лучшихъ хлѣбныхъ поляхъ Англіи, въ эпоху наивысшаго разцвѣта земледѣлія, при обильномъ примѣненіи машинъ и т. д. „Норфолькская система“ и паровой плугъ, очевидно, мирятся съ рабочими бандами.

Но возвратимся къ 1834 году. Онъ принесъ дѣйствительно цѣлую экономическую революцію, ибо какъ можно иначе назвать лишеніе однимъ законодательнымъ актомъ привычнаго содержанія со стороны прихода для многихъ и многихъ людей. Этотъ актъ долженъ былъ обострить то состояніе перенаселенія, въ которомъ находились многіе аграрные округа въ особенности во время аграрнаго кризиса. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ данныхъ для характеристики этой эпохи: теперь, когда ни лэндлорды, ни фермеры уже не заинтересованы были возбуждать парламентскія изслѣдованія, первые—чтобы опорочить законы о бѣдныхъ, вто-

рые—чтобы жаловаться на депрессію, на судьбы рабочаго класса на долгое время опускается занавѣсъ, который лишь случайно приподнимается, время отъ времени, въ разныхъ уголкахъ. У насъ есть нѣсколько отрывочныхъ показаній изъ Minites of evidence предъ коммиссіей 1836 года, свидѣтельствующихъ о наличности перенаселенія, но совершенно недостаточныхъ, чтобы заполнить недостающую высокодраматическую страницу въ исторіи сельскохозяйственныхъ рабочихъ. Милостивая судьба улыбнулась имъ въ ихъ бѣдѣ: отмѣна законовъ о бѣдныхъ совпала съ эпохой промышленнаго подъема 1833—36 гг., а вмѣстѣ и постройки желѣзныхъ дорогъ; это обусловило нѣсколько высшій чѣмъ обычный спросъ на рабочія руки; бывшіе приходскіе пенсіонеры отливали въ города и на постройку желѣзныхъ дорогъ. Были приняты мѣры, содѣйствующія эмиграціи. Но мы не можемъ сказать увѣренно, когда и достаточно ли разрѣжено было населеніе. Косвеннымъ свидѣтельствомъ существованія перенаселенія въ 40-хъ или даже 60-хъ годахъ является только что описанная система рабочихъ бандъ. Мы имѣемъ отъ 50-хъ годовъ свидѣтельство Кэрда, которому нельзя отказать въ знаніи англійскаго земледѣлія (хотя вообще его сочиненія не отличаются никакими теоретическими достоинствами, а его научная репутація гораздо выше той, чѣмъ онъ на самомъ дѣлѣ заслуживаетъ). Въ своемъ описаніи англійскаго земледѣлія въ 1850—51 гг. [1]), онъ говоритъ относительно рабочихъ Вильтшайра: „какъ фермеры, такъ и рабочіе страдаютъ теперь въ этой мѣстности отъ излишняго предложенія труда. Фермеръ вынужденъ употреблять большее количество рабочихъ, нежели требуетъ его теперешній способъ хозяйства, и для того, чтобы не обидѣть себя, онъ платитъ имъ норму заработной платы низшую, чѣмъ достаточно для полученія того количества физической силы, которая необходима для выполненія настоящаго дневного труда. Его трудъ оказывается, поэтому, фактически дороже, нежели тамъ, гдѣ платится достаточная плата, а, соотвѣтственно, и во всѣхъ случаяхъ поурочной платы норма ея здѣсь выше, чѣмъ въ другихъ странахъ, въ которыхъ общее положеніе труда лучше. Мы встрѣчаемъ особенное желаніе эмигрировать среди самихъ рабочихъ, такъ какъ это единственный способъ помочь какъ тѣмъ, которые уходятъ, такъ и тѣмъ, которые остаются

[1]) *James Caird.* English Agriculture in 1850—51. London 1852. Стр. 85.

на мѣстѣ". Такимъ образомъ, съ уничтоженіемъ системы allowances вкусы фермеровъ насчетъ перенаселенія рѣзко измѣнились. Кэрдъ такъ характеризуетъ югъ и сѣверъ: „избытокъ труда, который лежитъ тягостью на собственности и понижаетъ заработную плату на югѣ, не только устранится, какъ только рабочему будетъ предоставлена свобода селиться, гдѣ ему угодно, но эта перемѣна, уравнявъ рынокъ труда, удешевитъ издержки производства и вызоветъ прогрессъ его на сѣверѣ .... отмѣченное неравенство заработной платы и бѣдности не ограничивается отдѣльными приходами или графствами, но раздѣляетъ королевство весьма отчетливой линіей на два географическихъ района. Мы можемъ провести линію по картѣ Англіи: къ югу отъ этой линіи мы будемъ имѣть высокіе налоги для бѣдныхъ и низкую заработную плату, а къ сѣверу отъ нея высокую заработную плату и низкій налогъ для бѣдныхъ; по одну сторону насильственный излишекъ труда, установляющій его цѣну на несправедливомъ уровнѣ и неблагопріятно вліяющій на издержки производства; въ обоихъ этихъ частяхъ тотъ же самый народъ, тотъ же языкъ, нравы и учрежденія, дешевое и быстрое сообщеніе между ними, и нѣтъ другихъ препятствій, кромѣ закона, который усиливаетъ естественное нерасположеніе къ передвиженію и препятствуетъ рабочему человѣку искать наилучшаго рынка для своего труда" [1]). Оставляя въ сторонѣ вопросъ, правъ или не правъ Кэрдъ въ сужденіи о роли law of settlement, изъ приведеннаго отзыва ясно, что въ это время перенаселеніе еще осязательно чувствовалось на земледѣльческомъ югѣ, и что сѣверные фермеры охотно спустили бы плату своимъ рабочимъ, еслибы имъ удалось пріобщиться къ этому источнику.

Была еще спеціальная причина, которая усиливала и дѣлала болѣе тягостнымъ зло перенаселенія. Припомнимъ, что южные фермеры привыкли не платить своимъ рабочимъ полной заработной платы. Когда „out-door relief", занятіе работоспособныхъ лишь внѣ рабочаго дома, а также и система приплатъ была отмѣнена закономъ, фермеръ оказался вынужденъ платить рабочимъ сполна изъ своего кармана. Это непріятное само по себѣ увеличеніе издержекъ производства становилось вдвойнѣ непріятно потому, что на фермерѣ самомъ тяготѣла рента, которую лэндлордъ,

[1]) Caird, l. c. 517.

натурально, не имѣлъ охоты спускать. И потерявъ возможность экономить на счетъ шкуры рабочаго косвенно, чрезъ посредство прихода, фермеръ теперь обращается непосредственно къ этой шкурѣ и ищетъ возможности удешевить производство на ея счетъ. Для этого мало было безграничнаго пониженія въ перенаселенныхъ округахъ платы взрослымъ рабочимъ, подходящимъ средствомъ является эксплуатація труда женщинъ и дѣтей. Количество еще разъ замѣняетъ качество труда, на этотъ разъ въ самой ужасной, безпощадной формѣ. Въ эпоху господства законовъ о бѣдныхъ не слышно о примѣненіи дѣтскаго и женскаго труда въ земледѣліи, — въ нихъ не было нужды, потому что слишкомъ дешево стоилъ трудъ взрослаго рабочаго. Когда отчетомъ 1843 года открывается уголокъ занавѣса, которымъ закрыты были для насъ судьбы рабочихъ, то мы застаемъ уже эксплуатацію женскаго и дѣтскаго труда на всемъ ходу. Но лучше приведемъ подлинныя слова отчета. Mr. Austin сообщаетъ относительно Вильтшайра, Дорсетшайра, Девоншайра и Сомерсетшайра: „повидимому, здѣсь найдется немного семействъ, въ которыхъ бы жена, или ребенокъ, или нѣсколько дѣтей не были заняты въ земледѣльческомъ трудѣ (farm-labour). Дѣти бываютъ заняты гораздо чаще нежели жена; и рѣдко случается найти болѣе или менѣе обширное хозяйство, въ которомъ не работало бы нѣсколько членовъ, кромѣ главы его. Самый низкій заработокъ ребенка, приблизительно, хотя и не вполнѣ, достаточенъ, чтобы содержать его; при этомъ заработокъ жены, тамъ, гдѣ она бываетъ занята, составляетъ очень важное дополненіе къ заработкамъ мужа. Обыкновенно жена и дѣти восполняютъ также средства къ существованію собираніемъ колосьевъ“.

Заработокъ жены и дѣтей отъ сельскохозяйственнаго труда одинаковъ во всѣхъ этихъ графствамъ; но въ значительной части Дорсетшайра, а равно и въ обширныхъ округахъ Девоншайра, существуютъ и другія занятія, въ которыхъ „жена и дѣти сельскохозяйственнаго рабочаго зарабатываютъ столько же или даже больше, чѣмъ могли бы зарабатывать въ земледѣліи“. Такимъ занятіемъ является дѣланіе пуговицъ, изготовленіе кружевъ и т. под. [1]). Отчетъ рисуетъ самое ужасное состояніе жилищныхъ

[1]) Report of Special Assistant Poor Law Commissioners on the employment of women and children in agriculture. 1843. Стр. 16.

условій; женщины и мужчины спятъ въ одной комнатѣ, на одной постели спитъ по нѣскольку человѣкъ; одежда представляетъ собою рубище. И тѣмъ не менѣе въ отчетѣ говорится: „общее заключеніе относительно физическаго состоянія женщинъ, занятыхъ въ земледѣліи, таково, что оно лучше вообще, чѣмъ женщинъ того же класса, но не занятыхъ такимъ образомъ. Причина очевидна: средства семейства увеличиваются благодаря этому заработку; она имѣетъ больше пищи, лучше одѣта и имѣетъ лучшее жилище. Потому ея здоровье лучше“ (23). Низкая заработная плата дѣлаетъ, такимъ образомъ, трудъ женщинъ, а равно и дѣтей экономической необходимостью: это извѣстная метода удешевленія рабочей силы разложеніемъ стоимости ея содержанія на заработки всей семьи. Конечно, нравственность населенія, особенно половая, находится на самомъ низкомъ уровнѣ. Занятія земледѣліемъ исключаютъ для дѣтей возможность посѣщенія школы. Что же получается въ результатѣ труда всей семьи? Объ этомъ краснорѣчиво говоритъ свидѣтельство д-ра Greenup'а изъ Calne, въ Вильтшайрѣ. Онъ находитъ, что хотя земледѣлію не свойственны какія-либо профессіональныя болѣзни, но что здѣсь много болѣзней проистекаетъ отъ недостатка питанія, для котораго зазаработная плата вполнѣ недостаточна, а равнымъ образомъ отъ недостатка одежды, отъ грязи и т. п. „Но хотя всѣ эти послѣднія условія важны и сами по себѣ, но всѣ они отступаютъ на задній планъ по сравненію съ великимъ зломъ — недостаточностью пищи“ (59). Всякія слова блѣднѣютъ предъ этимъ краснорѣчіемъ сухого оффиціальнаго отчета!

Также и извѣстный намъ уже Mr. Dennison свидѣтельствуетъ въ своемъ отчетѣ относительно Суффолька, Норфолька и Линкольна: „настоящее положеніе рабочаго рынка, соединенное съ дѣйствіемъ новаго закона о бѣдныхъ, который предоставилъ рабочій классъ главнымъ образомъ собственнымъ силамъ, принуждаетъ родителей брать своихъ дѣтей изъ школъ, какъ только они могутъ что-либо зарабатывать. И я думаю, является общимъ правиломъ въ этихъ графствахъ, что ученіе приносится въ жертву возможности заработка“ [1]).

[1]) ibid., 217. Ср. также показанія Кау предъ Lords Committee on the Poor Law Amendment Act. Цитировано у Гасбаха. l. c. 232. Гасбахъ даетъ слѣдующую характеристику измѣненія положенія рабочаго: „ходъ развитія англійскаго рабочаго былъ таковъ. Послѣ того какъ онъ былъ все полнѣе

Таковъ былъ заключительный моментъ эволюціи рабочаго класса въ эпоху аграрнаго протекціонизма, и въ такомъ положеніи застаетъ его отмѣна хлѣбныхъ законовъ. Англійское земледѣліе переживало разцвѣтъ и упадокъ, ренты расли и уменьшались, колебался и доходъ фермера,—лишь доходъ рабочаго былъ неизмѣнно нищенскимъ, и за свое полуголодное существованіе онъ долженъ былъ отдать сначала свою честь, а затѣмъ слезы своихъ дѣтей [1]). Онъ былъ игрушкой въ борьбѣ профита и ренты. Упомянутое выше сатирическое изображеніе англійскихъ аграрныхъ отношеній вполнѣ соотвѣтствуетъ расмотрѣнной эпохѣ исторіи сельскохозяйственныхъ рабочихъ: на фермерѣ сидитъ лэндлордъ, а фермеръ сидитъ на рабочемъ, послѣдній же сгибается подъ двойною тяжестью ихъ обоихъ... [2])

отдѣляемъ отъ владѣнія землей, онъ становился игрушкой цѣнъ и фермерскаго капитала. Такъ какъ земельная рента жадно всасывала всякій избытокъ дохода сверхъ издержекъ производства, онъ не могъ добиться достаточнаго содержанія посредствомъ своего труда; въ борьбѣ между поземельной рентой и прибылью на капиталъ онъ сдѣлался приходскимъ бѣднякомъ,—черезъ это профитъ косвенно нѣсколько уменьшилъ ренту, чего онъ не могъ добиться прямо. Затѣмъ земельная рента добилась того, что приплаты были отмѣнены и профитъ снова побѣжденъ. Побѣда поземельной ренты означала для рабочаго свободу отъ кассы для бѣдныхъ, но вмѣстѣ и свободу отъ дохода. Такъ какъ онъ не могъ просуществовать на заработную плату, сбитую въ господство закона о бѣдныхъ, то ему пришлось пустить въ ходъ свою семью, что и помогло прибыли на капиталъ снова выйти изъ труднаго положенія. Ибо рабочая сила малолѣтнихъ была особенно дешева, какъ это открыли фермеры восточныхъ графствъ, содержащіе Gangs. Арендаторы прочихъ графствъ также поняли это и стали занимать въ возрастающемъ количествѣ женщинъ и дѣтей“ (ib.). У Гасбаха см. также детали относительно заработной платы: глава четвертая, I.

[1]) „Англійское земледѣліе получило свой опрятный, нарядный характеръ, бросавшійся въ глаза континентальному наблюдателю, лишь благодаря тому, что оно воспользовалось недостаточно оплаченнымъ трудомъ дѣтей, и оно могло ими воспользоваться лишь потому, что рабочіе были слишкомъ невѣжественны, чтобы понимать свои потери, и должны были заботиться о томъ, чтобы добыть каждый пенсъ“ (Hasbach, l. c. 237).

[2]) Оптимистическій Кэрдъ дѣлаетъ слѣдующее сопоставленіе своего времени (начала 50-хъ годовъ) съ временемъ Юнга: за 80-лѣтній періодъ средняя рента пахатной земли выросла на 100%, средняя производительность акра пшеницы на 14%, заработная плата на 34%, а рента за коттэджи (платимая лэндлорду) на 100%. Цѣна хлѣба за это время не измѣнилась, масло—поднялось на 100%, мясо около 70%, шерсть около 100%. (English Agriculture, 475).

4) Англійское земледѣліе и сельскохозяйственные рабочіе въ эпоху отъ паденія хлѣбныхъ законовъ до начала аграрнаго кризиса.

Слѣдующее тридцатилѣтіе, отъ конца сороковыхъ до конца семидесятыхъ годовъ было золотымъ временемъ англійскаго земледѣлія, когда оно стяжало себѣ міровую извѣстность. Освободясь отъ ненормальнаго покровительства, связывавшаго его естественное развитіе, сельское хозяйство Англіи не только не погибло, какъ это пророчили сторонники хлѣбныхъ законовъ, оно приняло участіе въ общемъ прогрессѣ, который характеризуетъ экономическую жизнь Англіи въ эту эпоху. На лицо для этого были основныя условія въ видѣ пышно развившейся промышленности и промышленнаго населенія, и въ то же время еще не чувствовалась въ такой силѣ какъ теперь иностранная конкурренція.

Переходъ отъ сильнаго протекціонизма къ свободѣ торговли, которая явилась особой формой протекціонизма для промышленнаго капитала [1]), не могъ, конечно, не произвести потрясенія въ

[1]) Справедливо по этому поводу замѣчаетъ Фуксъ (*Fuchs.* Die Handelspolitik Englands und seiner Kolonien in den letzten Jahrzehnten. Leipzig. 1893. Стр. 10—11) „... это усиленное покровительство крупному землевладѣнію, находилось въ противорѣчіи съ новыми потребностми и въ данномъ случаѣ съ интересами ихъ представителя крупнаго капитала, который благодаря биллю о реформѣ 1832 года получилъ перевѣсъ въ парламентѣ. Возникновеніе крупнаго капитала и великія техническія изобрѣтенія впервые вызвали къ жизни производящую для вывоза индустрію, которая до сихъ поръ безраздѣльно господствовала на иностранныхъ рынкахъ, но тогда начинала уже страдать отъ собственной конкурренціи континентальныхъ странъ. Она не нуждалась болѣе въ покровительственныхъ пошлинахъ, но ея интересы требовали уже отмѣны пошлинъ на сырье, которыя возвышали издержки производства; къ отмѣнѣ пошлинъ на хлѣбъ стремились также не только для того, чтобы чрезъ то удешевить содержаніе рабочихъ и быть въ состояніи вслѣдствіе этого понизить заработную плату, но также и для того, чтобы, допустивъ свободный ввозъ хлѣба въ Англію, добиться этимъ свободнаго допущенія на континентальные рынки англійскихъ фабрикатовъ и вообще благодаря этому хлѣбному вывозу дать имъ возможность взамѣнъ за эти цѣнности ввозить въ соотвѣтственной мѣрѣ произведенія англійской промышленности. Надѣялись такимъ образомъ удержать континентальныя государства на уровнѣ земдѣльческихъ государствъ, такъ какъ думали, что англійская торговая политика затрудненіемъ ввоза ихъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ, скорѣе побудитъ ихъ къ собственной промышленной дѣятельности“.

хозяйствѣ, приспособившемся къ высокимъ пошлинамъ. Цѣны, какъ и слѣдовало ожидать, пошли внизъ, и немало слабыхъ и мелкихъ хозяйствъ погибло во время этого перехода. Пониженіе цѣнъ произошло, правда, не сразу, но высокія сравнительно цѣны конца 40-хъ годовъ вызваны были рядомъ неурожаевъ, произведшихъ кратковременный, но чрезвычайно острый кризисъ. Но, если не считать этого неблагопріятнаго осложненія, милостивая судьба сдѣлала все, чтобы возможно облегчить англійскому земледѣлію тяжелое переходное время. А именно она ниспослала ему то, о чемъ напрасно вздыхали фермеры въ 20-хъ годахъ, — войну, сначала Крымскую, освободившую англійское земледѣліе отъ самаго серьезнаго въ то время конкуррента — Россіи. Начиная съ 1853 года цѣны обнаруживаютъ опять повышательное движеніе, и въ 1855 году цѣна стоитъ на давно уже небываломъ уровнѣ 74 ш. 8 п. за квартеръ пшеницы [1]). Не успѣла окончиться Крымская война, какъ началась американская междоусобная война (1860—65), устранившая временно другого еще болѣе страшнаго конкуррента, который только что началъ появляться на европейскомъ рынкѣ. Условіемъ, благопріятнымъ для англійскаго сельскаго хозяйства, можно считать также открытіе золотыхъ и серебряныхъ калифорнійскихъ и австралійскихъ рудниковъ, которое также повышало цѣны на сельскохозяйственные продукты (это измѣненіе въ области валюты должно было имѣть, конечно, особенное значеніе для твердыхъ платежей, выраженныхъ въ опредѣленной суммѣ прежней валюты). Въ общемъ можно поэтому сказать, что ликвидація стараго порядка совершилась при благопріятныхъ условіяхъ.

Вскорѣ послѣ отмѣны хлѣбныхъ законовъ Кэрдъ выпустилъ памфлетъ подъ характернымъ заглавіемъ: „Интенсивное хозяйство при свободѣ торговли есть лучшая замѣна покровительства“ [2]);

[1]) Всѣ данныя о цѣнахъ, а также и другія данныя сельскохозяйственной статистики заимствованы изъ оффиціальной англійской статистики, а именно. Boarde of Agriculture. Agricultural Returns for Great Britain shewing the Acreage and Produce of Crops, Prices of Corn, and Number of Live Stock with Agricultural Statistics for the United Kingdom, British Possesions and Foreign Countries. London. 1899. И затѣмъ Statistical Abstract for the United Kingdom за соотвѣтствующіе года.

[2]) *James Caird.* High farming under liberal covenants the best Substitute for Protection. London. Цит. по 3-му изд. 1849. Цитируемое мѣсто находится на стр. 32.

въ этомъ памфлетѣ имѣются слѣдующія слова, могущія послужить эпиграфомъ для исторіи изучаемаго періода развитія земледѣлія въ Англіи: „отмѣна покровительства, если она можетъ повести къ значительному пониженію цѣнъ, будетъ чувствоваться очень тяжело фермерами съ недостаточнымъ (inadequate) капиталомъ. Но тамъ, гдѣ могутъ соединиться капиталъ, искусство и взаимная кооперація лэндлорда и фермера, введеніе интенсивнаго хозяйства будетъ наиболѣе отвѣчать истиннымъ интересамъ лэндлордовъ и явится наилучшимъ покровительствомъ для фермеровъ". Возможность этого Кэрдъ иллюстрируетъ примѣромъ собственной фермы.

И, дѣйствительно, этотъ періодъ единогласно характеризуется какъ періодъ высшаго развитія англійскаго интенсивнаго земледѣлія. Приведу нѣсколько отзывовъ. Уже извѣстный намъ Протеро [1]) говоритъ: „1845 годъ раздѣляетъ два періода науки и практики; онъ открываетъ новую эру. Онъ отмѣчаетъ переходъ отъ экстенсивнаго хозяйства къ интенсивному... Прекращеніе паники, возбужденной свободной торговлей, возстановленіе спокойствія, распространеніе земледѣльческихъ усовершенствованій, расширеніе торговли, приростъ количества драгоцѣнныхъ металловъ благодаря открытію золотыхъ и серебряныхъ рудниковъ въ Австраліи и Калифорніи и Крымская война вывели земледѣліе изъ его затруднительнаго положенія... Съ 1846 года до 1877 въ парламентъ не было внесено ни одного предложенія объ изслѣдованіи состоянія земледѣлія, если не считать изслѣдованія о фермерскомъ правѣ 1848 года и о земельныхъ улучшеніяхъ въ 1873 г.". Признакъ, указываемый Протеро, дѣйствительно чрезвычайно характеренъ: въ странѣ съ такой развитой иниціативой, какъ въ Англіи, отсутствіе жалобъ, составляющихъ почти признакъ хорошаго тона для дѣлового человѣка, въ высшей степени краснорѣчиво: дни счастья переживаются молча,—о нихъ всегда найдется меньше разсказать, чѣмъ о дняхъ несчастья, вотъ почему этотъ періодъ вообще скуденъ свѣдѣніями. Протеро видитъ „характерную особенность періода 1845—73 гг. не въ изобрѣтеніи новыхъ способовъ, но въ болѣе широкомъ распространеніи лучшихъ способовъ обработки". Панегирическій обозрѣватель Quar-

[1]) Prothero, l. c. 104—6.

terly Review [1]) говоритъ захлебываясь: „фермеры благоденствуютъ, лэндлорды склонны къ улучшенію своихъ имѣній, рабочіе перестали ненавидѣть сѣялку и молотилку; во время послѣднихъ жатвъ въ употребленіе вошла жатвенная машина; и компетентные судьи думаютъ, что паровая обработка почвы почти усовершенствована“ (391). „Духъ стараго земледѣлія и новаго діаметрально противоположны между собою, духъ стараго земледѣлія былъ духъ застоя, новаго—прогресса“ (434). Не менѣе восторженный тонъ беретъ позднѣйшій обозрѣватель того же журнала [2]): „съ 1820 года [3]) современное сельское хозяйство развивалось гигантскими шагами. Обширный капиталъ былъ израсходованъ на зданія и дрэнированіе почвы... Паръ и машины сдѣлали почву болѣе легкой и увеличили количество производства. Системы обработки лучше приспособлены къ требованіямъ почвы и климата; пріобрѣтено больше скота, и онъ лучше питается и лучше выкармливается. Средства фермеровъ, выражающіяся въ жатвахъ, въ зимнемъ кормѣ, пастбищахъ, орудіяхъ, увеличились. Новые пути сообщенія приближаютъ рынки къ самымъ отдаленнымъ уголкамъ. Но главнымъ улучшеніемъ является распространеніе знаній и просвѣщенія.. Въ настоящее время хорошій фермеръ соединяетъ въ себѣ научныя знанія съ практической опытностью... За послѣднее столѣтіе механики, капиталисты, архитекторы, геологи, химики, физіологи, ботаники вербуются фермерами. Земледѣльческій прогрессъ въ настоящемъ столѣтіи, дѣйствительно, явился результатомъ соединеннаго приложенія науки и капитала къ воздѣлыванію почвы“ (353—4). Извѣстно, какое впечатлѣніе произвело англійское земледѣліе на де-Лаверня, объявившаго его лучшимъ въ Европѣ [4]).

Отъ этихъ общихъ характеристикъ обращаясь къ деталямъ, мы должны прежде всего отмѣтить ростъ земельныхъ меліорацій. Когда лэндлорды потеряли возможность поднимать цѣну на хлѣбъ при помощи высокихъ пошлинъ и тѣмъ возвышать свою ренту, имъ осталось одно изъ двухъ: либо терпѣть пониженіе ренты,

---

[1]) Статья „The progress of English Agriculture“. Quarterly Review, 1858 (vol. 103).

[2]) Статья „The pioneers and prospects of English Agriculture“. Quarterly Review, 1885 (vol. 159).

[3]) Эта дата, какъ уже знаетъ читатель, неточна.

[4]) Léonce de Lavergne, op. cit. Préface.

либо меліорировать. Большинство пошло, конечно, вторымъ путемъ, и потому первое, чему подала знакъ отмѣна хлѣбныхъ законовъ, было усиленное меліорированіе почвы. Особенно много для англійской почвы сдѣлалъ дренажъ, превратившій болотистыя мѣстности юго-восточной Англіи, въ житницу Англіи, гдѣ произросла пшеница и... какъ не забылъ читатель, рабочія банды. Огораживаніе полей, послѣ Акта 1845 года, не играетъ уже большой роли, лэндлорды должны увеличивать свой доходъ на старой территоріи; и хотя эта территорія увеличивается слабо, но мы наблюдаемъ непрерывный ростъ воздѣлываемой площади, очевидно, благодаря превращенію непригодной къ воздѣлыванію земли въ культурную площадь.

Поземельная рента, по словамъ Протеро, за періодъ съ 1857 и 1878 гг., возрасла по крайней мѣрѣ на 20% [1]). Нельзя отрицать, что въ повышеніи ренты извѣстную долю сыгралъ процентъ на меліораціонный капиталъ; практически невозможно выдѣлить эту долю изъ общаго состава ренты, между тѣмъ мы видѣли, что разсматриваемая эпоха есть эпоха земельныхъ меліорацій. Съ другой стороны, повышенію ренты содѣйствовала дальнѣйшая консолидація земельныхъ участковъ, продолженіе того процесса, начало котораго лежитъ еще, какъ мы уже знаемъ, въ *XVIII* вѣкѣ. Мелкія потребительскія хозяйства, преимущественно натуральнаго характера, соединялись въ болѣе крупныя. *Эта* консолидація земельныхъ участковъ представляется отнюдь не результатомъ борьбы крупнаго и мелкаго производства, а сознательнаго стремленія лэндлордовъ къ повышенію своей ренты соединеніемъ нѣсколькихъ мелкихъ хозяйствъ, платившихъ весьма низкую ренту, въ крупное, могущее платить большую ренту; главнымъ методомъ повышенія ренты является здѣсь изгнаніе непосредственныхъ производителей, —это родъ экспропріаціи. Рядомъ съ этимъ старымъ процессомъ шелъ и новый: ростъ среднихъ размѣровъ фермы, концентрація производства, позволяющая, раціонализируя хозяйство, повышать земельный доходъ. Разъ хозяйство поставлено на капиталистическую ногу, то безспорно, что, въ извѣстныхъ границахъ, крупное капиталистическое хо-

[1]) Изъ данныхъ статистики подоходнаго налога нельзя извлечь точныхъ указаній относительно роста ренты съ земледѣльческой площади потому что въ шедулѣ А она сосчитывается вмѣстѣ съ доходомъ отъ земель подъ постройками, желѣзными дорогами и т. д.

зяйство имѣетъ несомнѣнныя преимущества надъ мелкимъ капиталистическимъ. Преимущества эти, прежде всего вытекаютъ изъ общихъ преимуществъ крупнаго капитала надъ мелкимъ, его большей способности къ риску, къ кредиту, къ болѣе успѣшной утилизаціи орудій производства и къ болѣе цѣлесообразному выбору ихъ. Границы, за которыми ослабѣваютъ или даже прекращаются выгоды концентраціи, опредѣляются общимъ состояніемъ сельскаго хозяйства, степенью его интенсивности и пр. Очевидно также, что объ усиленіи мелкихъ, крестьянскихъ хозяйствъ при всей совокупности данныхъ условій не могло быть и рѣчи: съ одной стороны, общія экономическія условія и, прежде всего, колоссальное развитіе промышленности притягивало сельское населеніе въ города, а съ другой стороны—что еще важнѣе—мелкое хозяйство оказывалось бы слишкомъ мѣшкотнымъ, слишкомъ косным и не поспѣло бы за тѣмъ расширеніемъ рынка, (а слѣдовательно и возможностью увеличенія сельскохозяйственнаго барыша), которое являлось результатомъ упомянутаго развитія промышленности; крупное хозяйство съ крупнымъ капиталомъ и самой совершенной техникой одно могло хотя отчасти поспѣть за этимъ бѣшенымъ развитіемъ рынка, а потому обезпечить наибольшій доходъ землевладѣльцу. Можно считать поэтому очевиднымъ, что возможность развитія крестьянскаго хозяйства исключена всѣмъ развитіемъ экономической жизни Англіи въ эту эпоху; сельское хозяйство могло развиваться только въ сторону концентраціи.

Наконецъ, землевладѣлецъ еще выигрываетъ, сберегая на постройкѣ зданій, коттэджей для рабочихъ и т. д., каковое сбереженіе является естественнымъ результатомъ увеличенія размѣровъ фермъ.. (Не нужно забывать, что постройка хозяйственныхъ зданій, коттэджей для рабочихъ и др. лежитъ въ Англіи на землевладѣльцахъ).

У насъ нѣтъ удовлетворительной статистики относительно измѣненія размѣровъ хозяйствъ этого времени.

Нѣсколько графствъ доставили добровольно свѣдѣнія о числѣ фермъ различныхъ размѣровъ въ 1851 и 1861 году [1]). Вотъ эти данныя [2]).

---

[1]) Графства эти: Бэккингэмъ, Кэмбриджъ, Честеръ, Кумберлэндъ, Линкольнъ, Норфолькъ, Салопъ, Сёссексъ, Вильтсъ, Сѣверный Округъ Йорка.

[2]) Приведены въ цензѣ 1861 года. Данныя эти приводитъ (Капиталъ, I, 569) между прочимъ Марксъ; кстати замѣтимъ, что эти довольно случай-

Размѣръ фермы.	Абсолютныя цифры		Относительная въ ‰		Абсолютная убыль за 10 лѣтъ.
	1851	1861	1851	1861	
Ниже 10 акр, . .	5,374	3,742	—	—	1,632
10—20 акр. . . .	5,603	4,676	—	—	927
20—30 „	3,967	3,434	—	—	533
30—40 „	3,298	2,955	—	—	343
40—50 „	2,897	2,621	—	—	276
Всего ниже 50 ак.	21,139	17,428	—	—	3,711
50—100 акр. . . .	10,444	9,139	—	—	1,305
Всего ниже 100.	31,583	26,576	600,99	571,00	5,015
100—200 акр. . .	11,035	10,022	209,98	215,41	—
200—300 „ . . .	4,869	4,666	92,65	100,29	—
300—400 „ . . .	2.153	2,285	40,97	46,11	—
400—500 „ . . .	1,060	1,096	20,17	23,56	—
500 -600 „ . . .	648	640	12,33	17,76	—
600—1,000 „ . . .	881	942	16,76	20,25	—
Выше 10,000 . . .	323	308	6,15	6,62	—
Всего	52,552	46,526	1000,00	1000,00	6,026

Наиболѣе значительное уменьшеніе наблюдается относительно фермъ менѣе 100 акровъ (около 35 десятинъ): въ большей части категорій выше 100 акровъ число фермъ увеличилось.

Въ цензѣ 1871 года были получены данныя относительно числа и площади разныхъ хозяйствъ въ 1851 и 1871 годахъ изъ 17 типичныхъ (represantative) графствъ [1]). Данныя

ныя и ненадежныя цифры есть единственный статистическій матеріалъ который имѣлся у него по данному вопросу (да и вообще имѣлся въ это время) и который послужилъ статистическимъ фундаментомъ его теоріи концентраціи въ области земледѣлія.

[1]) Графства эти слѣдующія: Серрей (внѣлондонская часть), Сёссексъ, Гантшайръ, Беркшайръ, Эссексъ, Суффолькъ, Норфолькъ, Лейстеръ, Рутландъ, Линкольншайръ, Ноттингэмшайръ, Дербишайръ, Дерэмъ, Нортумберландъ, Кёмберлэндъ и Вестморлэндъ.

эти также свидѣтельствуютъ о существованіи тенденціи къ концентраціи.

	Число фермъ		Площадь въ акрахъ.	
	1851 г	1871 г.	1851 г.	1871 г.
Ниже 5 акр. . .	2,047	1,984	6,141	5,952
5—10 акр. . . .	4,160	4,017	31.200	30,128
10—20 „ .	6,734	6,074	101,010	91,110
20—30 „ . .	4,943	4,193	123,575	104,825
30—40 „ . .	4,126	3,363	144,410	117,705
40—50 „ . . .	3,678	3,048	165,510	137,160
50—75 „ .	8,253	6.370	515,813	398,125
75—100 „ . .	5,198	4,113	454,825	359,888
Всего ниже 100 ак.	39,139	33,162	1,542,484	1,224,823
100—200 акр. .	14,795	12,047	2,131,875	1,741,175
200—300 „ . .	6,930	6,251	1,682,800	1,522,675
300—400 „ . .	3,313	3,392	1,133,075	1,160,700
400—500 „ . .	1,703	1.824	766,350	820,800
500—600 „ .	1,006	1,098	553,300	603,900
600—700 „ . .	567	666	368,550	432,900
700—800 „ .	319	390	239,250	292,500
800—900 „ . .	243	270	206,550	229,500
900—1000 „ .	128	183	121,600	178,600
1000—1200 „ . .	206	249	226,600	273,900
1200—1500 „ . .	128	159	172.800	214,650
1500—2000 „	94	84	164,500	147.000
Выше 2000 акр.	69	90	160,000	225,500

Эта таблица свидѣтельствуетъ объ убываніи площади и числа фермъ ниже 100 акровъ (даже 300 акровъ) и увеличенія на счетъ ихъ фермъ большихъ размѣровъ. Это выражается и въ

уменьшеніи общаго числа сравниваемыхъ фермъ въ 1871 году, когда оно было 59,870, сравнительно съ 1851 годомъ, когда оно равно уже 68,635.

Тенденція къ концентраціи фермъ обнаруживается и въ концѣ 70-хъ годовъ, для которыхъ мы имѣемъ статистическія данныя уже для всей Англіи. Тенденція эта обнаруживается здѣсь, однако, довольно слабо и нерѣшительно. Но вотъ подлинныя цифры (для Англіи безъ Уэльса).

Классы хозяйствъ.	Число хозяйствъ.		Площадь каждой категоріи въ акр			
	1875 г.	1880 г	1875 г.	%	1880 г.	%
50 акр. и ниже . .	293,469	295,313	3,550,405	15	3,528,840	14
50—100 акр. . . .	44,842	44,612	3,259,110	14	3,233,053	13
100—300 „	58,450	58,677	10,042,162	42	10,197,913	41
300—500 „	11,245	11617	4,202,402	17	4,359,794	18
500—1000 „	3,871	4,095	2,513,903	10	2,654,360	11
Выше 1000 акр . .	463	500	571,984	2	637,311	1
Всего	412,340	414,804	241,391,976	100	24,611,271	100

Здѣсь бросается въ глаза увеличеніе самыхъ мелкихъ хозяйствъ при одновременномъ уменьшеніи (абсолютномъ и относительномъ) ихъ площади; всего вѣроятнѣе, это увеличеніе приходится на долю не чисто земледѣльческихъ хозяйствъ, а мелкихъ участковъ промышленныхъ рабочихъ, желѣзнодорожныхъ, рудокоповъ и под. Съ другой стороны, увеличиваются хозяйства выше 300 акровъ. Но это увеличеніе, въ общемъ, довольно слабо. Заслуживаетъ вниманія, что наибольшую относительно долю занимаютъ среднія хозяйства отъ 100 до 300 акровъ, т. е. не выше 100 десятинъ. Имъ принадлежитъ, очевидно, самое выгодное мѣсто въ сельскомъ хозяйствѣ [1]).

[1]) Средній размѣръ хозяйствъ почти равенъ въ 1875 году и 1880, около 59 акровъ (поскольку вообще здѣсь имѣютъ какое-либо значеніе среднія). Это подходитъ къ тому размѣру, какъ опредѣлялъ его для 50-хъ годовъ де-Лавернь: „британская почва раздѣлена не столько между крупными фермами, сколько между крупными собственниками. Безъ сомнѣнія, существуютъ очень крупныя хозяйства, также какъ и очень крупныя помѣстья. Въ то же время тамъ существуетъ огромное количество болѣе

Можетъ быть здѣсь, разъ уже рѣчь зашла о размѣрахъ хозяйствъ, умѣстно коснуться и вопроса о распредѣленіи землевладѣнія. Всѣмъ извѣстно, что Англія есть страна крупнаго землевладѣнія, но далѣе этого свѣдѣнія не шли до 1873 года, когда было произведено хотя и крайне неудовлетворительное, но въ своемъ родѣ единственное изслѣдованіе, такъ называемая New Doomesday Book [1]).

По даннымъ этой книги положеніе земельной собственности въ Англіи и Уэльсѣ рисуется слѣдующимъ образомъ:

I группа владѣній свыше 1,000 акровъ: 4,217 лицъ владѣютъ 18,546,000 акровъ.

II „ владѣній отъ 1,000 акровъ до 100: всего 33,937 лицъ владѣютъ 8,927,000 акровъ.

III „ владѣній отъ 100 по 1 акра 217,009 лицъ владѣютъ 3,931,000 акровъ.

IV „ „Public bodies“ (юридическія лица) 14,419 владѣютъ 1,443,500 акровъ.

V „ владѣній ниже 1 акра 703,200 лицъ владѣютъ 151,000 акровъ.

Слѣдовательно 4,217 лицъ владѣютъ половиной Англіи и Уэльса, причемъ владѣнія эти каждое превышаетъ 1000 акровъ.

чѣмъ умѣренныхъ фермъ, которыя считались бы такими даже во Франціи, число мелкихъ фермеровъ тамъ несравненно больше нежели мелкихъ собственниковъ. Ихъ считаютъ въ одной Англіи не меньше 200,000, что дастъ около 60 гектаровъ на ферму, считая здѣсь даже невоздѣланныя земли“. (Lavergne, l. c. 117). Оцѣнка Лаверня даже выше той цифры, которую мы получили для 70-хъ годовъ.

[1]) Полное заглавіе этой книги: Return of Owners of Land in England and Wales exclusive of the metropolis. 1874. 2 Parts. Общее число землевладѣльцевъ здѣсь несомнѣнно выше дѣйствительнаго, благодаря массѣ ошибокъ. Такъ лордъ Беклей сосчитанъ 14 разъ, другіе 4 лорда сосчитаны какъ 44 землевладѣльца. Корона, желѣзнодорожныя общества, церковныя учрежденія, колледжи также являются въ значительно преувеличенномъ числѣ: North Western Railway Company напр. какъ 28 владѣльцевъ, корона какъ 49, Ecclesiastical Commissioners тоже какъ 49, не говоря уже о мелкихъ ошибкахъ. Кромѣ того, земля не различается на назначенію, и потому сельскохозяйственная площадь не можетъ быть особо выдѣлена. Всѣ эти недостатки многократно отмѣчались различными авторами: Нассе, Prothero, Арнольдомъ (предъ коммиссіей „on Small Holdings“, 1890) и др.

Бэтеманъ [1]) сдѣлалъ нѣсколько иную группировку данныхъ New Doomesday Book, не менѣе краснорѣчивую:

Число собственниковъ		Площадь въ акрахъ.
400	Перы (Peers and Peeresses) . .	5,728,979
1,288	Крупные землевладѣльцы . . .	8,497,699
2,529	Сквайры	4,319,271
9,585	Крупные йомены	4,782,627
24,412	Мелкіе йомены	4,144,272
217,049	Мелкіе собственники	3,931,806
703,289	Cottagers (владѣльцы коттэджей).	151,148
	I группа	165,427
14,450	Public bodies II „ . .	947,655
	III „	330,466
973,011	Waste (пустоши)	1,524,624
	Всего	34,523,964

Эта таблица еще краснорѣчивѣй предыдущей свидѣтельствуетъ объ аристократическомъ характерѣ и страшной концентраціи земельной собственности; это — окончательный итогъ завоеванія Вильгельма Оранскаго, огораживаній, скупки земли у мелкихъ собственниковъ (съ чѣмъ мы еще познакомимся) и т. д.

Сопоставленіе данныхъ о землевладѣніи и размѣрахъ фермъ научаетъ, что фермы не обнаруживаютъ даже въ отдаленной степени такой тенденціи къ концентраціи, какая была бы возможна по условіямъ землевладѣнія. Поэтому ссылка на условія земельной собственности, въ объясненіе недостаточно выраженной концентраціи земледѣлія, была бы, очевидно, здѣсь неприложима; даже и для этой эпохи наибольшей концентраціи хозяйства существующіе размѣры землевладѣнія оказываются ненужными; поэтому можно заключить a fortiori, что крупное землевладѣніе въ Англіи, результатъ ряда историческихъ грабежей, *никогда не имѣло экономическаго оправданія*. Но возвратимся къ нашему вопросу о развитіи сельскаго хозяйства послѣ 1845 года.

Помимо указанныхъ условій повышенія ренты, главною его причиной является, конечно, ростъ производства и земледѣльче-

[1]) *Bateman.* The great Landowners of Great Britain and Ireland. London. 1884, стр. 515. Изъ этого капитальнаго изслѣдованія таблицы переходятъ отъ автора къ автору.

скаго капитала. Характеръ повышенія ренты въ данную эпоху въ этомъ смыслѣ противоположенъ эпохѣ предшествующей. Ибо въ эту послѣднюю ростъ ренты обусловливался не столько абсолютными размѣрами производства, сколько тѣми особенными его условіями, которыя позволяли поднимать цѣну и обращаться къ воздѣлыванію худшихъ земель, не исчерпавъ далеко возможнаго повышенія производства лучшихъ земель. Бичъ конкурренціи, непрерывно подъятый надъ англійскимъ фермеромъ и лэндлордомъ послѣ отмѣны хлѣбныхъ законовъ, вынуждалъ напрягать все производительное искуство, благодаря чему удавалось при прежнемъ уровнѣ цѣнъ получать больше ренты. Здѣсь проявилась особенность ренты, отмѣченная и Родбертусомъ и Марксомъ, именно, что она ростетъ съ ростомъ количества капитала на данномъ участкѣ. Можетъ быть, найдется кто-нибудь, кто увидитъ въ фактѣ роста производительности англійскаго земледѣлія при неизмѣнныхъ цѣнахъ опроверженіе закона убывающей производительности почвы, какъ выраженія общаго развитія земледѣльческаго производства. Но независимо отъ того, что законъ этотъ вовсе не отрицаетъ возможности земледѣльческаго прогресса, въ данномъ случаѣ искусственно задержаннаго протекціонизмомъ, слѣдуетъ помнить, что поддержаніе даже прежняго уровня цѣнъ послѣ отмѣны хлѣбныхъ законовъ фактически было само по себѣ относительнымъ повышеніемъ ихъ, потому что теперь данный уровень цѣнъ установлялся уже при условіяхъ свободной конкурренціи. Кромѣ того, достигнутый уровень земледѣльческаго прогресса допускаетъ извѣстное экстенсивное расширеніе производства, безъ уменьшенія производительности труда; именно этотъ случай отмѣчаетъ Паттенъ своимъ „law of limited returns“.

Итакъ, повышеніе ренты въ эту эпоху главнымъ источникомъ имѣло повышеніе общей производительности земледѣлія и общей затраты земледѣльческаго капитала, который, замѣтимъ къ тому же, оплачивался теперь уже нисшей прибылью, въ результатѣ общаго развитія капиталистическаго производства.

Обращаясь къ характеристикѣ фермерскаго хозяйства, мы должны отмѣтить, прежде всего, утрату имъ самостоятельности и подчиненіе условіямъ международнаго хлѣбнаго рынка. Это было естественнымъ результатомъ введенія свободной торговли. Мы знаемъ, что англійское земледѣліе давно уже, весь XIX вѣкъ, не владѣло всецѣло внутреннимъ рынкомъ, потому что Англія

не могла и тогда обходиться безъ ввоза сельско-хозяйственныхъ продуктовъ; но это вліяніе умѣрялось или парализовалось, съ одной стороны, пошлинами, а съ другой, абсолютной и относительной незначительностью этого ввоза. Но ко второй половинѣ XIX вѣка Англія уже далеко ушла по пути индустріализаціи (что и выразилось, между прочимъ, въ отмѣнѣ хлѣбныхъ пошлинъ), а соразмѣрно этому возросъ и ввозъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Роль ввоза, напр., пшеницы, ясно видна изъ слѣдующей таблицы [1]).

	Собственное производство.	Привозный хлѣбъ.	Потребленіе на голову въ бушеляхъ.		
			Всего	Собственное производство.	Привозный хлѣбъ.
$185^{2}/_{3}$—$18^{59}/_{60}$ . .	73,1 %	26,9 %	5,19	3.82	1,37
$18^{60}/_{61}$—$186^{7}/_{8}$ . .	59,5 „	40,5 „	5.60	3,36	2,24
$186^{8}/_{9}$—$187^{5}/_{6}$ . .	52,0 „	48,0 „	5.69	2,97	2,72
$187^{6}/_{7}$—$188^{3}/_{4}$ . .	35,3 „	64,7 „	5.83	2,07	3,76

Подобная же, если и не такая точно зависимость существовала и относительно другихъ продуктовъ сельскаго хозяйства. При такихъ условіяхъ предъ сельскимъ хозяйствомъ Англіи ставилась задача, состоящая не въ томъ, какъ прокормить населеніе страны, удовлетворить настоятельный спросъ на продукты питанія, а въ томъ, какъ, при данныхъ условіяхъ иностранной конкурренціи, найти отрасль хозяйства наиболѣе доходную, т. е. обезпечивающую наивысшую ренту, или, при данномъ уровнѣ ренты, наивысшую прибыль. Рѣшающую роль здѣсь играетъ, стало быть, внѣшнее предложеніе, въ зависимости отъ котораго фермеръ и долженъ планировать свое хозяйство. Хотя аграрный кризисъ еще не начинался, но было уже на лицо его основное условіе— зависимость англійскаго сельскохозяйственнаго рынка отъ иностраннаго земледѣлія. Тогда, какъ и теперь, вслѣдствіе значительнаго спроса на мясо со стороны огромнаго и постоянно ростущаго городского населенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ трудности до-

[1]) *Laves and Gilbert.* Home Produce Imports, Corn-Consumption and Price of Wheat, over Forty Harvest Years, 1852—3 to 1891—2. Appendix II, Table II (Journal of the Royal Agricultural Society, 1893).

ставки скота сравнительно съ хлѣбомъ, производство скота на убой оказалось гораздо выгоднѣе производства хлѣба. Англія имѣла, къ тому же, для этого исключительно благопріятныя условія въ своемъ умѣренномъ и влажномъ климатѣ и тучной почвѣ; особенно отличались этими свойствами нѣкоторыя, преимущественно западныя, графства, Grazing Counties въ противоположность Corn Counties [1]). Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ причинъ, начиная съ средины 70-хъ годовъ площадь пахатной земли начинаетъ уменьшаться, сначала медленно, а затѣмъ быстрѣе; въ 90-хъ годахъ процессъ этотъ достигаетъ крайнихъ предѣловъ. Одновременно съ этимъ увеличивается площадь постоянныхъ пастбищъ, какъ на счетъ пахатной земли, такъ и вслѣдствіи общаго увеличенія культурной площади, которая непрерывно растетъ. Объ истинныхъ причинахъ такого измѣненія краснорѣчиво учитъ слѣдующее сопоставленіе.

Цѣны на скотъ и на пшеницу были въ среднемъ за 5-лѣтіе:

	Пшеница [2]) за бушель.		Волы и быки.			Коровы.			Телята.			Овцы.		
	sh.	d.	£	sh.	d.	£	sh.	d.	£	sh.	d	£	sh.	d.
1861—65. .	5	11	17	5	0	15	16	2	4	11	5	1	16	7
1865—70 .	6	7	18	13	9	16	17	10	4	13	9	1	14	6
1870—75. .	5	11	19	15	5	17	3	7	4	5	3	2	1	11
1875—1880	5	11	21	17	6	17	12	10	4	15	6	2	7	1

Начиная съ 70 года, цѣна пшеницы идетъ, такимъ образомъ, на пониженіе и болѣе уже не повышается, между тѣмъ всѣ сорта

[1]) Группу Grazing Counties составляютъ: Честеръ, Корнваллисъ, Кумберлэндъ, Дербишайръ, Девонъ, Дорсетшайръ, Дерэмъ, Глостеръ, Герефордъ, Ланкастеръ, Лейстеръ, Монмаусъ, Нортумберлэндъ, Салопъ, Соммерсетъ, Стаффордшайръ, Вестморлэндъ, Вильтшайръ, Ворчестеръ, Йоркъ (Сѣверный округъ) и Йоркъ (Западный округъ). Къ группѣ Corn Counties принадлежатъ: Бедфордшайръ, Беркшайръ, Бекшайръ, Кэмбриджшайръ, Эссексъ, Гантшайръ, Гертфордъ, Гентингтонъ, Кентъ, Линкольнъ, Мидлсэксъ, Норфолькъ, Нортгамптонъ, Ноттингэмъ, Оксфордшайръ, Рутландъ, Суффолькъ, Серрей, Сессексъ, Варвикъ, Йоркъ (Восточный округъ).

[2]) Пшеница избирается здѣсь какъ типичный представитель зерновыхъ хлѣбовъ. Движеніе цѣнъ другихъ видовъ хлѣбовъ не представляетъ сколько-нибудь существенныхъ отличій.

мясного скота повышаются въ цѣнахъ. Послѣ этого вполнѣ естественно наблюдать слѣдующее [1]):

	Число акровъ подъ пшеницей.	Подъ зерновыми хлѣбами.	Постоянныя пастбища.
1868	3,652,125	9,433,532	12,136,031
1869	3,688,357	9,758,037	12,735,897
1870	3,500,543	9,548,041	12,072,856
1871	3,571,894	9,675,261	12,435,442
1872	3,598.957	9,573,551	12,574,570
1873	3,490,380	9,458,928	12,915,929
1874	3,630,300	9,431,490	13.178,012
1875	3,342,481	9,451,650	13,312,621
1876	2,995,957	9,394,669	13,515,944
1877	3,168,540	9,210.129	13,728,355
1878	3,218,417	9,167,646	13,911,296
1879	2,890,244	8,985,234	14,166,724
1880	2,909,433	8,875,702	14 426,959

Зависимость измѣненія въ характерѣ хозяйства отъ цѣнъ выступаетъ здѣсь съ полной очевидностью; съ этимъ сходится и показаніе компетентнаго современника, которымъ является

[1]) Въ дополненіе къ этимъ даннымъ привожу относительное распредѣленіе различныхъ хлѣбовъ и пастбищъ (заимствую эту таблицу изъ извѣстнаго изслѣдованія проф. Паашс: *Paasche.* Die Entwickelung der britischen Landwirtschaft unter dem Drucke der ausländischen Konkurrenz въ Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik, Band 58, 1892.

	1870.	1880.
Пшеница	19,1	16,5
Ячмень	12,9	14,0
Овесъ	15,1	15,8
Рожь	0,4	0,2
Бобы	2,9	2,4
Горохъ	1,7	1,3
Картофель	3,2	3,1
Свекла	16,4	16,6
Клеверъ и лугъ . .	24,6	25,1
Паръ	3,3	4,6

Кэрдъ, писавшій въ (1878 году) [1]): „эта страна (Англія) получаетъ изъ-заграницы не только половину своего хлѣба и приблизительно четверть своего мяса и молочныхъ продуктовъ, но должна также зависѣть отъ иностранцевъ на всю почти прибавку, которая требуется въ будущемъ для непрерывно ростущаго населенія. За послѣдніе 10 лѣтъ уже не было увеличенія количества акровъ подъ хлѣбами и малое увеличеніе подъ скотомъ... Но, исключая хорошія земли, которыя могутъ сдѣлаться плодородны благодаря дренажу, мнѣ кажется, мы дошли до того пункта въ земледѣльческомъ производствѣ, за которымъ капиталъ можетъ выгоднѣе прилагаться въ этой странѣ въ какомъ-нибудь другомъ занятіи. Для насъ, какъ націи, выгоднѣе получать излишки изъ богатыхъ странъ какъ Америка или южная Россія съ неистощенной дѣвственной почвой или изъ Индіи". Эти слова краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о всемогуществѣ закона убывающаго плодородія почвы. У Кэрда вырывается уже въ этомъ же сочиненіи пророческія слова: „эта страна становится съ каждымъ десятилѣтіемъ все менѣе и менѣе фермой и болѣе и болѣе лугомъ, садомъ и мѣстомъ для игръ" (playground) (143).

Расширеніе пастбищъ насчетъ пахатныхъ земель не есть необходимо замѣна интенсивнаго хозяйства экстенсивнымъ. Это есть лишь *упрощеніе* хозяйства, не полная утилизація производительныхъ силъ почвы; всестороннее развитіе производительности почвы требуетъ, какъ выяснено во введеніи, возможнаго разнообразія хозяйства; при такомъ упрощеніи хозяйства земля не получаетъ уже назначенія служить для прокормленія живущаго на ней населенія, а является простымъ источникомъ извлеченія дохода, какъ и всѣ другія сферы приложенія капитала. Но не слѣдуетъ думать, чтобы система эта была сама по себѣ неинтенсивна; въ своей особенной формѣ она можетъ быть высокоинтенсивной, и такой именно и была система обращенія пашни подъ постоянныя

[1]) *Caird.* Landed Interest, 1878, стр. 5. На растущее значеніе хлѣбнаго импорта Кэрдъ съ безпокойствомъ указываетъ уже въ 1868 году въ статьѣ On the Agricultural Statistics of the United Kingdom въ Journal of the Royal Statistical Society, 1868, June, стр. 127. Prothero также указываетъ на невыгодность производства хлѣба: „хлѣбъ оплачивается такъ низко, что, какъ самостоятельное производство, производство хлѣба перестало оплачиваться. Но ростъ въ цѣнахъ мяса позволялъ фермерамъ производить хлѣбъ съ выгодой въ соединеніи съ производствомъ скота". Prothero, l. c., 106.

пастбища. Еще Нассе въ своемъ извѣстномъ описаніи англійскаго земледѣлія, относящемся къ 70-мъ и началу 80-хъ годовъ [2]), давалъ слѣдующую характеристику пастбищнаго хозяйства: „пастбищное хозяйство, вытѣсняющее въ настоящее время пашню въ Англіи, вовсе не есть болѣе экстенсивная хозяйственная система, чѣмъ производство хлѣбовъ. Обыкновенно капиталъ, затрачиваемый на единицу площади, при этомъ переходѣ возрастаетъ. Но это есть переходъ къ болѣе капиталоинтенсивнымъ системамъ, нежели трудоинтенсивнымъ. Количество рабочихъ, занимаемыхъ на данной площади, будетъ безъ сомнѣнія уменьшаться".

Въ цитированномъ мѣстѣ указано еще одно преимущество, представлявшееся этой системой. это возможность уменьшить количество живого труда, которое, по техническимъ условіямъ, при пастбищномъ хозяйствѣ ниже чѣмъ при зерновомъ. Особенность эта вытекаетъ, между прочимъ, изъ меньшей сложности и большаго однообразія производства здѣсь нежели тамъ, а мы уже видѣли, что это есть одно изъ условій, облегчающихъ замѣну труда машиной. Фермеръ, на котораго съ одной стороны давила высокая рента, а съ другой иностранная конкурренція, подъ этимъ двойнымъ прессомъ искалъ въ чемъ только можно урѣзать издержки производства, а наиболѣе доступной сокращенію оказалась статья расхода на рабочую силу, „labor bill". Эта статья должна была еще и потому привлечь особенное вниманіе фермеровъ, что она, какъ мы увидимъ, имѣла тенденцію относительно повышаться съ хозяйственнымъ развитіемъ, а между чѣмъ гнетъ иностранной конкурренціи становился все чувствительнѣе. Замѣна зернового хозяйства пахатнымъ была однимъ изъ средствъ уменьшить требующуюся рабочую силу: она была такимъ образомъ вдвойнѣ мѣрой приспособленія къ иностранной конкурренціи, какъ со стороны цѣнъ, такъ и со стороны издержекъ производства.

Стремленіе къ сокращенію издержекъ производства, вполнѣ естественное при данныхъ условіяхъ, въ соединеніи съ стремленіемъ къ возможному техническому прогрессу [2]) выразилось въ значитель-

---

[2]) Prof. *Erwin Nasse*. Agrarische Zustände in England. Leipzig, 1884. Стр. 170.

[2]) Цитируемый Марксомъ отзывъ президента Royal Agricultural Society Пузей (Капиталъ, I, 593), будто относительныя хозяйственныя издержки вслѣдствіе введенія новыхъ сельскохозяйственныхъ машинъ уменьшились

номъ распространеніи сельскохозяйственныхъ машинъ. Число владѣльцевъ сельскохозяйственныхъ машинъ въ 1855 году было 55, въ 1861 году 236, а число работающихъ ими 1205. Въ 1871 году обѣ эти категоріи сосчитаны вмѣстѣ и общее число равно 2160, на 50% болѣе чѣмъ въ 1861 году; въ 1881 году оно равно уже 4222. Развивавшая въ это время городская индустрія заплатила щедрую дань земледѣлію изобрѣтеніемъ и распространеніемъ сельскохозяйственныхъ машинъ.

Мы подошли къ самой интересной особенности экономическаго развитія Англіи въ эту эпоху, особенности, возбуждавшей самыя различныя толкованія, именно уменьшенію числа сельскохозяйственныхъ рабочихъ. Прежде чѣмъ обращаться къ объясненію этого факта, установимъ его въ полныхъ размѣрахъ.

Число „сельскохозяйственныхъ рабочихъ“ (agricultural laborer) за все время регистраціи, т. е. начиная съ 1851 года рѣзко падаетъ. Вотъ данныя по тѣмъ категоріямъ, по которымъ исчисляются сельскохозяйственные рабочіе:

	Рабочіе.	Слуги.	Пастухи.	Всего.
1851 г.	952,997	288,272	12,517	1.253,786
1861 „	958,265	204,962	25,559	1.188,786
1871 „	798,087	158,756	23,335	980,178

Эти цифры могутъ быть восполнены данными о раздѣленіи по поламъ:

	Рабочіе.		Слуги.	
	Мужчинъ.	Женщинъ.	Мужчинъ.	Женщинъ.
1851 г.	908,678	44,319	189,116	99,156
1861 „	914,301	43,964	158,401	56,561
1871 „	764,574	33,513	134,157	24,599

Статистика распредѣленія по возрастамъ недостаточна, а главное едва-ли статистика можетъ уловить всѣ тѣ услуги земледѣлію, которыя оказываютъ то тамъ, то здѣсь въ разныя времена года, а особенно во время жатвы дѣтскія руки, между тѣмъ эти не регистрируемыя статистикой услуги играютъ очень важную роль.

почти на половину, слѣдуетъ во всякомъ случаѣ признать преувеличеннымъ, въ особенности если принять во вниманіе низкій уровень заработной платы въ это время сельскохозяйственныхъ рабочихъ, которыхъ замѣщали машины.

Добавлю здѣсь же, что процессъ уменьшенія числа сельскохозяйственныхъ рабочихъ съ увеличенной силой продолжался и продолжается теперь, хотя въ настоящее время причины его въ видѣ аграрнаго кризиса ясны для всѣхъ. Число сельскохозяйственныхъ рабочихъ въ 1881 г. было уже 870,800, а въ 1891 году уже 780,900 человѣкъ и, безъ сомнѣнія, въ настоящее время оно значительно ниже.

Данныя эти однако весьма ненадежны, какъ объ этомъ предупреждаютъ сами авторы цензовъ. Въ послѣднемъ цензѣ 1891 года мы, напр., читаемъ: [1]) „данныя о сельскохозяйственныхъ рабочихъ никогда не являются очень надежными (never very trustworthy). Нѣтъ сомнѣнія, что значительное число сельскохозяйственныхъ рабочихъ заявляютъ себя просто какъ „рабочіе“ (laborers), ничего не прибавляя о томъ, что они работаютъ на фермахъ, и такіе классифицируются какъ general labourers. Равнымъ образомъ есть серьезныя основанія думать, что многіе сельскохозяйственные возчики (carters and waggoners), благодаря неудовлетворительному способу, которымъ они опредѣляютъ свое занятіе, зачисляются въ возчики, носильщики, бечевщики общихъ средствъ сообщенія“. Подобное же заявленіе мы встрѣчаемъ и въ цензѣ 1871 года [2]): „не взирая на ясныя инструкціи хозяевамъ и счетчикамъ, не невѣроятно, что многіе сельскохозяйственные рабочіе заявляютъ себя просто рабочими“.

Категорія „laborers“ или „general laborers“ охватываетъ собою довольно обширную группу низшихъ слоевъ пролетаріата, не имѣющихъ опредѣленной профессіи, но существующихъ случайными работами. Категорія эта представляетъ, такимъ образомъ, мѣсто стока избыточнаго (относительно) населенія, это настоящая резервная армія капитализма. Между занятіями ихъ весьма важную роль играютъ земледѣльческія работы. Выдѣленіе извѣстной части земледѣльческихъ работъ случайнымъ и сторонниъ рабочимъ является лишь продолженіемъ той политики сокращенія издержекъ на рабочую силу, которая ранѣе началась вытѣсненіемъ слугъ, жившихъ въ домахъ хозяина, поденщиками, нанимаемыми на болѣе или менѣе продолжительный, но во всякомъ случаѣ опредѣленный срокъ. Слѣдующій шагъ состоялъ именно

---

[1]) Census of 1891. General Report, 43.

[2]) Census of 1871. General Report, XLV.

въ томъ, чтобы освободить себя и отъ этой обязанности, приглашая и оплачивая рабочаго прямо за опредѣленныя работы. Замѣчательно, что параллельно уменьшенію сельскохозяйственныхъ рабочихъ растетъ эта категорія general laborers: въ 1851 году ихъ было 324,594, въ 1861 году по неизвѣстнымъ причинамъ (можетъ быть, тоже благодаря неточности регистраціи) ихъ было лишь 306,544, въ 1871 году—509,456, въ 1881—559,769 и, наконецъ въ 1891 году—596,075. Совпаденіе это наводитъ на предположеніе, что сельскохозяйственные рабочіе, уменьшаясь въ одной формѣ, увеличиваются въ другой, что дѣло идетъ не столько объ измѣненіи количества сельскохозяйственныхъ рабочихъ, сколько объ измѣненіи организаціи труда, направленномъ къ удешевленію рабочей силы, конечно, съ явной невыгодой для рабочаго. Правда, у насъ нѣтъ основаній считать всѣхъ „общихъ рабочихъ“ сельскохозяйственными, но любопытно, что сами рабочіе обоихъ категорій признаютъ себя конкуррирующими другъ съ другомъ; это выразилось въ томъ, что въ попыткахъ профессіональныхъ организацій общіе и сельскохозяйственные рабочіе нерѣдко объединялись въ одинъ трэдъ-уніонъ, „agricultural and general laborers union“, это было признано необходимымъ въ интересахъ достиженія цѣли организаціи [1]).

Если сосчитать вмѣстѣ число general laborers и сельскохозяйственныхъ рабочихъ, какъ это сдѣлано было въ цензѣ 1871 г.,

---

[1]) Kleinwächter говоритъ объ этомъ. „Въ Bee-Hive (газета, посвященная интересамъ уніоновъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ) повторяются жалобы, что сельскіе и неквалифицированные городскіе рабочіе часто выходятъ изъ своихъ собственныхъ сферъ и взаимно конкуррируютъ другъ съ другомъ; что напримѣръ „general labourers“ лѣтомъ регулярно приходятъ изъ городовъ въ деревню, чтобы принимать участіе въ сельскохозяйственныхъ работахъ и тѣмъ уменьшаютъ заработокъ сельскихъ рабочихъ, а послѣдніе, можетъ быть, еще чаще ищутъ занятія въ строительномъ промыслѣ, сахарныхъ заводахъ, докахъ и тому под. Чтобы устранить это зло, Mr. Th. M. Kelley, General Secretary of „West of England and South Wales General Operative Labourers' Unions' Association“ предложилъ раздѣлить на дистрикты все королевство и каждый уніонъ, сельскихъ или городскихъ рабочихъ, долженъ избирать извѣстное число делегатовъ, чтобы такимъ образомъ устроить „Federal Amalgamation“ всѣхъ союзовъ, которыя руководили бы въ высшей инстанціи дѣлами рабочихъ“. (*Kleinwachter.* Zur Geschichte der englischen Arbeiterbewegung in den Jahren 1873 und 1874. Erster Supplementband къ Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik. Jena 1878, стр. 64—5).

то мы получимъ не столь значительное уменьшеніе, какъ то, которое получается, если считать отдѣльно однихъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ, а именно: для 1851 года—1.434,905, для 1861 года—1.404,805 и для 1871 года—1.431,510.

Но даже если принять цѣликомъ эти цифры, на что мы не имѣемъ права, то и тогда остается внѣ сомнѣнія, если не уменьшеніе, то нѣкоторая неподвижность числа сельскозяйственныхъ рабочихъ, которая, принимая во вниманіе ростъ сельскостеннаго производства, является во всякомъ случаѣ относительнымъ уменьшеніемъ. Чѣмъ объяснить это явленіе?

Причины его сложны и многообразны. Одною изъ самыхъ главныхъ причинъ, до сихъ поръ, насколько мнѣ извѣстно, неотмѣченною въ литературѣ, является *существованіе перенаселенія въ предыдущій періодъ*, образованіе въ народнохозяйственномъ организмѣ инфильтрата перенаселенія, который теперь разсасывается. Мы осязательно нащупали этотъ инфильтратъ въ первую половину XIX вѣка, его образованію содѣйствовали и естественныя и искусственныя причины. Аграрное перенаселеніе, какъ было уже замѣчено, есть самый тяжелый слой перенаселенія, который предполагаетъ избытокъ населенія въ другихъ сферахъ, но, конечно, при первой возможности онъ стремится удалиться изъ деревни, гдѣ нѣтъ другихъ занятій, кромѣ земледѣлія. Что это аграрное перенаселеніе существуетъ еще въ началѣ 50-хъ годовъ, уже свидѣтельствовалъ намъ Кэрдъ. Дальнѣйшее развитіе промышленности, а также отчасти и эмиграція должны были постепенно поглощать этотъ избытокъ. Поэтому, при прежней или даже нѣсколько большей потребности сельскаго хозяйства въ *рабочей силѣ* число *рабочихъ* должно было во всякомъ случаѣ уменьшиться, причемъ естественнымъ результатомъ этого является прекращеніе безсовѣстной растраты рабочей силы, какъ она практиковалась въ эпоху старыхъ законовъ о бѣдныхъ, и болѣе полное и разумное использованіе рабочей силы каждаго рабочаго.

Косвенное подтвержденіе высказаннаго предположенія заключается въ томъ фактѣ, что, по имѣющимся у насъ статистическимъ даннымъ, это уменьшеніе числа рабочихъ болѣе или менѣе равномѣрно происходитъ во *всѣхъ* классахъ хозяйства, отъ самыхъ крупныхъ до самыхъ мелкихъ,—ясное указаніе, что это проистекаетъ изъ *общихъ* народнохозяйственныхъ причинъ и не составляетъ особенной принадлежности даннаго типа хозяйства.

Въ цензѣ 1871 года, вмѣстѣ съ данными объ измѣненіи хозяйствъ въ 17 типичныхъ графствахъ, приведены и данныя относительно измѣненія въ числѣ фермъ, классифицированныхъ по количеству рабочихъ, которые заняты въ каждомъ хозяйствѣ, а равнымъ образомъ сопоставлены и количества рабочихъ, принадлежащихъ въ 1851 и 1871 году къ каждому изъ типовъ хозяйствъ. Сравненіе это обнаруживаетъ уменьшеніе числа фермъ и занятыхъ въ нихъ рабочихъ по всѣмъ группамъ (нѣсколько увеличивается лишь группа хозяйствъ, не держащихъ рабочихъ, но она насъ здѣсь не интересуетъ). Вотъ эти данныя [1]).

Число рабочихъ на фермѣ.	Число фермъ, держащихъ данное число рабочихъ.		Число рабочихъ каждой группы.	
	1851	1871	1851	1871
0	23,540	25,618	—	—
1	9,550	7,198	9,550	7,198
2	8,357	6,207	16,714	12,414
3	5,642	4,350	16,926	13,050
4	4,772	3,317	19,088	13,268
Ниже 5	51,861	46,690	—	—
5—10	9,279	8,431	52,200	39,113
10—15	4,176	3,129	27,440	20,668
15—20	1,568	1,182	24,705	14,423
20—25	1,098	641	12,018	7,920
25—30	437	288	12,480	5,233
30—35	384	161	4,988	2,475
35—40	133	66	6,248	30,18
40—45	147	71	3,088	1,235
45—50	65	26	3,833	1,103
50—55	73	21	1,725	978
55—60	30	17	9,800	4,000
Выше 60	98	46	—	—

[1]) Данныя относительно числа фермеровъ, нанимающихъ то или другое количество рабочихъ для всей Англіи за 1851 и 1871 года, также имѣются въ цензѣ, но они не даютъ ничего новаго и потому здѣсь ихъ не приводимъ. Желающіе найдутъ ихъ у Hasbach'a l. c. 261.

Слѣдующей причиной, которая могла до нѣкоторой степени содѣйствовать уменьшенію числа сельскохозяйственныхъ рабочихъ вслѣдствіе болѣе производительной ихъ утилизаціи, является, конечно, консолидація земельныхъ участковъ и въ особенности болѣе цѣлесообразное ихъ расположеніе. Не требуется особыхъ поясненій, что и то, и другое содѣйствовало болѣе экономному потребленію рабочей силы. Опредѣлить удѣльный вѣсъ или степень вліянія этой причины мы не можемъ, общее наше впечатлѣніе таково, что эта причина не была изъ первостепенныхъ и въ своемъ значеніи далеко отступаетъ во всякомъ случаѣ передъ одной изъ главнѣйшихъ причинъ, только что указанной [1]).

Дальнѣйшей причиной уменьшенія сельскохозяйственныхъ рабочихъ является введеніе сельскохозяйственныхъ машинъ, относящееся главнымъ образомъ къ этому періоду. Мы видѣли во введеніи, что сельскохозяйственныя машины могутъ въ извѣстныхъ предѣлахъ замѣщать рабочую силу; въ особенности ихъ вліяніе проявляется въ урегулированіи потребности на рабочую силу, въ устраненіи или, по крайней мѣрѣ, ослабленіи неравномѣрности ея употребленія въ разные моменты производства (хотя возможно

[1]) По этому поводу у насъ имѣется свидѣтельство Mr Culley, въ его докладѣ относительно Оксфордшайра, Беркшайра, Дербишайра и Гертфордшайра, сдѣланномъ коммиссіи о занятіяхъ въ земледѣліи дѣтей, молодыхъ лицъ и женщинъ. Culley характеризуетъ заразъ вліяніе концентраціи хозяйствъ и введенія машинъ, что, конечно, находится въ тѣсной связи между собою и, до извѣстной степени, обусловливаетъ одно другое. „Слышатся всеобщія жалобы среди тѣхъ рабочихъ, которые оказываются лишенными заработка (каковыхъ было необыкновенно много прошлую зиму), что̀ вызывается тенденціей къ увеличенію размѣровъ хозяйствъ, и онѣ подтверждаются мнѣніями чиновниковъ комитета попеченія о бѣдныхъ, которыхъ я спрашивалъ объ этомъ; но если однако вы разсмотрите записи о количествѣ труда, вы найдете, что онѣ показываютъ весьма малую разницу въ числѣ лицъ, употребляемыхъ на единицу площади въ мелкихъ и крупныхъ хозяйствахъ, скажемъ въ хозяйствахъ менѣе 300 акровъ и фермахъ отъ 500 до 800 акровъ, и причина я думаю, въ томъ, что эта тенденція къ увеличенію размѣра фермъ до сихъ поръ сопровождалась тенденціей къ улучшенію воздѣлыванія; что, на самомъ дѣлѣ, болѣе обширныя фермы обыкновенно гораздо лучше обрабатываются, а потому естественное уменьшеніе въ относительномъ числѣ рабочихъ, которое позволяетъ сдѣлать расширеніе площади фермы, было парализовано лучшимъ воздѣлываніемъ“. Commission on the employment of children, young persons and women in agriculture. Second report of the commissioners with appendix. Part I. 1869. Стр. 80.

и обратное). Уменьшая число рабочихъ, потребныхъ, напр., во время жатвы, сельскохозяйственная машина совсѣмъ отрываетъ отъ земледѣлія тотъ многочисленный классъ рабочихъ, который не имѣетъ постояннаго заработка, а привлекается лишь въ пору усиленныхъ работъ. Такіе рабочіе, конечно, совсѣмъ устраняются машиной или же поступаютъ въ general laborers.

Цитированный (въ примѣчаніи) Mr. Culley говоритъ по этому поводу: „большее употребленіе машинъ и увеличеніе размѣровъ фермъ, которыя идутъ, можно сказать, рука объ руку, принесли большое благодѣяніе какъ фермерамъ, такъ и странѣ, увеличивая ея производительныя силы, но не уменьшая, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ, числа лицъ, у которыхъ находятъ занятія сельскохозяйственные рабочіе; при этомъ они оказали вліяніе въ томъ смыслѣ, чтобы уравнять потребность въ мужскомъ трудѣ въ разныя времена года“ [1]).

Но не слѣдуетъ преувеличивать значеніе и этой причины уменьшенія числа сельскохозяйственныхъ рабочихъ: мы знаемъ, что въ сельскомъ хозяйствѣ машина только въ весьма ограниченныхъ предѣлахъ замѣщаетъ рабочаго; это относится, притомъ,

---

[1]) Ibid Въ томъ же отчетѣ находимъ слѣдующее любопытное указаніе, хорошо иллюстрирующее экономическія условія примѣненія машинъ въ сельскомъ хозяйствѣ: „какъ въ Оксфордшайрѣ такъ и Беркшайрѣ употребленіе сельскохозяйственныхъ машинъ сдѣлало большіе успѣхи съ 1854 года, однако съ однимъ или точнѣе двумя естественными исключеніями, именно сравнительно мало употреблялись жатвенныя или косильныя машины. Конечно, многихъ фермеровъ удивитъ, что тѣ же самыя лица, которыя имѣютъ достаточно средствъ платить за паровой плугъ, нерѣдко, скажу даже повсемѣстно въ этихъ графствахъ, не имѣютъ ни жней, ни косилокъ. Когда я заводилъ объ этомъ разговоръ, а я дѣлалъ это со многими фермерами, то они отвѣчали, или что они могутъ найти много рукъ (a plenty of hands), чтобы сжать свой хлѣбъ, или же что, если бы они жали свой хлѣбъ машинами, ихъ люди отказались бы жать то, чего не можетъ сжать машина. Судя по большому количеству лицъ, которыхъ я находилъ зимой безъ работы въ открытыхъ деревняхъ, здѣсь, нѣтъ сомнѣнія, существуетъ много рукъ, которыя могутъ быть наняты на время жатвы или сѣнокоса и которыя имѣютъ очень мало дѣла на фермѣ въ другое время; мнѣ кажется, что одной изъ самыхъ важныхъ услугъ жней и косилокъ было бы то, что онѣ вытѣснили бы этихъ излишнихъ рабочихъ, которые влачатъ здѣсь жалкое существованіе, поддерживаемое исключительно этими полученіями, часть послѣднихъ могла бы быть сбережена фермеромъ, а остатокъ употребленъ на повышеніе платы его постоянныхъ рабочихъ“ (81).

не столько къ постояннымъ сельскохозяйственнымъ рабочимъ, сколько временнымъ, сезоннымъ,—на нихъ проявляется, главнымъ образомъ, вліяніе машинъ.

Остается послѣдняя и очень важная причина: тѣ измѣненія въ характерѣ англійскаго земледѣлія, которыя произошли подъ вліяніемъ заграничной конкурренціи, именно извѣстное уже намъ расширеніе пастбищъ на счетъ пахотныхъ земель. По техническимъ условіямъ, довольно понятнымъ безъ дальнихъ поясненій. пастбищное хозяйство требуетъ меньше рабочихъ, нежели зерновое или вообще сложныя многопольныя системы земледѣлія. Такое направленіе развитія само по себѣ способно не только задержать ростъ числа сельскохозяйственныхъ рабочихъ, но вызвать ихъ уменьшеніе [1]). Англійское земледѣліе уже переставало въ это время быть земледѣліемъ въ собственномъ смыслѣ, его уже начинало постигать своеобразное вырожденіе или, лучше сказать, перерожденіе изъ сложнаго и многосторонняго производства въ одну или нѣсколько гипертрофированныхъ вѣтвей его.

Итакъ, основною причиною уменьшенія числа сельскохозяйственныхъ рабочихъ является, въ нашихъ глазахъ, въ періодъ 1851—1871 гг. (и до конца 70-хъ годовъ), соединенное вліяніе устраненія первоначальнаго аграрнаго перенаселенія и измѣненія системъ хозяйства подъ давленіемъ иностранной конкурренціи; второстепенными причинами (и, до извѣстной степени, косвеннымъ результатомъ обоихъ предыдущихъ) является консолидація хозяйствъ и введеніе сельскохозяйственныхъ машинъ.

Мы потому такъ подробно остановились на разборѣ этого факта, что онъ (именно измѣненіе числа сельскохозяйственныхъ рабочихъ въ періодъ 1851—1861) далъ фактическое основаніе для утвержденія Маркса о повышеніи органическаго состава капитала съ развитіемъ земледѣлія, что явилось, въ свою очередь, базисомъ теоріи скрытой формы относительнаго перенаселенія. Фактъ этотъ рѣшительно не имѣетъ общаго значенія, приданнаго

---

[1]) Явленіе это предугадывалъ даже и извѣстный уже намъ Оливеръ, который въ своемъ замѣчательномъ показаніи предъ коммиссіей 1833 года, между прочимъ, говоритъ: „мы ввозимъ весьма значительное количество иностраннаго хлѣба, производство хлѣба дома должно быть соотвѣтственно уменьшено, и уменьшеніе занятія для сельскохозяйственныхъ рабочихъ должно быть равно уменьшенію производства зерна“. (Minutes of evidence, 3195).

ему Марксомъ, который съ изумительнымъ самоослѣпленіемъ не видитъ, что въ Англіи самостоятельное значеніе и самостоятельное развитіе ея собственнымъ земледѣліемъ уже утрачивается. Ему извѣстны, конечно, всѣ эти факты [1]), но онъ нигдѣ не останавливается надъ выясненіемъ ихъ значенія. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно одно, что уменьшеніе числа сельскохозяйственныхъ рабочихъ въ эту эпоху въ Англіи есть явленіе sui generis, и дѣлать изъ него какія-либо общія заключенія о *развитіи земледѣлія вообще* не имѣется никакихъ основаній [2]).

Куда же дѣвались сельскохозяйственные рабочіе, которые уже не находили себѣ занятій въ земледѣліи? Они эмигрировали (у насъ нѣтъ возможности выдѣлить изъ общаго числа эмигрантовъ спеціальную цифру сельскохозяйственныхъ рабочихъ), но главнымъ

---

[1]) Едва ли, впрочемъ, Марксъ признавалъ существованіе аграрнаго перенаселенія въ первой половинѣ вѣка, въ томъ смыслѣ, какъ это изложено было въ текстѣ При всей обширности его знакомства съ парламентскими отчетами, мнѣ совсѣмъ не пришлось встрѣтить у него ссылокъ на отчеты первой трети вѣка, которые цитировались выше и на основаніи которыхъ можно утверждать существованіе перенаселенія (единственную ссылку на показаніе предъ эмиграціоннымъ комитетомъ 1827 года, притомъ изъ вторыхъ рукъ, встрѣтили мы на стр. 377/8,прим. 202, Капиталъ, томъ I). Мы не рѣшимся на этомъ основаніи утверждать, что Марксъ не зналъ ихъ, но, не принявъ во вниманіе сообщаемыхъ въ нихъ фактовъ, имѣющихъ значеніе и для пониманія общаго экономическаго развитія Англіи, онъ пропустилъ цѣлую и притомъ высокопоучительную страницу исторіи англійскаго капитализма, которая, вѣроятно, заставила бы его измѣнить нѣкоторые выводы, въ особенности въ теоріи населенія.

[2]) Замѣчательно, что фактъ этотъ побуждаетъ къ неправильнымъ (въ своей общности) выводамъ даже такого серьезнаго и осторожнаго изслѣдователя какъ Гасбахъ, который говоритъ: „эти цифры... весьма цѣнны, потому что онѣ выразительно опровергаютъ традиціонный взглядъ что большая интенсивность хозяйства требуетъ большаго количества рабочей силы. Англійская аграрная исторія послѣднихъ ста лѣтъ не разъ опровергаетъ это школьное положеніе. Слѣдуетъ различать капиталоинтенсивность и трудоинтенсивность. Первая связана съ крупнымъ хозяйствомъ, слѣдовательно, съ экономіей издержекъ производства, послѣдняя есть экономическая консеквенція мелкаго хозяйства“ (1 с. 265). Мы находимъ, что англійская аграрная исторія ни мало не уполномочиваетъ къ такимъ заключеніямъ, а что разсматриваемыя цифры совсѣмъ не могутъ подтверждать воззрѣнія Гасбаха и Маркса. Вѣрны или невѣрны эти воззрѣнія сами по себѣ, но цифры числа сельскохозяйственныхъ рабочихъ, по изложеннымъ въ текстѣ соображеніямъ, не даютъ права на такое заключеніе.

образомъ выселились въ города, составляя новый и новый контингентъ для развивающейся промышленности, восполняя городское населеніе. Косвеннымъ показателемъ интенсивности этого процесса могутъ послужить уже приводившіяся нами сопоставленія [1]) относительно разницы между естественнымъ и дѣйствительнымъ приростомъ населенія въ мѣстечкахъ ниже 2,000 жителей. Несмотря на нѣсколько низшій общій приростъ населенія, отливъ населенія изъ нихъ гораздо больше, чѣмъ въ предыдущія десятилѣтія. А именно: 1841—51 гг. отливъ этотъ равенъ 560,000 (противъ 359,000 предыдущаго десятилѣтія), 1851—61 гг.—405,000, въ 1861—71 гг.—452,000. Зданіе англійскаго народнаго хозяйства накреняется все больше и больше на одну сторону, земледѣліе убываетъ и абсолютно и относительно [2]). Чтобы дать общую характеристику состоянія народнаго хозяйства въ Англіи и относительнаго значенія въ немъ земледѣлія, приведу слѣдующую таблицу [3]) распредѣленія промышленнаго населенія по профессіямъ (до 1881 года). (См. стр. 262).

Выражающееся въ этихъ цифрахъ направленіе хозяйственнаго развитія Англіи было условіемъ процвѣтанія сельскаго хозяйства, но оно же подготовило гибель этому послѣднему. Но объ этомъ ниже, а пока познакомимся съ тѣмъ, какъ же жилось рабочему въ этотъ періодъ расцвѣта англійскаго земледѣлія. Мы видѣли уже, что благополучны были лэндлорды,—ренты ихъ росли, благополучны были и фермеры, получавшіе высокую прибыль, но благополучіе это по прежнему не распространялось на „сѣятеля и кормителя“—

---

[1]) Goldstein, l. c. 20.

[2]) Longstaff (Rural depopulation въ Journal of the Royal Statistical Society, 1893, стр. 388) даетъ слѣдующую характеристику причинъ „деревенскаго обезлюденія“: „...здѣсь я долженъ указать одну причину, а именно свободу торговли. Свобода торговли усилила движеніе изъ деревни въ городъ двумя способами: ея дѣйствіе было заразъ отталкивающимъ и притягивающимъ. Понижая цѣны земледѣльческихъ продуктовъ, спеціально пшеницы, оно сдѣлало хозяйство менѣе доходнымъ, обратила хлѣбныя поля въ пастбища и такимъ образомъ заставляла людей оставлять деревню. Увеличивая размѣры внѣшней торговли, она увеличила спросъ мануфактурныхъ дистриктовъ на рабочія руки и тѣмъ привлекала рабочихъ въ города“.

[3]) Изъ статьи извѣстнаго статистика *Charles Booth*, Occupations of the People of the United Kingdom, 1801—1881 въ Journal of the Royal Statistical Society 1886, издана также отдѣльной брошюрой.

	1851		1861		1871		1881	
	Абсол. въ 1,000	%	Абсол. въ 1,000	%	Абсол въ 1,000	%	Абсол. въ 1,000	%
Земледѣліе	1,760	20,9	1,700	18,0	1,504	14,2	1,341	11,5
Рыболовство. . . .	17	0 2	17	0,2	21	0,2	30	0,3
Горное дѣло. . . .	335	4,0	425	4,5	475	4,5	562	4,8
Строительн. дѣло	461	5,5	549	5,8	664	6,3	796	6,8
Мануфактура. . .	2,755	32,7	3,117	33,0	3,358	31,6	3,599	30,7
Транспортъ. . . .	345	4,1	436	4,6	524	4,9	654	5,6
Торговля	547	6,5	674	7,1	838	7,8	924	7,8
Industrial Service .	377	4,5	378	4,0	636	6,0	785	6,7
Обществен. должности и либеральныя профессіи . .	399	4,6	505	5,3	578	5,5	660	5,6
Прислуга	1,121	13,3	1,384	14,6	1,684	15,8	1,838	15,7
Рантье.	211	2,5	186	2,0	218	2,0	255	2,2
Неопредѣленной профессіи	101	1,2	82	0,9	125	1,2	269	3,3
Общая сумма. . .	8,429	100	9,453	100,0	10,624	100,0	11,713	100

сельскохозяйственнаго рабочаго,—онъ, по прежнему, влачилъ полунищенское существованіе.

Переломъ, который испытало англійское земледѣліе съ отмѣной хлѣбныхъ законовъ, больнѣе всего почувствовался, конечно, рабочимъ, плата котораго тотчасъ же понизилась; правда, понизились и цѣны средствъ существованія, но не въ такой пропорціи, какъ заработная плата. Явленіе, наблюдаемое почти вездѣ и всегда при рѣзкихъ измѣненіяхъ цѣнъ на предметы первой необходимости, что заработная плата медленно и не вполнѣ приспособляется къ новымъ цѣнамъ и измѣненіе денежной заработной платы первое время, по крайней мѣрѣ, сопровождается пониженіемъ натуральной. Заработная плата пришла въ соотвѣтствіе, по даннымъ Кэрда, къ тому уровню, который она имѣла, по свидѣтельству Юнга, въ 1770 году, и положеніе рабочаго теперь мало чѣмъ превосходитъ положеніе тогдашняго рабочаго.

80 лѣтъ униженія и горя были пережиты напрасно. Не измѣнилось къ лучшему положеніе рабочихъ и въ слѣдующее десятилѣтіе. Сравненіе данныхъ Кэрда и парламентскаго изслѣдованія 1860 года приводитъ къ выводу, что „хотя цѣны жизненныхъ средствъ поднялись на 40—50%, какъ Ньюмарчъ вычислилъ для 1857 года, но заработная плата увеличилась лишь на 20%, положеніе рабочихъ съ 1851 года, слѣдовательно, ухудшилось“ [1]). Денежная плата продолжаетъ, значитъ, по прежнему отставать отъ роста цѣнъ, и натуральная плата падаетъ. Положеніе рабочихъ въ 60-ые года было предметомъ изслѣдованія нѣсколькихъ коммиссій, прежде всего коммиссіи о „Children and women employment in agriculture commission“, а затѣмъ многочисленныя изслѣдованія о жилищахъ рабочихъ, раскрывшія весь ужасъ антисанитарнаго и антиморальнаго положенія рабочихъ, объ ихъ питаніи и т. д. Обширныя выдержки изъ этихъ отчетовъ имѣются у Маркса [2]), содержаніе ихъ подробно излагается также у Гасбаха [3]), и мы, стремясь къ выясненію основныхъ причинныхъ зависимостей, можемъ миновать эти подробности. Приведемъ лишь общій отзывъ отчета о положеніи рабочихъ, характеризующій это послѣднее къ концу 60-хъ годовъ: „общее заключеніе, вытекающее изъ даннаго разсмотрѣнія положенія сельскохозяйственнаго рабочаго, таково, что онъ потерялъ средства и возможность улучшить свое положеніе, которое принадлежало этому классу въ

---

[1]) Hasbach, l. c. 256.

[2]) Капиталъ, I, 592—606

[3]) Hasbach, Vierter Kapitel, IV. На основаніи отчетовъ Children and women employment commission составлена (въ 1 мъ изданіи 1870 года) поверхностная книжка *T. E. Kebbel.* The agricultural labourer. См. также у г. *Каблукова*, op. cit. Какъ легко замѣтитъ читатель, знакомый съ сочиненіемъ г. Каблукова, различіе между воззрѣніями, выраженными въ этой книгѣ и развиваемыми въ настоящемъ сочиненіи, настолько значительно, что авторъ предпочелъ совсѣмъ воздержаться отъ частичной полемики. Главный недостатокъ конструкціи г. Каблукова—ея чрезмѣрная упрощенность, съ которой онъ разсматриваетъ вопросъ о рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Этой же упрощенность помѣшала, по нашему мнѣнію, и правильному выясненію общей эволюціи англійскаго земледѣлія, а равно и спеціально отличающихъ его особенностей (борьба лэндлордовъ и фермеровъ на счетъ рабочаго). Сказанное не препятствуетъ намъ считать эту работу, основанную на изученіи англійскихъ парламентскихъ отчетовъ и статистической литературы, однимъ изъ выдающихся сочиненій своего времени по аграрному вопросу.

прежнія времена. (Авторъ отчета Stanhope впадаетъ въ обычную въ подобныхъ случаяхъ идеализацію прошлаго, для которой никакихъ реальныхъ основаній, какъ мы видѣли, не имѣется). Его теперешнія денежныя средства такъ незначительны, что было бы несправедливостью лишать его и его семейство возможности увеличить недѣльный заработокъ небольшими суммами, которыя могутъ быть получаемы за трудъ его дѣтей самаго ранняго возраста, какой только можетъ быть употребляемъ для работы, съ условіемъ, чтобы работа не была вредна по возрасту ребенка или по продолжительности“ [1]). Такимъ образомъ, и теперь таже роковая необходимость эксплуатировать своихъ дѣтей, и лишь изъ-за того, чтобы влачить самое жалкое существованіе.

Итакъ, если протекціонизмъ былъ не въ пользу сельскохозяйственнымъ рабочимъ, то и свободная торговля и разцвѣтъ земледѣлія имъ не помогли. Но заслуживаетъ вниманія, что и тогда уже рѣзко разнились промышленный сѣверъ, гдѣ спросъ на рабочаго былъ значителенъ, и земледѣльческій югъ, переселенный, гдѣ фермеръ могъ не церемониться съ рабочими [2]). Различіе это было отмѣчено уже въ началѣ 50-хъ годовъ, какъ мы видѣли, Кэрдомъ. И тогда уже заработная плата на сѣверѣ была въ общемъ (по даннымъ Кэрда) на 37% выше чѣмъ на югѣ. Не менѣе важно различіе въ способѣ найма: тамъ, гдѣ фермеръ дорожилъ рабочимъ, котораго могъ легко потерять, онъ нанималъ его на болѣе продолжительный срокъ и на болѣе выгодныхъ для него условіяхъ, чѣмъ на югѣ. Гасбахъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ это различіе на основаніи внимательнаго изученія парламентскихъ отчетовъ: „Организація труда на сѣверѣ, страдающемъ недостаткомъ рабочихъ силъ, обнаруживаетъ стремленіе къ расширенію труда рабочихъ, живущихъ у фермера, слугъ, тогда какъ на югѣ съ избыткомъ рабочей силы преобладаетъ стремленіе къ усиленію поденнаго труда. На сѣверѣ даже случайныя работы пытаются ввести въ систему труда

---

[1]) Commission on the employment of children, young persons and women in agriculture. First report of the commissioners with appendix. Part I. 1868. Стр. XLIX.

[2]) Это различіе осложняется еще различіемъ между Corn и Grazing Counties, причемъ первыя тогда уже терпѣли отъ хлѣбной конкурренціи больше послѣднихъ, и это отражалось различіемъ въ положеніи рабочихъ.

слугъ, обязывая ихъ поставлять въ извѣстное время работницъ[1]) или увеличивая число слугъ. На югѣ стремятся къ тому, чтобы даже постояннымъ слугамъ, насколько возможно, дать положеніе поденщиковъ“ и т. д.

Для характеристики организаціи труда на сѣверѣ я приведу описаніе положенія рабочихъ въ Ланкашайрѣ (изъ отчета Tremenheere): „рудники оказываютъ существенное вліяніе на предложеніе сельскохозяйственныхъ рабочихъ. Заработная плата обыкновеннаго рудокопа такъ высока, что для фермеровъ въ высшей степени трудно получить нѣсколько поденщиковъ, а тѣмъ болѣе удержать ихъ въ своемъ распоряженіи.

Такъ какъ залежи желѣза находятся на незначительной глубинѣ, извлеченіе его имѣетъ характеръ скорѣе труда каменоломовъ, чѣмъ рудокоповъ, и это занятіе, будучи высоко оплачиваемо, составляетъ предметъ горячихъ стремленій. Обративъ вниманіе на то, что коттэджи здѣсь очень рѣдки, кромѣ какъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ копями, я получилъ объясненіе отъ крупнаго фермера, что было бы безполезно строить коттэджи для сельскохозяйственныхъ рабочихъ въ графствѣ, гдѣ, если вы и поселите въ нихъ кого-нибудь, онъ навѣрно оставитъ свою работу черезъ нѣсколько недѣль ради занятій въ копяхъ. Поэтому фермеры въ этихъ округахъ пользуются слугами (servants), которымъ они даютъ столъ и квартиру за воздѣлываніе ихъ земли. Даже самыя легкія операціи хозяйства, такія напр. какъ пропалыванье полей и рѣпы, выполняются мужчинами. Нельзя нанять ни женщинъ, ни дѣтей, и издержки на заработную плату составляютъ при этихъ условіяхъ весьма обременительную сумму въ балансѣ фермы“ [3]). Несмотря на это, здѣсь

[1]) Система *boundsmen*, соотвѣтствующая нѣмецкому Scharwerk, Scharwerker и встрѣчающаяся въ графствахъ съ недостаткомъ рабочихъ, состоитъ въ томъ, что рабочій, нанимаясь, обѣщаетъ найти помощника или помощницу въ извѣстное время, на извѣстныя работы и за извѣстное вознагражденіе. Вообще говоря, система эта является скорѣе признакомъ высокаго положенія рабочаго, чѣмъ наоборотъ. Г. Каблуковъ ошибочно переводитъ названіе boundsmen „система невольничества“, и характеризуетъ этимъ названіемъ и самую систему, между тѣмъ какъ еще Торнтонъ (Overpopulation) указалъ, что старинное слово *bound* здѣсь значитъ „условіе“.

[2]) Hasbach, l. c. 288.

[3]) Children Employment Commission, Part I, 1869, стр. 153. „Общій недостатокъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ въ Ланкашайрѣ есть необхо-

земледѣліе стоитъ высоко, и большія фермы, съ арендой отъ 600 £ до 1,000 £ въ годъ, даютъ „превосходные урожаи пшеницы“.

Промышленные округа составляютъ свѣтлыя точки на мрачномъ фонѣ картины. Но къ концу разсматриваемаго періода мракъ безнадежности, окутывавшій собою судьбы рабочаго, начинаетъ рѣдѣть, если еще не разсѣиваться. Улучшеніе обнаруживается сначала въ положеніи дѣтей, въ которыхъ принимаетъ участіе государство. Мѣры эти направляются, впрочемъ, не прямо противъ дѣтской эксплуатаціи, а настигаютъ ее лишь косвенно, путемъ школьныхъ законовъ. Прямыя мѣры были приняты лишь къ смягченію ужасовъ бандъ, которые, какъ помнитъ читатель, были раскрыты именно въ отчетахъ Children, young person and women employment commission in agriculture [1]). Закономъ 1876 года было введено обязательное обученіе, и въ соотвѣтствіи этому закону урегулирована работа дѣтей въ сельскомъ хозяйствѣ (ранѣе урегулированная Agricultural Children Act 1873). По этому закону дѣти раньше 10-лѣтняго возраста не должны быть вообще занимаемы въ сельскомъ хозяйствѣ, дѣти же отъ 10 до 14 лѣтъ могутъ быть занимаемы лишь въ томъ случаѣ, если они представили свидѣтельство школы или могутъ доказать, что за ними числится извѣстное число посѣщеній школы. Замѣчательно, что сказаннымъ и исчерпывается все, что сдѣлано было для охраны сельскохозяйственнаго труда законодательствомъ, не только въ этотъ періодъ, но и до настоящаго времени.

Къ этому же времени относятся попытки къ самостоятельному отстаиванію сельскохозяйственными рабочими своихъ интересовъ, именно ихъ профессіональной организаціи: въ 1875 году былъ

димое слѣдствіе его обширнаго мануфактурнаго развитія. Его угольныя копи и хлопчатобумажныя фабрики предлагаютъ вознагражденіе за трудъ, въ значительной степени превосходящее все, что можетъ дать фермеръ; поэтому значительное количество уроженцевъ живетъ въ городахъ, а сельскіе округа сравнительно заброшены“ (Ibid.). Ср. также *Kebbel*, 1 c. 2.

[1]) Банды были поставлены подъ полицейскій контроль приходскихъ комитетовъ попеченія о бѣдныхъ. Было запрещено занимать въ Gangs дѣтей младше 8-лѣтняго возраста, женщины не должны были быть въ одной Gang съ мужчинами, отъ руководителя банды требовалось полицейское разрѣшеніе и т. д. Въ 1873 году граница возраста, съ котораго воспрещалось участіе въ „Gangs“, повышена до 10 лѣтъ.

основанъ первый трэдъ-юніонъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ, но исторіи трэдъ-юніоновъ мы коснемся ниже.

Во всякомъ случаѣ, къ концу этого періода начинаетъ замѣчаться подъемъ въ положеніи рабочихъ, который вполнѣ обнаружится въ слѣдующій періодъ.

5. Эпоха аграрнаго кризиса.

Коммисаръ Doyle въ своемъ отчетѣ, представленномъ коммиссіи 1881 года [1]), высказываетъ слѣдующую безспорную мысль о причинахъ процвѣтанія британскаго земледѣлія: „насколько состояніе земледѣлія зависитъ отъ способа, которымъ распредѣляется населеніе, пропорція городского и сельскаго населенія въ разсматриваемыхъ округахъ англійскихъ графствъ кажется въ высшей степени благопріятной... Чтобы понять истинность этого положенія, слѣдуетъ принять во вниманіе огромныя количества сельскохозяйственныхъ продуктовъ, которые посылаются для ежедневнаго потребленія плодовитаго городского населенія такихъ графствъ, какъ Ворвикъ, Стаффордъ, Ворчестеръ и Глостеръ. Если фермеры жалуются, какъ это они не рѣдко дѣлаютъ, на эмиграцію изъ деревни въ городъ, они должны имѣть въ памяти тотъ очевидный фактъ, что каждая прибавка къ промышленному населенію расширяетъ рынокъ для земледѣльческихъ продуктовъ“.

Расширеніе рынка для сельскохозяйственныхъ продуктовъ. результатъ роста промышленнаго населенія, было, дѣйствительно. основнымъ условіемъ прогресса земледѣлія въ Англіи, но именно эта причина привела къ тому угнетенному состоянію земледѣлія. такъ называемому аграрному кризису [2]), который продолжается и

---

[1]) Reports from Commissioners, Inspectors and others. 1881. Agricultural Interests. Отчетъ Дойля относится къ графствамъ Оксфордшайру, Стаффордшайру, Варвикшайру, Глостеру, Ворчестеру, Салопу, Герефорду и Монмаусу. Стр. 263.

[2]) Обозначеніе „кризисъ“, конечно, не примѣнимо къ состоянію, продолжающемуся уже болѣе 20 лѣтъ и ставшему хроническимъ; его гораздо лучше выражаетъ англійское выраженіе „agricultural depression“. Но, во избѣжаніе недоразумѣній, мы предпочитаемъ сохранить привычное словоупотребленіе.

въ настоящее время и грозитъ окончательно уничтожить англійское земледѣліе.

Основная причина теперешняго аграрнаго кризиса, не только въ Англіи, но и во всей западной Европѣ, — не считая цѣлаго ряда второстепенныхъ, осложняющихъ обстоятельствъ, лежитъ въ той особенности развитія производительности земледѣлія, которую мы формулировали какъ законъ убывающаго плодородія почвы. Какъ мы знаемъ, особенность эта состоитъ въ томъ, что развитіе производительности земледѣлія сопровождается, вообще говоря, не пониженіемъ, а повышеніемъ издержекъ производства и соотвѣтственнымъ удорожаніемъ продукта. Если страна не хочетъ или не можетъ прокармливать своего населенія своимъ собственнымъ земледѣліемъ и обращается къ помощи земледѣлія другихъ странъ, то единственнымъ raison d'être такого обращенія служитъ то, что страны эти могутъ поставлять хлѣбъ и другіе продукты пищи дешевле, нежели это было бы возможно при собственномъ производствѣ. Тѣмъ самымъ страна эта, значитъ, подвергаетъ собственное земледѣліе завѣдомо опасному конкурренту, который способенъ парализовать его развитіе. Если разница въ степени производительности обѣихъ странъ невелика и можетъ выравниваться издержками транспорта, то вліяніе конкурренціи сказывается въ застоѣ или замедленіи темпа развитія собственнаго земледѣлія. Какъ ни быстро развивалось англійское земледѣліе въ третью четверть XIX вѣка, все же этотъ ростъ совершенно несоотвѣтствовалъ развитію рынка для сельскохозяйственныхъ продуктовъ, росту англійскаго населенія. Но увеличьте эту разницу между условіями производства въ странѣ, ввозящей и вывозящей хлѣбъ, и вы получите аграрный кризисъ въ ввозящей странѣ.

Очевидно, эта послѣдняя будетъ тѣмъ чутче къ иностранной конкурренціи, чѣмъ выше уровень развитія ея земледѣлія; наиболѣе нѣжнымъ и чувствительнымъ должно было оказаться англійское земледѣліе, въ то время самое первое въ Европѣ. Съ другой стороны, кризисъ будетъ тѣмъ ожесточеннѣе и опустошительнѣе, чѣмъ больше эта разница. Былъ цѣлый рядъ условій, стремившихся эту разницу увеличить: сюда прежде всего слѣдуетъ отнести колоссальное развитіе водныхъ и сухопутныхъ средствъ сообщенія и удешевленіе транспорта, что явилось, конечно, необходимымъ дѣломъ экспортирующей индустріи, затѣмъ выступле-

ніе на хлѣбный рынокъ новыхъ странъ и земель въ Соединенныхъ Штатахъ, Аргентинѣ и др., увеличеніе вывоза изъ старыхъ странъ: какъ-то Россіи, Индіи. Я не буду докучать читателю цифровыми иллюстраціями этихъ общеизвѣстныхъ фактовъ, которыя онъ найдетъ въ любомъ справочномъ изданіи.

Итакъ, основное отличіе старыхъ и новыхъ странъ заключается въ рѣдкости или густотѣ ихъ населенія, заставляющей болѣе или менѣе напрягать силы природы. Но былъ, конечно, и цѣлый рядъ осложняющихъ обстоятельствъ. Такими обстоятельствами являются высокая рента старыхъ странъ [1]) и (относительно) высокая заработная плата. Послѣдняя не чувствуется какъ бремя въ странѣ новой (напр. Соединенныхъ Штатахъ) съ изобиліемъ нетронутыхъ естественныхъ богатствъ, но становится весьма тяжелымъ бременемъ для старой страны, угнетаемой тяжелымъ кризисомъ. Въ виду того, что въ земледѣліи отсутствуетъ „экономія высокой заработной платы“, повышеніе послѣдней является чистымъ бременемъ, которое становится вдвойнѣ тяжеле, если плата повышается одновременно съ обостреніемъ кризиса, какъ теперь въ Англіи. Сказаннаго пока достаточно для уразумѣнія основныхъ особенностей аграрнаго кризиса. Обратимся теперь къ цифровой его характеристикѣ.

Съ конца 70-хъ годовъ начинается паденіе цѣнъ на сельскохозяйственные продукты, которое, конечно, съ неизбѣжными колебаніями, продолжается и до настоящаго времени. Въ прилагаемой таблицѣ сопоставлены цѣны на важнѣйшіе продукты сельскаго хозяйства [2]). (См. стр. 270).

Мы видимъ общее и глубокое паденіе цѣнъ на всѣ важнѣй-

---

[1]) Антитеза промышленныхъ и земледѣльческихъ странъ хорошо выяснена въ замѣчательной, несмотря на ортодоксальность, работѣ Parvus'a: Der Weltmarkt und Agrarkrisis (рядъ статей въ Neue Zeit, есть и въ русскомъ переводѣ). Ошибкой г. Парвуса является то, что различія въ земледѣліи странъ промышленныхъ и земледѣльческихъ онъ характеризуетъ какъ различія въ рентѣ („абсолютной“), между тѣмъ какъ рента является условіемъ, не создающимъ, а лишь осложняющимъ аграрный кризисъ. Эта талантливая работа, въ которой, къ сожалѣнію, гораздо больше ставится чѣмъ разрѣшается интересныхъ теоретическихъ проблемъ, стоитъ, по нашему мнѣнію, гораздо выше работы Каутскаго, по обилію интересныхъ мыслей и построеній.

[2]) Конечно, соотвѣтственно цѣнамъ на живой скотъ измѣнялись и цѣны мяса, которыхъ здѣсь не приводимъ.

	Пшеница		Ячмень		Овесъ.		Лошади			Телята			Быки и воты.			Коровы.			Овцы.			Свиньи.		
	sh.	d.	sh.	d.	sh.	d.	£	sh.	d.	£	sh.	d.	£	sh.	d.	£	sh.	d	£	sh	d.	£	sh	d.
1878	46	5	40	2	24	4	30	9	6	4	17	6	22	12	1	16	16	0	2	8	8	3	11	9
1879	43	10	34	0	21	9	25	13	7	4	14	8	21	17	6	16	17	9	2	7	8	3	9	11
1880	44	4	33	1	23	1	25	4	8	1	14	11	22	0	11	18	5	7	2	8	1	3	9	10
1881	45	4	31	11	21	9	22	5	7	4	13	1	21	15	2	19	9	11	2	6	10	3	7	5
1882	45	1	31	2	21	10	24	0	6	4	13	3	21	4	11	19	10	1	2	5	6	3	13	5
1883	41	7	31	10	21	5	20	7	5	4	13	10	21	11	4	19	14	3	2	5	1	3	8	6
1884	35	8	30	8	20	3	19	17	3	4	14	6	21	19	10	19	12	0	2	5	5	3	3	7
1885	32	10	30	1	20	7	15	0	5	4	11	2	21	2	10	19	6	11	2	3	3	3	16	6
1886	31	0	26	7	19	0	17	4	6	3	18	8	18	1	2	13	5	10	1	18	8	2	19	4
1887	32	6	25	4	16	3	16	19	8	3	17	5	17	6	11	12	12	3	1	13	10	2	18	7
1888	31	10	27	10	16	9	16	14	10	3	12	10	17	17	2	12	15	4	1	16	4	3	1	0
1889	29	9	25	10	17	9	20	1	0	3	16	8	18	8	2	12	2	7	1	15	3	3	15	3
1890	31	11	28	8	18	7	17	8	4	3	19	11	18	0	11	12	2	2	1	18	10	3	11	9
1891	37	0	28	2	20	0	19	18	11	3	13	4	18	7	5	12	5	6	1	18	6	3	6	9
1892	30	3	26	2	19	10	20	5	3	3	18	2	18	9	8	14	18	6	1	11	10	3	6	2
1893	26	4	25	7	18	9	27	9	10	4	5	11	18	8	8	16	16	11	1	8	3	2	19	10
1894	22	10	24	6	17	1	23	19	5	5	2	1	17	8	8	16	17	7	1	13	3	2	0	0
1895	23	1	21	11	14	6	27	0	7	3	7	9	17	6	0	16	10	4	1	13	5	2	1	7
1896	26	2	22	11	14	9	25	5	4	6	13	7	16	11	0	15	12	2	1	9	6	2	10	0
1897	30	2	23	6	16	11	25	6	7	5	3	5	16	18	6	16	16	5	1	10	1		—	
1898	34	0	27	2	18	5	26	13	8		—			—			—		1	9	8	2	5	4

шіе продукты земледѣлія и скотоводства (исключеніе составляютъ въ послѣднее время лошади, которыя употребляются болѣе въ цѣляхъ роскоши и перевозки, нежели сельскохозяйственныхъ). Въ соотвѣтствіи съ этимъ, роль собственнаго земледѣлія въ Англіи сошла до minimum'а: такъ напр. изъ всего количества потребляемой въ Англіи пшеницы въ 8-лѣтіе отъ 1884/5 до 1891/2 года 31,9% было собственнаго производства и 68,1% привоза. Въ 1897 году въ Соединенномъ Королевствѣ было произведено

своей пшеницы около 1,717,517 cwt., а ввезено было въ зернѣ 62,544,873 cwt., и, сверхъ того, въ мукѣ 18.472,706; собственное производство составляетъ, такимъ образомъ, совершенно ничтожную долю. Въ 1896 году на голову населенія приходилось около 178 lbs. привозной пшеницы, плюсъ 53 привозной муки; собственнаго же производства всего около 7 lbs. на душу. Подобныя сопоставленія можно привести и относительно другихъ видовъ пищи. Въ настоящее время Соединенное Королевство съ своимъ огромнымъ населеніемъ и своими городами едва ли могло бы просуществовать двѣ недѣли своимъ собственнымъ земледѣліемъ: „верстакъ вселенной“ собираетъ хлѣбную дань со всего свѣта.

Общая площадь воздѣлываемой земли, несмотря на кризисъ, всетаки продожаетъ расти до 1891 года, но съ этого года начинаетъ падать; слѣдовательно, часть земли начинаетъ забрасываться. Параллельно съ этимъ продолжается процессъ превращенія пахотной земли подъ постоянныя пастбища. Все это видно изъ слѣдующей таблицы, показывающей общее количество воздѣлываемой земли въ Англіи и ея распредѣленіе на пахотныя земли и пастбища [1]). (См. стр. 272).

Сопоставленіе цифръ роста пастбищъ и скотоводства наглядно показываетъ, что мы имѣетъ здѣсь дѣло даже не съ перемѣной системы сельскаго хозяйства, а съ постепеннымъ разрушеніемъ послѣдняго. За разсматриваемый періодъ увеличилось, хотя и незначительно, только чйсло лошадей; что касается рогатаго скота, то его количество, сначала возрастая до 1892 года, затѣмъ идетъ назадъ, несмотря на увеличеніе пастбищъ, и эта убыль рогатаго скота не возмѣщается прибылью другихъ видовъ скота [2]), потому что мы видимъ, что количество овецъ также почти не увеличилось, равно какъ и свиней [3]).

---

[1]) Конечно, это распредѣленіе различно для Grazing Counties, гдѣ постоянныя пастбища составляютъ около 64%, и для Corn Counties, гдѣ лишь около 40%.

[2]) У насъ нѣтъ также основаній думать, чтобы это уменьшеніе количества наверстывалось повышеніемъ качества скота.

[3]) Такимъ образомъ плохо пока подтверждается статистикой тотъ оптимизмъ, который обнаружилъ въ 1893 году проф. Пааше: „англійское земледѣліе, хотя и медленно и съ тяжелыми жертвами, приспособилось къ измѣнившимся благодаря расширенію рынка обстоятельствамъ, и для земледѣлія Соединеннаго Королевства начинаются лучшія времена“ (l. c. 54). Отвѣтомъ на этотъ оптимизмъ явился жесточайшій кризисъ 1894—6

	Общая площадь (въ акрахъ)	Пахатная земля	Пастбища въ акрахъ.	Чисто лошадей.	Рогатаго скота.	Овецъ.	Свиней
1881—85 (среднее).	24,783,997	12,805,474	11,978,523	1,085,940	4,324,641	15,832,671	2,066,212
1888	24,964,483	12,348,594	12,605,889	1,091,500	4,352,826	15,788,794	2,118,420
1889	24,991,015	12,290,441	12,700,574	1,091,041	4,352,657	15,839,882	2,355,760
1890	25,008,147	12,171,947	12,826,200	1,099.557	4,617,641	16,841.288	2,461,185
1891	25,113,343	12,028,226	13,085,117	1,143,050	4,870,215	17,874,722	1,128,285
1892	24,924,204	11,887,233	13,036 971	1,169,146	4,968,590	17,993,756	1,828,542
1893	24,897,562	11,769,184	13,128,378	1,173,809	4,744,059	16,805,280	1,793,456
1894	24,880,717	11,752,929	13,127,788	1,176,248	4,450,607	15.509,985	2,013,823
1895	24,844,688	11,599.841	13,244,847	1,184,747	4,472,565	15,557,571	2,471,090
1896	24,831,403	11,477,008	13,354,395	1,190,038	4,523,603	16,031,095	2,476,480
1897	24,793,980	11,602,191	13,191,789	1,168,763	4,567,834	15,721,213	1,990 534
1898	24,757,490	11,503,141	13,254,349	1,163,625	4,674,803	15,886,518	2,078,898

Сумма капитала, показанная въ шедулѣ B, включающей, какъ извѣстно, фермерскій капиталъ („the Occupation of Land, Tenements, and Hereditaments, — послѣдняя статья, конечно, затемняетъ движеніе фермерскаго капитала), въ 1867 году для Англіи равная 46,500,880 £ и къ 1880 году выростающая до 51,625,569 £, въ 1890 году равна уже 42,031,230 £, а 1896 (послѣднемъ отчетномъ году) равняется 39,428,803 £. Эти цифры показываютъ, какъ быстро таялъ фермерскій капиталъ подъ вліяніемъ кризиса. Уменьшеніе числа сельскохозяйственныхъ рабочихъ, которое въ 1891 году равно было 780,900, а теперь, конечно, гораздо менѣе, намъ уже извѣстно [1]).

годовъ. Приводимыя въ текстѣ цифры опровергаютъ оптимизмъ и другого позднѣйшаго изслѣдователя Konig'a (Die englische Landwirtschaft unter dem Drucke der ausländischen Konkurrenz. 1896. Jena), который полагалъ: „теперь, я думаю, мы можемъ надѣяться, что, хотя для фермера въ Corn Counties и предстоятъ еще тяжелыя времена, но въ Grazing Counties англійскіе фермеры процвѣтаютъ и даже отчасти (theilweise) могутъ заработать и деньги. Ограниченіемъ производства хлѣбовъ и расширеніемъ производства кормовъ въ цѣляхъ заведенія молочнаго хозяйства скоро и восточная часть Англіи достигнетъ болѣе здороваго состоянія, — тогда можно уже будетъ утверждать, что Англія пережила сельскохозяйственный кризисъ и что англійское земледѣліе снова процвѣтаетъ“ (412). До сихъ поръ оптимизмъ этотъ остается лишеннымъ всякихъ основаній.

[1]) Замѣчательно, что несмотря на уменьшеніе фермерскаго капитала и общей интенсивности хозяйства средняя производительность съ акра

Приведенныя цифровыя данныя говорятъ объ общемъ упадкѣ англійскаго земледѣлія, который продолжается и въ настоящее время. Этотъ упадокъ въ различной степени ощущается въ разныхъ отрасляхъ сельскаго хозяйства, въ зерновомъ хозяйствѣ гораздо сильнѣе нежели въ пастбищномъ (а соотвѣтственно, какъ мы еще увидимъ, въ Corn Counties сильнѣе нежели въ Grazing Counties). Есть отрасли сельскаго хозяйства, которыя сравнительно пощажены заграничной конкурренціей и даже медленно развиваются. Это молочное хозяйство, вызванное развитіемъ городовъ [1]); затѣмъ садоводство, вызванное потребностями того же городского населенія (площадь подъ „small fruit“ въ 1888 году равна была 32,776 акровъ, а въ 1898 уже 63,438, въ 1871 году насчитывалось 119,651 лицъ, занятыхъ садоводствомъ, а въ 1891—174,290), огородничество, словомъ, отрасли подгороднаго, „вольнаго“ хозяйства.

Но развитіе этихъ отраслей не настолько значительно, чтобы измѣнить картину кромѣ какъ въ деталяхъ. Соотвѣтственно этому число лицъ, занятыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ вообще, составляло въ 1891 году 6,1% всего населенія (свыше 10 лѣтъ) и 10,4% всего промысловаго населенія, какъ это явствуетъ изъ слѣдующей таблицы [2]): (см. стр. 274)

пашни въ общемъ не уменьшается, подчиняясь лишь обычнымъ колебаніямъ урожайности. Эту особенность я могу объяснить только тѣмъ, что при обращеніи пашни въ пастбища подъ зерновыми хлѣбами остаются лишь самыя плодородныя или удобно расположенныя земли, которыя при меньшей затратѣ капитала даютъ большее (относительно) количество продукта.

[1]) Молочное хозяйство также жестоко страдаетъ отъ заграничной конкурренціи. Вотъ нѣсколько цифръ, которыя поясняютъ это. Въ 1886 году было ввезено масла 1,543,566 центнеровъ на сумму 8,141,438 £, въ 1898 уже 3,209,093, на сумму 15,960,571 £; въ 1886 году среднее количество ввезеннаго масла и маргарина на душу было 7,5 фунтовъ, а въ 1897 уже 11,7. Сыра было ввезено въ 1886 году 1,734,890 цент. на сумму 3,871,359 £, а въ 1898—2,339,452 ц. на сумму 4,970,247 £; ввозъ составлялъ 5,4 фунта на душу въ 1886 году, и 7,3 въ 1897. Молока (конденсированнаго) было ввезено въ 1888 году 352,333 цент., а въ 1898 уже 817,268 и т. д. Молочные продукты обнаруживали при этомъ такое же паденіе цѣнъ какъ и другіе продукты сельскаго хозяйства: масло, напр., которое стоило въ 1886 году £ 5. 10. 10 за центнеръ, въ 1898 году стоило уже £ 4. 19. 6 и т. д.

[2]) Подсчетъ сдѣланъ у Goldstein, l. c. 53.

	Общее число мужч. и жен.	% общаго числа.	% промысловаго насел	(1901 г.)
	(1891 г.)			
Общественная служба и либеральныя профессіи	926,100	4,2	7,2	972,685
Прислуга	1,900,400	8,6	14,7	1,994,917
Торговля и средства сообщенія	1,399,800	6,9	10,8	1,858,454
Земледѣліе и рыболовство	1,336,900	6,1	10,4	1,152,495
Промышленность	7,336,300	33,3	56,9	8,350,176
Не занятое населеніе	9,154,400	41,5	—	10,795,117
				25,323,844

Теперь земледѣльческое населеніе, конечно, составляетъ еще меньшую—и абсолютно, и относительно—часть англійскаго населенія, какъ это, по всей вѣроятности, обнаружитъ ближайшій цензъ (1901 года). Невольно напрашивается на сопоставленіе Англія временъ Григорія Кинга, когда она представляла собой вполнѣ земледѣльческое государство.

Серьезная болѣзнь, которою страдаетъ послѣднюю четверть XIX вѣка англійское земледѣліе, а съ нимъ и все англійское хозяйство, естественно приковываетъ къ себѣ вниманіе англійскаго общества. Послѣ періода благополучія, когда представители земледѣлія предпочитали оставаться въ тѣни, теперь снова наступаетъ эпоха петицій и парламентскихъ изслѣдованій. Никогда англійское земледѣліе не играло такой незначительной роли въ экономіи страны, какъ послѣднюю четверть настоящаго вѣка, но и никогда земледѣлію не посвящалось такъ много вниманія какъ теперь. Въ теченіе 12-лѣтняго промежутка англійское земледѣліе было сдѣлано предметомъ изслѣдованія двухъ коммиссій, въ 1881 (такъ называемая Richmond Commission) и въ 1894—6 („Royal Commission on Agriculture“). Если первая коммиссія выпустила цѣлый рядъ обстоятельныхъ отчетовъ и допросила массу свидѣтелей, то труды послѣдней коммиссіи, засѣдавшей три года, представляютъ нѣчто безпримѣрное даже въ богатой литературѣ парламентскихъ изслѣдованій. Изданные въ 8 толстыхъ томахъ (въ осьмомъ—заключительный отчетъ) труды эти[1]) даютъ самую под-

[1]) Само собою разумѣется, чтобы изложить *все* содержаніе этихъ отчетовъ (въ которыхъ очень много мѣста посвящено изученію спеціальныхъ и для насъ неинтересныхъ вопросовъ), нужно написать цѣлую книгу. Конечно, мы не задавались этой цѣлью, пользуясь данными отчетовъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой это необходимо для общей картины, нами рисуемой.

робную картину современнаго положенія англійскаго земледѣлія въ разныхъ частяхъ королевства. Но и этимъ не исчерпывается все, предпринятое для изученія земледѣлія. Въ 1889 году назначается коммиссія о «мелкихъ хозяйствахъ» (on small holdings), издающая въ 1890 году свой отчетъ (съ Minutes of evidence). „Commision on labour" изучаетъ положеніе сельскохозяйственнаго труда (результаты этого изученія въ шести Parts составляютъ три тома; здѣсь, конечно, также проливается не мало свѣта на общее положеніе земледѣлія). Если присоединить сюда превосходную текущую статистику, то можно сказать, что для изученія сельскаго хозяйства Англіи въ эпоху упадка мы располагаемъ идеальнымъ матеріаломъ.

Richmond' Commission 1881 года была вызвана первымъ обостреніемъ кризиса, которое почувствовалось съ особою силою въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ. Какъ было выяснено коммиссіей, причиной кризиса является совокупное дѣйствіе неурожаевъ вслѣдствіе дождливой погоды (wet season) и паденія хлѣбныхъ цѣнъ, рядомъ съ поднятіемъ издержекъ производства, прежде всего, стоимости сельскохозяйственнаго труда, но также и ренты.

James Caird, спрошенный предъ коммиссіей о причинахъ кризиса, показалъ [1]), что такими причинами являются, во-первыхъ, „цѣлый рядъ неблагопріятныхъ по погодѣ лѣтъ, не имѣющій въ прошломъ ничего подобнаго по непрерывности и продолжительности; во-вторыхъ, пониженіе цѣнъ, обязанное отчасти иностранному ввозу, а отчасти низкому качеству домашняго производства, а, въ-третьихъ, нѣтъ сомнѣнія, ростъ ренты съ 1867 года". Послѣднее свидѣтельствуется и въ другихъ отче-

---

Содержаніе *части* отчетовъ (до 1895 года) изложено въ цитированной уже книгѣ *König*'а: Die Lage der englischen Landwirtschaft etc. Хорошая, хотя и чисто внѣшняя сводка данныхъ отчетовъ сдѣлана въ книгѣ члена парламента и вмѣстѣ члена коммиссіи *Alston Channing*. The truth about agricultural depression. An economic study of the evidence of the Royal Commission. London. 1897. Болѣе распространенъ удобный для общаго знакомства съ содержаніемъ трудовъ коммиссіи, но въ общемъ слабый и безцвѣтный Final Report of Her Majesty Commissioners appointed to inquire into the subject of agricultural depression. London. 1897. Повидимому, тому же посвящена неизвѣстная мнѣ книга *Oskar Stillich*. Die englische Agrarkrisis, ihre Ausdehnung, Ursachen und Heilmittel. Nach der Enquête der „Royal Commission on Agriculture". 1899.

[1]) Minutes of evidence, qu. 62,645.

тахъ [1]). Благодаря всѣмъ этимъ причинамъ производство, какъ это доказывается несомнѣннѣйшими цифровыми расчетами, въ многихъ случаяхъ является для фермера убыточнымъ [2]).

Жалобы на высоту ренты не составляютъ чего-либо новаго: онѣ, естественно, повторяются при всякомъ кризисѣ. Но то, что накладываетъ печать историческаго момента на разсматриваемый кризисъ,—это жалобы на дороговизну рабочей силы. Эта новая нота, впервые прозвучавшая именно въ эту эпоху, звучитъ чѣмъ далѣе, тѣмъ громче. Нужно замѣтить, что жалуются не на недостаточное снабженіе рабочими руками: какъ правило, такихъ жалобъ въ отчетѣ нѣтъ. Наоборотъ, и изъ земледѣльческихъ и изъ промышленныхъ округовъ сообщается [3]), что предложеніе труда достаточно (свидѣтельства см. въ примѣчаніи).

---

[1]) Напр. Mr. Little въ своемъ отчетѣ свидѣтельствуетъ: „во всѣхъ сообщеніяхъ, которыя я получилъ, общее мнѣніе таково, что за послѣднее время ренты вообще значительно возрасли. Общій размѣръ этого роста опредѣляется различно, отъ 5% до 30%“ (51).

[2]) Вотъ одинъ изъ такихъ разсчетовъ, приводимый Литтлемъ въ Appendix'ѣ къ отчету объ южныхъ графствахъ. Принимая валовой доходъ за 100, вотъ въ какихъ относительныхъ числахъ представятся разныя статьи расходовъ сперва за 12 лѣтъ 1868—79 (I), затѣмъ за три года 1877—79 (II) и за 1879 (III):

	I.	II.	III.
Рента, налоги, десятины	28,91	28,49	27,09
Трудъ	20,32	21,61	21,56
Куплено скота	8,84	18,87	29,04
Куплено корма	13,24	24,69	29,52
Куплено искусственнаго удобренія .	2,74	9,60	31, 3
Разное	16,05	17,68	18,07
Всего издержекъ . . .	90,10	114,94	122,41
Прибыли	9,90	—	—
Сумма . . .	100,00	114,94	122,41

Такимъ образомъ, въ среднемъ за 12 лѣтъ фермеръ этотъ получалъ прибыли на свой капиталъ 5,47%, за 3 года 1877—79 средній убытокъ составлялъ 3,37%, и за 1879 годъ убытокъ составилъ уже 21,66%.

[3]) Doyle въ приложеніи къ своему отчету приводитъ отвѣты на вопросы о рабочихъ, предложенные предпринимателямъ. Такихъ вопросовъ было предложено въ Оксфордѣ—13, Стаффордѣ—16, Ворвикѣ—36, Глостерѣ—9, Герефордѣ—13 и т. д. Первый вопросъ гласилъ: „хорошо или плохо вы снабжены трудомъ, какъ относительно числа рабочихъ, такъ и качества ихъ?“ Почти во всѣхъ случаяхъ получился отвѣтъ, что число рабочихъ достаточно, лишь въ двухъ-трехъ „moderately“, жалобъ на недостатокъ рабочихъ нѣтъ ни въ одномъ.

Чтобы дать понятіе о томъ, на что именно жалуются фермеры, приведу яркую характеристику положенія вещей, которую даетъ въ своемъ отчетѣ Mr. Little [1]): „общее мнѣніе таково, что всѣ виды сельскохозяйственныхъ работъ стоятъ теперь дороже на 25%—30%, чѣмъ 15 лѣтъ назадъ. До 1875 года заработная плата непрерывно почти поднималась, и хотя она съ тѣхъ поръ нѣсколько опустилась, она всетаки остается гораздо выше уровня прежнихъ лѣтъ; при этомъ не только недѣльная плата повысилась, но сократились и часы труда; хотя всѣ фермеры согласились сообща прижать рабочаго, но онъ всетаки дѣлаетъ меньше, и это меньшее дѣлаетъ хуже. Населеніе аграрныхъ округовъ уменьшилось, болѣе сильные и интеллигентные изъ молодыхъ рабочихъ ушли въ города или въ желѣзнодорожную службу; и лишь остатокъ достался на долю фермеровъ. Въ настоящее время я не могу вспомнить, чтобы хоть разъ въ теченіе всего моего изслѣдованія было выражено мнѣніе, что заработная плата слишкомъ высока, но я повсюду слышалъ: „мы готовы давать эту плату, лишь бы рабочіе за эти деньги выполняли правильную дневную работу“. Затѣмъ значительное возростаніе стоимости заработной платы было неизбѣжно вызвано приложеніемъ Education Act... Введеніе сберегающихъ трудъ машинъ, нѣтъ сомнѣнія, избавило фермера отъ нѣкоторыхъ затрудненій, безъ нихъ

Druce въ своемъ отчетѣ относительно промышленныхъ округовъ даетъ слѣдующія свѣдѣнія: относительно Линкольншайра сообщается что онъ „весьма хорошо снабженъ взрослыми земледѣльческими рабочими...Чувствительное уменьшеніе въ снабженіи ими ощущалось въ этомъ графствѣ въ періодъ великаго мануфактурнаго и коммерческаго процвѣтанія, предшествовавшаго 1875 году, но съ этого времени предложеніе, по мнѣнію многихъ моихъ свидѣтелей, возрасло“ (54). Въ Миддльсексѣ „предложеніе сельскохозяйственныхъ рабочихъ недостаточно (not good), но въ новѣйшее время рабочіе скорѣе возрасли, чѣмъ уменьшились въ числѣ“ (63). Норфолькъ „вполнѣ хорошо снабженъ сельскохозяйственнымъ трудомъ, и предложеніе его скорѣе увеличилось, чѣмъ уменьшилось за послѣдніе 2—3 года“ (67).

По отчету Colemann'a относительно Нортумберланда здѣсь, какъ и въ предшествовавшую эпоху, „каждая крупная ферма представляетъ собою небольшую колонію, съ приспособленіями, соотвѣтствующими потребностямъ труда, для всѣхъ же чрезвычайныхъ потребностей, какъ-то во время жатвы или сѣнокоса, употребляются сторонніе, главнымъ образомъ, ирландскіе рабочіе“ (6).

[1]) Report by Mr. Little on Devon, Cornwall, Dorset and Sommerset. 1882, стр. 54.

было бы невозможно обрабатывать землю принятымъ въ настоящее время способомъ; но въ высшей степени сомнительно, чтобы фермеръ, сосчитавъ первоначальную стоимость машинъ, издержки починки, въ добавокъ, лошадиную силу, требующуюся для нихъ, могъ убѣдить самого себя, чтобы онъ сберегалъ издержки производства. Машины есть необходимое средство и притомъ очень дорогое; но сумма, платимая за мужской трудъ, продолжаетъ возрастать и pro tanto уменьшаетъ опредѣляемую рентой цѣнность земли". Little заканчиваетъ выраженіемъ убѣжденія, что въ будущемъ тяжесть повышенія платы ляжетъ на лэндлорда (предсказаніе, дѣлающее честь проницательности коммисара).

То же самое объ удорожаніи труда повторяетъ и Druce, [1]) который затѣмъ прибавляетъ: „Повидимому, существуетъ духъ — не скажу недовольства, но безпокойства и склонности къ перемѣнамъ среди рабочихъ; и во многихъ частяхъ моего округа проявляется рѣзко выраженный недостатокъ довѣрія между фермерами и ихъ рабочими. Фермеры не могутъ теперь свободно располагать трудомъ, когда онъ имъ наиболѣе нуженъ. Даже въ теченіе этой послѣдней (1881) жатвы рабочіе на одной Норфолькской фермѣ сдѣлали стачку изъ-за повышенія платы за жатву. Правда, хозяинъ скоро помогъ бѣдѣ, выписавши рабочихъ откуда-то изъ другого мѣста, но остается всетаки тотъ фактъ, что, несмотря на жестокія потери, которыя понесли фермеры за послѣдніе нѣсколько лѣтъ и которыя для рабочихъ чувствительны не менѣе чѣмъ для хозяевъ, рабочіе недовольны весьма разумной заработной платой, имъ предлагаемой".

Оба показанія, характерныя для цѣлаго ряда свидѣтельствъ, имѣющихся въ текстѣ, обнаруживаютъ, насколько фермеры (вмѣстѣ съ лэндлордами) привыкли къ низкой заработной платѣ эпохи аграрнаго перенаселенія. Теперь они говорятъ (а за ними повторяютъ и черезчуръ иногда довѣрчивые коммиссіонеры), что качество труда слишкомъ низко, между тѣмъ какъ въ былыя времена они не считали слишкомъ низкимъ качество труда наупе-

[1]) Report by Druce on Bedford, Bucks, Cambs, Derby, Essex, Herts, Hunts, Leicester, Lincoln, Middlesex, Norfolk, Northhampton, Notts, Rutland и Suffolk. 1882. Стр. 106.

Ср. также свидѣтельство Colemann'a, отчетъ котораго относится къ Нортумберлэнду, Ланкаширу и Чешайру: „не можетъ быть и сомнѣнія, что прибыль фермеровъ серьезно пострадала благодаря увеличенію заработной платы" (6).

ровъ, женщинъ, дѣтей, отребья человѣчества, которое собиралось въ сельскохозяйственныя банды! Гнѣвная Немезида подняла свой бичъ, дѣйствительно, въ тяжелую минуту для фермера, именно когда требовалось измѣнить условія распредѣленія дохода между фермеромъ и лэндлордомъ и свалить на послѣдняго часть новой тяжести; это было, конечно, не такъ легко, какъ перевалить тяжесть на плечи рабочаго, которыя несли на себѣ, какъ мы видѣли, значительную долю тяжести прежнихъ кризисовъ [1]). То, что въ деревняхъ оставались наихудшія рабочія силы, есть естественный результатъ всѣхъ униженій, которымъ подвергался здѣсь сельскохозяйственный рабочій въ теченіе своей исторіи, т. е. XIX вѣка [2]).

Если изслѣдованія 1881—82 годовъ раскрыли картину угнетеннаго положенія сельскаго хозяйства, то изслѣдованія 1894—6 годовъ рисуютъ безотрадную картину разоренія сельскаго хозяйства Англіи, которое сказывается въ различныхъ округахъ съ неравной силой—въ Grazing Counties слабѣе, чѣмъ въ Corn Counties, но наблюдается повсемѣстно.

Интересной особенностью положенія вещей въ 90-хъ годахъ является то, что сильнѣе всего пострадала отъ кризиса земельная рента: фермерамъ удалось сложить значительную часть бремени съ своихъ плечъ на плечи лэндлорда (какъ мы еще уви-

[1]) Весьма характерно, что относительно промышленныхъ округовъ (прежде всего Нортумберлэнда, гдѣ никогда не было развращающаго и предпринимателя и рабочаго перенаселенія, мы и теперь читаемъ въ отчетѣ Colemann'a слѣдующее: несмотря на высшую заработную плату „является фактомъ, заслуживающимъ большого вниманія, то, что издержки на акръ въ Нортумберлэндѣ не только не превосходятъ, но часто ниже, чѣмъ въ тѣхъ округахъ, гдѣ плата ниже на 25%—40%. Это слѣдуетъ приписать 1) высшему качеству труда, какъ въ физическомъ, такъ и моральномъ отношеніи, 2) широкому примѣненію труда женщинъ и дѣтей, 3) болѣе систематическому и экономному управленію. Съ чувствомъ удовлетворенія можно отмѣтить, что качество труда не ухудшилось, что рабочіе наклонны и способны выполнять полный рабочій день и т. д." (70).

[2]) Марксъ дѣлаетъ вѣрное замѣчаніе, справедливость котораго подтверждается исторіей не только Англіи, но и другихъ странъ: „The labour question" (рабочій вопросъ) въ англійскихъ земледѣльческихъ округахъ въ отличіе отъ всего остального цивилизованнаго міра, обозначаетъ именно the landlords' and farmers question (вопросъ лэндлордовъ и фермеровъ), т. е. какимъ бы образомъ увѣковѣчить, несмотря на постоянно возрастающій отливъ крестьянъ, достаточный „относительный убытокъ населенія" въ селахъ, а слѣдовательно также и „minimum рабочей платы" сельскому работнику?" (Марксъ. Капиталъ, I, 610, прим. 185).

димъ, широкія плечи рабочаго класса, къ счастью, оказались на этотъ разъ недоступными для этой цѣли), и, если на сторонѣ поземельной ренты числится какая-нибудь экономическая заслуга въ продолженіе всего XIX вѣка, такъ это та, что рента облегчила на свой счетъ несеніе кризиса и ослабила его разрушительное дѣйствіе. Возможность свалить часть своего бремени на третье лицо выгодно отличаетъ положеніе сельскихъ хозяевъ Англіи въ эпоху кризиса отъ положенія ихъ на континентѣ, гдѣ поземельная рента ложится мертвой петлей въ видѣ гипотеки и тѣмъ утяжеляетъ несеніе кризиса. Справедлива русская поговорка: нѣтъ худа безъ добра.

Пониженіе ренты было очень значительно и, въ общемъ, конечно, отвѣчаетъ степени угнетенія земледѣлія (слѣдовательно, и здѣсь различаются Grazing и Corn Counties). Гиффенъ, въ своихъ показаніяхъ предъ Коммиссіей, опредѣлилъ уровень ренты еще 1889 года равнымъ уровню 1842 года [1]). Ashby и King сообщаютъ относительно нѣсколькихъ деревень средней (Midland) Англіи: „годовая цѣнность земельной собственности превосходила цѣнность 1815 года только на 4%, и такъ какъ это повышеніе не соотвѣтствуетъ увеличенію цѣнности зданій желѣзныхъ дорогъ и т. д., то рента земледѣльческой земли по всей вѣроятности ниже чѣмъ въ 1815 году“ [2]). Нужно замѣтить, что это было *до* опустошительнаго кризиса 1894—6 годовъ.

Приведемъ для примѣра нѣсколько свидѣтельствъ изъ отчетовъ коммиссаровъ, изслѣдовавшихъ, по порученію коммиссіи, разные округа. W. Fream свидѣтельствуетъ [3]) относительно Ан-

[1]) Royal Commission on Agriculture. Minutes of evidence taken before Her Majesty's Commissioners appointed to inquire into the subject of agricultural depression. Vol. II. 1894. Qu. 18,260—5. Любопытно, что Гиффенъ добавилъ: „одной изъ причинъ, содѣйствовавшихъ пониженію ренты, я считаю улучшеніе положенія труда 18,280. Какой трудъ вы имѣете въ виду,— трудъ вообще или въ частности сельскохозяйственный трудъ? Конечно, насколько дѣло касается ренты, то имѣется въ виду именно сельскохозяйственный трудъ“. Гиффенъ констатируетъ такимъ образомъ, что фермерамъ удалось переложить на лэндлордовъ повышеніе заработной платы рабочихъ.

[2]) *Joseph Ashby and Bolton King.* Statistics of some Midland Villages. (The Economic Journal, 1892, March, стр. 2).

[3]) Report by W. Fream on the Andover District of Hampshire and the Maidstone District of Kent. 1894. стр. 7. Hampshire и Kent принадлежатъ къ Corn Counties. Никакихъ отличій не представляютъ и Statford-on-Avon, district Warwickshire, описанный коммиссаромъ Jabez Turner'омъ.

доверскаго округа (въ Гампшайрѣ): „я не встрѣтилъ ни одного исключенія изъ того правила, что ренты понизились за послѣднія 12 лѣтъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это пониженіе было такъ значительно, что фактически фермеры сами установляютъ себѣ ренту. Одинъ крупный фермеръ сказалъ мнѣ: „дѣло дошло до того, что вы можете считать теперь землю фактически неимѣющей цѣнности и видѣть въ рентѣ только покрытіе процентовъ на стоимость дома и строеній“. И онъ добавилъ, что послѣ того, какъ лэндлордъ покроетъ всѣ эти издержки, едва-ли что-либо останется ему сверхъ этого. Не только уменьшились размѣры ренты, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ она не платится за цѣлые годы, хотя сбавки были доведены до послѣдней возможности и рента почти вся ими уничтожена. Въ одной части этого округа меня увѣряли, что за послѣднія 8 лѣтъ рента уменьшена болѣе, чѣмъ на половину, но что земля не стоитъ даже и теперешней ренты“. То же свидѣтельствуется и относительно Мэдстонскаго округа въ Кентѣ: и здѣсь положеніе гораздо хуже, чѣмъ въ 1878 году, часть земли совсѣмъ не воздѣлывается, несмотря на то, что „во многихъ частяхъ округа сдѣланы весьма значительныя пониженія ренты. Размѣръ ихъ колеблется отъ 15% до 100%; въ послѣднемъ случаѣ фермеры платятъ лишь столько, сколько требуется для взноса десятины“ (31).

W. Fox въ своемъ отчетѣ о Суффолькѣ приводитъ [1]) феноменальные примѣры пониженія ренты: „до 1869 года—показалъ ему одинъ фермеръ — мы арендовали ферму въ 300 акровъ за 495 £ въ годъ, и снимали ее 16 лѣтъ, имѣя доходъ. Съ 1885 до 1889 года мы имѣли убытокъ. Тогда ферма сдана была за 150 £ (безъ десятины) въ годъ (пониженіе 69,9%). Мою теперешнюю ферму въ 200 акровъ отецъ мой арендовалъ въ 1864 году за 250 £, а теперь я пользуюсь ею даромъ; но отецъ мой пользовался отъ нея большимъ доходомъ, нежели я теперь. — Ферма въ 96 акровъ сдавалась до 1889 года за 160 £, не считая десятины; съ этого времени сдается за 40 £ безъ десятины, съ произрастаніями, которыя фермеръ сдаетъ за 20 £ Ферма въ 263 акра сдавалась до 1892 года за 344 £ въ годъ; съ этого времени сдается за 100 £ безъ десятины, пониженіе въ 70,9%“ (и далѣе цѣлый рядъ подобныхъ примѣровъ).

---

[1]) Report by Wilson Fox on the County of Suffolk. 1895. Стр. 39.

H. Rew въ отчетѣ о Дорсетѣ [1]) говоритъ: „какъ правило, лэндлорды сдѣлали значительныя пониженія ренты, которыя однако должны еще болѣе увеличиться. Земельная собственность становится фактически предметомъ роскоши, которой могутъ пользоваться только лица, имѣющія какой-либо другой источникъ дохода“.

Относительно Норфолька тотъ же Rew [2]) говоритъ: „пониженіе ренты въ размѣрахъ отъ 20% до 60% привело къ разоренію многихъ землевладѣльцевъ, нерѣдко обремененныхъ ранѣе долгами“.

Но всѣ эти пониженія ренты не спасли, однако, фермеровъ, которые ухудшаютъ хозяйство и въ большомъ количествѣ разоряются, особенно въ Corn Counties. Изъ безконечнаго ряда свидѣтельствъ этого рода приведу нѣсколько для примѣра. Коммиссаръ Pringlie въ своемъ отчетѣ о 4-хъ округахъ Эссекса [3]) говоритъ: „количество земли, совсѣмъ незанятой, весьма незначительно, но количество земли невоздѣланной и приносящей лишь номинально ренту какъ травяное пастбище весьма велико“. Вотъ краснорѣчивый примѣръ. Ферма близъ Southminster, центра одной изъ наиболѣе пораженныхъ кризисомъ мѣстностей Dengie Hundred „вышла изъ воздѣлыванія уже 15 лѣтъ. Она составляетъ около 530 акровъ, которые всегда разсматривались какъ превосходная ферма для зерновыхъ хлѣбовъ. Большая ея часть остается нетронутой съ тѣхъ поръ, какъ была вспахана послѣдній разъ 15—16 лѣтъ назадъ. Теперь она поросла самой худшей кормовой травой и сорными травами, которыя въ такое сухое лѣто какъ послѣднее не даютъ абсолютно ничего для кормовъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ она была вовсе оставлена, и владѣлецъ десятины продавалъ ростущія травы, чтобы выручить сколько можно. 38 лѣтъ тому назадъ она сдавалась за 1,000 £ въ годъ, причемъ фермеръ платилъ за десятину и прочія издержки. Сосѣдняя ферма также находится въ подобномъ же положеніи и такое же число лѣтъ остается безъ обработки“.

Въ Андоверскомъ округѣ „въ теченіе послѣднихъ 10 или 12 лѣтъ площадь подъ пшеницей подверглась уменьшенію, а площадь, засѣянная ячменемъ, хотя и возросла, но не въ равной степени;

[1]) Rep. by Henry Rew on the County of Dorset. 1895. Стр. 38. Dorset принадлежитъ къ Grazing Counties.

[2]) Report by H. Rew on the County of Norfolk. 1895. Стр. 74.

[3]) Rep by Pringlie on Ongar, Chelmsford, Maldon and Braintree districts of Essex. 1895. Стр. 48—9.

умѣренная площадь обращена подъ пастбище, тогда какъ болѣе обширная просто заброшена или обращена подъ естественный лугъ. Очень сухой округъ, съ тонкимъ слоемъ почвы на известковой подпочвѣ, оказывается неприспособленъ даже при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ для значительнаго распространенія постоянныхъ пастбищъ... Не мало попытокъ устроить постоянныя пастбища окончились неудачей и привели къ крупному убытку“ [1]).

H. Pringlie въ своемъ отчетѣ [2]) о графствахъ Бедфордъ. Гендингдонъ и Нортгамптонъ говоритъ: „истина, высказанная и доказанная мнѣ самымъ несомнѣннѣйшимъ образомъ многими фермерами и лэндлордами, состоитъ въ томъ, что аграрная депрессія, сначала раскрытая Mr. Druce'омъ, а теперь составляющая предметъ моего отчета, внесла такія перемѣны и обнаружила такую разрушительную энергію, что трудно ее описать и еще труднѣе охватить разумомъ. Даже въ самыхъ лучшихъ округахъ были случаи разоренія, и повсемѣстно понесены большія потери капитала. Чѣмъ тяжеле почва и чѣмъ выше пропорція пахатной земли къ пастбищной, тѣмъ серьезнѣе чувствуется депрессія“ [3]).

W. Fox въ своемъ отчетѣ о Кэмбриджшайрѣ [4]) сообщаетъ: „перемѣны въ хозяйствѣ, особенно въ Южномъ Кэмбриджшайрѣ, весьма многочисленны. Извѣстные фермеры или вовсе прекратили хозяйство, отчаявшись, или вынуждаются продолжать его въ силу необходимости. Лица, которыя давно уже были извѣстны своими

---

[1]) Fream, l. c. 11.

[2]) Report by Hunter Pringlei (Assistant Commissioner) on the Counties of Bedford, Huntingdon and Northampton. London. 1895. Стр. 85.

[3]) „Четыре класса фермеровъ, добавляетъ докладчикъ, перенесли грозу такъ, что у нихъ сохранились еще внѣшніе признаки благосостоянія. 1) Тѣ, которые имѣютъ частные средства; 2) тѣ, которые заняты въ другихъ предпріятіяхъ или соединяютъ съ фермерствомъ торговлю или агентство; 3) тѣ, которые снимаютъ землю вблизи отъ городовъ и имѣютъ выгодный сбытъ для молока, картофеля, овощей, сѣна и соломы; 4) которые не слишкомъ вовлечены были въ производство зерновыхъ хлѣбовъ. Травяные фермеры (grass farmers), фермеры болотныхъ округовъ (Fen farmers), садоводы и молочные хозяева находились въ наивыгоднѣмъ положеніи. Вѣроятно, немногимъ изъ нихъ удалось за это время сберечь небольшую сумму денегъ, но можно увѣренно сказать, они не потеряли, если брать послѣдній 15-лѣтній періодъ какъ цѣлое. Съ этими небольшими исключеніями, всѣ, занятые въ земледѣліи, понесли денежныя потери“ (ib.).

[4]) Rep. by Wilson Fox on the County of Cambridge. 1895. Стр. 39—40.

стадами овецъ, вынуждены были распродать ихъ. Словомъ, исключая нѣсколько благопріятныхъ округовъ, фермеры потеряли свой капиталъ“.—„Вполнѣ очевидно, что при теперешнихъ цѣнахъ и условіяхъ многія земли въ южномъ Кэмбриджшайрѣ воздѣлываться не могутъ“.

H. Rew въ отчетѣ о Дорсетѣ [1]) говоритъ: „разнообразіе условій въ этомъ графствѣ затрудняетъ общіе выводы. Но съ увѣренностью можно сказать, что у фермеровъ — съ очень незначительными исключеніями, если они вообще существуютъ — значительно сократились доходы и капиталъ ихъ серьезно уменьшился.— Нѣкоторые изъ лучшихъ и наиболѣе состоятельныхъ, а въ былыя времена и наиболѣе успѣшныхъ фермеровъ на югѣ Англіи находились именно въ Дорсетѣ, но теперь кажется, что эта раса словно вымираетъ. Конечно, иные еще остаются, но другіе оставляютъ добровольно или по принужденію занятіе, въ которомъ они не могутъ болѣе находить справедливаго дохода на свой капиталъ. Такимъ образомъ, несомнѣнно капиталъ постоянно покидаетъ земледѣліе“.

Тотъ же H. Rew въ отчетѣ о Норфолькѣ [2]) говоритъ: „ничто изъ того, что̀ мнѣ встрѣчалось съ тѣхъ поръ, какъ я посѣтилъ графство, не побуждало ослабить грустные выводы, къ которымъ я пришелъ въ результатѣ своего изслѣдованія. Слава Норфолька стояла такъ высоко въ прошедшемъ, и графство такъ неуклонно шло всегда во главѣ земледѣльческаго прогресса, что трудно повѣрить, чтобы здѣсь такъ тяжело легла аграрная депрессія. Въ эпоху Richmond Commission „хорошія времена“ уже нѣсколько лѣтъ были дѣломъ прошлаго, но съ тѣхъ поръ дѣло шло отъ плохого къ худшему, и, несмотря на мимолетный лучъ надежды, темное облако депрессіи становилось все чернѣе и чернѣе, пока полная тьма не опустилась надъ страной. Старыя фамиліи удалились, старыя поля оставлены или пріобрѣтены въ собственность или сняты въ аренду новыми людьми... Многіе изъ самыхъ старыхъ фермеровъ съ лучшихъ фермъ, лучшихъ имѣній отказались отъ нихъ и несогласны продолжать дѣло ни на какихъ условіяхъ. Они рѣшили въ своемъ умѣ уйти отсюда, не останавливаясь ни передъ какими жертвами, потерявъ всякую охоту къ своему дѣлу и всякую вѣру въ будущее. Многіе изъ наилучшихъ

[1]) Rep. by Henry Rew on the County of Dorset. 1895. Стр. 38.

[2]) Rep. by Henry Rew on the County of Norfolk. 1895. Стр. 74.

и наиболѣе уважаемыхъ фермеровъ уже разорены, а тѣ, которые остаются пока неразоренными, со страхомъ ждутъ той же участи".

Рядъ подобныхъ свидѣтельствъ можно удлиннить ad libitum. Правда, почти всѣ эти показанія относятся къ наиболѣе пострадавшимъ Corn Counties, въ Grazing Counties дѣло не обстоитъ такъ плохо, но это различіе только въ степени. Вотъ какъ подводятъ заключительные итоги сами члены коммиссіи въ предварительномъ отчетѣ, подписанномъ большинствомъ (кромѣ трехъ): „показанія, сдѣланныя предъ нами, убѣдили насъ въ весьма тяжеломъ (extreme gravity) положеніи земледѣлія... Несомнѣнно справедливо, что тяжесть депрессіи значительно варіируетъ въ различныхъ округахъ, но мы пришли къ тому заключенію, что не существуетъ ни одной части Великобританіи, про которую можно было бы сказать, чтобы тамъ эта тяжесть вполнѣ отсутствовала. За рѣдкими исключеніями, она существуетъ и увеличивается въ странѣ за послѣдніе 12 или 15 лѣтъ. Во многихъ округахъ она достигла столь остраго состоянія, что послѣдствія ея оказали уже весьма разрушительное вліяніе" [1]).

Картина, рисуемая отчетами, неотразимо свидѣтельствуетъ, что высокая рента, если и играла роль въ обостреніи кризиса въ первую его половину, теперь уже утратила или утрачиваетъ это значеніе, потому что кризисъ уничтожилъ и уничтожаетъ ее

[1]) Second Report of Her Majesty Commission appointed to inquire into the subject of agricultural depression. 1896. Второй отчетъ или, точнѣе, особое мнѣніе было подписано предсѣдателемъ коммиссіи Shaw-Lefevre, лордомъ Rendel и извѣстнымъ статистикомъ Робертомъ Гиффеномъ. Въ этомъ интересномъ и отчасти парадоксальномъ особомъ мнѣніи (съ которымъ мы еще будемъ имѣть дѣло) съ особеннымъ удареніемъ указывается на то различіе, которое существуетъ между отдѣльными округами относительно аграрной депрессіи: „мы считаемъ необходимымъ отмѣтить..., что депрессія была и остается до сихъ поръ болѣе серьезной въ восточныхъ и южныхъ графствахъ Англіи, площадь которыхъ много болѣе трети Англіи и Уэльса, включая такія графства, какъ Вильтшайръ, Глостершайръ, Ворчестершайръ и Оксфордшайръ или ихъ значительныя части, нежели въ остальныхъ частяхъ королевства". (22) Площадь наибольшаго вліянія депрессіи опредѣлена здѣсь, какъ это можно судить даже на основаніи выдержекъ, приводимыхъ въ текстѣ, черезчуръ ограниченно (характерно, что первыя три графства, перечисленныя здѣсь, принадлежатъ къ „травянымъ", Grazing Counties). Авторы указываютъ въ числѣ причинъ, между прочимъ, неблагопріятную погоду въ началѣ 90-хъ годовъ, чего не было на сѣверѣ и на западѣ, а также большую распространенность зернового хозяйства.

самое, не ослабѣвая, однако, въ своей силѣ. Причина его лежитъ, очевидно, не въ мѣстныхъ условіяхъ англійскаго земледѣлія, а въ общихъ условіяхъ развитія земледѣльческаго производства, выражающихся въ законѣ убывающаго плодородія почвы. Паденіе хлѣбныхъ цѣнъ, вызванное конкурренціей новыхъ странъ, дѣлаетъ невозможнымъ выгодное продолженіе производства въ прежнихъ размѣрахъ [1]).

Паденіемъ цѣнъ не исчерпываются, однако, злоключенія фермеровъ: при падающихъ цѣнахъ имъ приходится нести тяжесть растущихъ издержекъ производства, именно повышающейся заработной платы. Мы слышали жалобы на дороговизну рабочей силы, сопровождающуюся низкимъ качествомъ труда, уже въ 80-хъ годахъ, въ отчетахъ Richmond Commission. Теперь все это страшно усиливается: въ стремленіи понизить издержки производства, фермеру удалось покорить лэндлорда и свести ренту до minimum'a, но ему совершенно не удалось того же съ сельскохозяйственнымъ рабочимъ. Тогда онъ пошелъ путемъ, намѣчавшимся уже раньше, уменьшая до послѣдней возможности самое число рабочихъ или, по крайней мѣрѣ, постоянныхъ рабочихъ,—система, получившая краснорѣчивое названіе: „labour-starving of land". Намъ уже извѣстно, что число сельскохозяйственныхъ рабочихъ въ 1881 году уменьшилось до 870,800 (противъ 980,000 въ 1871 году), а въ 1891 г. уже до 780,900, а параллельно съ этимъ увеличилось и число „general laborers", отношеніе которыхъ къ сельскому хозяйству намъ уже извѣстно.

Рабочій вопросъ въ сельскомъ хозяйствѣ Англіи 90-хъ годовъ нашелъ прекрасное освѣщеніе въ трудахъ коммиссіи о положеніи труда въ Соединенномъ Королевствѣ, этой монументаль-

---

[1]) Паденіе цѣнъ на земледѣльческіе продукты, какъ главная причина кризиса, указывается и Alston Channing'омъ въ упомянутой его книгѣ: The Truth about Agricultural Depression, стр. 311: „упадокъ земледѣлія, сравнительно съ періодомъ процвѣтанія 25 лѣтъ тому назадъ, хотя время отъ времени и усиливался благодаря неблагопріятной погодѣ, но главнымъ образомъ обязанъ паденію цѣнъ на земледѣльческіе продукты. Паденіе цѣнъ было въ главнѣйшей мѣрѣ, если не исключительно, вызвано быстрымъ развитіемъ земледѣльческаго производства въ новыхъ странахъ, удешевленіемъ и улучшеніемъ средствъ сообщенія и изобрѣтеніями, дѣлающими возможной доставку колоніальнаго мяса и молочныхъ продуктовъ въ свѣжемъ видѣ. Кромѣ паденія цѣнъ, главной причиной земледѣльческой депрессіи была чрезмѣрно высокая рента на землю".

ной работѣ, составляющей украшеніе богатой литературы парламентскихъ отчетовъ [1]).

Какъ и въ 80-хъ годахъ, жалуются не на абсолютный недостатокъ рабочихъ, отъ котораго страдало бы сельское хозяйство. „Въ значительномъ большинствѣ случаевъ—читаемъ въ общемъ отчетѣ намъ уже извѣстнаго Mr. Little'a—коммиссары отмѣчаютъ достаточное количество труда, по крайней мѣрѣ, для теперешнихъ потребностей, при незначительномъ недостаткѣ въ исключительно короткіе періоды времени; главныя жалобы относятся къ качеству труда, а не количеству его“ [2]). „Въ 27 округахъ изъ 38 общій тонъ отчетовъ таковъ, что предложеніе приблизительно равно теперешнему спросу. Съ другой стороны лишь въ трехъ округахъ положительно констатируется недостатокъ труда“ [3]).

---

[1]) Короткую внѣшнюю сводку богатѣйшаго матеріала этой коммиссіи даетъ *Spyers* въ небольшой книжкѣ The Labour Question. London. 1894.

[2]) Royal Commission on Labour. The agricultural labourer. Volume V. Part I. General Report by Mr William C. Little (Senior Assistant Agric. Commissioner) 1894. Стр. 38.

[3]) Cecil Cheapmann въ своемъ отчетѣ относительно нѣкоторыхъ округовъ Беркшайра, Бекингэмшайра, Кэмбриджшайра, Корнволла, Девоншайра, Гертфордшайра, Оксфордшайра (Part. II. 1893) говоритъ: „весьма часто предприниматели говорятъ, что сельскохозяйственные рабочіе ни въ какомъ случаѣ не отличаются такимъ искусствомъ какъ прежде. Это объясняется прежде всего фактомъ, что всесторонніе рабочіе, которые могутъ ставить изгородь, накрывать скирды, класть дренажныя трубы, стричь овецъ становятся дѣломъ прошлаго. Въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, но это не предполагаетъ необходимо, что рабочіе потеряли свою производительность и относительно тѣхъ видовъ труда, которые отъ нихъ требуются. Принципъ раздѣленія труда на большихъ фермахъ примѣняется такъ широко, что каждый пріучается къ отдѣльному виду труда и имѣетъ мало шансовъ изучить другое дѣло, такъ что если требуется сдѣлать что-нибудь особенное, приглашается спеціалистъ. Работы, требующія обученія (skilled work), въ нѣкоторыхъ округахъ выполняются также хорошо теперь, какъ и прежде, но не такъ часто обыкновенными рабочими фермы. Съ другой стороны, употребленіе машинъ развиваетъ особую смѣтку, и можно сказать, что теперь рабочіе болѣе умѣлы въ употребленіи машинъ, но менѣе умѣлы въ употребленіи ручныхъ инструментовъ, чѣмъ они были прежде. — Принимая во вниманіе всеобщія свидѣтельства, что лучшіе и интеллигентнѣйшіе рабочіе идутъ въ города, скорѣе удивительно, что слышится такъ мало жалобъ на качество средняго труда на фермѣ“. (17) Интересно, далѣе, слѣдующее замѣчаніе: „на мелкихъ фермахъ, гдѣ мало машинъ, вообще болѣе искусства въ употре-

Такое положеніе вещей можно объяснить только тѣмъ, что какъ ни великъ отливъ населенія въ города, все же благодаря „labor-starving“ онъ не является чрезмѣрно большимъ. Что разсматриваемый фактъ имѣетъ именно такое значеніе, слѣдуетъ изъ дальнѣйшихъ словъ отчета: „хотя и очень мало показаній относительно недостатка рабочихъ, за то всѣ почти единогласно сходятся въ томъ, что, еслибы система хозяйства оставалась прежней, то испытывались бы затрудненія въ нахожденіи нужныхъ рабочихъ рукъ. Такъ Mr. Spencer говоритъ въ своемъ заключительномъ отчетѣ: „еслибы большинство фермеровъ не употребляло значительно меньшаго количества труда, отчасти благодаря тому, что возросло употребленіе машинъ, отчасти потому, что способъ воздѣлыванія менѣе интенсивенъ и больше земли обращается подъ траву, отчасти, наконецъ, потому, что земля теперь хуже и менѣе внимательно обрабатывается, чѣмъ прежде,—несомнѣнно обнаружился бы при теперешнемъ населеніи серьезный недостатокъ труда“ [1]). Mr. Chearman докладываетъ: „результаты уменьшенія въ предложеніи труда для фермеровъ были бы бѣдственны, еслибы они въ теченіе этого періода не экономили труда. Количество рабочихъ на фермѣ вообще уменьшено, машины прилагаются насколько это возможно и насколько фермеръ въ состояніи ихъ завести, чистота фермъ въ общемъ пренебреженіи, и въ большинствѣ мѣстъ земля болѣе поросла травой, нежели это слѣдуетъ, сорныя травы болѣе уже не выпалы-

---

бленіи ручныхъ орудій, а на холмистыхъ фермахъ Уэльса, гдѣ раздѣленіе труда меньше и каждый человѣкъ употребляется для разныхъ видовъ труда, я совсѣмъ не слышалъ жалобъ на упадокъ въ искусствѣ труда“ (ib).

[1]) Aubrey Spencer въ своемъ отчетѣ о нѣкоторыхъ дистриктахъ Кента, Дорсета, Эссекса, Соммерсета, Серрея, Вильтшайра, Ворчестера (Part V) дѣлаетъ по этому поводу еще слѣдующее любопытное замѣчаніе: „экономія въ употребленіи труда была обусловлена во многихъ округахъ консолидаціей фермъ, благодаря которой нерѣдко двѣ или болѣе небольшихъ фермъ соединяются въ одну обширную. Очевидно, что такимъ образомъ достигается экономія труда и что также точно, какъ и въ прочихъ занятіяхъ, сельское хозяйство можетъ быть ведено выгоднѣе въ болѣе крупныхъ чѣмъ мелкихъ размѣрахъ. Такая консолидація фермъ весьма непопулярна среди рабочихъ, которые враждебны ко всему, что уменьшаетъ занятіе для труда“ (6—7). Оставляя на совѣсти автора сго обобщенія, замѣтимъ, что указываемый имъ способъ въ эту эпоху, очевидно, уже не имѣлъ распространенія и является скорѣе исключеніемъ, какъ это будетъ видно выше.

ваются, но срѣзаются, и изгороди не поддерживаются, какъ это было согласно увѣреніямъ 15—20 лѣтъ назадъ". „Перемѣна системы хозяйства во всѣхъ округахъ съ пахатнымъ хозяйствомъ ведетъ свое начало съ земледѣльческаго локкаута 1874 года". Фермеры были тогда вынуждены замѣнять машинами мужской трудъ насколько это возможно, вмѣстѣ съ тѣмъ они были побуждены къ сокращенію площади тѣхъ хлѣбовъ, которые требуютъ наибольшаго количества труда. Значительный ростъ заработной платы побуждалъ фермеровъ занимать меньшее количество лицъ и оставлять невыполненными всѣ тѣ работы, которыя только могутъ быть оставлены. То былъ очень безпокойный періодъ, и много рабочихъ оставили свои родныя деревни и или эмигрировали или были поглощены городскимъ населеніемъ.

Сырая и неблагопріятная погода 1878—1881 годовъ и паденіе цѣнъ на хлѣбъ вызвали обращеніе земли подъ пастбища, а въ то же время повредили фермерамъ и побудили значительное большинство ихъ свести количество труда до послѣднихъ возможныхъ предѣловъ, и съ этого времени значительно понизившійся общій уровень цѣнъ на зерновые хлѣба усилилъ затрудненія фермеровъ и уменьшилъ размѣры спроса на трудъ".

Само собою разумѣется, усиленіе депрессіи въ 1894—96 гг. еще болѣе обострило этотъ процессъ и увеличило эмиграцію въ города [1]).

---

[1]) Приведемъ нѣкоторыя свидѣтельства. Въ отчетѣ Fream'a объ Андоверскомъ округѣ читаемъ: „извлеченіе земли изъ подъ пшеницы, удлиненіе времени, въ теченіе котораго урожай зерновыхъ хлѣбовъ остается на полѣ, и совершенное прекращеніе обработки значительной площади своимъ совокупнымъ дѣйствіемъ уменьшили спросъ на трудъ. Большинство фермеровъ стараются уменьшить составъ своихъ рабочихъ на одного—двухъ въ теченіе наступающей зимы. Условія въ Михайловъ день (Michaelmas engagement) заключаются не такъ легко, какъ обыкновенно, и, послѣ періода необычнаго благополучія, рабочій внезапно оказывается лицомъ къ лицу съ бѣдой. Въ теченіе октября былъ уже замѣтенъ приростъ рабочихъ безъ постоянныхъ занятій (casuals), искавшихъ помощи въ приходахъ Андовера и вокругъ его. Городъ Андоверъ, который почти всецѣло зависитъ отъ земледѣлія, такъ же страдаетъ, и торговцы встрѣчаютъ наступающую зиму съ чувствомъ страха" (Rep. by Fream, 11).

Въ отчетѣ Pringle относительно Эссекса читаемъ: „послѣдствія перемѣнъ въ хозяйствѣ—а онѣ вызваны исключительно земледѣльческой депрессіей—для рабочаго населенія Эссекса были очень серьезны. Нѣкогда хлѣбныя поля Эссекса давали занятіе значительному количеству рабо-

На вопросъ о томъ, является ли эмиграція сельскохозяйственныхъ рабочихъ причиной сокращенія фермерами числа ихъ, или же наоборотъ, мнѣнія расходятся. Mr. Little, авторъ цитированнаго нами общаго отчета, по этому поводу говоритъ: „безъ сомнѣнія многіе держатся того мнѣнія, что недостатокъ занятій (want of employment) былъ причиной эмиграціи рабочихъ въ города, но я отваживаюсь утверждать, вмѣстѣ съ Mr. Wilkins'омъ (однимъ изъ коммиссаровъ), что уменьшеніе числа рабочихъ на фермахъ было слѣдствіемъ, а не причиной эмиграціи". Это мнѣніе не раздѣляется большинствомъ коммиссаровъ, а также и другихъ изслѣдователей. Напр., Ioseph Ashby and Bolton King, авторы весьма дѣльнаго изслѣдованія о нѣсколькихъ деревняхъ средней Англіи [1]), выражаютъ слѣдующее убѣжденіе: „три четверти эмиграціи, по крайней мѣрѣ за послѣдніе два-три года, вѣроятно, могутъ быть приписаны недостатку занятій. Большое уменьшеніе спроса на сельскохозяйственный трудъ, обусловленное обращеніемъ пашень въ пастбища, и нежеланіе фермеровъ употреблять столько труда, какъ прежде, сдѣлали невозможнымъ для значи-

---

чихъ; теперь во многихъ частяхъ остается лишь нѣсколько служащихъ на фермѣ. Между 1881 и 1891 гг. населеніе нѣкоторыхъ чисто земледѣльческихъ округовъ Малдона и Чельмсфорда уменьшилось на 15%—18%, и если бы снова было произведено изслѣдованіе, обнаружилось бы дальнѣйшее уменьшеніе. Какъ сообщаетъ Mr. Aubrey Spencer въ своемъ отчетѣ Королевской Коммиссіи Труда, заработная плата составляетъ отъ 14 до 16 шил въ недѣлю, включая жатву и прочіе виды поурочнаго труда. Съ тѣхъ поръ какъ онъ посѣтилъ Maldon Division, занятій для труда, какъ я имѣю основаніе думать, стало гораздо меньше, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обнаружилось медленное пониженіе заработной платы. Предприниматели утверждаютъ, что они не могутъ давать прежнюю плату при настоящемъ положеніи ихъ финансовъ, и со всѣхъ сторонъ я получалъ увѣреніе, что такъ какъ нѣтъ сѣна (with no hay), очень мало хлѣба и соломы, то зимой не будетъ нужды и въ рабочихъ. Все обѣщаетъ на зиму и весну исключительно тяжелыя лишенія для рабочихъ нѣкоторыхъ частей Эссекса" (Rep. by Pringle, 5).

Въ Норфолькѣ, по свидѣтельству Rew, „занятія для рабочихъ уменьшились" (Rep. by Rew, 74).

[1]) *Joseph Ashby and Bolton King.* Statistics of Some Midland Villages (The Economic Journal, 1893, March—June). Они изслѣдовали нѣсколько деревень, обнимающихъ одинъ „Poor Law Union" цѣликомъ, значительную часть другого и части еще 4-хъ союзовъ, всего 69 приходовъ и 56 деревень, имѣющихъ болѣе чѣмъ по 100 жителей. Округъ этотъ главнымъ образомъ земледѣльческій.

тельнаго числа рабочихъ найти заработокъ дома. Въ деревняхъ, гдѣ земледѣльческія занятія даютъ регулярный заработокъ или гдѣ распространены огороды (allotments), выселеніе очень незначительно; оно достигаетъ вообще наибольшихъ размѣровъ въ тѣхъ случаяхъ, когда благодаря качеству почвы или дурному управленію имѣніемъ, земледѣліе стоитъ на самомъ низкомъ уровнѣ“ [1]). Привлекательность высшей заработной платы въ городахъ, несомнѣнно, оказываетъ широкое вліяніе, но не столь значительное, какъ теперешній недостатокъ въ занятіяхъ. Привязанность къ дому противодѣйствуетъ, до извѣстной степени, перспективѣ повышенія дохода, и сельскій рабочій хорошо освѣдомленъ о растущихъ издержкахъ городской жизни. Возвышеніемъ заработной платы нельзя объяснить теперешнее стремленіе къ выселенію“ [2]).

Отвѣтить на вопросъ въ строгой его постановкѣ, въ сущности, также невозможно, какъ на вопросъ, представляющій классическій примѣръ такой questio perpleха: что явилось раньше, яйцо или курица? И эмиграція изъ деревни и иммиграція въ города являются различными симптомами извѣстнаго народнохозяйственнаго состоянія, вогнутой и выпуклой сторонами рельефа. Съ одной стороны, иммиграція въ города была бы невозможна, еслибы тамъ не развивалась промышленность, торговля и т. д., но въ такомъ случаѣ тѣмъ самымъ не создавались бы условія для аграрной депрессіи, и, слѣдовательно, соразмѣрно устранялась бы необходимость выселенія изъ деревни. Однако можно поставить вопросъ: при данномъ фактическомъ положеніи вещей, что̀ явилось *непосредственнымъ поводомъ* къ выселенію изъ деревни въ города,— недостатокъ ли занятія въ деревнѣ или же привлекательность высшей заработной платы въ городахъ? Дать общій отвѣтъ относительно всѣхъ случаевъ, конечно, невозможно, но у насъ есть данныя утверждать, что фермеры изгоняли рабочихъ, а не ра-

[1]) Iune, 196—7. „Въ нѣсколькихъ приходахъ, гдѣ земледѣліе стоитъ на самомъ низкомъ уровнѣ, а еще болѣе въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда фермы не сданы, бываетъ занято очень немного взрослыхъ мужчинъ. Въ крайнемъ случаѣ 5 взрослыхъ мужчинъ были заняты на 1.300 акровъ“. (March, 5—6).

[2]) Iune, 197. Авторы дѣлаютъ далѣе слѣдующее мѣткое замѣчаніе: „сосѣдство желѣзныхъ дорогъ имѣло, несомнѣнно, сильное вліяніе въ прошломъ, но теперь, когда сообщеніе удобно во всѣхъ мѣстахъ, вліяніе его слишкомъ всеобще, чтобы быть квалифицированнымъ въ качествѣ спеціальной причины“ (ib. 198).

бочіе бросали фермеровъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ отсутствіе жалобъ на недостатокъ рабочихъ какъ въ 80-ые, такъ и въ 90-ые годы (см. выше); это краснорѣчивое молчаніе дѣловыхъ людей, любящихъ и умѣющихъ жаловаться на свои горести, неотразимо свидѣтельствуетъ о томъ, что въ большинствѣ случаевъ сокращеніе рабочаго штата фермерами обгоняло эмиграцію рабочихъ въ города, такъ что тягость происходящихъ измѣненій въ хозяйствѣ въ гораздо большей мѣрѣ ложилась на плечи рабочаго нежели фермера.

Въ одномъ фермеры должны были со вздохомъ вспоминать прекрасныя старыя времена: аграрное перенаселеніе, столь характерное для предыдущей эпохи и столь выгодное фермерамъ, въ разсматриваемую эпоху отсутствуетъ. Предложеніе рабочей силы, самое большее, только равно спросу, съ возможностью каждую минуту отклониться въ сторону превышенія спроса надъ предложеніемъ. Пора безграничнаго хозяйничанья надъ рабочимъ прошла. Жозефъ Арчъ, этотъ Моисей сельскохозяйственныхъ рабочихъ, зналъ, что нужно было сдѣлать для повышенія благосостоянія сельскохозяйственныхъ рабочихъ и, съ одной стороны организуя трэдъ-юніонъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ, онъ въ то же время организуетъ ихъ эмиграцію въ Америку, считая, очевидно, недостаточно быстрой ихъ эмиграцію въ города. Вотъ его собственныя показанія предъ Richmond Commission по этому поводу. 58,421. „Какимъ образомъ вы поступили, чтобы добиться повышенія заработной платы сельскохозяйственнымъ рабочимъ? Мы весьма значительно уменьшили число рабочихъ на рынкѣ. 58,422. Какимъ же образомъ? Мы выселили до 700,000 душъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, до 8 и 9 лѣтняго возраста. 58,431. Цѣлью эмиграціи было повысить заработную плату? Уменьшить число робочихъ на рынкѣ. 58,432. И такимъ образомъ повысить заработную плату? Да, если можно, повысить заработную плату“ [1]). У насъ нѣтъ точныхъ статистическихъ данныхъ, чтобы опредѣлить долю сельскохозяйственныхъ рабочихъ, которые эмигриро-

[1]) Характерны дальнѣйшія показанія: 58, 433. „Находите-ли вы, что это удалось? Нѣтъ, фермеры лишаютъ землю труда (are starving the land), удаляя людей отъ земли и теперь. 58, 442 Страдаетъ-ли рабочій благодаря земледѣльческой депрессіи? Я думаю, не столько, какъ ремесленники въ городахъ“. Въ общемъ и Арчъ признаетъ улучшеніе въ положеніи сельскохозяйственнаго рабочаго.

вали въ Америку, чтобы оттуда конкуррировать, въ качествѣ тамошнихъ землевладѣльцевъ, съ своими европейскими собратьями. Но, несомнѣнно, еще большее значеніе имѣетъ эмиграція въ города, которою питается городское населеніе Англіи, увеличиваясь на счетъ деревенскаго прироста населенія [1]).

Указаннымъ отливомъ земледѣльческаго труда въ города или заграницу объясняется одинъ изъ интереснѣйшихъ народнохозяйственныхъ парадоксовъ, проливающій яркій свѣтъ на условія развитія капиталистическаго земледѣлія,—именно ростъ заработной платы и благосостоянія рабочаго въ эпоху кризиса, причемъ, въ общемъ, цѣна на сельскохозяйственные продукты и заработная плата движутся въ прямо противоположномъ направленіи [2]).

Первые несомнѣнные признаки подъема въ положеніи сельскохозяйственныхъ рабочихъ замѣчаются въ концѣ 70-хъ годовъ, какъ мы видѣли это выше [3]). Richmond Commission пришла

---

[1]) Въ заключительномъ отчетѣ Королевской Коммиссіи Труда мы находимъ справедливую характеристику отношеній городскихъ и сельскихъ рабочихъ: „изслѣдованіе трехъ особыхъ коммиссаровъ относительно положенія сельскохозяйственнаго труда въ Соединенномъ Королевствѣ было предпринято вслѣдствіе мнѣнія, раздѣлявшагося многими членами этой коммиссіи, что положеніе земледѣлія, уменьшеніе занятій въ деревнѣ, переселеніе сельскихъ рабочихъ изъ сельскихъ округовъ въ большіе города и промышленные дистрикты и ихъ конкурренція съ другими классами рабочихъ оказываетъ значительное вліяніе на весь рабочій вопросъ вообще; и что мѣры, предпринятыя съ цѣлью улучшенія положенія сельскохозяйственныхъ рабочихъ, могутъ косвенно, склоняя его оставаться въ деревнѣ, оказаться благодѣтельными для всего рабочаго населенія“ (Fifth and final Report of the Royal Commission on Labour. Part I. 1894. Стр. 110)

[2]) „Наиболѣе характерный симптомъ аграрной депрессіи настоящаго времени по сравненію съ прежнимъ состоитъ въ томъ, что наемный трудъ менѣе, а не болѣе всѣхъ страдаетъ отъ депрессіи“. (Prothero, l. c., 224).

[3]) Въ отчетѣ Коммиссіи Труда сопоставлено нѣсколько отзывовъ того времени. Въ первомъ изданіи своей книги (1870 г.) Kebbel писалъ, резюмируя, какъ мы уже знаемъ, данныя Ch. Empl. Comm. in Agr., слѣдующее: „мнѣ кажется, что положеніе сельскохозяйственнаго рабочаго медленно, но несомнѣнно, улучшается (Agricultural labourer, 221). Въ изданіи этой же книги въ 1887 году онъ уже добавляетъ: „пророчество это, не нужно и говорить, нашло многочисленныя подтвержденія“. J. Caird въ своей книгѣ The landed Interest (1878 г.) говоритъ: „общее положеніе сельскохозяйственныхъ рабочихъ никогда не было лучше, чѣмъ въ настоящее время“ и т. д. (65 стр. Въ дальнѣйшемъ отзывѣ Кэрда много преувеличеннаго оптимизма).

уже къ слѣдующему выводу: „тогда какъ затрудненія фермеровъ возрасли, болѣе высокая заработная плата и болѣе постоянныя занятія соотвѣтственно улучшили положеніе рабочаго. Съ большимъ удовлетвореніемъ мы получали увѣренія, что рабочій классъ весьма слабо страдаетъ (если вообще страдаетъ) отъ бѣдствія, которое всей тяжестью обрушилось на фермеровъ и собственниковъ. Продукты стали дешевы, а занятія многочисленны (?), тогда какъ заработная плата подверглась очень слабому уменьшенію лишь въ немногихъ округахъ“ [1]). Протеро [2]) дѣлаетъ слѣдующее интересное сопоставленіе заработныхъ платъ (по частнымъ и оффиціальнымъ даннымъ за рядъ лѣтъ.

Таблица средней недѣльной заработной платы мужчинъ въ земледѣліи.

	1824	1836	1860	1870	1881
	sh. d.	sh. d.	sh. d.	sh. d.	sh. d.
Сѣверовосточныя и восточныя графства	9 5	10 3	11 1	11 7	13 10
Юговосточныя и зап. часть Средней Англіи (Midland)	8 2	8 10	9 1	11 1	13 0
Югозападныя и вост. часть Средней Англіи	9 8	10 0	11 9	12 2	14 0
Сѣверныя и сѣверозападныя	11 3	12 1	13 3	15 2	16 10

Несмотря на мѣстныя различія въ заработной платѣ, мы видимъ всеобщее повышеніе денежной платы; реальная плата увеличилась еще болѣе вслѣдствіе пониженія цѣнъ на всѣ предметы необходимости, не исключая хлѣба.

---

[1]) Въ отчетѣ Druce'a о Норфолькѣ, гдѣ рабочимъ жилось особенно скверно, читаемъ: „повидимому, рабочіе избѣгли послѣдствій тяжелаго времени болѣе благополучно, чѣмъ можно было ожидать, и перенесли бурю съ меньшими потерями, чѣмъ землевладѣльцы и фермеры. Конечно, плата теперь меньше, чѣмъ была въ хорошія времена отъ 1870 до 1874, или 1875, но она не низка сравнительно съ затратами и потерями фермера, и почти все, что требуется рабочему, его мясо, напитки, одежда значительно дешевле чѣмъ прежде“. (Rep. by Druce. 1882, стр. 106).

[2]) Prothero, l. c. Appendix XV. Здѣсь приведены данныя по всѣмъ графствамъ въ отдѣльности.

За 10 лѣтъ кризиса, протекшихъ до изслѣдованія 90-хъ годовъ, положеніе рабочихъ еще болѣе улучшилось. Въ цитированномъ уже общемъ отчетѣ Mr. Little'a читаемъ: „въ отчетахъ всѣхъ особыхъ коммиссаровъ единогласно выражается мнѣніе, что положеніе сельскохозяйственныхъ рабочихъ значительно улучшилось за послѣдніе 15 или 20 лѣтъ... Если сравнить теперешнее положеніе вещей съ тѣмъ, которое существовало 25 лѣтъ назадъ, является безспорнымъ, что доходы всѣхъ классовъ рабочихъ возрасли, а также возрасла и покупательная сила денегъ; часы труда стали короче; машина освободила рабочаго отъ наиболѣе тяжелаго труда, который онъ долженъ былъ выполнять. Во многихъ графствахъ жены рабочихъ совершенно освобождены отъ полеваго труда; уже много лѣтъ назадъ занятія малолѣтнихъ дѣтей воспрещены; появилась большая возможность давать имъ свободное воспитаніе, и что касается жилищъ рабочаго, то нельзя сомнѣваться, что, при всѣхъ ихъ недостаткахъ, средній уровень удобствъ значительно возросъ. Рабочій теперешнихъ дней, который лучше питается, лучше одѣвается, лучше живетъ чѣмъ его отцы, можетъ не вполнѣ сознавать происшедшія улучшенія, потому что его идеи стали шире, его потребности, подобно потребностямъ всѣхъ другихъ классовъ, возрасли. Тѣмъ не менѣе онъ живетъ съ меньшими неудобствами, его трудъ менѣе суровъ, его дѣти имѣютъ надежду на лучшее будущее и такія благопріятныя условія, какими онъ никогда не пользовался“ (159 [1])[2]).

---

[1]) Въ особомъ мнѣніи Shaw-Lefevre, Lord Rendel и R. Giffen, отчасти уже цитированномъ и выше, также читаемъ: „въ большей части Великобританіи поддерживался высшій уровень заработной платы, и во многихъ мѣстахъ она еще возрасла. Въ восточныхъ и южныхъ графствахъ было вообще паденіе заработной платы (рѣчь идетъ о кризисѣ 1894—1896 гг.), хотя и не до такого уровня, на которомъ она стояла до 1873 г. Но если принять во вниманіе весьма значительное пониженіе цѣнъ на всѣ главные предметы потребленія рабочаго, происшедшее съ этого времени, несомнѣнно, что, если сравнить среднюю прибыль фермеровъ, процентъ на капиталъ и ренту на землю, произошло значительное увеличеніе реальной заработной платы, и это составило одно изъ главныхъ затрудненій для земледѣльцевъ“.

[2]) Вмѣстѣ съ аграрнымъ перенаселеніемъ исчезаетъ почти и исконный его продуктъ—Gangsystem въ дозволенныхъ закономъ границахъ. W. Fox открылъ ее въ Норфолькѣ и Суффолькѣ лишь въ одномъ Swaffham Poor Law Union, между тѣмъ прежде эти графства были главнымъ центромъ этой системы. Cheapmann нашелъ ее въ болотахъ (fens) North-Witch-

Не нужно забывать, конечно, что рѣчь идетъ о *сравнительномъ* улучшеніи, и положеніе сельскохозяйственныхъ рабочихъ оставляетъ желать многаго и теперь, какъ это настойчиво указывается въ отчетахъ коммиссаровъ. Mr. Cheapmann говоритъ напр.: „было бы большой ошибкой думать, что положеніе средняго сельскохозяйственнаго работника удовлетворительно. Нужно лишь сравнить недѣльный бюджетъ съ недѣльнымъ заработкомъ, чтобы видѣть, что огромное большинство сельскохозяйственныхъ рабочихъ вырабатываетъ лишь на самое необходимое и не можетъ ничего сберечь про старость или на время безработицы. Огромное число ихъ живетъ въ состояніи хронической задолженности и безпокойства и зависятъ въ весьма прискорбной степени отъ благотворительности. Ихъ коттэджи дурны и часто содержатъ лишь минимумъ обстановки; для нихъ очень трудно достать молока для своихъ дѣтей“ и т. д. Mr. Richards пишетъ: „общее положеніе земледѣльческаго рабочаго, конечно, лучше чѣмъ его дѣдовъ, но его положеніе остается далеко позади положенія прочихъ рабочихъ“ [1]).

---

ford въ Кэмбриджшайрѣ, и онъ замѣчаетъ: „говорятъ, что эта система теперь постепенно вымираетъ“. Упоминается еще существованіе Gangs въ Penrith въ Кумберлэндѣ. Линкольншайръ, по словамъ Wilkinson'a, есть единственная страна, гдѣ Gangsystem довольно обычна, но и здѣсь она развита много меньше нежели прежде. Сопоставлено у Hasbach, l. c. 355—6.

[1]) Нѣкоторые коммиссары ставятъ положеніе сельскохозяйственныхъ рабочихъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ даже выше положенія городскихъ рабочихъ. Mr. W. Bear, Assistant Commissioner, изслѣдовавшій отдѣльные дистрикты Бедфорда, Гампшайра, Гэндингдона, Лейстера, Ноттингэма и Сёссэкса, въ Summary Report (1893) говоритъ· „я далекъ отъ того, чтобы находить положеніе рабочаго удовлетворительнымъ, потому что люди, получающіе 15 sh. и менѣе въ недѣлю, должны вести жестокую борьбу за существованіе, если они должны содержать нѣсколько дѣтей, ничего не зарабатывающихъ. Но если придавать какое-либо значеніе показаніямъ, такая грязная бѣдность, какая обычна въ большихъ городахъ, совершенно не извѣстна въ деревенскихъ округахъ, посѣщенныхъ мною, а та, которая существуетъ, неизмѣнно вызывается пьянствомъ“ (12). Aubray Spencer говоритъ въ своемъ отчетѣ: „номинальная плата безъ сомнѣнія выше въ городахъ и каменноугольныхъ округахъ нежели на фермахъ. Однако большая стоимость жизни дѣлаетъ выгоды менѣе дѣйствительными, гдѣ кажется на первый разъ, или даже уничтожаетъ ихъ“ (7). Также въ отчетѣ о Шотландіи (Part II), составленномъ Hunter Pringle и Edward Wilkinson, читаемъ: „различіе между чисто земледѣльческими округами и тѣми, гдѣ встрѣчаются города или копи, весьма замѣчательно. Нуждаются-ли эти люди въ работѣ постоянно или не могутъ найти постояннаго заработка,

Денежная заработная плата сельскохозяйственныхъ рабочихъ въ началѣ 90-хъ годовъ скорѣе понизилась, чѣмъ повысилась сравнительно съ 80-ми годами: средняя плата для Англіи въ 1880—81 году составляла 14 ш. 1 п. въ недѣлю, а въ 1892 году 13 ш. $5^2/_3$ п.; въ 1894—96 г.г. во время особеннаго паденія цѣнъ она, повидимому, была еще ниже. Но благодаря удешевленію сельскохозяйственныхъ продуктовъ и всѣхъ другихъ предметовъ необходимости натуральная заработная плата повышалась.

Читатель не откажется заглянуть въ современную англійскую деревню, къ чему даетъ прекрасную возможность изслѣдованіе Ashby и King'a, относящееся, какъ мы уже знаемъ, къ вполнѣ земледѣльческимъ округамъ. „Проявленія соціальной жизни, говорятъ эти статистики, весьма разнятся отъ деревни къ деревнѣ. Вотъ списокъ учрежденій, поддерживаемыхъ самимъ населеніемъ (popularly managed), въ двухъ благопріятныхъ случаяхъ. А) село въ 750 жителей, кооперативная лавка, School Board (есть также и вечерніе классы), двѣ нонконформистскія часовни, читальня, два мѣстныхъ friendly societies, политическая ассоціація, общество страхованія свиней, коммиссія по выставкѣ цвѣтовъ, Hospital Sunday Committee, клубъ для футболла, клубъ для крикета, оркестръ. В) чисто земледѣльческое село съ 300 жителей: кооперативная лавка, общество доставки угля, общество страхованія свиней, коммиссія о читальнѣ, коммиссія техническихъ классовъ, коммиссія управленія огородами (Allotment Management Committee), коммиссія по выставкѣ цвѣтовъ, Hospital Sunday Committee, клубъ для крикета. Съ другой стороны, лишь въ крайнемъ случаѣ здѣсь не найдется средствъ разсѣять однообразіе жизни. Но найдется лишь немного такихъ деревень, гдѣ энергія не нашла бы какого-нибудь приложенія, и въ виду фактовъ, подобныхъ этимъ, нѣкоторыя современныя обобщенія относительно умственнаго и нравственнаго уровня деревни представляется грубѣйшей клеветой (libel). Можетъ быть, нигдѣ прогрессъ не яв-

---

но тѣмъ не менѣе остается вѣрнымъ, что около угольныхъ копей югозападнаго Fife, а въ равной степени и въ городахъ съ винокуренными, дистилляціонными и фабричными заведеніями я видѣлъ значительное количество празднаго, полупьянаго народа въ лохмотьяхъ, между тѣмъ какъ въ чисто земледѣльческихъ округахъ каждый опрятенъ и занятъ усердно трудомъ“ (34).

ляется болѣе быстрымъ и не окажется такимъ прочнымъ, какъ во многихъ сельскихъ округахъ". „Изъ 53 элементарныхъ школъ въ округѣ (обнимающемъ 56 деревень) 10 суть Board Schools. Въ 14 деревняхъ устроены вечерніе классы, въ 10 случаяхъ отчасти или вполнѣ подъ вѣдѣніемъ County Council; предметы, преподаваемые въ послѣднихъ, суть ариѳметика, геометрія, рисованіе, рѣзьба, плотничье ремесло. Отъ County Council устрояется много лекцій для женщинъ и дѣвушекъ относительно стряпни и кормленія дѣтей. Какъ правило, оба пола относятся съ большимъ пыломъ къ преимуществамъ школы. Въ 38 деревняхъ существуетъ нѣчто въ родѣ читаленъ или клубовъ,—около 20 изъ нихъ контролируются членами, 7 носятъ политическій характеръ. Отдѣленія кооперативной лавки имѣютъ безплатную библіотеку, которая имѣетъ много абонентовъ" [1]).

Патріархъ англійскихъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ Жозефъ Арчъ вотъ какъ выражаетъ перемѣну, происшедшую въ теперешнемъ положеніи рабочихъ: „что касается будущаго сельскохозяйственныхъ рабочихъ, я съ довѣріемъ смотрю впередъ. Я знаю хорошо, что не все блеститъ какъ золото въ его судьбѣ; но улучшеніе его положенія, проясненіе его жизни въ его рукахъ. Когда я начиналъ, у него не было ничего. Теперь онъ имѣетъ политическій телефонъ въ видѣ своего вота, свои Board Schools, свои County Councils, свои Parish Councils. Такимъ образомъ у него въ рукахъ есть средства улучшенія и прогресса, если только онъ захочетъ пользоваться ими, руководясь твердымъ, разумнымъ, независимымъ сужденіемъ. Я весь за самопомощь. Дайте рабочему мыслить и разсуждать, дайте ему возможность пользоваться книгами и всѣми средствами для развитія, которыя возможны на его пути, но никогда не заставляйте его стыдиться своего жизненнаго призванія, своего труда" [2]).

Мы не познакомились еще съ одной стороной соціальной дѣятельности англійской деревни, именно съ профессіональной организаціей сельскохозяйственныхъ рабочихъ. Отдѣльныя попытки организаціи сельскохозяйственныхъ рабочихъ восходятъ къ 30-мъ годамъ [3]). Но серьезное значеніе они получаютъ лишь съ 1872

---

[1]) Ashby and King, l. c. march, 21—22.

[2]) *Joseph Arch* The story of his life, told by himself. London, 1898. Стр. 404.

[3]) Въ 1834 году шесть рабочихъ, истощенныхъ перерабатываньемъ и голодной заработной платой, пытались, полагаясь на данную въ 1824 году

года, въ эпоху полной свободы для профессіональныхъ организацій, а вмѣстѣ съ тѣмъ высшаго разцвѣта англійскаго земледѣлія въ XIX вѣкѣ. Зародившись сначала въ Ворвикѣ, гдѣ онѣ были много обязаны энергіи бывшаго проповѣдника методической общины и вмѣстѣ съ тѣмъ сельскохозяйственнаго рабочаго Жозефа Арча, трэдъ-юніоны стали быстро вербовать членовъ въ странѣ. Къ 1873 году число организованныхъ рабочихъ составляло уже 71,835 человѣкъ, а къ концу мая 1874 года уже 86,214 человѣкъ. Въ 1874 году фермеры дали сраженіе новому врагу — знаменитый локкаутъ, когда временно потеряло работу до 10,000 рабочихъ. Сраженіе окончилось пораженіемъ рабочихъ и стоило уніонистамъ значительныхъ издержекъ [1]). [2]). Съ этого

свободу коалицій, основать въ Дорсетшайрѣ организацію сельскохозяйственныхъ рабочихъ; они были арестованы, и судья баронъ Вильямсъ присудилъ ихъ къ 7-лѣтней ссылкѣ въ Австралію, на основаніи закона о бунтѣ, установленнаго для войска и флота. Лишь подъ давленіемъ общественнаго негодованія „возмутители“ были возвращены черезъ три года. (Hasbach, l. c. 303).

[1]) Исторія локкаута, а также и вообще профессіональныхъ организацій сельскохозяйственныхъ рабочихъ, которой мы можемъ коснуться бѣгло, разсказаны въ слѣдующихъ сочиненіяхъ: *Arthur Clayden* (одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ участниковъ движенія) The revolt of the Field. London. 1874. *Frederic Clifford* (корреспондентъ Times'a) The agricultural lock—out of 1874. Edinbourgh and London 1875. *Kleinwachter*. Zur Geschichte der englischen Arbeiterbewegung in den Jahren 1873 und 1874. I. Supplem. der Conrads Jahrb. u. s. w. 1878. *Lloyd Jones*. Die jungste Landarbeiterbewegung in England. Landw. Jahrb. 1875. *F. S. Heath*. The english peasantry. 1893. *Joseph Arch*. The story of his life. 1898. *Hasbach*, op. cit. *Каблуковъ*. Цит соч.

[2]) Въ исторіи этого локкаута сказались специфическія трудности веденія стачки въ сельскомъ хозяйствѣ. Kleinwächter указываетъ, по отчету Times'a, цѣлый рядъ ошибокъ Промышленные рабочіе начинаютъ стачку, когда хорошо освѣдомлены относительно положенія рынка, цѣнъ, платежеспособности предпринимателя, предвидятъ возможную продолжительность стачки и ея издержки. Ничего этого не было у вожаковъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ. Они начали стачку въ самый неблагопріятный моментъ, когда весной поля были уже обработаны и фермеры всего легче могли обойтись безъ рабочихъ. Они надѣялись на спросъ на рабочую силу во время жатвы, но не взвѣсили, что въ другихъ мѣстахъ имѣется избытокъ рабочихъ, которые станутъ ихъ конкуррентами, и что фермеры могутъ, измѣнивъ способъ хозяйства, разъ навсегда обойтись безъ прежняго количества рабочихъ (что и произошло). Они требовали повышенія платы, но никто изъ нихъ въ точности не зналъ, сколько дѣйствительно получаетъ рабочій, если сосчитать разныя натуральныя приплаты. Они не

времени число организованныхъ рабочихъ снова начинаетъ уменьшаться. Организація стремилась не только къ повышенію заработной платы прямымъ путемъ, но и косвеннымъ, поощряя эмиграцію (показаніе Арча). Фермеры же отвѣчали въ свою очередь „labor-starving of land“ и обращеніемъ пашенъ въ пастбища. Къ концу 70-хъ годовъ движеніе замираетъ [1]). Оно мало сдѣлало для поднятія экономическаго положенія рабочихъ, но не прошло безслѣдно. „Хотя союзы и не могли, говоритъ проф. Гасбахъ, принести прочнаго улучшенія въ положеніи рабочаго, но они пробудили его изъ равнодушія и безнадежности, они внушили ему стремленіе добиваться лучшихъ условій труда, они воспитали его политически. Безъ профессіональныхъ союзовъ едвали имъ удалось бы получить избирательное право въ 1894 году“ (l. c. 325).

Нѣкоторое, больше кажущееся, чѣмъ дѣйствительное возрожденіе трэдъ-юніоновъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ имѣло мѣсто въ началѣ 90-хъ годовъ, послѣ того какъ образовались трэдъ-юніоны необученныхъ рабочихъ, послѣ побѣды докеровъ. Волна, всколыхнувшаяся въ Лондонѣ, докатилась и до деревни, и подъ бодрящимъ впечатлѣніемъ городовъ снова возникли попытки организацій. Но по личнымъ наблюденіямъ въ 1893—94 гг. и изъ разговоровъ съ вожаками рабочаго движенія проф. Гасбахъ сдѣлалъ заключеніе, что „большинство ихъ снова находятся въ стадіи разложенія“ (l. c. 329). Это заключеніе вполнѣ подтверждается и позднѣйшими статистическими данными, имѣющимися въ ежегодныхъ парламентскихъ отчетахъ о трэдъ-юніонахъ.

Вотъ данныя за 1894, 1895 и 1896 года [2]).

обезпечили, наконецъ, отступленія въ случаѣ неудачи, и пришлось въ концѣ концовъ просить милости фермеровъ.

[1]) Около 1879 года „союзы сельскохозяйственныхъ рабочихъ, выросшіе сразу какъ грибы или исчезаютъ или превращаются въ незначительные benefit clubs“ (*S. and B. Webb.* The history of trade unionism. London. 1894 стр. 334—5).

[2]) Statistics of Trade Unions. Boarde of Trade, Labour Department Eighth Report by the Chief Correspondent on Trade Unions, 1894 and 1895. London 1896. Ninth Report on Trade Unions. 1896. London. 1897. Въ 8-мъ отчетѣ о трэдъ-юніонахъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ сказано: „большинство союзовъ этой группы новѣйшаго происхожденія. Они менѣе устойчивы по своей природѣ, чѣмъ союзы въ занятіяхъ, требующихъ обученія (skilled trades). Весь доходъ 1894 года былъ равенъ 47,418 £, весь расходъ— 46,569 £, и общая наличность 28,145 £“ (l. c., XX).

Agriculture and General Labour.

	1892	1893	1894	1895
Число союзовъ, дающихъ о себѣ свѣдѣнія	38	45	39	44
Число членовъ этихъ союзовъ . .	155,661	124 518	89,053	—

Въ частности въ Англіи и Уэльсѣ были слѣдующіе союзы. National Agricultural Labourers Union (прекратился): 1875—40,000 членовъ, 1880—20,000, 1881—15,000, 1882—15,000, 1883—15,000, 1884—18,000, 1885—10,700, 1886—10.366, 1887—5.300. Berkshire Agricultural and General Workers Union — прекратился въ мартѣ 1896 г. Eastern Counties Labour Federation — прекратился въ 1896. Amalgamated Labour League 1881—1020, 1882—850, 1884—94, 1885—154, 1886—99, 1887—68, 1896—40. Agricultural Farm Labourers at Dorset: 1894—500, 1896—533. Herefordshire Agricultural and General Workers Union 1893—500, въ январѣ 1896 прекратился. Hertfordshire and Bedfordshire Land and Labour League прекратился въ январѣ 1896 года. Norfolk and Norwich Federated Labour Union 1891—840, 1892—675, 1893—700, 1894—400, 1895—20, прекратился. Norfolk Federal Union Harleston District 1892—136, 1893—98, 1894—32, въ ноябрѣ 1892 года прекратился. Warwickshire Agricultural and General Workers Union 1893—562, 1894—450. Wiltshire General and Agricultural Workers Union—1893—1,500, 1894—1,500, 1895—330, 1896—200 (слился съ Gasworkers and General Workers Union). Какъ видитъ читатель, всѣ эти союзы погибаютъ съ такою же легкостью и быстротой какъ и возникаютъ. Основываясь на этихъ данныхъ, мы должны неизбѣжно сдѣлать заключеніе, что въ настоящее время профессіональныхъ организацій сельскохозяйственныхъ рабочихъ *нѣтъ* [1]).

[1]) Слѣдуетъ замѣтить, что движеніе сельскохозяйственныхъ рабочихъ никогда не носило соціалистическаго характера. Союзы ставили сознательной цѣлью расширеніе личнаго землевладѣнія сельскохозяйственныхъ рабочихъ (въ формѣ-ли allotments или мелкихъ хозяйствъ). Лучше всего

Чѣмъ же объясняется такой неуспѣхъ профессіональныхъ организацій сельскохозяйственныхъ рабочихъ въ Англіи, странѣ, гдѣ, кажется, даны всѣ условія для ихъ широкаго развитія,—полная свобода коалицій съ одной стороны, и господство капиталистической формы земледѣлія, основаннаго на наемномъ трудѣ, съ другой?

Общія трудности организаціи сельскохозяйственнаго труда понятны. Этотъ видъ труда, какъ выяснено во введеніи, принадлежитъ къ „необученному“ труду, гдѣ количество способно замѣняться качествомъ труда и наоборотъ. Съ нимъ конкуррируютъ, поэтому, большая часть представителей необученнаго труда, извѣстныхъ намъ уже general labourers, организація которыхъ представляетъ вполнѣ понятныя трудности. Даже еслибы удалось организовать всю категорію необученныхъ рабочихъ, что, очевидно, невѣроятно, то и тогда возможна конкурренція чужестранныхъ рабочихъ,—напр., ирландскіе рабочіе оказывали сильную конкурренцію, именно во время стачки, англійскимъ сельскохозяйственнымъ рабочимъ. Наконецъ, потребность въ извѣстномъ количествѣ сельскохозяйственныхъ рабочихъ вовсе не есть что-либо постоянное; измѣнивъ систему хозяйства или направленіе производства, или заведя машины, фермеры могутъ уменьшить количество потребной рабочей силы, какъ это и было въ результатѣ локкаута 1874 года, и такимъ пассивнымъ сопротивленіемъ разбить на голову рабочую организацію. Ко всему этому присоединяются специфическія трудности организаціи сельскохозяйственнаго труда,—его территоріальная разбросанность. „Разсѣяніе сельскихъ работниковъ на большихъ пространствахъ сламываетъ

это явствуетъ изъ слѣдующаго мѣста автобіографіи Арча, составляющей какъ бы его политическое завѣщаніе: „добивайтесь земли, но своими собственными силами,—я не вѣрю въ государственную помощь и націонализацію земли. Берите кусокъ земли за справедливую ренту и подвергайте его наилучшей обработкѣ, вотъ что долженъ дѣлать рабочій. Лишь въ послѣдней крайности я рекомендовалъ бы насиліе. Самопомощь и свобода, порядокъ и прогрессъ, вотъ что я рекомендовалъ бы вамъ. Я думаю, что съ теченіемъ времени явятся новыя идеи... Соціализмъ нашихъ дней рано или поздно умретъ естественной смертью. На мой взглядъ, соціализмъ будущаго будетъ состоять въ развитіи и укрѣпленіи силъ—физическихъ, нравственныхъ и умственныхъ—городскаго и сельскаго населенія Англіи“ (Arch, l. c. 404). Какъ извѣстно, Арчъ, въ качествѣ члена парламента, принадлежитъ къ либеральной партіи.

силу ихъ сопротивленія, между тѣмъ какъ скопленіе городскихъ рабочихъ увеличиваетъ его", замѣтилъ уже Марксъ [1]). Къ этому присоединяется и низкій уровень развитія сельскихъ рабочихъ сравнительно съ городскими, и низкій сравнительно уровень ихъ заработной платы, благодаря чему взносы ихъ необходимо ограниченны, а кассы скудны. Сельское хозяйство составляетъ по всѣмъ этимъ качествамъ настолько неподходящую отрасль для профессіональной организаціи рабочихъ, что нѣтъ ничего удивительнаго, если нигдѣ, кромѣ Англіи, не было даже зачатковъ профессіональнаго движенія сельскохозяйственнымъ рабочихъ, а въ Германіи они до сихъ поръ не пользуются даже свободой коалицій. Крупное производство въ земледѣліи, такимъ образомъ, совершенно лишено тѣхъ положительныхъ соціальныхъ послѣдствій для трудящихся классовъ, ради которыхъ можно его привѣтствовать въ обрабатывающей промышленности.

Мы оставили, однако, неразъясненной одну любопытную черту въ исторіи профессіональныхъ организацій сельскихъ рабочихъ, ту именно, что онѣ, возникши въ пору наибольшаго процвѣтанія земледѣлія, фактически исчезаютъ или, по крайней мѣрѣ, теряютъ вліяніе въ 80-хъ и 90-хъ годахъ, въ эпоху аграрнаго кризиса. Совпаденіе это не случайно, оно имѣетъ весьма серьезное значеніе. Оно указываетъ на общее условіе возможности профессіональной организаціи труда, именно жизнеспособность, экономическую крѣпость соотвѣтствующей отрасли промышленности, позволяющую вынести тяжесть, которая необходимо возлагается на эту отрасль въ видѣ повышенія заработной платы и под. подъ вліяніемъ организаціи. Напротивъ, на отрасли промышленности слабыя или нежизнеспособныя возникновеніе организаціи дѣйствуетъ какъ средство, ускоряющее ихъ разрушеніе. Политика развитія трэд-юніонизма въ подобныхъ случаяхъ была бы противорѣчива, потому что вела бы къ скорѣйшему уничтоженію той отрасли промышленности, въ которой добивались улучшенія своего положенія рабочіе. Потому развитіе трэд-юніоновъ среди земледѣльческихъ рабочихъ Англіи повело бы къ еще скорѣйшему разрушенію капиталистическаго земледѣлія и потому, въ концѣ концовъ, вѣроятно, ухудшило бы положеніе рабочихъ, въ томъ, по крайней мѣрѣ, случаѣ, еслибы процессъ этотъ пошелъ быстро и сразу образовалось бы

[1]) Капиталъ, I, 441.

большое количество избыточныхъ рабочихъ. Отсутствіе профессіональныхъ организацій въ эпоху аграрной депрессіи въ извѣстномъ смыслѣ можно разсматривать какъ инстинктивную мѣру самосохраненія со стороны класса сельскохозяйственныхъ рабочихъ, примѣненіе которой тѣмъ легче, что положеніе рабочаго, какъ мы уже видѣли, улучшается само собою.

Но не въ этомъ только смыслѣ аграрная депрессія противодѣйствуетъ развитію рабочихъ организацій. Она дѣйствуетъ еще и тѣмъ, что лишаетъ организацію ея естественнаго фундамента — постояннаго контингента рабочихъ. Если классъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ въ его цѣломъ находится на пути въ городъ, который ежедневно поглощаетъ все новыхъ и новыхъ его членовъ, такое положеніе, конечно, не только не способно создавать соотвѣтственной заинтересованности въ организаціи, но прямо уничтожаетъ психическую ея возможность. Улучшенія условій жизни ищутъ переселеніемъ въ городъ, а не труднымъ путемъ организаціи; къ тому же конкуррентами организаціи при этомъ условіи явились бы не только general labourers, число которыхъ такъ сильно растетъ, не только ирландцы, но и свои же собственные товарищи, теряющіе занятія благодаря labour starving of land. При такомъ положеніи возможность диктовать условія предложенія труда, безъ которой немыслимъ успѣхъ организаціи, безусловно отсутствуетъ. Само собою разумѣется, что такая возможность абсолютно отсутствовала въ золотое время крупнаго хозяйства — въ эпоху аграрнаго перенаселенія, когда, сверхъ того, не существуетъ соціальныхъ и политическихъ условій организаціи.

Такимъ образомъ, подъемъ въ положеніи рабочихъ, происшедшій въ 80-хъ и 90-хъ годахъ и такъ странно противорѣчащій упадку самого земледѣлія, не можетъ быть приписанъ дѣйствію рабочихъ организацій. Онъ всецѣло явился результатомъ естественныхъ причинъ,—благопріятнаго для рабочихъ измѣненія въ соотношеніи спроса и предложенія благодаря устраненію аграрнаго перенаселенія; при такихъ условіяхъ высокая плата городскихъ рабочихъ становится регулирующей и въ деревнѣ, хотя, конечно, плата сельскихъ рабочихъ не сравнивается съ платой городскихъ. Совокупность этихъ условій хорошо была отмѣчена еще Нассе, слова котораго лишь подтверждаются всѣмъ дальнѣйшимъ развитіемъ: „улучшеніе положенія сельскохозяйственныхъ рабочихъ есть, конечно, въ меньшей степени слѣдствіе внутренняго развитія земле-

дѣльческой промышленности, чѣмъ отраженнаго дѣйствія (Rückwirkung), которое оказало общее развитіе всего рабочаго сословія въ Англіи и возможность эмиграціи въ Америку и Австралію на самую отсталую часть англійскихъ рабочихъ. Въ частности улучшеніе въ положеніи промышленныхъ рабочихъ при существованіи движенія изъ деревни въ промышленные округа также должно было оказаться выгоднымъ для сельскохозяйственныхъ рабочихъ". Основное же условіе, благодаря которому становится понятна вся эта эволюція есть, отсутствіе экономіи высокой заработной платы въ земледѣліи, чѣмъ оно отличается отъ главныхъ отраслей промышленности. При этомъ условіи единственнымъ регуляторомъ движенія заработной платы сельскохозяйственныхъ рабочихъ является спросъ и предложеніе [1]).

Интересно, какія измѣненія въ относительномъ распредѣленіи

---

[1]) Мысль эта неоднократно выражалась въ парламентскихъ отчетахъ и литературѣ. Напр. свидѣтель Curwen показалъ предъ коммиссіей 1821 года, что цѣна труда не зависитъ, по его мнѣнію, отъ цѣны хлѣба, „потому что цѣна труда (labour) зависитъ отъ количества труда и спроса на него, и то, что̀ мы считаемъ общей нормой заработной платы, можетъ быть понижено увеличеніемъ числа лицъ, конкуррирующихъ изъ-за платы на рынкѣ; можетъ быть, я говорю это больше на основаніи примѣра собственной фермы; къ намъ приходитъ много ирландцевъ, которые значительно понижаютъ цѣну труда сравнительно съ тѣмъ, какъ она была бы иначе" (Minutes of evidence, 65). Кэрдъ дѣлаетъ также справедливое замѣчаніе (которое напрасно оспаривается Гасбахомъ): „большая разница въ нормѣ заработной платы въ южныхъ и сѣверныхъ графствахъ, есть достаточное доказательство того, что плата сельскохозяйственныхъ рабочихъ не зависитъ отъ цѣнъ земледѣльческихъ продуктовъ. Высшая заработная плата не является также прямымъ послѣдствіемъ изобилія капитала, потому что бѣдный фермеръ Дёрэма или Нортумберлэнда платитъ 11 шил. въ недѣлю, тогда какъ крупный капиталистъ, воздѣлывающій половину прихода въ южномъ Вильтшайрѣ или Дорсетѣ платитъ за трудъ лишь 7 шил. Высшая норма заработной платы очевидно объясняется возросшимъ спросомъ на трудъ" (*J. Gaird.* English Agriculture in 1850—51. London. Стр. 519). Этимъ же объясняется, наконецъ, почти полное отсутствіе системы участія въ прибыляхъ, по крайней мѣрѣ, въ хозяйствахъ на чисто коммерческихъ началахъ. *Albert Grey*, въ своей интересной статьѣ Profit—sharing in Agriculture (въ Journal of the Royal Agricultural Society, 1891) описавшій удачное примѣненіе profit-sharing въ собственномъ хозяйствѣ, совершенно напрасно поэтому „удивляется, что въ Англіи было такъ мало сдѣлано серьезныхъ попытокъ приложенія этого принципа" (778). Это вытекаетъ изъ самыхъ глубокихъ основаній экономики земледѣлія.

хозяйствъ разныхъ размѣровъ проистекаютъ въ результатѣ новѣйшей эволюціи сельскаго хозяйства? У насъ есть рядъ свидѣтельствъ, что концентрація хозяйства зашла слишкомъ далеко, по крайней мѣрѣ, для условій настоящаго времени [1]), почему замѣчается обратная тенденція [2]). Приведемъ нѣкоторыя изъ этихъ свидѣтельствъ.

Въ отчетѣ Fream'a объ Андоверскомъ округѣ, гдѣ преобладаютъ крупныя фермы, читаемъ [3]): „что касается того, обнаруживается-ли въ новѣйшее время тенденція къ расширенію или же сокращенію фермъ, господствуетъ единодушное мнѣніе, что всѣ измѣненія въ этой области ведутъ къ раздробленію, т. е. превращенію крупныхъ фермъ въ нѣсколько болѣе мелкихъ. Однако въ виду того, что такое дѣленіе крупной фермы на нѣсколько меньшихъ обыкновенно вызываетъ сооруженіе новаго зданія для фермы и отдѣльной группы построекъ, это движеніе не развивается съ той быстротой, какую оно могло бы получить, еслибы землевладѣльцы обладали достаточнымъ капиталомъ для покрытія стоимости необходимыхъ построекъ. Въ результатѣ получается то, что крупныя фермы уменьшаются путемъ сокращенія (contraction): воздѣлываніе наиболѣе отдаленныхъ отъ мѣста жилья участковъ оставляется, и обрабатываемая площадь фермы соотвѣтственно сокращается“.

---

[1]) „Все говоритъ въ пользу значительнаго уменьшенія въ размѣрахъ хозяйствъ и болѣе тѣсныхъ отношеній между трудомъ и землею Капиталъ въ формѣ денегъ извлекается изъ земли; крупные фермеры становятся рѣдки, крупныя фермы съ трудомъ находятъ арендаторовъ“ и т. д. (Prothero, l. c. 226).

[2]) Жалобы этого рода были слышны уже въ 1882 году. Такъ напримѣръ: въ отчетѣ Little'a о южныхъ графствахъ (Девонъ, Корнволлъ, Дорсетъ и Соммерсетъ) читаемъ: „хотя среди самихъ фермеровъ почти всеобщимъ мнѣніемъ является то, что мелкіе фермеры обладаютъ меньшей устойчивостью нежели крупные, но земельные собственники и ихъ агенты, напротивъ, выражаютъ то мнѣніе, что фермы стали слишкомъ велики и что многіе берутся за большее дѣло, чѣмъ они могутъ справиться, и что поэтому арендаторы большихъ фермъ хозяйничаютъ менѣе успѣшно, чѣмъ другіе. Но эти мнѣнія отчасти объясняются и тѣмъ фактомъ, что въ настоящее время находится по нѣскольку лицъ, желающихъ снять среднія и мелкія фермы, тогда какъ если освобождается крупная ферма, находится немного такихъ, кто имѣетъ достаточный капиталъ и охоту вложить его въ земледѣліе“. (Rep. by Little. 1882. Стр. 44).

[3]) Rep. by Fream etc., 10.

Henry Rew говоритъ [1]) о Девонѣ: „у части землевладѣльцевъ замѣтна нѣкоторая тенденція по возможности дѣлить фермы, и лишь затраты, неизбѣжныя при такомъ дѣленіи, вѣроятно, мѣшаютъ этой тенденціи обнаружиться въ большей степени. Тамъ, гдѣ фермы, какъ это нерѣдко встрѣчается, консолидированы лишь 20—30 лѣтъ тому назадъ, въ настоящее время представляется удобный случай подѣлить ихъ снова. Здѣсь существуетъ большій спросъ на мелкія фермы, и землевладѣльцы склонны оказывать предпочтеніе мелкимъ фермерамъ, которые работаютъ сами; по крайней мѣрѣ таково было мнѣніе, выраженное мнѣ опытнымъ агентомъ, завѣдовавшимъ крупнымъ имѣніемъ“.

Въ отчетѣ Austin Spencer объ Vally of Aylesbury и Герефордѣ читаемъ: „здѣсь существуетъ полное единогласіе мнѣній между земельными агентами, что мелкія фермы много легче сдать въ аренду нежели крупныя. Въ Герефордѣ одинъ агентъ сказалъ, что въ теченіе своихъ занятій онъ получалъ много предложеній относительно фермъ отъ 100 до 200 акровъ, но не получилъ ни одного, ни на какихъ условіяхъ относительно фермъ размѣромъ въ 300 или 400 акровъ. Такимъ образомъ, было установлено, что было бы очень желательно раздроблять крупныя фермы, если имѣется капиталъ для сооруженія новыхъ зданій“. [3]).

Впечатлѣніе, получаемое отъ этихъ отрывочныхъ показаній,

---

[1]) Rep. by Rew etc., 16.

[2]) Rep. by Austin Spencer on the Vally of Aylesbury and the County of Hereford. 1895. Стр. 16.

[3]) Свидѣтель Ross изъ Россшайра (Шотландія) далъ предъ коммиссіей о мелкихъ хозяйствахъ слѣдующее показаніе: Qu. 8726. Первоначально замѣчался процессъ консолидаціи фермъ, что вызывалось слѣдующими соображеніями. „Прежде всего, для крупныхъ фермъ требуется меньше зданій; фермеры, если они не имѣютъ права требовать чего-либо за свои прочныя улучшенія, конечно, не станутъ строить, лэндлордъ же, которому предстоитъ строить, разсуждаетъ такъ, что чѣмъ меньше онъ затратитъ на постройки, тѣмъ лучше, и потому, онъ стремится къ консолидаціи. 8277. Процессъ консолидаціи шелъ непрерывно и пріостановился 10—20 лѣтъ тому назадъ, когда началась земледѣльческая депрессія. Несмотря на весьма значительный спросъ на меньшія фермы, лэндлорды предпочли бы консолидировать, разъ только имѣлась бы къ тому возможность. Но съ тѣхъ поръ, какъ началась аграрная депрессія, лэндлорды находятъ, что фермеры не имѣютъ достаточныхъ средствъ для крупнаго хозяйства, и процессъ консолидаціи поэтому пріостановился“. (Report from the Select Committee on Small Holdings. Minutes of evidence. 1889).

подтверждается данными статистики относительно размѣровъ хозяйствъ въ Англіи. Сравненіе данныхъ 1880 и 1885 годовъ [1]) обнаруживаетъ весьма слабыя, почти неуловимыя перемѣны въ относительныхъ размѣрахъ каждой изъ категорій хозяйствъ, что и понятно въ виду незначительности сравниваемаго періода времени.

Размѣръ хозяйствъ.	1880		1885		1880	1885
	Число хозяйствъ	%	Число хозяйствъ.	%	Площадь въ акрахъ.	Площадь въ акрахъ.
До 50 акр . .	295,313	71	294,726	71	3,528,840	3,558,557
50—100 акр. . .	44.602	11	44.893	11	3,233,053	3,285,350
100—300 „ .	58,677	14	59,180	14	10,197,913	10.285,988
300—500 „ .	11,677	3	11,452	3	4,359,794	4,328,722
500—1000 „ . .	4,095	1	4,131	1	2,654,360	2,697,794
Выше 1000 акр. .	500	—	565	—	637,311	735,138
Всего . . .	414,804	100	414,950	100	24,611,277	24,891,539

Небольшой приростъ площади, который обнаруживаютъ почти всѣ группы (кромѣ одной, отъ 300 до 500 акровъ), объясняется увеличеніемъ культивируемой площади; уменьшенія въ числѣ хозяйствъ нѣкоторыхъ группъ парализуются увеличеніемъ площади; въ общемъ можно сказать, что картина распредѣленія хозяйствъ въ 1880 и 1885 годахъ остается неизмѣнна. Болѣе опредѣленная тенденція въ сторону раздробленія фермъ замѣчается при сравненіи данныхъ 1885 и 1895 года. Вотъ эти данныя [2]).

---

[1]) Данныя за 1885 годъ заимствуемъ изъ Returns of the Number of Allotments and of Agricultural Holdings in Great Britain, obtained for the Agricultural Department etc. London. 1886.

[2]) Board of Agriculture. Returns as to the Number and Size of Agricultural Holdings in Great Britain in the year 1895. London. 1896. Чтобы сдѣлать данныя 1885 и 1895 года сравнимыми, пришлось взять нѣсколько иную группировку.

Размѣръ хозяйствъ.	Число хозяйствъ абсолютно.		% каждаго класса.		Площадь въ акрахъ абсолютно.		% каждаго класса	
	1885	1895	1885	1895	1885	1895	1885	1895
Отъ 5 до 20 акр.	109 285	108,145	37,60	36,89	1,219,663	1,210,716	4,96	4,93
20—50 акр	61,146	62,446	21,04	21,30	2,042,370	2,077,953	8,30	8,45
50—100 „	44 893	46,574	15,45	15,89	3,285,350	3,403,761	13,36	13.85
100—300 „	59,680	60,381	20,36	20,60	10,285,988	10,434,138	41,82	42,45
300—500 „	11,452	11,112	3,94	3,79	4,328,722	4,188,651	17,60	67,04
500—1000 „	4,131	3.942	1,42	1,35	2,697,794	2,570,684	10,97	10,46
1000 и выше	565	524	0.19	0,18	735,138	693,517	2,99	2,82
Всего . .	290,652	293,124	100	100	24,595,025	24,579,420	100	100

Здѣсь очевидно выступаетъ и относительное и абсолютное усиленіе среднихъ группъ, хозяйствъ отъ 50 до 100 и отъ 100 до 300 акровъ, и, напротивъ того, явственно убываютъ крайнія группы, менѣе 20 акровъ и свыше 300.

Возможно, что не безъ вліянія на этотъ процессъ оказалось увеличеніе постоянныхъ пастбищъ на счетъ пахатныхъ земель. Статистика показываетъ, что наибольшее распространеніе постоянныя пастбища имѣютъ именно въ среднихъ хозяйствахъ; сопоставленіе данныхъ о числѣ и размѣрахъ хозяйствъ въ связи съ измѣненіями распредѣленія общей площади на пастбища и пашню подтверждаетъ наше предположеніе [1]).

[1])

Размѣръ хозяйствъ.	Число хозяйствъ состоящихъ изъ						Площадь			
	постоянныхъ пастбищъ.		пахатной земли.		смѣшанныхъ		пастбищъ.		пахатной земли.	
	1885	1895	1885	1895	1885	1895	1885	1895	1885	1895
1—5 акр.	58,694	51,178	25,291	17,384	19,244	18,493	200,825	193,973	05,701	71,295
5—20 »	54,559	56,528	14,217	10,659	40,509	40,958	875,059	911,565	344,604	299,151
20—50 »	18,664	20,940	4,730	3,431	37,752	38,075	1,280,284	1,385,639	62,086	692,914
50—100 »	6,402	7,558	1,779	1,372	36,712	37,644	1,775,467	1,957,646	1,509,883	1,446,115
100—300 »	3,487	4,109	1,007	710	54,686	55,562	4,936,140	1,433,810	5,349,748	5,000,328
300—500 »	366	453	83	53	11,002	10,606	1,838,911	1,964,509	2,489,811	2,224,142
500—1000 »	111	135	27	11	3,923	3,796	1,032,957	1,078,035	1,664,837	1,492,649
Выше 1000 »	14	15	—	—	551	509	309,806	319,670	425,332	373,847

Заслуживаетъ упоминанія, что въ разсматриваемую эпоху продолжалось, хотя и очень медленно, увеличеніе арендаторскаго хозяйства на счетъ хозяйства на собственной землѣ, какъ это иллюстрируется слѣдующими цифрами: въ 1888 году въ Англіи воздѣлывалось арендаторами 20,297 тысячъ акровъ, а собственниками — 3,968, въ 1898 году уже 21,163 арендаторами и 3,595 собственниками,—убыль въ 13,9% [1]).

Остается еще интересный вопросъ,—о судьбѣ мелкихъ хозяйствъ въ эпоху кризиса. Хотя Англія является страной главнымъ образомъ среднихъ фермъ (средній размѣръ фермъ въ Англіи равенъ былъ въ 1895 году всего 65 акрамъ), но она имѣетъ довольно значительное количество и мелкихъ хозяйствъ. Если считать мелкимъ хозяйствомъ, вслѣдъ за Committee on Small Holdings, хозяйство, не превышающее 50 акровъ и не ниже 1 акра, то общее число такихъ хозяйствъ въ Англіи было въ 1895 году 257,646 (или 67,77% общаго числа), а площадь составляла 3.553,937 акровъ (14,20%) ко всей площади. Значительное большинство этихъ хозяйствъ ведется мелкими фермерами, а именно въ 1895 году на арендованной землѣ велось 210,437 хозяйствъ, на собственной—26,236 и смѣшаннаго характера—10,993; площадь арендуемой земли составляла 3.050,774 акровъ, обрабатываемой собственниками—503,163 акра. Выдѣлить отсюда садовыя, фруктовыя, огородныя, молочныя и т. д. хозяйства, составляющія, вѣроятно, немалую долю, у насъ нѣтъ возможности. Сравненіе данныхъ 1885 и 1895 года не обнаруживаетъ значительныхъ перемѣнъ. Нѣсколько уменьшилась группа мелкихъ хозяйствъ 1—5 акровъ съ 103,229 въ 1885 году до

Увеличеніе пастбищъ на счетъ пашни, естественно, обнаруживаютъ всѣ группы, но въ среднихъ группахъ оно гораздо значительнѣе какъ по числу хозяйствъ такъ и по количеству площади, нежели въ крайнихъ группахъ (убыль только въ группѣ мелкихъ хозяйствъ 1—5 акровъ)

[1]) Замѣчу кстати, что планъ этого сочиненія не позволяетъ намъ останавливаться на арендномъ правѣ, составляющемъ интересную подробность англійскаго аграрнаго строя. Анкета 1894—6 годовъ много занимается „Agricultural Holdings Act“ и желательными измѣненіями въ урегулированіи отношеній лэндлордовъ и фермеровъ. Только полное игнорированіе существованія и возможности такого регулированія законодательнымъ путемъ могло дать возможность Каутскому повторять старый предразсудокъ, что система арендъ препятствуетъ затратѣ капитала на улучшенія со стороны фермера.

101,428 въ 1895 г., а соотвѣтственно измѣнилась и площадь, составлявшая въ 1895 году 286,526 акровъ, въ 1895 году— 279,641; но за то соразмѣрно увеличилась группа хозяйствъ отъ 5 до 50 акровъ, именно по числу хозяйствъ съ 170,431 въ 1885 году до 170,591 въ 1896 году, а по площади съ 3.262,033 акровъ въ 1885 году до 3.288,669 въ 1895 году; въ окончательномъ итогѣ вся группа хозяйствъ отъ 1 до 50 акровъ нѣсколько уменьшилась въ числѣ—съ 273,660 въ 1885 году до 272,019 въ 1895 г. и нѣсколько увеличилась въ площади, съ 3.548,559 до 3.568,310.

Протекшее десятилѣтіе смело, такимъ образомъ около 2,000 карликовыхъ хозяйствъ, но земля ихъ осталась въ той же группѣ и пошла на усиленіе другихъ хозяйствъ. Въ общемъ это измѣненіе для эпохи ломки аграрныхъ отношеній можно считать совершенно незначительнымъ, другія группы обнаруживаютъ за это время болѣе чувствительныя перемѣны.

Цифры не раскрываютъ, такимъ образомъ, драматическихъ страницъ пережитой за это время мелкими хозяйствами исторіи. Но онѣ раскрываются въ отчетахъ коммиссій, которые, почти безъ исключеній, съ удивительной настойчивостью утверждаютъ, что наиболѣе тяжело кризисъ легъ именно на мелкихъ хозяевъ. Въ интересахъ ясности ихъ слѣдуетъ раздѣлить на двѣ неравныя по размѣрамъ и очень различающіяся по экономическому характеру группы, мелкихъ собственниковъ и мелкихъ арендаторовъ.

Какъ мы видѣли на цифрахъ, лишь жалкіе остатки нѣкогда многочисленныхъ йоменовъ сохранились до нашего времени. Погромъ, бывшій результатомъ аграрнаго переворота, превратилъ огромное большинство ихъ, какъ мы уже знаемъ, въ наемныхъ рабочихъ [1]). Но все-таки нѣкоторая, хотя и небольшая часть

---

[1]) Совершенно фантастическую конструкцію создаетъ для объясненія происхожденія класса сельскохозяйственныхъ рабочихъ и гибели yeomanry въ своей „Die Lage der arbeitenden Klassen in England“ Энгельсъ. „Тогда какъ промышленный пролетаріатъ развивался благодаря первой хотя и несовершенной машинѣ, таже машина дала поводъ и къ возникновенію земледѣльческаго пролетаріата. До сихъ поръ существовало большое количество мелкихъ земельныхъ собственниковъ, которые назывались йоменами и которые прозябали въ тихой и безсмысленной жизни, какъ и ихъ сосѣди, ткачи, занимавшіеся земледѣліемъ. Они воздѣлывали свой клочекъ земли небрежнымъ традиціоннымъ способомъ... Между ними были

ихъ была пощажена экспропріаціей (они встрѣчаются въ XIX вѣкѣ или подъ старымъ именемъ yeomen, или estatesmen на сѣверѣ Англіи, или просто freeholders). Затерянные среди крупныхъ землевладѣльцевъ, съ жадностью готовыхъ захватить ихъ участки, йомены были подвергнуты всѣмъ бурямъ и невзгодамъ, которыми такъ обильна была первая половина вѣка для земледѣлія. Колебанія цѣнъ на сельскохозяйственные продукты, бывшія результатомъ съ одной стороны войнъ, а съ другой таможенной борьбы промышленнаго капитала съ землевладѣніемъ, въ которой побѣда склонялась то на ту, то на другую сторону, тяжело ложились на ни въ чемъ не повинное йоменское хозяйство. Такъ намъ извѣстно, напр., что кризисъ 30-хъ годовъ подкосилъ существованіе многихъ йоменскихъ хозяйствъ; [1]) то же отмѣчается относительно Дерэмскихъ estatesmen въ Ch. Empl. Com.; вѣроятно, то же было послѣ отмѣны хлѣбныхъ законовъ. Вообще въ теченіе средины *XIX* вѣка погибло много йоменскихъ хозяйствъ не съумѣвшихъ при-

---

фермеры, не въ нынѣшнемъ смыслѣ слова, но люди, которые, или по договору, или по старой традиціи получивъ свой клочекъ земли отъ отцовъ и дѣдовъ, владѣли имъ какъ собственники. Теперь, такъ какъ промышленные рабочіе отвлекаются отъ земледѣлія, освобождается множество земельныхъ участковъ и на нихъ водворяется новый классъ крупныхъ арендаторовъ, которые снимаютъ сразу по 50, 100, 200 и болѣе моргеновъ... и, благодаря лучшей обработкѣ земли, умѣли поднять доходность этихъ участковъ. Они могли продавать свои продукты дешевле, чѣмъ мелкіе йомены, и имъ осталось лишь, такъ какъ ихъ участки уже болѣе ихъ не прокармливали, ихъ продать и купить дженни или ткацкій станокъ или же превратиться въ поденщика, сельскаго пролетарія у крупнаго фермера“ (Die Lage etc стр. 5 по изд. 1892 г.). Наивность этого объясненія, вполнѣ понятная для молодого автора 1845 года, не заслуживала бы, конечно, особаго замѣчанія, еслибы авторъ не санкціонировалъ, такъ сказать, этихъ воззрѣній въ 1892 году, когда вышло новое изданіе книги, въ которомъ онъ отмѣчалъ примѣчаніями или какъ-нибудь иначе мѣста устарѣвшія, причемъ, однако, настоящее мѣсто осталось неотмѣченнымъ. Между тѣмъ, никто иной какъ Марксъ въ I томѣ *Капитала* показалъ всю ошибочность подобныхъ воззрѣній, не говоря уже о цѣломъ рядѣ другихъ историческихъ изслѣдованій.

[1]) Въ Report on Agriculture 1833 читаемъ по этому поводу: „въ графствахъ Англіи, гдѣ изобиловали йомены, обрабатывающіе свои собственныя имѣнія, въ новѣйшее время произошла значительная перемѣна собственности“ и т. д стр. IX. Гасбахъ на основаніи этого мѣста ошибочно заключаетъ, что въ это время „die alte yeomanry zu Grunde ging“ (l c, 186, Note). Этого нельзя сказать даже относительно настоящаго времени.

способиться къ новымъ условіямъ, земля же была присоединена къ крупному землевладѣнію.

Особыя условія англійской жизни создали въ XIX вѣкѣ совершенно исключительный спросъ на земельную собственность. Съ одной стороны, какъ мы знаемъ, земля была источникомъ политическихъ правъ, къ которымъ такъ стремился классъ денежныхъ капиталистовъ; съ другой, благодаря особенностямъ земельнаго права, земли крупныхъ землевладѣльцевъ фактически были исключены отъ продажи, и земля мелкихъ собственниковъ составляла почти единственный фондъ земли, обращавшейся на рынкѣ. При такомъ условіи цѣна земли поднималась выше своего естественнаго уровня, что давало возможность не только пріобрѣтать земли разорившихся хозяевъ, но побуждало къ отчужденію земли даже достаточныхъ хозяевъ, которые, получивъ деньги, отправлялись въ города, гдѣ могли найти многочисленныя помѣщенія для своего капитала.

Вліяніе такого не-экономическаго спроса на земли хорошо выяснено Rae. „Практика энтайлированія земли исключала съ рынка весьма большое ея количество, а съ ростомъ торговли, мануфактуры, колоній накопилось безпримѣрно большое количество капитала въ нашей странѣ, и этимъ было создано большое количество крупныхъ состояній, жаждущихъ помѣщенія въ землю. Спросъ на землю страшно возросъ, между тѣмъ какъ въ то же самое время предложеніе было искусственно сокращаемо... Для людей богатыхъ земля не является уже орудіемъ производства, но предметомъ потребленія; это — предметъ роскоши. То, что покупается съ землей, вовсе не есть сельскохозяйственная площадь, но соціальное значеніе, и пока соціальное значеніе связано исключительно съ земельной собственностью, и число лицъ, способныхъ уплатить премію для того, чтобы ея добиться, продолжаетъ расти, дѣйствительный земледѣлецъ будетъ всегда оставаться въ проигрышѣ при этомъ соревнованіи“ [1]).

---

[1]) *Rae.* Why have the yeomanry perished? (Contemporary Review, 1883, vol XLIV, 554, 561). Ср. также слѣдующее сужденіе Бродрика: „йомены продаютъ свои имѣнія или потому, что они разорились пьянствомъ или непредусмотрительностью, или потому, что находятъ, что, обративъ ихъ въ деньги, они много выиграютъ какъ увеличеніемъ дохода, такъ и въ надеждахъ на будущее. Дворянинъ или сквайръ покупаетъ землю по цѣнамъ, которыя не соотвѣтствуютъ доходности ея (not commercially remu-

До эпохи аграрнаго кризиса уцѣлѣло такимъ образомъ, незначительное количество йоменовъ. Тѣ самыя условія, которыя поднимали цѣну на землю въ предшествовавшую эпоху, — земледѣльческое процвѣтаніе, внѣземледѣльческій спросъ на землю, теперь, въ эпоху паденія цѣнъ на земледѣльческіе продукты и земельной ренты, оказались условіемъ гибели йоменовъ. Многіе изъ нихъ наложили ипотечные долги на свои имѣнія, иные, хотя количество такихъ не могло быть значительно, пріобрѣли вновь эти имѣнія съ наложеніемъ долга. Если даже долгъ этотъ былъ не высокъ для эпохи благополучія, онъ долженъ былъ неизбѣжно оказаться мертвой петлей въ эпоху кризиса и повлечь за собою

---

nerative), или для того, чтобы помѣшать застроить ее зданіями, или потому, что она особенно нужна для его сельскохозяйственныхъ плановъ, или потому, что онъ нуждается въ расширеніи своего вліянія въ графствѣ; по той или иной причинѣ она дороже для него, чѣмъ для всякаго другого. Относительно нѣкоторыхъ частей этой страны извѣстно, что тамъ въ высшей степени безполезно пытаться дать высшую цѣну, чѣмъ даетъ крупный лордъ этого округа; его агентамъ предписано покупать всю продажную земельную собственность въ этомъ округѣ за какую бы то ни было цѣну. Въ другихъ частяхъ страны люди, пріобрѣвшіе свои имущества торговлей, также алчны на землю, которая является для нихъ единственнымъ вѣрнымъ паспортомъ для достиженія соціальнаго значенія, а затѣмъ тоже стремятся энтайлировать эту землю“ (Systems of Land Tenure in various Countries. Ed. by Cobden Club. 1881. *Brodrick.* The law and custom of primogeniture, 109—10). Предъ коммиссіей о мелкихъ хозяйствахъ Collings показалъ: 22 „Въ теченіе коммерческаго благополучія и вообще хорошаго времени, а также въ тѣ времена, когда существовалъ большой спросъ на земли ради соціальныхъ и политическихъ правъ, связанныхъ съ нею, крупными землевладѣльцами и капиталистами предлагались цѣны, которымъ не могли противостоять мелкіе собственники, они продавали землю, и такимъ образомъ изчезло великое множество собственниковъ.“ Свидѣтель приводитъ слѣдующій отрывокъ изъ письма къ нему отъ главы большой фирмы землемѣровъ: „имѣніе съ 50,000 £ годового дохода образовалось путемъ такихъ покупокъ всецѣло на моей памяти; за послѣдніе 50 лѣтъ земля фактически стала предметомъ роскоши, которую можетъ позволить себѣ только богатый человѣкъ“ (Rep. from the select committee on small holdings. Minutes of evidence. 1889). Извѣстный намъ Druce, допрошенный предъ той же коммиссіей, показалъ, что причина уменьшенія числа мелкихъ собственниковъ въ томъ, что „прибыль, получаемая отъ помѣщенія капитала въ промышленности, значительно больше, чѣмъ въ земледѣліи; лица, владѣвшія землей и могшія выручить за нее небольшой капиталъ, продавали свою собственность и вырученный капиталъ помѣщали въ промышленности“ и т. д. (Qu. 7414 слл.).

гибель мелкаго собственника (какъ мы знаемъ, бремени старой задолженности не выдерживали въ это время даже крупные лэндлорды). Мы имѣемъ свидѣтельства о тяжеломъ положеніи задолженныхъ йоменовъ уже въ изслѣдованіи 1881—2 гг. [1]), но особенно настойчивы и многочисленны они въ 90-хъ годахъ. Приведемъ для характеристики нѣкоторые изъ этихъ отзывовъ.

H. Pringlie въ отчетѣ о мѣстности, извѣстной подъ названіемъ Jsle of Axholm, свидѣтельствуетъ, что „тяжело задолженные собственники (freeholders) наиболѣе пострадали. Ихъ положеніе очень тягостно, мѣстами безнадежно“ [2]). W. Fox даетъ слѣдующую характеристику мелкихъ хозяйствъ въ остальномъ Линкольншайрѣ (кромѣ острова Экгольма): „положеніе мелкихъ хозяевъ въ значительномъ большинствѣ случаевъ является неудовлетворительнымъ, а отчасти даже прискорбнымъ. Мелкимъ хозяиномъ (small holder) я считаю того, кто живетъ исключительно земледѣліемъ и не пользуется стороннимъ трудомъ. Вообще говоря, размѣръ такихъ владѣній колеблется отъ 40 до 80 акровъ. Мелкіе собственники могутъ быть раздѣлены на два класса,—одни, у которыхъ земля не заложена, и другіе, у которыхъ заложена. Значительное большинство ихъ принадлежитъ къ этому послѣднему классу и состоитъ изъ лицъ, которые купили сполна или отчасти землю въ лучшія времена, нерѣдко наложивъ въ видѣ гипотеки 60%, 70% и даже 80% покупной цѣны и притомъ во многихъ случаяхъ за $4^1/_2$% или $5^1/_2$%, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже за 6%. Впрочемъ, нѣкоторые унаслѣдовали свои имѣнія съ стариннымъ долгомъ на нихъ или съ обязательствомъ уплаты другимъ членамъ семьи, которые признаются имѣющими права на эту собственность... Они платили обыкновенно отъ 80 £ до 120 £ съ акра до 1878 или 1879 года, и до этого времени считались благополучными и помѣстившими свой капиталъ надежно. Какъ правило, такія лица оперировали съ едва достаточнымъ капиталомъ и примѣняли всѣ свои разсчеты къ рыночнымъ цѣнамъ. Въ лучшія времена, предшествовавшія 1879, даже уплачивая проценты въ размѣрѣ 4 £ или 5 £ съ акра, многіе

[1]) См. свидѣтельство Colemann'a объ estatesmen въ Durham, Druce о Линкольншайрѣ, Doyle объ Уэльсѣ (Mr. Doyle's Report on Wales. 1882). Отчетъ Дойля проникнутъ недоброжелательнымъ отношеніемъ къ мелкимъ хозяевамъ и содержитъ ошибочныя и пристрастныя сужденія.

[2]) Rep. by Hunter Pringlie on Isle of Axholm, 19.

изъ нихъ благоденствовали и были способны расширять свое хозяйство, но тѣ, которые купили землю около 1878 и начали хозяйничать безъ достаточнаго капитала, оказались лицомъ къ лицу съ постояннымъ паденіемъ цѣнъ, съ рядомъ неблагопріятныхъ дождливыхъ лѣтъ и съ необходимостью платить проценты, значительно превышавшіе ренту, которую платили за подобную землю кругомъ... Земельная собственность оказалась при такихъ условіяхъ причиной погибели для сотенъ изъ нихъ, а у другихъ лежитъ теперь какъ жерновъ на шеѣ. И если настоящія цѣны продолжатся, то многіе должны еще погибнуть, потерявъ при этомъ сбереженія всей своей жизни".

Между тѣмъ какъ положеніе этого класса ухудшилось, положеніе рабочаго класса, какъ мы знаемъ, въ разсматриваемую эпоху значительно улучшилось. Неудивительно, если сравненіе положенія того и другого класса оказывается не въ пользу мелкихъ собственниковъ. „Дома ихъ хуже среднихъ коттэджей рабочихъ. Нѣкоторые изъ нихъ очень плохи. Работа всѣхъ ихъ удивительно тяжела и значительно продолжительнѣе, чѣмъ рабочихъ, причемъ многіе изъ нихъ говорятъ, что они не находятся въ столь выгодномъ матеріальномъ положеніи, какъ послѣдніе, что они живутъ не такъ хорошо и рѣдко ѣдятъ свѣжее мясо. Многіе изъ нихъ платятъ по 3—4 фунта ст. съ акра процентовъ за гипотечный долгъ, а нѣкоторые 5 £. Сыновья и дочери большинства ихъ работаютъ лишь за пищу и одежду" [1]).

Тотъ же W. Fox пишетъ о Кэмбриджшайрѣ: „вліяніе депрессіи на фермеровъ было весьма опустошительно. Йомены, обремененные гипотеками, погибли первые, и изъ остальныхъ многіе понесли несомнѣнно тяжелый ущербъ. Въ различныхъ округахъ я получалъ свидѣтельства отъ частныхъ лицъ и однажды отъ

[1]) Rep. by W. Fox on the county of Lincolnshire. 1895. Стр. 66—7. Докладчикъ добавляетъ: „къ несчастью, многое изъ того, что я сказалъ относительно упадка мелкихъ собственниковъ, приложимо и къ мелкимъ фермерамъ, но, хотя многіе изъ нихъ разорились, а многіе находятся въ весьма печальномъ положеніи, однако положеніе ихъ въ общемъ лучше положенія собственниковъ. Такимъ образомъ, будущее мелкихъ фермеровъ свѣтлѣе, чѣмъ собственниковъ, потому что ихъ рента, какъ правило, меньше съ акра, чѣмъ процентъ, платимый собственникомъ. Кромѣ того, фермеры могутъ оставить ферму, когда найдутъ, что они теряютъ на ней деньги, какъ бы убыточно ни было это, или они могутъ платить часть ея, и это сократитъ ихъ издержки и рискъ". (ib. 74).

джентльмена, по своему положенію знакомому съ дѣломъ, что всѣ йомены здѣсь обременены тяжелыми гипотечными долгами... Лица, находящіеся въ такомъ положеніи, не рѣшаются оставить хозяйство, потому что продажа скота и мертваго инвентаря при теперешнихъ цѣнахъ потребовала бы разорительныхъ жертвъ. Далѣе, чтобы раздѣлаться съ фермой, нужно расплатиться съ кредиторами, что, говорятъ, во многихъ случаяхъ они не въ состояніи сдѣлать. Я не разъ слышалъ утвержденія такого рода, что „половина графства обрабатывается въ пользу банкировъ" и, хотя я не могу подтвердить это прямыми показаніями, но могу утверждать съ нѣкоторой увѣренностью, что въ этомъ много истины" [1]).

Henry Rew сообщаетъ относительно Норфолька: „я приходилъ въ соприкосновеніе со многими йоменами разнаго рода и мнѣ казалось, что почти безъ исключеній всѣ они живутъ подъ тяжестью гипотечной задолженности. Многіе признаютъ это, а тѣ, которые менѣе общительны, выдаютъ это въ своихъ показаніяхъ. Надъ значительною частью Норфолька гипотеки тяготѣютъ какъ жерновъ на шеѣ всѣхъ классовъ собственниковъ. Вѣроятно, въ большинствѣ случаевъ земля, еслибы была продана теперь, не оплатила бы долговъ. Положеніе собственника въ такихъ случаяхъ ужасно во всѣхъ слояхъ; но съ наибольшей силою это проявляется на судьбѣ мелкихъ борющихся йоменовъ" [2]).

W. Fox сообщаетъ относительно Кумберлэнда: „я долженъ сообщить относительно положенія собственниковъ или „statesman", какъ они здѣсь называются, что этотъ классъ постепенно уменьшается въ числѣ въ теченіе многихъ лѣтъ, и положеніе нѣкоторыхъ его членовъ хуже, чѣмъ фермеровъ, благодаря, главнымъ образомъ, гипотечному бремени, наложенному ими или ихъ предшественниками на земли. Затруднительно сказать, насколько значительна доля тѣхъ, которые задолжены до такой степени, что платятъ въ формѣ процентовъ больше нежели сосѣдніе фермеры въ формѣ ренты. Я склоненъ думать, что, вообще говоря, „statesman" находятся въ худшемъ положеніи, чѣмъ фермеры, особенно же въ томъ случаѣ, если надъ ними тяготѣютъ фамильные долги" [3]) [4]).

---

[1]) Rep. by Wilson Fox on the County of Cambridge. 1895. Стр. 39.

[2]) Rep. by Henry Rew on the County on Norfolk. 1895. Стр. 36.

[3]) Rep. by W. Fox on Cumberland. 1895, стр. 32.

[4]) Въ отчетѣ Эдварда Вилькинсона, изслѣдовавшаго положеніе сельскохозяйственныхъ рабочихъ въ Дербишайрѣ, Линкольншайрѣ, Стаффорд-

Если погибель йоменовъ объясняется, главнымъ образомъ, ипотечной задолженностью, ведущей свое происхожденіе изъ лучшихъ временъ англійскаго земледѣлія и оказавшейся разорительной въ тяжелую эпоху кризиса, то гибель мелкихъ фермеровъ, ведущихъ хозяйство не на собственной, а на наемной землѣ, объясняется недостаточной силой сопротивленія, которое они могли оказать опустошительному урагану, пронесшемуся надъ сельскимъ хозяйствомъ Англіи; естественно, что, когда разорялись даже крупныя фермы съ большими капиталами, способныя долгое время хозяйничать въ убытокъ, на счетъ капитала, мелкіе фермеры, конечно, не имѣвшіе такихъ запасовъ, разорялись первые. Приведемъ нѣсколько показаній для характеристики тяжелаго положенія мелкихъ фермеровъ.

W. Fox въ отчетѣ о Нортумберландѣ [1]) говоритъ: „многіе мелкіе фермеры, работавшіе недавно въ качествѣ слугъ на фермѣ, говорятъ, что быть мелкимъ фермеромъ въ настоящее время не болѣе выгодно, если еще равно по выгодности работѣ по найму и требуетъ болѣе тяжелаго труда, но они дорожатъ свободой и тѣми перспективами (freedom and speculation), которыя открываются при собственномъ хозяйствѣ“ [2]).

шайрѣ и Йоркшайрѣ (N. E. and W. Riding) читаемъ (Part IV, 19—11): „я не могу по совѣсти сказать, чтобы я считалъ положеніе мелкихъ хозяевъ завиднымъ. Работа ихъ страшно тяжела и они экономятъ во всемъ такъ, какъ это дѣлаютъ лишь немногіе рабочіе Говорятъ, что многіе находятся въ долгу, и я не думаю, чтобы многіе теперь дѣйствительно процвѣтали. Паденіе на 1 £ цѣны квартера пшеницы измѣняетъ положеніе семьи, самостоятельно воздѣлывающей свою землю и жившей весьма обильно, отъ удовлетворительнаго комфорта до бѣдности. Большинство изъ нихъ сводитъ концы съ концами въ значительной мѣрѣ благодаря случайной работѣ, если они, конечно, могутъ отлучаться съ своей земли. Вспахиваніе полевыхъ огородовъ, перевозка угля и песку, а въ нѣкоторыхъ частяхъ строевого лѣса, вотъ нѣкоторые изъ видовъ работъ, на которыя они всегда готовы. Дѣйствительно, мелкіе хозяева часто очень безпокоются найти работу для своихъ лошадей, чтобы послѣднія сами себя прокармливали. Во многихъ случаяхъ они черезчуръ даже радуются, если выпадетъ случайно новая работа у сосѣдняго фермера. Поэтому кажется, что, какъ правило, мелкіе хозяева не пользуются большимъ благополучіемъ, и если они живутъ иногда довольно комфортабельно, то это скорѣе благодаря работѣ помимо своего хозяйства, нежели благодаря этому послѣднему“.

[1]) Rep by Mr. Arthur Wilson Fox (Assistant Commissioner) upon the Glendale District of Northumberland, стр. 83.

[2]) Относительно Нортумберланда, гдѣ положеніе сельскохозяйствен-

Въ отчетѣ того же Фокса о Суффолькѣ читаемъ: „здѣсь выражается общее мнѣніе, что мелкіе фермеры (впрочемъ, немногочисленные) пострадали отъ депрессіи больше нежели крупные. Это не значитъ, чтобы мелкіе фермеры потеряли больше денегъ: относительно они потеряли меньше, такъ какъ во многихъ случаяхъ имъ было мало что терять; но благодаря недостатку капитала они скорѣе сокращаютъ издержки на своихъ фермахъ, нежели крупные фермеры“ [1]).

Въ отчетѣ H. Pringlie объ южномъ Дерэмѣ и Йоркшайрѣ читаемъ: „мелкіе фермеры, ведущіе молочное хозяйство или занимающіе подгородную землю, еще справляются до тѣхъ поръ, пока пользуются неоплаченнымъ трудомъ членовъ семьи. Но съ того момента, когда дѣти уходятъ и появляется наемный рабочій, прибыль изчезаетъ. Глава крупной банковой фирмы увѣрялъ меня, что еслибы не помощь, которую они оказываютъ мелкимъ фермерамъ, рента едва ли могла бы быть уплачена за послѣдніе 4—5 лѣтъ“ [2]).

Въ отчетѣ того же H. Pringlie относительно графствъ Бедфорда, Гендигдона и Нортгамптона читаемъ: „существуютъ крупныя хозяйства, которыя ведутся плохо и страдаютъ недостаткомъ капитала, и мелкія, которыя ведутся хорошо и имѣютъ достаточный капиталъ, но, разсматривая три эти графства въ цѣломъ, крупныя хозяйства обнаруживаютъ гораздо менѣе признаковъ депрессіи нежели мелкія. Не только капиталъ мелкихъ фермъ ниже по качеству, но большая часть его фактически не принадлежитъ фермеру, будучи взята взаймы“ [3]).

наго рабочаго, какъ знаетъ читатель, всегда было хорошо, ср. слѣдующее сужденіе: „матеріальное положеніе сельскохозяйственнаго рабочаго въ Нортумберландѣ настолько удовлетворительно, что я не могъ бы назвать никого, кто бы, обладая здравымъ смысломъ, рѣшился сказать, что положеніе рабочаго можетъ быть улучшено превращеніемъ его изъ наемника въ крестьянина собственника. Его матеріальное положеніе, сравнительно съ положеніемъ мелкихъ собственниковъ и арендаторовъ всьма мелкихъ фермъ, чрезвычайно хорошо“. (*A. Grey.* The profit-sharing in agriculture, J. R. A. S. 1891, стр. 772).

[1]) Rep. by W. Fox on the County of Suffolk, 58.

[2]) Rep. by H. Pringlie on South Durham and selected districts of the North and East Ridings of Yorkshire. Стр. 27.

[3]) Rep. by Pringlie on the Counties of Bedford, Huntingdon and Northhampton. 1895. Стр. 37. Здѣсь также указывается на безплатность труда членовъ семьи, какъ необходимое условіе преуспѣянія мелкаго хозяйства.

Интересно слѣдующее свидѣтельство Фокса о Кэмбриджшайрѣ: „показанія о томъ, какого размѣра фермы наиболѣе пострадали отъ депрессіи, иногда противорѣчивы, но большинство ихъ склоняется однако къ тому, что крупныя или среднихъ размѣровъ фермы на довольно хорошей почвѣ, если фермеры обладаютъ достаточнымъ капиталомъ, пострадали наименѣе. Однако существуютъ округа въ Кэмбриджшайрѣ, въ Фенѣ, которые весьма удобны для мелкихъ фермъ,—земля хороша и легко воздѣлываема и можетъ производить торговыя растенія и фрукты. Въ частности, тамъ, гдѣ такіе округа находятся вблизи отъ рынковъ, встрѣчаются лица, положеніе которыхъ можетъ считаться удовлетворительнымъ. Но такіе случаи не составляютъ общаго правила, и, вообще говоря, мелкіе фермеры часто погибаютъ или ведутъ вмѣстѣ съ своими семьями жизнь, полную непрерывнаго труда и душевнаго безпокойства о томъ, чтобы добыть средства для существованія. Мелкій фермеръ не имѣетъ капитала, чтобы противустоять ряду неблагопріятныхъ лѣтъ, причиняющихъ постоянныя потери. Слишкомъ часто онъ и приступаетъ къ веденію хозяйства съ недостаточнымъ капиталомъ, нерѣдко взятымъ въ долгъ“ [1]).

H. Rew свидѣтельствуетъ о Норфолькѣ: „не существуетъ сомнѣнія, что многіе мелкіе фермеры ощущаютъ депрессію также тяжело, какъ и крупные. Однако, какъ правило, мелкіе фермеры удержали свою позицію благодаря особаго рода естественному отбору. Въ самомъ дѣлѣ, положенія этого достигали способнѣйшіе изъ рабочаго класса, и именно они способны къ самому энергичному веденію трудной борьбы. Что жизнь фермера, арендующаго 20—30 акровъ, полна непрерывнаго и неослабнаго труда, очевидно. Они живутъ, однако, съ своими семействами главнымъ образомъ продуктомъ своихъ фермъ, и если они еще въ состояніи продавать достаточно для того, чтобы оплатить ренту и налоги, они еще могутъ выдержать борбу. Паденіе цѣнъ означаетъ, можетъ быть, нѣкоторое пониженіе ихъ скромнаго standart of life, но это не касается дѣйствительныхъ средствъ существованія семьи. Они потребляютъ столь большое количество своего продукта сами, что для нихъ не представляетъ большой разницы, высоки или низки цѣны. Даже болѣе, что касается содержанія семьи, то теперь оно достается, вѣроятно, дешевле чѣмъ прежде. Что жизнь

[1]) Rep. by W. Fox on the County of Cambridge, стр. 42.

мелкаго фермера безконечно тяжеле, чѣмъ работника, едвали нужно и добавлять. Въ самомъ дѣлѣ, тогда какъ рабочій работаетъ меньше, чѣмъ прежде, мелкій хозяинъ долженъ работать больше, чѣмъ когда-либо“ [1]) [2]).

Свидѣтельства съ рѣзко опредѣленнымъ мнѣніемъ о большей или меньшей выносливости и устойчивости разныхъ размѣровъ хозяйствъ имѣются, вообще говоря, въ меньшинствѣ случаевъ. Большинство же свидѣтельствъ отличаются неяснымъ и неопредѣленнымъ харктеромъ, причемъ нерѣшительность авторовъ объясняется, повидимому, дѣйствительной трудностью высказать опредѣленное мнѣніе.

Однако уже приведенныя мнѣнія устраняютъ всякую возможность сомнѣнія, что тяжесть кризиса легче переносится болѣе крупными и состоятельными фермерами нежели мелкими, т. е. что послѣдніе разоряются быстрѣе, чѣмъ первые, хотя разоряются, въ концѣ концовъ, и тѣ и другіе. Мы должны отнестись поэтому отрицательно къ особому мнѣнію трехъ членовъ коммиссіи (Shaw-Lefevre, Lord Rendel, Giffen), приложенному ими къ предварительному отчету, гдѣ особая суровость кризиса въ южныхъ и юговосточныхъ графствахъ, наряду съ другими причинами, приписывалась господству здѣсь крупныхъ хозяйствъ и сравнительному отсутствію мелкихъ [3]). Мы думаемъ, что распространен-

---

[1]) Rep. by H. Rew on the County of Norfolk, стр. 38. Ссылки на натурально хозяйственный характеръ мелкихъ фермъ, какъ въ этомъ свидѣтельствѣ, въ общемъ составляютъ исключеніе.

[2]) Свидѣтельства подобнаго же характера приходятъ и изъ Шотландіи. См. отчетъ James Hope o counties of Perth, Fife, Forfar and Aberdeen, стр. 14.

[3]) „Третья причина различія состоитъ въ сравнительномъ отсутствіи мелкихъ фермъ на востокѣ и югѣ Англіи, сравнительно съ прочими округами, исключая юго-востока Шотландіи. Свидѣтельскія показанія обнаруживаютъ предъ нами, что, какъ общее правило, арендаторы мелкихъ фермъ перенесли удары послѣднихъ лѣтъ лучше чѣмъ арендаторы крупныхъ. Они не испытывали такихъ затрудненій относительно наемнаго труда; они обрабатываютъ свои фермы сами, съ помощью своихъ семействъ, они прилагаютъ больше вниманія къ менѣе обширмому продукту своей фермы, они посвящаютъ себя болѣе молочному хозяйству, нежели производству зерновыхъ хлѣбовъ. Является общепризнаннымъ, что консолидація фермъ, происшедшая въ столь обширныхъ размѣрахъ на востокѣ и югѣ Англіи за послѣдніе 30 лѣтъ, предшествовавшіе депрессіи, оказалась неблагопріятна по своимъ результатамъ“. (Second Report etc. 1896, стр. 22).

ность мелкихъ хозяйствъ, ceteris paribus, сдѣлала бы вліяніе кризиса въ этихъ наиболѣе пострадавшихъ Corn Counties еще опустошительнѣе нежели теперь.

Итакъ, предъ нами картина общаго разоренія англійскаго земледѣлія—обезлюденія деревень, забрасыванья полей, скопленія въ городахъ населенія [1]). Естественно, что такое положеніе вещей тревожитъ умы всѣхъ мыслящихъ людей въ Англіи и заставляетъ искать средствъ помочь бѣдѣ. Замѣчательно, что одно средство, прежде всего напрашивающееся въ данномъ случаѣ, именно пошлины на хлѣбъ, считается безусловно непригоднымъ не только представителями промышленности и торговли, но даже и представителями земледѣлія. Для послѣднихъ очевидно, что мечтать о

---

[1]) Какъ это противорѣчитъ тому, о чемъ мечталъ въ 40-хъ годахъ XIX столѣтія Бруно Гильдебрандъ, который на вопросъ: „что сдѣлается съ фабричнымъ населеніемъ, потерявшимъ работу благодаря развитію машиннаго производства въ Англіи?“ отвѣчалъ такъ: „рабочее населеніе, которое за послѣднія 60 лѣтъ стремится изъ деревни на фабрику, будетъ втеченіе этого столѣтія, насколько не найдетъ подходящаго занятія въ ремеслѣ и торговлѣ, возвращаться къ земледѣлію. Мелкіе самостоятельные земледѣльцы заступятъ мѣсто крупныхъ землевладѣльцевъ. Обширные увеселительные парки, служащіе лишь удовольствію немногихъ семействъ, уменьшатся и отчасти превратятся въ плодоносную пашню. И на некультивированной до сихъ поръ почвѣ проведетъ плугъ свою борозду. Земледѣльческое населеніе придетъ снова въ равновѣсіе съ промышленнымъ. Англійская почва станетъ снова прокармливать англійское населеніе, и оно не только сдѣлается независимымъ отъ иностраннаго привоза хлѣба, но и внутренній рынокъ британскихъ фабрикатовъ увеличится; и изъ массы безземельныхъ рабочихъ образуется мало-помалу новый классъ землевладѣльцевъ, которые, воспитавшись на фабрикѣ въ искусныхъ, крѣпкихъ волей людей, будутъ пользоваться машинами, съ которыми ихъ отцы враждовали, легко будутъ удовлетворять свои потребности въ фабрикатахъ и благодаря общему своему положенію будутъ въ состояніи достигнуть высшей духовной культуры“ (*Bruno Hildebrand.* Die Nationalokonomie der Gegenwart und Zukunt. Frankfurt 1848. Стр. 238). Золотые сны! Они теперь составляютъ такой же предметъ мечтаній лучшихъ людей Англіи, какъ и болѣе полвѣка тому назадъ. Любопытно, что направленіе развитія англійскаго народнаго хозяйства тревожило еще Мальтуса и онъ ставилъ такой вопросъ: „является-ли для страны, имѣющей наиболѣе развитую промышленность, какую только знаетъ исторія, но вмѣстѣ имѣющей и земледѣліе, развитіе котораго, до извѣстной степени, соотвѣтствуетъ развитію индустріи, значительнымъ благомъ относительное увеличеніе промышленнаго и относительное уменьшеніе земледѣльческаго населенія?“ (Drei Schriften uber Getreidezolle, 23).

возстановленіи хлѣбныхъ законовъ было бы самымъ безнадежнымъ утопизмомъ, который только можно себѣ представить (помимо того, что едва-ли можно ожидать отъ нихъ серьезной помощи). Затруднительное положеніе Англіи на міровомъ рынкѣ и очевидная зависимость всей національной жизни Англіи отъ промышленности и торговли возводятъ всякую попытку къ обремененію ихъ хлѣбными законами на степень національной опасности. Для всѣхъ ясно, что средство это совершенно непригодно.

Но это не уничтожетъ стремленій возстановить разрушенное земледѣліе другими мѣрами. Стремленіе остановить „тягу въ городъ“ объединяетъ и оба общества націонализаціи земли (Land Nationalisation и Land Restoration Society), и общество „Free Land“, и „Land Colonisation Society“, и вліятельные парламентскіе круги, и отдѣльныхъ выдающихся экономистовъ—назову, напр. хорошо извѣстнаго русской публикѣ Гобсона, члена парламента Jesse Collings, этого вѣрнаго друга сельскохозяйственныхъ рабочихъ и многихъ другихъ. Къ тому же, если до послѣдняго времени эмиграція изъ деревни въ города составляла условіе развитія англійской промышленности, поставляя для него контингентъ рабочей силы, теперь, когда положеніе Англіи на міровомъ рынкѣ становится все затруднительнѣй, англійская промышленность уже не такъ легко поглащаетъ вновь прибывающихъ рабочихъ, благодаря чему усиливается безработица [1]).

---

[1]) Приведу для характеристики нѣсколько отзывовъ. Гобсонъ въ предисловіи къ сборнику: „Cooperative labour upon the Land“. London. 1895. IX, говоритъ: „совпаденіе двухъ феноменовъ—не обрабатываемой земли и не находящей приложенія рабочей силы необходимо ставить практическій вопросъ: „насколько возможно обратить этотъ излишній трудъ на пустующую или полувоздѣланную землю, такъ чтобы производительность возросла, и работники эти жили съ комфортомъ и достаткомъ“? Такой способъ дѣйствій, еслибы онъ оказался осуществимымъ, достигъ бы трехъ цѣлей: онъ остановилъ бы дальнѣйшій упадокъ англійскаго земледѣлія и дальнѣйшее движеніе изъ англійскихъ деревень въ города; онъ возстановилъ бы болѣе здоровыя условія труда и жизни, въ особенности для тѣхъ, кто не можетъ найти себѣ занятія въ городѣ; наконецъ, онъ уменьшилъ бы возбуждающую тревогу зависимость отъ внѣшняго рынка относительно средствъ физическаго существованія“. (Ср. въ самомъ сборникѣ докладъ Burrows, стр. 13). Въ Observations appended to the Report of Royal Commission on Labour by Jesse Collings читаемъ: „много лѣтъ тому назадъ, когда мануфактуры наши развивались очень успѣшно, было возможно, что притокъ труда со стороны могъ быть поглощаемъ промышленными центрами

Средствомъ къ поднятію земледѣлія и удержанію земледѣльческаго населенія въ деревняхъ настойчиво указывалось созданіе класса, уничтоженнаго переворотомъ XVIII и первой половины XIX вѣка,—мелкаго крестьянства. Уступая давленію общественнаго мнѣнія, парламентъ назначилъ въ 1889 году „Select Committee on Small Holdings“, коммиссію, которая изслѣдовала бы вопросъ о мелкихъ хозяйствахъ. По обычаю, коммиссія вызвала свидѣтелей разныхъ общественныхъ состояній изъ разныхъ частей Великобританіи, — minutes of evidence ея нѣсколько напоминаютъ академическое обсужденіе столь популярнаго у насъ вопроса о преимуществахъ и недостаткахъ крупнаго и мелкаго хозяйства въ земледѣліи. Различаясь во мнѣніяхъ, „всѣ свидѣтели признаютъ, что существованіе многочисленнаго и достаточнаго крестьянства есть условіе національнаго здоровья и и что болѣе широкое распредѣленіе собственности на землю будетъ содѣйствовать прочности собственности и довольству населенія“. „Возможность улучшенія своего положенія для искусныхъ и прилежныхъ рабочихъ есть предметъ огромной соціальной важно-

---

съ выгодой для всѣхъ заинтересованныхъ лицъ. Однако, за послѣдніе годы, когда торговля и мануфактуры находятся въ неподвижномъ состояніи, если не въ упадкѣ, повидимому, остается внѣ сомнѣнія, что обширное и непрерывное переселеніе сельскихъ рабочихъ въ города и другіе центры промышленности можетъ повести къ ненормальному и чрезмѣрному предложенію труда на общемъ рабочемъ рынкѣ. Сами иммигранты, приходя изъ округовъ, гдѣ условія жизни суровы и плата низка, могутъ улучшать свое индивидуальное положеніе, но они конкуррируютъ и вытѣсняютъ другихъ, и въ результатѣ количество безработныхъ вполнѣ или отчасти увеличивается въ населенныхъ округахъ“ (121). Вмѣстѣ съ тѣмъ земля не получаетъ достаточнаго количества труда, „land labour starved“, нельзя „to do justice to the land“. „Потому мнѣ представляется что всякія практическія мѣры возстановленія правильнаго отношенія между городомъ и деревней, между земледѣліемъ и прочими отраслями промышленности имѣютъ прямое отношеніе къ изслѣдованіямъ этой коммиссіи, и что востановленіе благосостоянія въ дерявенскихъ округахъ есть наиболѣе надежное рѣшеніе даннаго вопроса“ (Ср. также его предисловіе къ *Green*. The rural industries in England). Въ отчетѣ коммиссіи Distress from want of employment. 1895 также указывается на эмиграцію изъ деревень какъ одну изъ причинъ безработицы въ городахъ и рекомендуются мѣры, задерживающія эту эмиграцію. На преходящей характеръ эмиграціи въ города указываетъ *Anderson Graham*. The rural exodus. London. 1892. Стр. 29 слѣд.) См. также *Moore*. Back to the land, содержаніе этой книги достаточно характеризуется заглавіемъ.

сти. Это есть главное средство, которое можетъ быть найдено противъ выселенія изъ деревни въ города, благодаря чему сельскіе округа постепенно обезлюживаются, а въ то же время обостряется конкурренція между рабочими въ промышленныхъ городахъ“ [1]). Коммиссія предначертала тѣ основанія, которыя должны, по ея мнѣнію, лечь въ основу законодательнаго содѣйствія образованію мелкихъ хозяйствъ, признаннаго коммиссіей совершенно необходимымъ. Въ 1892 году въ парламентѣ прошелъ законъ, такъ называемый Small Holdings Act, представляющій, до извѣстной степени, осуществленіе пожеланій коммиссіи и являющійся однимъ изъ любопытныхъ памятниковъ соціальнаго законодательства Англіи конца XIX вѣка. Цѣль „закона о мелкихъ хозяйствахъ“ была слѣдующимъ образомъ выражена въ рѣчи консервативнаго министра земледѣлія Chaplin'a, которой онъ сопровождалъ внесеніе билля въ палату общинъ. „Одна изъ главныхъ задачъ, которыя имѣются нами въ виду, есть болѣе широкое распредѣленіе земли между населеніемъ этой страны, возвращеніе его къ землѣ, если возможно, путемъ законодательныхъ мѣръ, возстановленіе того класса общества, который постепенно уменьшался въ теченіе многихъ лѣтъ и который въ настоящее время быстро изчезаетъ, но который, мы не должны этого забывать, существовалъ, и не только существовалъ, но и процвѣталъ въ прежніе дни въ гораздо большемъ числѣ, чѣмъ теперь; я убѣжденъ, что всѣ секціи палаты желали бы, если возможно, видѣть его возстановленнымъ. Я говорю о классѣ, который обыкновенно назывался йоменами или, другими словами, о собственникахъ мелкихъ земельныхъ участковъ“ [2]). Лицемѣрны или искренны эти слова министра, но въ

---

[1]) Report from the Select Committee on Small Holdings. 1890. Стр. iii. Коммиссія формулировала извѣстное старинное пожеланіе Дж. Ст. Милля, которое теперь находитъ гораздо больше сторонниковъ чѣмъ тогда. Напр., извѣстный намъ Little въ цитированномъ отчетѣ коммиссіи труда говоритъ „я думаю, что средствомъ противъ вышепоименованныхъ золъ (эмиграціи изъ деревни и т. д.) является увеличеніе мелкихъ производителей, въ которыхъ превращались бы сельскохозяйственные рабочіе; они были бы способны производить нѣкоторые виды пищевыхъ продуктовъ, которые теперь въ столь огромномъ количествѣ вывозятся изъ-за границы“ (122). Ср. также *W. Bear.* A study on small holdings. Ed. by Cobden Club London. 1893, стр. 93. *J. L Green.* The old yeomen of England and small holdings in Land. London. 1892. стр. 5.

[2]) Hansard's Parliamentary Debates. 1892. I. 911—12.

первый разъ прозвучала такая рѣчь въ англійскомъ парламентѣ; контрастъ между началомъ и концомъ XIX вѣка, эпохой Enclosures Act'овъ и Small Holdings Act'а, разителенъ.

Small Holdings Act 1892 (55 and 56 Vict. Ch. 31) дѣло устроенія мелкихъ хозяйствъ, размѣры которыхъ опредѣлены при пріобрѣтеніи земли въ собственность отъ 1—50 акровъ, а при арендѣ отъ 1—15 акровъ, поручаетъ совѣтамъ графства, County Council, играющимъ столь крупную и въ общемъ благодѣтельную роль въ политической и общественной жизни современной Англіи. County Council дѣйствуетъ непосредственно или назначаетъ особую коммиссію, если сочтетъ нужнымъ примѣненіе этого акта, или по собственному почину, или на основаніи петиціи объ этомъ одного или нѣсколькихъ избирателей [1]). Участки съ цѣлью заведенія мелкихъ хозяйствъ могутъ быть продаваемы какъ отдѣльнымъ лицамъ, такъ и коопераціямъ (amendment Джесси Коллинза). Покупатель долженъ уплатить непосредственно лишь $^1/_5$ цѣны, остальные $^4/_5$ ссужаетъ ему County Council, причемъ $^1/_4$ часть цѣны можетъ лечь на имѣніе вѣчной рентой (хотя и погасимой), остальныя же $^{11}/_{20}$ онъ долженъ уплатить въ теченіе 50 лѣтъ равными взносами или же частями капитала съ добавленіемъ процентовъ остающагося долга [2]). При этомъ County Council играетъ роль посредника, а не благотворительнаго учрежденія, почему цѣна должна быть расчитана такъ, чтобы не оставить его въ убыткѣ. Правительство открываетъ на этотъ предметъ кредитъ изъ 3%, причемъ долгъ этотъ долженъ быть погашенъ въ теченіе 50 лѣтъ и не считается входящимъ въ составъ долга графства. Платежи покупателей идутъ, конечно, на покрытіе долга. Въ извѣстныхъ случаяхъ County Council можетъ прибѣгнуть даже къ County Rate (налогу), но не выше одного пенса съ фунта. Прежде чѣмъ предоставить землю покупщикамъ или арендаторамъ, County

---

[1]) Въ составъ этой коммиссіи входятъ съ 1894 года два члена приходскаго совѣта (Parish Council) того прихода, въ которомъ находятся эти земли. Этимъ вносится вліяніе демократическихъ элементовъ, которые получили такую силу въ приходскихъ совѣтахъ съ закона 5 марта 1894 года

[2]) Можетъ случиться, что арендаторъ какого-либо мелкаго участка хочетъ купить его, но у него не хватаетъ денегъ. County Council можетъ ссудить ему $^4/_5$ покупной цѣны и затѣмъ такой случай подлежитъ общему регулированію Small Holdings Act.

Council можетъ произвести нужныя меліораціи. построить зданія, домъ и т. д., если сочтетъ это цѣлесообразнымъ.

Предоставляя, такимъ образомъ, рядъ льготъ покупщику, законъ налагаетъ и весьма существенныя ограниченія на свободу пользованія этимъ участкомъ. § 9 закона опредѣляетъ: „Каждое мелкое хозяйство, купленное при помощи совѣта графства. должно втеченіе 20 лѣтъ со времени покупки и сверхъ 20 лѣтъ пока часть покупныхъ денегъ остается неуплаченной, соблюдать слѣдующія условія:

a) Періодическія уплаты покупной суммы должны производится исправно.

b) Хозяйство не должно быть дѣлимо, подраздѣляемо, сдаваемо или пересдаваемо безъ согласія County Council.

c) Участокъ долженъ воздѣлывается собственникомъ или арендаторомъ, и не долженъ получать иного назначенія, кромѣ какъ земледѣльческаго.

d) Не должно быть построено болѣе одного жилого дома на землѣ

e) Каждый жилой домъ, построенный на этой зомлѣ, долженъ удовлетворять тѣмъ требованіямъ, которыя можетъ предъявить совѣтъ графства въ интересахъ сохраненія здоровья и во избѣжаніе переполненія.

f) Домъ или строенія на этой землѣ не должны быть употребляемы для продажи спиртныхъ напитковъ.

g) Въ извѣстныхъ случаяхъ совѣтъ можетъ не разрѣшать постройки жилого дома“.

Въ случаяхъ несоблюденія этихъ условій, совѣтъ можетъ возбудить вопросъ о продажѣ имѣнія съ публичнаго торга, равно какъ и въ случаѣ смерти собственника, если послѣ нея имѣніе должно быть раздѣлено между нѣсколькими наслѣдниками, которые получаютъ въ такомъ случаѣ пропорціональныя части покупной суммы. Совѣтъ имѣетъ право лишь въ особыхъ случаяхъ освобождать собственника отъ этихъ обременительныхъ ограниченій. Даже и по истеченіи 20 лѣтъ, если собственникъ хочетъ продать имѣніе, то право преимущественной покупки принадлежитъ совѣту графства, затѣмъ лицамъ, прежде владѣвшимъ этой землей, и, наконецъ, сосѣдямъ [1]).

[1]) Кромѣ оффиціальнаго изданія, законъ 1892 года съ комментаріемъ изложенъ въ брошюрѣ *Theodor Dodd.* The Small Holdings Act 1892, with

Всѣ эти ограниченія свободы собственника, напоминающія прусское законодательство о Rentengüter (со всей, впрочемъ, разницей, какую представляетъ демократическое самоуправленіе Англіи и бюрократическій строй Пруссіи), стремятся упрочить крестьянство, хотя, весьма возможно, именно эти мѣры поведутъ къ противоположнымъ результатамъ и ослабятъ благодѣтельное дѣйствіе закона.[1]) Но рядомъ съ преувеличенной заботливостью о томъ, чтобы удержать крестьянъ на землѣ, законъ этотъ страдаетъ значительной незаконченностью, которая напередъ исключаетъ возможность его широкаго примѣненія: онъ не даетъ County Council права принудительной экспропріаціи земли, котораго безуспѣшно добивалась либеральная оппозиція, въ цѣляхъ устройства мелкихъ хозяйствъ (какъ получили это право въ 1894 году приходскіе совѣты въ цѣляхъ устройства allotments [2]), полевыхъ огородовъ). Эта мѣра явилась бы необходимымъ условіемъ широкаго примѣненія закона 1892 при томъ предположеніи, если сохраняется теперешнее зе-

---

general sketch of the Act, and Forms. London. 1892. Содержаніе акта изложено также у *Maurice Vautier*. Le gouvernement local de l'Angleterre. Paris 1895. Русскій переводъ В. В. Водовозова: Мѣстное самоуправленіе въ Англіи Спб. 1896. Глава III, III (стр. 102—110).

[1]) *Shaw Lefevre* (Agrarian tenures London. 1893, стр. 84) слѣдующимъ образомъ характеризуетъ Small Holdings Act: «эта мѣра, какъ она была принята въ парламентѣ, представляетъ собой интересное смѣшеніе различныхъ противорѣчивыхъ вліяній и политическихъ идей. Онъ стремится въ своей основѣ къ индивидуализму, путемъ умноженія мелкихъ собственниковъ, но вмѣстѣ съ этимъ въ немъ существуетъ опредѣленная тенденція въ сторону націонализаціи земли, такъ какъ онъ подчиняетъ пользованіе ею извѣстнымъ условіямъ и ограниченіямъ въ теченіе 20 лѣтъ и установляетъ на нее постоянныя уплаты ренты, равныя одной пятой процентовъ съ покупной цѣны. Въ другой своей части онъ содержитъ зачатки политики муниципализаціи земли, поручая снятіе земли въ количествѣ до 15 акровъ Совѣту Графствъ; и такъ какъ совѣты имѣютъ полномочіе строить дома и постройки для фермы, практически они окажутся въ положеніи лэндлордовъ по отношенію къ мелкимъ фермерамъ“ и т. д.

[2]) Свѣдущій читатель, конечно, давно уже замѣтилъ, что въ настоящемъ сочиненіи совершенно оставленъ въ сторонѣ вопросъ объ allotments (полевыхъ огородахъ), который игралъ довольно видную роль въ литературѣ, а также и законодательствѣ. Представляя собою лишь деталь въ исторіи сельскохозяйственныхъ рабочихъ, этотъ вопросъ не внесъ бы новыхъ точекъ зрѣнія, между тѣмъ его изложеніе потребовало бы много отвлекающихъ подробностей, почему мы и рѣшились совсѣмъ обойти его молчаніемъ

мельное законодательство. Мы знаемъ уже, что въ Англіи держатся совершенно средневѣковыя нормы земельнаго права и процесса, фактически дѣлающія землю res extra commercium или, по крайней мѣрѣ, страшно ограничивающія предложеніе земли, связывая ея мобилизацію. Всякія серьезныя мѣры демократизаціи землевладѣнія должны начать съ радикальной, даже революціонной ломки старыхъ порядковъ землевладѣнія (за которые держится, къ слову сказать, и вмѣстѣ съ которыми должна погибнуть и палата лордовъ). Ни одинъ пророкъ не скажетъ, въ какой мѣрѣ англійскій народъ окажется способенъ къ такой ломкѣ; въ зависимости отъ этого будущее можетъ принадлежать хозяйству собственниковъ, или арендаторовъ, или же смѣшанному типу. Но законъ 1892 года проявилъ во всякомъ случаѣ большую деликатность къ интересамъ крупнаго землевладѣнія, которое пока еще крѣпко держится въ своей позиціи.

Двухъ пунктовъ должна коснуться реформа англійскаго земельнаго права: процесса и положительнаго права (обычнаго и писаннаго). Сложность юридическихъ формальностей при переходѣ земли, подающая поводъ къ безчисленнымъ и безконечнымъ процессамъ, вошла въ пословицу. Очевидно, здѣсь необходимо введеніе гипотечныхъ книгъ, которыя отвѣчали бы всѣмъ требованіямъ современной юридической техники [1]).

Въ области положительнаго права главнымъ зломъ является законъ первородства (law of primogeniture) и обычай энтайлиро-

[1]) „Рынокъ можетъ быть переполненъ землей, но до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать теперешняя система доказательства права собственности, взысканія долговъ и полученія передаточной записи, покупатели изъ класса крестьянскихъ собственниковъ не могутъ и не будутъ увеличиваться въ числѣ. The Settled Land Act 1882 далъ пожизненнымъ арендаторамъ право продавать землю, но онъ не могъ сдѣлать землю дѣйствительно продажной. Затрудненіе не въ томъ, какъ увеличить количество земли для продажи, но какъ удвоить число покупщиковъ. На рынкѣ существуетъ много земли, но мало покупателей, потому что, помимо другихъ причинъ, земля есть неподходящій объектъ для собственности, неудобный для распоряженія имъ, и потому доступный только для богатыхъ. Результатомъ этой системы является то, что большинство лицъ въ этой странѣ не имѣютъ симпатіи къ пріобрѣтенію собственности на земли". (Prothero, l. c., 184). Слова о переполненіи продажною землею рынка—явное преувеличеніе. Для характеристики англійскаго земельнаго права вообще см. работу *Pollock*, The english Land Laws, есть и нѣмецкій переводъ.

ванія имѣній (entails). Первый вступаетъ въ силу въ томъ случаѣ, если не было сдѣлано завѣщанія (law of intestacy): имѣніе переходитъ по закону въ нераздробленномъ видѣ къ старшему сыну. Какъ справедливо замѣчаетъ Бродрикъ, «сказать, что первородство имѣетъ прямую тенденцію противодѣйствовать раздробленію имѣній, значитъ только сказать, что оно выполняетъ то назначеніе, для котораго существуетъ. Едва ли менѣе очевидно, что оно должно имѣть дальнѣйшимъ результатомъ облегченіе накопленія земли въ небольшомъ и постоянно уменьшающемся числѣ рукъ“ [1]).

Подъ энтайлированіемъ имѣнія разумѣется право завѣщателя распоряжаться въ завѣщаніи (Settlement) землей не только относительно непосредственнаго наслѣдника, но и ряда послѣдующихъ, включая неродившагося, но имѣющаго родиться, наслѣдника мужского пола, который съ наступленіемъ 21 года и является полновластнымъ господиномъ имѣнія и можетъ уничтожить entail, съ согласія однако «протектора» завѣщанія. Въ завѣщаніи можетъ быть запрещена продажа имѣнія (а также и отчужденіе его за долги) или уменьшеніе его, равнымъ образомъ обремененіе ипотечнымъ долгомъ безъ согласія всѣхъ остальныхъ, поименованныхъ въ завѣщаніи, наслѣдниковъ (life-tenant). Въ завѣщаніи можетъ также быть указанъ особенный способъ пользованія имѣніемъ. Поименованные въ завѣщаніи наслѣдники не являются такимъ образомъ собственниками земли, а лишь пожизненными ея пользователями, life-tenants. Shaw Lefevre [2]) считаетъ, что этотъ обычай и право энтайлированія участковъ существуетъ уже болѣе 200 лѣтъ, причемъ около $^3/_4$ земельной собственности страны связаны такимъ способомъ. Обыкновенно съ наступленіемъ 21 года entail снимается съ тѣмъ, чтобы быть снова тотчасъ же возобновленнымъ: для послѣдняго наслѣдника это представляетъ матеріальный интересъ, потому что тогда онъ немедленно вступаетъ въ число life-tenants и получаетъ свою долю въ доходахъ имѣнія. «Періодическое возобновленіе энтайлей имѣетъ цѣлью оградить наслѣдственную собственность отъ риска быть раздробленной; и она дѣйствительно рѣдко попадаетъ на рынокъ, кромѣ какъ въ результатѣ скандальныхъ растратъ или проигрыша со стороны пожизненныхъ пользователей. Типичное англійское фамильное

[1]) *Brodrick.* The Law and Custom of Primogeniture, 109. (Также *его же:* English land and english landlords. 1881, куда вошла и эта статья).

[2]) *Shaw Lefevre.* English and Irish Land Questions. 1881. Стр. 39.

имѣніе ни увеличивается, ни уменьшается въ теченіе ряда поколѣній, и такихъ имѣній особенно много въ графствахъ, удаленныхъ отъ Лондона“ [1]).

Средневѣковаго характера земельной собственности въ Англіи не поколебало вѣковое развитіе капитализма; специфическій консерватизмъ земельныхъ отношеній, поддерживаемый сословными предразсудками и привиллегіями, устоялъ противъ величайшаго переворота, который принесъ съ собою во всѣхъ областяхъ жизни XIX вѣкъ. Само собою разумѣется, что система эта ни въ комъ не встрѣчаетъ сочувствія и осуждается наукой еще со времени Дж. Ст. Милля [2]). Отмѣна ограниченій свободы обращенія земельной собственности на рынкѣ преслѣдуется также Free Land League, считающей среди своихъ членовъ (въ началѣ 90 годовъ) около 100 членовъ обоихъ палатъ парламента. (Цѣли этой лиги понятны изъ ея названія). Значеніе этихъ ограниченій, искусственно поддерживающихъ концентрацію земельной собственности, для развитія мелкихъ хозяйствъ слишкомъ очевидно. Съ особенной энергіей оно было указано предъ коммиссіей о мелкихъ хозяйствахъ президентомъ Free Land League, членомъ парламента Арнольдомъ, который заявилъ, что «скопленіе земли въ крупныхъ имѣніяхъ есть главное препятствіе къ созданію мелкихъ хозяйствъ, каковое скопленіе поддерживается и поощряется практикой primogeniture и settlements» (Minutes of evidence, qu. 195).

Намъ неизвѣстно, чтобы законъ 1892 года имѣлъ какіе-нибудь существенные практическіе результаты, да и трудно было

[1]) *Brodrick.* English Land and English Landlords, 129.

[2]) Милль писалъ въ „Principles of political economy“, что „уничтоженіе энтайлей, удешевленіе передачи собственности, словомъ все, что усиливаетъ естественную тенденцію земли къ свободѣ, къ переходу изъ рукъ тѣхъ, которые мало пользуются ею, въ руки тѣхъ, которые могутъ болѣе пользоваться ею... (вмѣстѣ съ урегулированіемъ арендныхъ отношеній)... были бы столь же важными средствами улучшенія производства, какъ изобрѣтеніе самопрялки и паровой машины“ (I, 233). Литература противъ существующей системы и въ пользу свободы земли довольно обширна. Много работаетъ въ этомъ направленіи своими изданіями Cobden Club. Кромѣ цитированныхъ ср. еще изъ старыхъ *W. Fowler.* Thoughts on free trade in land. London. 1869. *Arnold.* Free Land. 1881. *A. Wilson.* Reciprocity, bimetallism and land-tenure reform. London 1880 (стр. 245 сл.). *Ioseph Kay.* Free Trade in Land. London. 1879. (Посмертное изданіе съ предисловіемъ Дж. Брайта). *Kinnear.* Principles of property in land. London. 1880. Ср. также Нассе и др.

ожидать ихъ. Онъ имѣетъ скорѣе симптоматическое значеніе, характеризуя общественное настроеніе и предваряя будущее, но опережая настоящее. Не забудемъ, что вслѣдъ за выходомъ этого закона наступилъ такой жестокій кризисъ 1894—1896 гг., которому подобнаго не было въ XIX вѣкѣ. Послѣдующіе годы, если и не дали такого остраго кризиса, то во всякомъ случаѣ были — и до сегодня—временемъ неослабной депрессіи. Очевидно, пока продолжается такой кризисъ, для англійскаго земледѣлія немыслимо возрожденіе, ни въ формѣ крупнаго, ни въ формѣ мелкаго хозяйства. Этимъ и объясняется (помимо частныхъ недостатковъ) неуспѣхъ Small Holdings Act 1892. Онъ могъ, конечно, содѣйствовать созданію мелкихъ хозяйствъ, но при непремѣнномъ условіи общаго подъема англійскаго земледѣлія. Вызвать такой подъемъ, очевидно, законъ этотъ безсиленъ. Потому дѣйствіе этого закона можетъ принадлежать только будущему, тому туманному будущему, котораго пока нѣтъ еще и намека въ настоящемъ и наступленіе котораго необходимо предположить какъ заключеніе изъ двухъ несомнѣнныхъ посылокъ,—роста собственнаго населенія экспортирующихъ хлѣбъ странъ и ограниченности ихъ земледѣльческой территоріи.[1]) По этимъ двумъ причинамъ аграрный кризисъ, очевидно, долженъ рано или поздно прекратиться, а теперешнее паденіе цѣнъ на земледѣльческіе продукты должно

---

[1]) „Въ общемъ существуетъ достаточное основаніе, по моему мнѣнію, смотрѣть съ надеждой на будущее земледѣльческой конкурренціи. Одинъ крупный фактъ безспорно говоритъ въ пользу производителей пищи: именно, тогда какъ количество народа, который долженъ быть прокормленъ, растетъ постоянно въ числѣ, площадь земли, на которой пища можетъ производиться, представляется ограниченной. Справедливо, что воздѣлываемая площадь возрастаетъ и будетъ возрастать при слѣдующихъ поколѣніяхъ; но мы пришли къ тому времени, когда трудность открыть новыя страны значительно больше чѣмъ она была 20 лѣтъ назадъ. Умѣренный поясъ почти весь заселенъ, между тѣмъ какъ производство обыкновенныхъ продуктовъ пищи въ подропическихъ или полярныхъ областяхъ сопряжена съ большими трудностями. Система хозяйства будетъ, конечно, улучшаться, въ особенности во вновь заселенныхъ странахъ, гдѣ существуетъ обширное поле для улучшеній; слѣдовательно, производство пищи на данной площади будетъ увеличиваться. Но продуктъ будетъ получаться съ большими издержками, такъ что нужное увеличеніе продукта будетъ получаться только при условіи поднятія цѣнъ“. (*W. Bear.* The Future of Agricultural Competition въ Journal of the Royal Agricultural Society, 1891, стр. 770—1).

когда-нибудь смѣниться противоположной тенденціей. Здѣсь мы можемъ ограничиться этими общими замѣчаніями, отлагая обсужденіе вопроса до заключительной главы. Очевидно однако, что широкое развитіе мелкихъ крестьянскихъ хозяйствъ въ Англіи мыслимо только съ прекращеніемъ теперешняго аграрнаго кризиса или, по крайней мѣрѣ, съ началомъ этого прекращенія.

Но, возникаетъ естественный вопросъ, имѣютъ-ли вообще какое либо будущее мелкія крестьянскія хозяйства, не осуждены ли уже они исторіей? Намъ не кажется, чтобы исторія Англіи давала достаточныя основанія для этого приговора. Исторія уничтоженія крестьянскихъ хозяйствъ говоритъ, что они погибли жертвой легализированнаго и нелегализированнаго насилія. Положеніе уцѣлѣвшихъ было настолько исключительнымъ, въ виду значительнаго спроса на землю и ограниченности ея предложенія, что уменьшеніе ихъ въ дальнѣйшія эпохи является фактомъ индифферентнымъ для какого-нибудь общаго сужденія объ ихъ хозяйственной жизнеспособности. Наконецъ, жестокое разореніе хозяйствъ, сохранившихся до эпохи аграрнаго кризиса, говоритъ только о томъ, что мелкіе производители въ подобныхъ случаяхъ погибаютъ скорѣе, нежели крупные,—не болѣе. Сдѣлать отсюда какое-либо заключеніе объ ихъ общей экономической жизнеспособности совершенно невозможно, ибо въ эту эпоху оказалось несостоятельно все англійское земледѣліе. Мы считаемъ, поэтому, возможнымъ ссылку на гибель мелкихъ хозяйствъ въ эпоху кризиса въ качествѣ аргумента противъ возможности ихъ будущаго развитія, выражаясь юридически, отвести.

Напротивъ, является наиболѣе вѣроятнымъ—очевидно, здѣсь можетъ идти рѣчь только о вѣроятности — что, когда пробьетъ часъ возрожденія англійскаго земледѣлія, то возрожденіе это совершится именно въ формѣ возсозданія крестьянства. Съ того момента, когда Англія принуждена будетъ обратиться къ своей землѣ, какъ источнику средствъ существованія, теперешняя „тяга въ городъ“ должна смѣниться противоположнымъ теченіемъ, „тягой въ деревню“. Весьма сомнительно, чтобы городской рабочій добровольно промѣнялъ свое положеніе на положеніе сельскохозяйственнаго рабочаго, если не будетъ надѣяться встрѣтить тамъ, по крайней мѣрѣ, равныхъ условій что и въ городѣ. Иначе его можетъ погнать туда только нужда и безработица. Подобное общественное бѣдствіе, конечно, возможно, но, вѣроятнѣе, разви-

той городской рабочій сумѣетъ предотвратить его эмиграціей, замедленіемъ прироста населенія и т. д. Въ благопріятномъ случаѣ онъ пойдетъ въ ходжи только за равную или высшую плату. Едва-ли земледѣліе при такомъ условіи составитъ привлекательную сферу для приложенія капитала: оплачивать требовательному городскому рабочему полностью годовой рабочій день, въ земледѣліи пористый и прерывистый, слишкомъ невыгодно, если, конечно, не присоединяется при этомъ какое нибудь сельскохозяйственное производство. Капиталъ займетъ только тѣ позиціи, гдѣ онъ можетъ платить безъ убытка полную заработную плату, и едва-ли такихъ случаевъ будетъ большинство [1]).

Но за то перспектива собственнаго хозяйства, столь привлекательная для многихъ рабочихъ теперь, будетъ болѣе надежнымъ, да и почти единственно возможнымъ средствомъ возвратить населеніе на землю. Если возрожденіе земледѣлія явится *государственной необходимостью*, то, вѣроятно, та же необходимость понудитъ государство принять болѣе рѣшительныя мѣры для созданія крестьянства, изъ орудія экспропріаціи оно обратится въ орудіе возвращенія земли трудящимся классамъ. Возможно, что государство будетъ подвинуто къ этому и популяціонистическими соображеніями. Извѣстно, что городское населеніе въ значительной степени питается сельскимъ. Про Англію можно сказать это въ меньшей степени, чѣмъ про другія государства, но и въ ней городское населеніе пополняется постоянно сельскимъ. Деревенское населеніе Англіи грозитъ изсякнуть, цѣликомъ переселившись въ нездоровые городскіе центры. Нація въ цѣломъ подвергается при этомъ опасности, если не полнаго физическаго вырожденія, то во всякомъ случаѣ пониженія типа. Созданіе достаточнаго крестьянскаго населенія явится могучимъ средствомъ физическаго оздоровленія расы [2]) [3]).

---

[1]) По отзывамъ нѣкоторыхъ коммиссіонеровъ, городской рабочій прямо таки не годится для сельскохозяйственныхъ работъ. Слѣдовательно, трудъ будетъ, сверхъ всего, по крайней мѣрѣ, первое время и низкаго качества.

[2]) Karl Ballod неопровержимо доказалъ детальнымъ статистическимъ анализомъ, что условія городской жизни до сихъ поръ остаются менѣе благопріятны для продолжительности жизни населенія, чѣмъ сельской. См. его „Lebensfähigkeit ländlicher und städtischer Bevölkerung. Leipzig. 1897. *Его же.* Die mittlere Lebensdauer in Stadt und Land. Leipzig. 1899. Въ послѣднемъ сочиненіи относительно Англіи читаемъ: „въ Англіи средняя продолжительность жизни не только не увеличилась, но даже нѣсколько

Пишущій эти строки всего менѣе склоненъ къ прорицаніямъ относительно такого будущаго, куда не хватаетъ историческое зрѣніе, въ особенности въ нашъ разочарованный въ предсказаніяхъ вѣкъ. Предсказаніе, сдѣланное въ предыдущихъ строкахъ, есть не болѣе какъ выраженіе вѣроятности, съ наибольшимъ основаніемъ вытекающей изъ прошлаго, но не включающей новыхъ факторовъ будущаго. Между тѣмъ будущее ни одной страны въ Европѣ не представляется столь неяснымъ и загадочнымъ, какъ Англіи. Эта загадочность открываетъ широкую дорогу предсказаніямъ и догадкамъ, которыя однако силою вещей лишены серьезнаго основанія [1]).

Отъ будущаго возвратимся еще разъ къ прошлому и, на-

уменьшилась, и эта перемѣна начинается именно съ 27-лѣтняго возраста. И все это несмотря на замѣтно улучшившіяся за послѣднія 50 лѣтъ жизненныя условія, несмотря на всѣ санитарныя улучшенія. Очевидно, что все, пріобрѣтенное въ этой области, пошло на пользу болѣе молодымъ классамъ населенія“ (26). „Въ таблицѣ смертности по профессіямъ 1890—92 г. бросается въ глаза огромная разница въ смертности сельскохозяйственнаго населенія сравнительно съ промышленнымъ... Главнымъ образомъ благодаря прогрессирующей индустріализаціи въ Англіи произошло небольшое увеличеніе въ общей смертности взрослаго мужскаго населенія“ (29). *H. Cox* приводитъ слѣдующія данныя: на 10,000 въ Англіи и Уэльсѣ умирало въ 1888 году: въ городѣ 190, въ деревнѣ 166 человѣкъ, въ 1889—193 и 164, въ 1890—209 и 174 (Land Nationalisation, 135).

[3]) Возможно, что ростъ шовинизма, способный вызвать введеніе обязательной проскрипціи въ Англіи, будетъ однимъ изъ факторовъ, склоняющихъ общественное мнѣніе въ пользу крестьянства, которое считается многими наилучшимъ источникомъ военной силы. Этотъ аргументъ весьма популяренъ въ Пруссіи.

[1]) Само собой разумѣется, что будущее развитіе крестьянства въ Англіи сопровождается, въ нашихъ глазахъ, широкимъ развитіемъ крестьянскихъ кооперацій, для которыхъ свободныя учрежденія Англіи даютъ такъ много простора. Но что касается *кооперативной формы земледѣльческаго предпріятія*, то въ этомъ отношеніи соціальное творчество XIX вѣка въ Англіи (да и не въ одной Англіи) равно нулю (если не считать отдѣльныхъ экспериментовъ). Не находя возможнымъ сочинять изъ головы по апріорному рецепту эти новыя формы, которыя могутъ быть лишь выработаны жизнью, мы не имѣемъ логическаго права вводить ихъ въ картину будущаго, поскольку она рисуется по даннымъ прошлаго и настоящаго, слѣдовательно, поскольку мы можемъ судить о ней. О кооперації въ англійскомъ земледѣліи вообще см. Prof. *James Long*. Cooperation as applied to Agriculture въ Cooperative Wholesale Societies Annual 1899. *G. Hines*. Cooperation in its Application to Agriculture (Annual 1887). *Bolton King* Cooperative Agriculture (Annual 1885) и др.

помнивъ основные его моменты, дадимъ схематическую картину всего хода развитія земледѣлія въ Англіи въ *XIX* вѣкѣ.

Происхожденіе крупнаго капиталистическаго земледѣлія въ Англіи было плодомъ экспропріаціи непосредственныхъ производителей, начало которой относится еще къ *XVI* вѣку, а усиленіе къ концу *XVIII* и первой половинѣ *XIX*. Эта экспропріація положила начало капиталистическому земледѣлію въ двухъ смыслахъ: съ одной стороны, выбросивъ массы пролетаризированнаго населенія въ города, она снабдила готовымъ контингентомъ рабочихъ рукъ развивающуюся промышленность и тѣмъ создала для себя рынокъ; съ другой, она обезпечила обильное предложеніе наемныхъ рабочихъ рукъ въ той части пролетаризированнаго населенія, которая осталась въ деревнѣ и которая, отчасти благодаря быстротѣ размноженія, а отчасти широкимъ размѣрамъ экспропріаціи превышала спросъ на рабочія руки. Подъ вліяніемъ растущаго рынка земледѣліе быстро развивается и земледѣльческій доходъ ростетъ. Съ внѣшней стороны первая половина XIX вѣка была эпохой аграрнаго протекціонизма, осложненная, кромѣ того, рядомъ войнъ и кризисовъ. Наиболѣе выгодна была эта эпоха для лэндлордовъ, которые старались увеличить свою ренту— и отчасти успѣвали въ этомъ—на счетъ фермера, въ свою очередь стремившагося вознаградить себя на счетъ рабочаго. Для рабочаго эта эпоха была порой такой нищеты, позора и униженія, которая едва-ли имѣетъ себѣ равную въ исторіи XIX вѣка; аграрное перенаселеніе, обезсиливавшее сопротивленіе рабочаго, составляло источникъ благополучія для фермера,— именно, возможность пониженія заработной платы; положеніе рабочаго становилось еще тяжеле благодаря борьбѣ фермера и лэндлорда, результатомъ которой явились законы о бѣдныхъ до 1834 года. Третья четверть XIX вѣка была золотымъ временемъ англійскаго земледѣлія. Растущій рынокъ, отсутствіе рѣдкихъ колебаній, благопріятныя войны и т. д. повышали производительность земледѣлія, которому въ это время оказываетъ наибольшую помощь наука. Въ эту эпоху одинаково благополучны были и фермеръ и лэндлордъ. Положеніе сельскохозяйственнаго рабочаго было почти по прежнему безотрадно; наличность аграрнаго перенаселенія въ связи съ эксплуатаціей женскаго и дѣтскаго труда все еще давала тягостно себя чувствовать для рабочихъ. Въ это время все усиливалась зависимость Англіи отъ внѣшнихъ рынковъ и внѣшней торговли и

увеличивалась та часть населенія, которая существовала чужимъ хлѣбомъ. Пока издержки транспорта были высоки, а хлѣбный экспортъ направлялся изъ странъ, сравнительно густо населенныхъ, конкурренція ихъ была особенно чуствительна, но съ развитіемъ средствъ сообщенія и выступленія новыхъ странъ начинается паденіе цѣнъ. Высококультурное земледѣліе Англіи все болѣе и болѣе начинаетъ уступать разрушительному дѣйствію конкурренціи, которая уничтожаетъ значительную часть земельной ренты и фермерской прибыли, а вмѣстѣ понижаетъ уровень англійскаго земледѣлія до послѣдней степени. Въ то же время переселеніе рабочихъ въ города совершается все въ большихъ размѣрахъ; крупное хозяйство дѣйствуетъ какъ помпа, накачивающая рабочую силу въ города, причемъ резервуаромъ является аграрное перенаселеніе. Къ разсматриваемой эпохѣ резервуаръ этотъ болѣе или менѣе исчерпывается, и для рабочихъ является возможность улучшить свое положеніе. Вмѣстѣ съ разрушеніемъ англійскаго земледѣлія поднимается заработная плата сельскохозяйственныхъ рабочихъ: одна и таже сила,—развитіе промышленности, уничтожая земледѣліе, поднимаетъ положеніе рабочихъ. Такимъ образомъ, интересы рабочихъ и капиталистическаго земледѣлія оказываются противоположны въ томъ смыслѣ, что время процвѣтанія послѣдняго является временемъ страданій рабочихъ, зло аграрнаго перенаселенія является высшимъ благомъ для капиталистическаго земледѣлія, и благосостояніе рабочаго, устраненіе этого перенаселенія, обусловлено причинами, лежащими внѣ земледѣлія или ему враждебными. Крупное капиталистическое земледѣліе по экономическимъ своимъ свойствамъ заинтересовано въ возможномъ удешевленіи рабочей силы, заинтересовано поэтому въ аграрномъ перенаселеніи и, само по себѣ, не можетъ дать рабочему ничего, кромѣ униженія и бѣдности [1]).

Описанный циклъ развитія, конечно, возможенъ былъ лишь при извѣстномъ состояніи мірового рынка, въ извѣстную эпоху

[1]) Не даромъ столь объективный, осторожный и серьезный изслѣдователь, какъ проф. Гасбахъ, послѣ всесторонняго изученія исторіи сельскохозяйственныхъ рабочихъ не поколебался произнести приговоръ, что „крупное хозяйство въ земледѣліи не совмѣстимо съ крѣпкимъ, здоровымъ, обладающимъ покупательной силой населеніемъ“ (Der landwirtschaftliche Grossbetrieb ist mit einer starken, gesunden, kaufkräftigen ländlichen Bevölkerung unverträglich) (l. c. 380).

развитія мірового капитализма; еслибы не было опредѣленнаго состоянія мірового рынка, то судьбы Англіи и англійскаго земледѣлія были бы, конечно, другія, и, очевидно, онѣ не повторялись и не повторятся въ исторіи другой страны. Своими основными чертами англійское развитіе есть явленіе sui generis, не составляющее нормальнаго, т. е. общаго типа развитія. Въ этомъ пунктѣ эволюція англійскаго земледѣлія входитъ какъ часть во всемірно-историческое развитіе капитализма.

Конечнымъ итогомъ развитія англійскаго земледѣлія въ XIX вѣкѣ является стремленіе—и въ обществѣ, и законодательствѣ, и литературѣ—возстановить то, разрушеніемъ чего началась его исторія,—крестьянское хозяйство; въ этомъ заключается, косвеннымъ образомъ, осужденіе пройденнаго пути, приговоръ надъ капиталистической организаціей земледѣлія, съ которымъ согласуется и обвинительный вердиктъ исторіи.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВАГО ТОМА.

ВВЕДЕНІЕ.

Общія условія земледѣльческаго производства.

Стр.

Глава I. Основные факторы земледѣльческаго производства . . . . . 1—74

1) *Земля. Законъ убывающаго плодородія почвы.* Общая роль природы въ земледѣльческомъ производствѣ 1—3. Исторія ученія о law of diminishing returns: Тюрго 3—5. Андерсонъ, Смитъ, Мальтусъ 5—6. Вэстъ, англійскіе экономисты, Маршаллъ 7—8. Паттенъ, фонъ-Тюненъ 8—10. Техническая и экономическая сторона вопроса объ убывающемъ плодородіи почвы 11—12. Воззрѣнія Либиха 13—15. Формулировка закона убывающаго плодородія почвы 16—17. Соціальноэкономическое и культурно-историческое значеніе закона убывающей производительности почвы 18—21. 2) *Трудъ.* Несовпаденіе рабочаго періода и времени производства въ земледѣліи 21—22. Неравномѣрное распредѣленіе потребности въ рабочей силѣ въ разныя времена года въ земледѣліи 22—23. Отсутствіе выгодъ кооперації въ земледѣліи 24—26. Ограниченная возможность раздѣленія труда въ земледѣліи 27. Мнѣніе Смита 28. Измѣненіе количества труда, нужнаго въ земледѣліи, съ развитіемъ производста 29—31. Данныя Фюлинга, Зеттегаста, Бензинга 31—32. Экономія высокой заработной платы въ промышленности и низкой въ земледѣліи 33—35. Трудность организаціи сельскохозяйственныхъ рабочихъ 36—38. 3) *Орудія земледѣльческаго производства. Сравненіе крупнаго и мелкаго производства.* Ученіе Маркса о машинномъ производствѣ 39—41.

Стр.

Условія широкаго приложенія машинъ 42. Ограниченная роль машинъ въ земледѣліи 43—45. Техническія особенности машиннаго производства въ земледѣліи 46—47. Общее заключеніе о сельскохозяйственныхъ машинахъ 48. Измѣненіе въ степени участія машинъ въ земледѣльческомъ производствѣ 48—50. Вытѣсняетъ ли машина ручной трудъ въ земледѣліи? 50—52. Классификація системъ хозяйства 53. Характеристика продукта крупнаго производства въ промышленности 54—5. Характеристика земледѣльческаго продукта: его однородность и дробимость 55—6. Сравненіе крупнаго и мелкаго производства 57—8. Особенные случаи господства крупнаго или мелкаго производства въ земледѣліи 59—60 Измѣненіе крайнихъ предѣловъ,—maximum'a и minimum'a сельскохозяйственнаго предпріятія 61—2. Лучшая форма хозяйства—самая богатая капиталомъ 63 Понятіе производительности земледѣлія и условія ея развитія 64—5. Разнообразіе хозяйства и спеціализація 66—7. Условія развитія производительности земледѣлія 68—70. Несамостоятельное развитіе земледѣльческой техники 70—72. Общая характеристика развитія земледѣлія въ XIX вѣкѣ 72—3. Несамостоятельный характеръ развитія земледѣлія 73—4.

Глава II. Экономическія особенности земледѣлія (цѣна хлѣба, поземельная рента, цѣна земли) . . . 74—171

1) *Англійская рента.* Характеръ экономическихъ категорій 75—7. Отношенія свободной конкурренціи: цѣнность и капиталъ 78—79. Отношенія монополіи: земледѣліе 79—80. Противорѣчивость различій въ условіяхъ производства земледѣльческихъ продуктовъ 81. Понятіе наименѣе благопріятныхъ условій производства 82. Мѣсто закона спроса и предложенія при объясненіи экономическихъ явленій 83. Опредѣленіе цѣны хлѣба 84—85. Рента дифференціальная и абсолютная 86—7. Формальное опредѣленіе ренты 87—8. Цѣна хлѣба и рента 89. Рента и законъ убывающаго плодородія почвы 90. Цѣнность ли рента 91—2. Вопросъ этотъ у Рикардо 93—у Маркса 94—96. Вопросъ о прибыли земледѣльческаго капитала 97—100. Воззрѣніе Маркса на вопросъ 100—107. Родбертуса 107—111. Природа ренты 112 — 115. Соціальное значеніе ренты 115—118. Рента и профитъ 118. Вопросъ о націонализаціи

Стр.

земли 119—20. Отдѣльные случаи англійской ренты 120—123. 2) *Рента въ помѣщичьемъ хозяйствѣ.* Отличіе помѣщичьяго хозяйства отъ англійской системы 123—4. Характеристика помѣщичьей ренты 125—6. Раціональность помѣщичьяго хозяйства 127—9. Цѣна хлѣба при англійской системѣ и въ помѣщичьемъ хозяйствѣ 130—1. Земельный капиталъ 131—2. Измѣненія ренты 132—3. Цѣна земли 133—4 Вопросъ о природѣ ренты 135. Сравнительное соціальное значеніе англійской системы и помѣщичьяго хозяйства 136 Задолженность въ помѣщичьемъ хозяйствѣ 137—40. Вопросъ о націонализаціи земли 140—1. 3) *Цѣна хлѣба и земли въ крестьянскомъ хозяйствѣ.* Общая характеристика крестьянскаго хозяйства 141—3. Условія образованія цѣнъ въ крестьянскомъ производствѣ 144—5. Standart of life крестьянина какъ элементъ опредѣленія цѣнъ на хлѣбъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ 146—7. Цѣнность средствъ производства какъ элементъ опредѣленія цѣнъ 148—9. Сравненіе установленія цѣнъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ и прочихъ организаціяхъ земледѣлія 153—4. Вопросъ о прибавочной цѣнности, производимой земледѣльческимъ капиталомъ 155—7. Цѣна земли въ крестьянскомъ хозяйствѣ 158—160. Измѣненія цѣнъ на крестьянскую землю 161—2. Вредъ цѣны земли 162—3. Мелкая аренда 164—66. Промежуточныя формы 166—7. Реальное опредѣленіе цѣнъ земледѣльческихъ продуктовъ 168—70. Понятіе рынка 170—1.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Крупное производство въ земледѣліи.

Глава III. Исторія англійскаго земледѣлія въ XIX вѣкѣ. 172—338

1) *Происхожденіе англійской системы.* Происхожденіе лэндлордизма 172. Огораживанія общинныхъ полей 173—4. Консолидація земельныхъ участковъ 175. Общіе итоги обоихъ процессовъ 176—80. Экономическіе результаты переворота 180—82. Условія прогресса земледѣлія 183—4. Итоги 185—6. 2) *Англійское земледѣліе до эпохи хлѣбныхъ законовъ.* Цыфры и факты 186—7. Измѣненіе земледѣлія подъ вліяніемъ роста цѣнъ 188. Поднятіе земельной ренты 189—190 Кри-

Стр

зись 20-хъ годовъ 191. Кризисъ 30-хъ годовъ 192—5. Общая характеристика земледѣлія въ этотъ періодъ 196—8. 3) *Положеніе сельскохозяйственныхъ рабочихъ въ періодъ хлѣбныхъ законовъ.* Первоначальная экспропріація 199—201. Положеніе сельскихъ рабочихъ въ началѣ XIX вѣка 202—203 Законы о бѣдныхъ и ихъ значеніе для сельскохозяйственныхъ рабочихъ 203—11. Перенаселеніе 211—222. Экономія низкой заработной платы 222—4. Угрожающій ростъ пауперизма и отмѣна старыхъ законовъ о бѣдныхъ 224—226. Рабочія банды 226—229. Судьба рабочихъ послѣ 1834 года 229—31. Трудъ женщинъ и дѣтей 231—234. 4) *Англійское земледѣліе и сельскохозяйственные рабочіе въ эпоху отъ паденія хлѣбныхъ законовъ до начала аграрнаго кризиса.* Переходъ къ свободной торговлѣ 235—236. Интенсивность англійскаго земледѣлія въ этотъ періодъ 237—239. Концентрація хозяйствъ 239—243—земельной собственности 244—5. Характеристика развитія сельскаго хозяйства въ эту эпоху 246—251. Сокращеніе сельскохозяйственныхъ рабочихъ 252—62. Движеніе заработной платы въ этотъ періодъ 262—4. Измѣненія въ положеніи рабочаго класса и организаціи труда 264—7. 5) *Эпоха аграрнаго кризиса.* Основныя причины кризиса 267—69. Статистическая характеристика кризиса 270—74. Изслѣдованія состоянія англійскаго земледѣлія 275—8. Характеръ кризиса въ 80-хъ годахъ по даннымъ Richmond Commission 276—280. Въ 90-хъ годахъ по даннымъ Royal Commission on Agriculture 280—7. Рабочій вопросъ въ новое время 287—94. Улучшеніе положенія труда 294 — 299. Профессіональныя организаціи сельскихъ рабочихъ 299—306. Тенденція хозяйствъ къ раздробленію 307—310. Судьба мелкихъ хозяйствъ до эпохи аграрнаго кризиса 312—314. Судьба мелкихъ собственниковъ въ эпоху кризиса 315—18. Судьба мелкихъ фермеровъ въ эпоху кризиса 319—322. Общее состояніе англійскаго земледѣлія 323—4. Коммиссія и законъ о мелкихъ хозяйствахъ, его критика 325 — 334. Вѣроятное будущее англійскаго земледѣлія 334—36. Общій обзоръ 337—338.

Важнѣйшія изъ замѣченныхъ опечатокъ, искажающія смыслъ:

Страница:	*Сторока·*	*Напечатано·*	*Надо читать:*
5	10 сверху	безсилія	безсиле
33	14 снизу	покучило	получило
94	1 снизу (въ текстѣ)	оставлялъ	составлялъ
120	9 сверху	мысль обращенія справедливости	мысль о справедливости обращенія
142	5 сверху	спеціальнаго	соціальнаго
193	4 сверху	достаточны-ли	достаточными